[illegible]

О ВОЙНЕ

I

196 1960

ф18748

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Зак. 30. Тип. ВУНЦ ВМФ "ВМА". 23.03.2011.

4

II
Б 297

VOM KRIEGE

HINTERLASSENES WERK
DES GENERALS
KARL von KLAUSEWITZ

Zweite Auflage

FERD. DÜMMLERS BUCHHANDLUNG
BERLIN — 1853

II
Б 297

КЛАУЗЕВИЦ

Библиотека
1960
1952 г.

О ВОЙНЕ

Том I

Перевод с немецкого
А. Рачинского

ПРОВЕРЕНО 1948 г.
Ф № 1848
2
Военно-Морская Академия Кораблестроения и Вооружения
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

3-е издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1936

БИБЛИОТЕКА
Военно-морской
академии
им Кузнецова Н. Г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Широкий интерес нашей общественности к теоретическим трудам Клаузевица объясняет выпуск в свет его основной работы «О войне» в настоящем 3-м издании.

«Для меня было вопросом честолюбия, — говорит Клаузевиц об этом своем труде, — написать такую книгу, которую не забыли бы через 2—3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз».

Эта надежда Клаузевица осуществилась полностью: уже больше столетия живет его книга, создавшая автору заслуженную славу глубокого военного теоретика, философа войны.

Клаузевиц был современником великой буржуазной революции. Диктатура якобинцев вдребезги разбила феодальный крепостнический строй во Франции. Созданная революцией новая армия победоносно отстаивала свою страну от натиска реакционной Европы и отважно расчищала своим оружием дорогу для нового социального строя. «Французские революционные войска толпами прогоняли дворян, епископов и мелких князей... Они расчищали почву, точно они были пионерами в девственных лесах...» (Энгельс). Повсюду рушились старые сословные привилегии. Повсюду дыхание революционной бури пробуждало угнетенное и разоренное крестьянство и влачившее жалкое существование бюргерство.

Политические идеи французской революции остались чужды и враждебны прусскому дворянину Клаузевицу. В этом отношении он не возвышался над уровнем своего класса. Карл фон-Клаузевиц — монархист. Вся его практическая военная деятельность прошла на службе европейской реакции. Четырнадцатилетним мальчиком, в 1793 г., Клаузевиц принимает участие в Рейнской кампании против революционной Франции. В 1806 г. он участвует в войне против Наполеона. В 1812 г. Клаузевиц по-

кидает прусскую армию и переходит на службу к Александру I. На русской службе он остается до 1814 г., участвуя в Бородинском сражении, а также в операциях на Нижней Эльбе и в Нидерландах. В 1815 г., вернувшись в прусские войска, Клаузевиц состоит генерал-квартирмейстером корпуса в армии Блюхера и участвует в сражениях при Линьи и Ватерлоо. После июльской революции 1830 г. во Франции Клаузевиц лично разрабатывает план войны против Франции. Политическое лицо Клаузевица характеризуется также тем, что в 1810 г. прусский двор избрал его в качестве преподавателя для наследника престола — кронпринца. Монархические убеждения Клаузевица нашли свое отражение и в его основном труде «О войне».

Но, будучи решительным врагом французской революции, Клаузевиц сумел понять значение вызванного революцией переворота в военном деле.

Вместе со всеми участниками революционных и наполеоновских войн Клаузевиц пережил жестокое крушение всех, считавшихся «неизменными» и «вечными», норм и положений военного искусства XVII и XVIII столетий. На поля сражений против наемных, тщательно вымуштрованных армий реакционных коалиций выступили массовые армии революции. Новая армия крестьян, ремесленников и рабочих, воодушевленная лозунгами революции, нашла новые способы ведения войны, заменившие линейную, строго размеренную тактику, «косые боевые порядки» наемников Фридриха II. Стратегия «кабинетных» войн, похожая на искусное фехтование, сменилась в революционных войнах «плебейской» стратегией полного разгрома противника. А на полях Иены и Ауэрштедта вместе с прусской армией погибли все старые привычные представления о военном искусстве.

Было ясно, что в рамках «чистого» военного искусства, в пределах оперативно-стратегических «вензелей» и построений, нельзя ни объяснить причин поражения гордой прусской армии, ни найти пути для возрождения ее военной мощи. Осенью 1806 г., перед Иенской битвой, Шарнгорст, наблюдая маневрирование французских отрядов, пытался подражать их военным приемам и отбросить фридриховскую тактику, но самое устройство прусской армии, конечно, сделало эти попытки безуспешными.

Принципы французской революции одержали блестящую победу и в военном деле. Признанием их торжества была борьба передовых военных деятелей Пруссии, к числу которых

принадлежал и Клаузевиц, за военную реформу, за всеобщую воинскую повинность на базе ликвидации крепостного права. После Иены Клаузевиц принимал практическое участие в этом преобразовании армии, работая вместе с Шарнгорстом в военном министерстве.

Ветхое здание германской империи под ударами революции рассыпалось впрах. Наполеон перетасовал бесчисленные немецкие государства. Под натиском иноземного завоевателя бесповоротно рухнуло в катастрофе при Иене старое прусское государство.

Отсталая, полуфеодальная Германия в лице ее молодой буржуазии пробуждалась к новой жизни. Но германская буржуазия была слишком слаба для того, чтобы вступить на путь, победоносно пройденный перед тем ее французскими и английскими собратьями. Германия в этот период стояла еще только накануне промышленного переворота, начавшегося в ней лишь в 40-х годах XIX в. В эпоху Клаузевица германский капитализм развивался на базе домашней промышленности. Машинная техника находилась в зачаточном состоянии. Отсталость германского капитализма, выросшего под покровительством помещичьего правительства, определяла слабость германской буржуазии. Она была неспособна к решительной борьбе за новый общественный строй. Но жестокий военный разгром Пруссии в 1806 г. со всей очевидностью показал необходимость буржуазных реформ. Подчиняясь неумолимому давлению обстоятельств, даже прусские помещики поняли, что только освобожденное от крепостных пут крестьянство способно возродить военную мощь Германии. Было ясно, что без некоторых, хотя бы только видимых, поблажек невозможно поднять прусского мужика на борьбу с Наполеоном. Кроме того, юнкерство опасалось, что освобождение крестьянства может в результате новых поражений притти извне, от победителей-французов, или снизу, от крестьянской революции. Горький опыт, вынесенный из ряда позорных поражений, привел к буржуазным реформам Штейна — Гарденберга (начало освобождения крестьян и новое городское устройство) и военным реформам Шарнгорста (переход к коротким срокам службы в армии и всеобщей воинской повинности).

Общественный подъем после катастрофы при Иене охватил всю Германию. С берлинской кафедры Фихте обращался с пла-

менными «речами к германской нации». Генрих Клейст в своих поэмах призывал к борьбе с иноземными завоевателями. Но горячий патриотизм немецкой буржуазии, поднявшей знамя объединения Германии, пошел в конечном счете на службу реакции. Борьба буржуазии за национальное освобождение, за национальное единство эксплоатировалась юнкерством и содействовала восстановлению старого порядка. Двадцатилетняя эра революционных войн завершилась победой реакционной Европы. Из плодов этой победы немецкая буржуазия не могла извлечь ничего. Экономическая слабость не позволила ей встать на революционный путь и толкала ее на примирение с господствующими феодальными сословиями.

Бессилие и оппортунизм немецкой буржуазии нашли свое яркое выражение в германской классической философии. Буржуазия, практически не ставившая перед собой задачи борьбы с существующим строем, жила в мире отвлеченной мысли. Немецкая идеалистическая философия явилась бледным отражением французской революции, перенесенной в царство идей.

Под несомненным влиянием классического немецкого идеализма создавалось учение Клаузевица о войне.

Воспитанный на Канте, Монтескьё и Маккиавелли, прослушавший после Иены философские лекции кантианца Кизеветтера, Карл Клаузевиц работал над своим основным трудом «О войне» в годы (1818—1830), когда над умами Германии безраздельно властвовал Гегель. Непосредственные философские истоки учения Клаузевица приводят к Гегелю: от Гегеля — идеализм Клаузевица, от Гегеля — его диалектический метод.

В учении Клаузевица о войне отразились основные черты идеологии раннего периода капитализма.

Клаузевиц — прежде всего философ. «Я читаю теперь между прочим Клаузевица «О войне», — пишет Энгельс в 1858 г., — своеобразный способ философствовать, но в сущности очень хорошо».

В связи с занятиями по философии изучал Клаузевица в годы империалистической войны В. И. Ленин.

Над своим основным трудом «О войне» Клаузевиц работал в течение последних двенадцати лет своей жизни, будучи директором военной школы (академии) в Берлине. Этот труд Клаузевица был опубликован лишь после его смерти. Работа

Клаузевица осталась незаконченной. Различные части труда разработаны неравномерно. Сказывается местами отсутствие окончательной редакции. Но этот незаконченный труд, который характеризовался автором как «бесформенная груда мыслей», стоит несравненно выше всего, что дала теоретическая мысль старого мира в области анализа войны и военного искусства. Клаузевиц — вершина буржуазной военной теории.

Он решительно отказался в своем исследовании военных вопросов от методов формальной логики и метафизики, которые господствовали и господствуют в буржуазной военной науке. В диалектическом методе, в конкретности и всесторонности анализа, чуждого всякой схематичности, заключается бессмертное значение труда Клаузевица.

Заслуга Клаузевица состоит в том, что он впервые правильно поставил основные проблемы военной теории. Клаузевиц не создает «вечной» стратегической теории, не дает учебника с готовыми догматическими формулами. Задачей стратегии он считает исследование явлений войны и военного искусства. Он пытается вскрыть диалектику войны и выявить основные принципы и объективную закономерность ее процессов.

Клаузевиц много работал над историей. Большая часть его сочинений посвящена критическому разбору войн XVIII столетия. Эта предварительная исследовательская работа и его личный опыт привели Клаузевица к отрицанию «вечных принципов» военного искусства. Он расценивает такие «неизменные правила» как непосредственный источник жестоких поражений, как показатель убожества и косности военной мысли. «Всякая эпоха, — говорит Клаузевиц, — имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также свою собственную теорию, если бы даже повсюду и всегда люди были расположены обрабатывать теории войны на основе философских принципов».

Клаузевиц тщательно и всесторонне исследует изменения характера войны в различные эпохи, рассматривая явления войны и военного искусства в их развитии и движении.

Клаузевиц — диалектик. Он изучает динамику каждого военного явления, вскрывая закономерность его развития и внутреннюю механику его превращений. Через все исследова-

ния Клаузевица красной нитью проходит основная мысль, что война движется и развивается в противоречиях. Все явления военной действительности Клаузевиц рассматривает под углом зрения основного диалектического закона единства и взаимного проникновения противоположностей. Он не противопоставляет оборону наступлению, сокрушение — измору, как это делают до сих пор эпигоны буржуазной военной мысли. Наоборот, в наступлении он не перестает видеть оборону, а в обороне наступление. «Всякое средство обороны ведет к средству наступления. Но они часто так близки, что заметить их можно и не переходя с точки зрения обороны на точку зрения атаки: одно само собой ведет к другому». «Оборона не состоит в безусловном ожидании и отбивании. Она... более или менее проникнута началом наступления. Точно так же и наступление не сплошь однородно, но всегда смешано с обороной». «Наступление на войне будет, в особенности в стратегии, постоянной сменой наступления обороной».

Представитель раннего периода капитализма Клаузевиц был десятью головами выше последышей буржуазной военной мысли, никак не могущих выбраться из трясины метафизики.

Война представляется Клаузевицу «настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу» (т. I, стр. 57). Характеризуя войну как «проявление насилия, применению которого не может быть пределов», он отчетливо видит и такие войны, которые ведутся лишь в помощь переговорам и заключаются только в угрозе противнику.

Диалектически подходит Клаузевиц и к путям, ведущим к победе. Наряду с двумя основными видами — войной, стремящейся к сокрушению противника, и войной, разрешающей задачи местного и частного характера, — он видит ряд промежуточных форм. Для него ясна невозможность догматизировать какие-либо определенные приемы ведения войны, выбор которых должен определяться исключительно конкретной обстановкой. «Смотря по обстоятельствам, — говорит он, — можно пользоваться с успехом различными подходящими средствами, каковы: уничтожение боевых сил противника, завоевание его провинций, простое их занятие, всякое предприятие, влияющее на политические отношения, и, наконец, пассивное выжидание

ударов противника. Выбор каждого из средств зависит от обстановки каждого данного случая».

Клаузевиц ясно устанавливает различие между характером войны в смысле политическом и ее стратегическим характером. «Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называется такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет». Таким образом, политически оборонительная война может быть наступательной в смысле стратегическом, и, наоборот, «можно и на неприятельской земле, — говорит Клаузевиц, — защищать свою собственную страну».

Диалектика Клаузевица ярко развертывается в его отказе от признания за войной самодовлеющего значения. Несмотря на свой идеализм, он видит, что война «есть особое проявление общественных отношений». Клаузевиц не замыкается поэтому в рамках исследования внешних форм стратегии. Центральным местом в учении Клаузевица является мысль о вырастании войны из политики: «война есть не что иное, как п р о д о л ж е н и е г о с у д а р с т в е н н о й п о л и т и к и и н ы м и с р е д с т в а м и» (т. I, стр. 23).

К главе, в которой Клаузевиц особенно подробно рассматривает вопрос о зависимости войны от политики (т. II, часть восьмая, гл. 6), Ленин в своих выписках сделал примечание: «Самая важная глава».

Крупнейшая заслуга Клаузевица заключается в том, что он решительно отверг представления о войне как о самостоятельном, независимом от общественного развития явлении.

«...ни при каких условиях, — пишет Клаузевиц, — мы не должны мыслить войну как н е ч т о с а м о с т о я т е л ь н о е, а как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. В о - в т о р ы х, именно это понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются» (т. I, стр. 56).

Вне политики война невозможна. Всегда в человеческом обществе войны вызывались политическими мотивами. «Война в человеческом обществе — война целых народов и притом народов цивилизованных — всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами», — пишет Клаузевиц.

Клаузевиц рассматривает с этой точки зрения ряд войн в истории и показывает, что их характер целиком определяется политикой, орудием которой они были.

В свете марксизма-ленинизма этот анализ характера войн прошлой истории очень ограничен и беспомощен, так как исходит из идеалистических представлений Клаузевица об обществе и политике. Но насколько он все же опередил своих современников, показывает тот факт, что до сих пор буржуазные военные теоретики не только не пошли дальше в развитии положений, высказанных великим военным мыслителем, но и остались чужды им.

Крупнейшие теоретики буржуазии до сих пор продолжают рассматривать войну как явление, присущее человеческой природе, вечное и неотвратимое, пока существует мир. На этой позиции стоят все многочисленные буржуазные теории о происхождении войн: биологическая, расовая, психологическая и пр. Назначение их явно заключается в том, чтобы доказать угнетенным классам бессмысленность борьбы против войн, ведущихся в интересах капитала.

Клаузевиц, определяя войну как продолжение политики иными средствами, одновременно указывает, что война есть явление особенное, специфическое. «Война есть, — писал он, — определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она ни затрагивала бы, и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа), дело отличное и обособленное».

Касаясь в другом месте этого вопроса, Клаузевиц говорит, что специфическое в войне относится к природе применяемых ею средств. К сфере специфически военной деятельности относится все, что имеет отношение к вооруженным силам, их организации, сохранению, укреплению, использованию. Однако, отмечая специфику войны, Клаузевиц всюду подчеркивает, что война есть часть целого, а это целое — политика.

Для Клаузевица война — только инструмент политики, осо-

бая форма политических отношений. Политика определяет характер войны. Изменения в военном искусстве являются результатом изменения политики. В глазах Клаузевица военное искусство — это политика, «сменившая перо на меч». Поэтому Клаузевиц решительно борется со всеми попытками подчинить политическую точку зрения военной. Он говорит об этих попытках, как о бессмыслице, «так как политика породила войну. Политика — это разум, война же — только орудие, а не наоборот».

В свете марксизма-ленинизма трактовка Клаузевицем войны как общественного явления имеет лишь значение величайшего достижения буржуазной военной науки. Коренной порок его теории состоит в идеалистическом понимании политики. Политика для него — выражение интересов всего общества, концентрированный разум государства. Поняв зависимость войны от политики, от общественных условий, Клаузевиц не сумел пойти дальше этого.

Ограниченность буржуазного кругозора лишала Клаузевица возможности понять движущие силы развития самой политики как исторической формы общественного развития, содержанием которого является классовая борьба. Клаузевиц не видел, что войны порождаются на почве столкновения экономических интересов, на почве классовой борьбы, так как не понимал, что политика — это концентрированная экономика, классовая борьба. И поэтому подлинный характер войн остался для него тайной. Он наивно считал войны «народными», если в них участвовали народные массы, насильственно втянутые в вооруженную борьбу. Он не понимал, что войны Пруссии и других мелких германских государств против Наполеона были народными вовсе не потому, что в них широко участвовали народные массы, в связи с образованием армии на основе всеобщей воинской повинности; они приняли национально-освободительный, «народный» характер лишь тогда, когда началась борьба против диктатуры Наполеона за национальное освобождение и объединение Германии. Но и в этих условиях союзники Пруссии в 1813—1815 гг. — Англия и Россия Александра I — вели реакционную войну.

В мировой войне 1914—1918 гг. участвовали огромные массы рабочих и трудящихся. В войну вовлечено было в тех или иных формах почти все население воюющих стран, и вопреки этому война по своему характеру была, конечно, не народной,

а, наоборот, грабительской, «противонародной», империалистической. Контрреволюционной будет по своему характеру и война империалистических хищников против СССР, тогда как война со стороны пролетарского государства будет войной революционной, справедливой, народной.

Идеалист Клаузевиц не видит классов и классовой борьбы; перед ним всегда — бесформенный «народ».

Изменение общественных отношений и «духа» народа составляет для него необъяснимую тайну. В конечном итоге «дух» становится последней основной пружиной движения и развития общественных отношений и самих войн.

Идеалистическое понимание политики не позволяло этому, поистине глубокому, мыслителю разобраться в подлинном характере войн как в истории, так и в современную ему эпоху.

Устанавливая метод своего исследования, Клаузевиц возводит войну на степень абсолютной. Это абстрактное понятие абсолютной войны противопоставляется ее несовершенному отражению — подлинным историческим войнам. Ярко сказавшееся здесь влияние немецкой идеалистической философии приводит к основному противоречию в учении Клаузевица, ибо теория самораскрытия понятия абсолютной войны явно несовместима с его же основным положением о войне как продолжении политики.

Стратегические взгляды Клаузевица подводят итог тому перевороту в военном деле, который вызвала французская революция. Если по Клаузевицу тактика—это «учение об использовании вооруженных сил в бою», то стратегия — «учение об использовании боев в целях войны». Центральной, решающей задачей полководца Клаузевиц считает организацию генерального сражения, под которым он подразумевает не ординарный бой, каких много на войне, а «... бой главной массы вооруженных сил... с полным напряжением сил за полную победу». Клаузевиц считал, что только великие решительные победы ведут к великим решительным результатам. Отсюда его вывод: «великое решение — только в великом сражении».

Но Клаузевиц знает, что решение стратегических задач вне конкретных условий и задач данной войны — бессмыслица. Это та схоластика, которую ненавидел и против которой боролся Клаузевиц. «Разве, — спрашивает он, — возможно проектиро-

вать план кампании, не учитывая политического состояния и возможностей государства?»

Характер политики определяет и характер войны — таково основное положение Клаузевица. «Природа политической цели имеет фактически решающее влияние на ведение войны» — «когда политика становится более грандиозной и мощной, — пишет военный мыслитель, — то таковой же становится и война».

Но, правильно устанавливая, что политические цели войны определяют стратегическую линию поведения, Клаузевиц не понимал, однако, что характер стратегии обусловливается еще характером вооруженной организации, ее социальной природой, численностью, а также количеством и качеством техники, которой она располагает.

В его трудах отсутствует анализ влияния характера армии на ведение войны. Конечно, он видел разницу между солдатами революции и наемниками, но подлинная сущность армии, ее природа, основы ее дисциплины и боеспособности остались для него тайной.

Клаузевиц уделил в своих работах большое место значению моральных элементов в ведении войны, однако свел все к рассуждениям о военном гении, о доблести армии, о хитрости, твердости, смелости, т. е. к моментам, важным в деле войны, но представляющим собой в отрыве от конкретной действительности пустые абстракции. Наивно звучат, наряду с глубокими мыслями великого теоретика, такие места в его работе: «Воинская доблесть присуща лишь постоянным армиям», или: «Гений полководца в состоянии заменить дух армии тогда, когда возможно держать ее в сборе».

Клаузевиц не понял также всего значения военной техники, непосредственно обусловливающей способ ведения войны. В тех немногих словах, которые обронил Клаузевиц по поводу военной техники, во весь рост виден его идеализм. Не характер вооружения влияет на ведение войны, а, наоборот, «бой определяет вооружение и устройство войск».

Идеализм Клаузевица, разумеется, несовместим с наукой. Военно-организационная и военно-техническая стороны его теории явно устарели. И все же труды Клаузевица представляют ценнейшее из всего того, что дала буржуазная военная мысль. Именно с этой точки зрения мы рассматриваем Клаузевица и изучаем его теорию.

Марксизм-ленинизм, отдавая должное Клаузевицу, «основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека» (Ленин), дал принципиально отличное от учения Клаузевица, свободное от идеалистических искажений, единственно научное понимание войны как «продолжения политики разных классов в данное время».

Ленин в годы империалистической войны тщательно изучал труд Клаузевица. Основное внимание Ленин сосредоточивал на учении Клаузевица об отношении войны к политике и на применении им диалектики к различным сторонам военного дела. Диалектические положения его учения Ленин не раз направлял против софистики социал-шовинистов, против Каутского и Плеханова. В брошюре «Социализм и война» один из разделов озаглавлен прямо цитатой из Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами». «Это знаменитое изречение, — пишет далее Ленин, — принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевитцу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны» (Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. XVIII, стр. 197).

В статье «Крах II Интернационала» Ленин снова указывает, что «в применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другими» (именно насильственными) «средствами». Такова формулировка Клаузевитца, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время» (Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. XVIII, стр. 248—249). Там же в подстрочном примечании Ленин приводит следующую цитату из Клаузевица: «Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются

и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств». Это положение В. И. Ленин использует для изобличения софистики Каутского: «если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевитцем около 80 лет тому назад» (Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. XVIII, стр. 249).

Позже Ленин напоминал о Клаузевице в своей борьбе против «левых» коммунистов. «Мы требуем от всех серьезного отношения к обороне страны, — писал Ленин в статье «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности». — Серьезно относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является о т с т у п л е н и е в г л у б ь с т р а н ы (тот, кто увидал в этом бы, на данный только случай, притянутую формулу, может прочитать у старика Клаузевитца, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса о соотношении сил» (Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. XXII, стр. 510—511).

Опубликованные в XII Ленинском сборнике выписки и замечания Ленина на книгу Клаузевица «О войне» имеют огромное руководящее методологическое значение; они указывают, к а к следует читать и изучать труды великого буржуазного теоретика.

Идеалистическое учение Клаузевица нужно нам, разумеется, не для разработки нашей теории войны.

Марксистско-ленинское учение о войне основано на материалистической диалектике. Наша пролетарская теория войны исчерпывающим образом дана в произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, в решениях нашей партии и ее ЦК. Но проделанный Клаузевицем опыт применения идеалистической диалектики к практической военной деятельности должен быть тщательно и всесторонне учтен нами. Этот критический учет может в известной степени помочь нам пользоваться мощным оружием материалистической диалектики Маркса-Ленина в области анализа конкретной военной действительности.

18728

Настоящее 3-е издание труда Клаузевица «О войне» выходит в свет после новой тщательной проверки и исправления перевода, причем в целях удобства издания все содержание этого труда разбито на два тома.

Перевод текста, выписанного В. И. Лениным, включен в настоящее издание в той редакции, какая принята Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) в специально выпущенном им издании: В. И. Ленин. Замечания на книгу Клаузевица «О войне и ведении войны» (Партийное издательство, Москва, 1933 г.).

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ МАРИИ ФОН-КЛАУЗЕВИЦ

Труд, которому должны предшествовать эти строки, почти исключительно занимал в течение последних двенадцати лет жизни внимание моего горячо любимого мужа; увы, его слишком рано лишились я и отечество. Закончить это произведение было заветной мечтой моего мужа, но он не собирался выпускать свой труд в свет при жизни; когда же я старалась склонить его к этому, он часто полушутя, а может быть предчувствуя преждевременную кончину, отвечал мне: «Ты должна его издать».

С работой, занимавшей моего возлюбленного мужа, я не могла не быть ознакомлена во всех подробностях. Таким образом, никто лучше меня не может рассказать о том усердии и любви, с которыми мой муж отдавался труду, о тех надеждах, которые он на него возлагал, об обстоятельствах, сопровождавших зарождение труда, и, наконец, о времени, когда он был создан. Богато одаренный дух моего мужа с ранней юности ощущал потребность в свете и правде. Как ни разносторонне он был образован, все же мысль его была направлена по преимуществу на военные науки, которые так необходимы для блага государства: здесь было его призвание. Шарнгорст[1] первый указал ему правильный путь, а назначение в 1810 г. преподавателем военного училища и приглашение дать первоначальное военное образование кронпринцу послужили новым толчком к тому, чтобы направить его усилия и стремления именно на этот предмет и изложить письменно мысли, созревшие в нем и получившие уже строгую определенность. Сочинение, кото-

[1] Шарнгорст, фон-Гергард-Иоганн-Давид (1756—1813), реформатор прусской армии. — Ред.

рым он закончил в 1812 г. курс преподавания кронпринцу, уже содержит в зародыше будущие труды. Но лишь в 1816 г., в Кобленце, он принялся снова за научную работу, используя опыт, приобретенный в течение четырех лет войны. Сначала он записывал свои мысли в форме кратких, слабо связанных между собой заметок. Помещаемая ниже недатированная заметка относится, повидимому, к этому времени.

«В записанных здесь положениях затронуты, по моему мнению, главные начала, которые составляют то, что называется стратегией. Я вижу в них только материалы, но продвинулся в своей работе настолько, что готов приступить к слитию их в одно целое.

Эти материалы возникли без всякого заранее составленного плана. Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях те из важнейших пунктов по этому предмету, относительно которых я пришел к определенному выводу. При этом мне смутно рисовалась форма, в какой Монтескьё обработал свой материал [1]. Я полагал, что такие краткие и богатые оценками главы, которые я первоначально намечал назвать только зернами, достаточны, чтобы заинтересовать образованных, мыслящих людей как возможностью дальнейшего развития выводов, так и непосредственным их содержанием; при этом мне рисовался мыслящий и уже знакомый с предметом читатель. Однако, моя природа всегда меня влекла к систематизации и логическому развитию мысли; в конце концов она и в данном случае одержала верх. Некоторое время мне удавалось заставить себя из тех заметок, которые я делал по отдельным вопросам, для того чтобы они для меня самого стали вполне ясными и определенными, извлекать лишь важнейшие выводы и, таким образом, сжимать свои мысли до небольшого объема; однако, впоследствии специфический склад моего ума одержал окончательно верх: я приступил к развитию, по возможности, всех моих мыслей, и при этом мне, естественно, рисовался читатель, еще не знакомый с предметом.

Чем дальше развивалась моя работа и чем глубже я вникал в исследование, тем ближе подходил к систематическому изло-

[1] Клаузевиц имеет в виду известный труд Монтескьё (1689—1755) «Дух законов». — Ред.

жению, благодаря чему стали появляться одна за другой главы моего сочинения.

Конечной моей задачей было еще раз проработать все сначала, придать более обстоятельную мотивировку прежде написанным статьям, свести анализ, заключенный в позднее составленных отделах, к определенному результату и, таким образом, создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том При этом, однако, мне хотелось избежать всего заурядного, само собою разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного, ибо для меня было вопросом честолюбия написать такую книгу, которую не забыли бы через 2—3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз».

В Кобленце, где у него было много дела по службе, он мог лишь урывками уделять немногие часы своим частным работам, и только в 1818 г., после назначения на должность директора военного училища в Берлине, у него оказалось достаточно свободного времени, чтобы раздвинуть рамки своего труда, обогатив его историей последних войн. Этот досуг примирял его с новой должностью, которая в других отношениях его не вполне удовлетворяла, так как, согласно организационной схеме военного училища, научная работа последнего не находилась в ведении директора, а руководилась особой учебной комиссией. Хотя он был и очень далек от всякого мелкого тщеславия, от всякого беспокойного эгоистического честолюбия, но испытывал потребность быть действительно полезным и не оставлять неиспользованными на деле те способности, которыми он был одарен. В практической жизни он не занимал такого положения, в котором эта потребность могла быть удовлетворена, и мало надеялся, что ему когда-либо удастся занять такое положение; поэтому все его устремления направились в научную область, и целью жизни стала та польза, которую он надеялся принести своей книгой. Если, несмотря на это, в нем все более и более крепло решение, чтобы труд вышел в свет лишь после его смерти, то это служит лучшим доказательством того, что к его благородному стремлению достигнуть своим сочинением возможно более крупных и прочных результатов не примешивалось ни малейшего тщеславия, жажды похвалы и признания со стороны современников, ни тени каких-либо эгоистических побуждений.

Так он продолжал усердно работать до весны 1830 г., когда был назначен на службу в артиллерию. Его деятельность приняла совершенно иное направление и достигла такого напряжения, что первое время ему пришлось отказаться от всякой литературной работы. Он привел в порядок свои бумаги, запечатал в отдельные пакеты, снабдил их соответствующими надписями и с грустью простился с любимой работой. В августе того же года состоялся его перевод в Бреславль, где он получил вторую артиллерийскую инспекцию; но уже в декабре он был переведен в Берлин на должность начальника штаба при графе фон-Гнейзенау (на время, пока фельдмаршал[1] состоял главнокомандующим). В марте 1831 г. он сопровождал своего уважаемого начальника в Познань. В ноябре, после тягостной для него кончины последнего, он вернулся в Бреславль. Здесь некоторым утешением для него была надежда приняться за свой труд и, может быть, закончить его в течение зимы. Однако, 7 ноября он прибыл в Бреславль, а 16-го его уже не стало, и собственноручно запечатанные им пакеты были вскрыты лишь после его смерти.

Это посмертное творение ныне выпускается в свет в том виде, в каком он его оставил, без добавлений или изъятия хотя бы одного слова.

30 июня 1832 г.

---

[1] Гнейзенау Август (1760—1831), прусский фельдмаршал, ближайший сотрудник Шарнгорста в преобразовании прусской армии. Гнейзенау в 1830 г., в связи с июльской революцией во Франции, предназначался командующим армией против Франции, а затем был назначен главнокомандующим войсками, сосредоточенными у границ Польши. В 1830 г. Клаузевиц разрабатывал план войны с Францией. — Ред.

ПОЯСНЕНИЕ КЛАУЗЕВИЦА[1]

Я смотрю на первые шесть частей, уже переписанные начисто, лишь как на довольно бесформенную пока массу, которая безусловно должна быть еще раз переработана. При этой переработке двойственность метода ведения войны будет очерчена резче, с уделением ей большего внимания. Таким путем все идеи приобретут более отчетливый смысл, определенное направление и приблизятся к практическому приложению. Двойственность метода ведения войны выражается в следующем. Целью войны может быть сокрушение врага, т. е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться некоторые завоевания у границ своего государства, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой.

Помимо этого фактического различия между типами войн, надлежит точно и определенно установить еще практически столь же необходимую точку зрения, что война есть не что иное, как **продолжение государственной политики иными средствами**[2]. Если эта точка зрения будет всюду строго проведена, то она внесет большее единство в рассмотрение вопроса и поможет во всем легче разобраться.

---

[1] См. предисловие, стр. 20.

[2] «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики другими средствами» — этой выпиской начинается тетрадь В. И. Ленина с выписками и замечаниями на книгу Клаузевица. — *Ред.*

Хотя эта точка зрения найдет свое отражение, главным образом, в 8-й части этого сочинения, все же она должна быть подробно развита уже в 1-й части и принята в расчет при переработке первых шести частей. Благодаря такой переработке первые 6 частей освободятся от излишнего баласта, многие пробелы заполнятся и сгладятся, а некоторые общие места отольются в определенные мысли и приобретут законченную форму.

7-ю часть «Наступление», для которой уже набросаны отдельные главы, следует рассматривать как отражение, рефлекс части 6-й. Она должна быть разработана в соответствии с указанной выше основной точкой зрения и не только не потребует новой переделки, но может послужить образцом для разработки первых 6 частей.

Для 8-й части «План войны», трактующей об организации войны в целом, уже набросано несколько глав, которые, однако, даже нельзя рассматривать как проработанный материал; это лишь попытка вработаться в его массу, с тем чтобы только в процессе самой работы распознать, в чем заключается дело. Эту задачу я считаю разрешенной, и, закончив 7-ю часть, я намерен приступить к разработке 8-й, в которой обе указанные выше точки зрения должны отчетливо выступить вперед; они должны упростить и тем самым одухотворить всю мою систему взглядов. Надеюсь, что этой книгой мне удастся разгладить кое-какие складки, образовавшиеся в мозгах стратегов и государственных людей; по крайней мере, она точно выяснит, о чем, собственно, идет речь и что следует учитывать при ведении войны.

Когда мне удастся путем разработки 8-й части установить полную ясность в своих мыслях и определить главнейшие очертания войны, то мне уже не будет трудно отразить этот дух и эти очертания войны в первых 6 частях. Поэтому я приступлю к переработке первых 6 частей лишь после окончания 8-й.

Если преждевременная смерть прервет эту мою работу, то все, что здесь написано, справедливо может быть названо бесформенной массой идей; подвергшись превратным толкованиям, они могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков. В подобных случаях всякий воображает, что мысли, которые ему взбредут в голову, едва он возьмется за перо, достаточно хороши, чтобы быть высказанными и даже напечатанными, причем они кажутся ему столь же неоспори-

мыми, как дважды два четыре. Но если бы такой критик дал себе труд, подобно мне, в течение многих лет размышлять над этим предметом, постоянно сопоставляя ход мыслей с историей войн, то он проявил бы в своих замечаниях большую осторожность.

И все же, несмотря на незаконченность моего труда, я полагаю, что читатель, свободный от предрассудков, жаждущий истины и подлинного убеждения, найдет в первых 6 частях плод многолетних размышлений и усердного изучения войны и, быть может, усвоит те основные мысли, из которых может возникнуть целая революция в общепринятой теории.

Берлин, 10 июля 1827 г.

Помимо этого пояснения между бумагами покойного оказался следующий незаконченный отрывок, повидимому написанный значительно позднее:

«Рукопись о ведении большой войны, которую найдут после моей смерти, в настоящем ее виде должна оцениваться лишь как собрание отдельных частей, из которых должна была быть построена теория большой войны. Большей частью своего труда я еще не удовлетворен, а 6-я часть может рассматриваться лишь как опыт; мне хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло.

Однако, главные линии в обрисовке войны, господствующие в этом материале, я считаю правильными; они являются результатом всестороннего размышления с постоянным уклоном к практике жизни, с постоянным учетом того, чему научили меня опыт и общение с выдающимися военными деятелями.

7-я часть должна была заключать наступление, но пока это только беглые наброски. 8-я часть должна была содержать в себе план войны; в нее я предполагал включить особый разбор политической стороны войны, а также рассмотреть ее с точки зрения гуманности.

Единственно законченной я считаю I главу 1-й части. По отношению ко всему сочинению в целом она является указателем того направления, которого я намерен был держаться.

Теория большой войны, или так называемая стратегия, представляет чрезвычайные трудности, и можно с полным основанием утверждать, что немногие имеют об отдельных ее частностях представление ясное, т. е. доведенное до понимания зависимости, вытекающей из существующей между ними причинной связи. Большинство людей следует указаниям только интуиции [1] и действует более или менее удачно, в зависимости от степени присущей им гениальности.

Так действовали все великие полководцы; в том и заключались отчасти их величие и гениальность, что у них был такт — всегда попадать в цель. Так всегда будет в области практической деятельности; для нее интуиции совершенно достаточно. Однако, когда стоит вопрос не об единоличных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность усмотреть внутреннюю связь рассматриваемых явлений. Но так как люди мало развиты в этом отношении, то большинство совещаний сводится к беспочвенным пререканиям, причем они заканчиваются либо тем, что каждый остается при своем мнении, либо соглашением, по которому одни уступают другим и останавливаются на среднем пути, по существу не имеющем никакой ценности.

Поэтому ясные представления в этих вопросах не бесполезны; кроме того, человеческому разуму вообще присуще стремление к ясности и установлению необходимой причинной связи.

Большие трудности, которые представляет такое философское построение военного искусства, и многочисленные неудачные попытки его создать заставляют многих утверждать, что подобная теория невозможна, ибо речь идет о предметах, которые не охватываются каким-либо постоянным законом. Мы согласились бы с этим мнением и отказались бы от всякой попытки создать какую-либо теорию, если бы целый ряд положений не устанавливался с полной ясностью и без всякого труда, например: что оборона — более сильная форма войны, но преследующая лишь негативную цель, наступление же — более слабая форма, имеющая позитивную цель; что крупные успехи ставят в свою зависимость более мелкие и что поэтому стратегические воздействия можно свести к определенным главным

[1] Мы переводим словом «интуиция», которого Клаузевиц не употреблял, выражение «такт суждения». — Ред.

ударам; что демонстрация представляет собою более слабое использование сил, чем действительное наступление, а потому она является допустимой лишь при наличии особых условий; что победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в физическом и моральном сокрушении вооруженных сил противника, достигаемом большей частью лишь преследованием после выигранного сражения; что успех бывает наибольшим на том направлении, на котором одержана победа, а потому переброска с одной линии и с одного направления на другие может рассматриваться лишь как необходимое зло; что обход может оправдываться только превосходством над противником вообще или превосходством наших линий сообщения или путей отступления над неприятельскими; что фланговые позиции обусловливаются тем же соотношением; что каждое наступление по мере продвижения вперед ослабляет себя».

ОТ АВТОРА

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве — реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев [1].

[1] Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу войны, дело обстоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рассуждениях pro et

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избитыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров:

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой стены и так как огонь в свою очередь находится вправо и от этой стены и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, коечто могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общений с людьми, знакомыми с воен-

---

contra (за и против) они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. (Прим. 1-го немецкого издания.)

Это примечание во 2-м немецком издании (1853 г.), с которым сверялся настоящий перевод, заканчивается словами: «уничтожают друг друга». Сравнение с пожирающими друг друга львами опущено. — Ред.

ным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникл внешне слабо связанные между собой главы этой книги, кото рые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Мо жет быть, скоро появится более могучая голова, которая вме сто отдельных зерен даст единый слиток чистого металла бе примеси шлака.

О ВОЙНЕ

ме
пр
от
то
це.
дру

ств
ни
ест
зах
мн
зой
дов
нас
ка
го
з

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИРОДА ВОЙНЫ

Глава I

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть сначала отдельные элементы нашего предмета, затем его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако, здесь, больше чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны); в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент — единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в сущности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью[1] будет — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто, непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могли бы, пожалуй, вообразить, что обезоружить и сокрушить противника можно искусственным образом, без особого кровопролития и что к этому именно и должно было бы стремиться военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война — дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба

[1] В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным удержать их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц здесь употребляет слово «Zweck», а во втором «Ziel». Как ни близки эти оба слова к русскому «цель», однако, они представляют разные оттенки. Ленин, переводя Клаузевица, употребил выражение «политический объект войны». — Ред.

противника до последней крайности напрягают усилия, и нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства.

Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обусловливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обусловливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны, а является приходящим извне. Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного н а м е р е н и я. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем, часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или во всяком случае не связанные с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоций, а у народов цивилизованных — намерения, обусловливаемые рассудком. Однако, это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому в каждом отдельном случае оно может и не иметь места, но в большей части случаев оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут в о с п ы л а т ь в з а и м н о й н е н а в и с т ь ю.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем

случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе соотношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны[1] излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда бывает ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит от того, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника.

Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель военных действий — лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что цель военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это

---

[1] Подразумеваются наполеоновские войны. — Ред.

определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем та жертва, которую мы от него требуем при этом; конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ставить противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это — полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня, следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую их ему. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет собою результат двух тесно сплетающихся факто-

ров: **размера средств, которыми он располагает, и его воли к победе**[1].

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилом здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы оцениваем наши силы и стремимся достичь перевеса их, или же, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии стремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Изменения под влиянием действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью — с конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые заложены в них самих. Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами мы непременно впали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера

[1] В подлиннике — «сила воли». — Ред.

являлся бы чисто книжным измышлением, не имеющим никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантасмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в случае:

1) если бы война была абсолютно изолированным актом, возникающим совершенно внезапно и не связанным с предшествующей государственной жизнью;

2) если бы она состояла только из одного решающего момента или из ряда одновременных решающих актов;

3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение, и на нее не оказывал бы влияния заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно — воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сего-

дня[1]. Война не возникает внезапно; ее распространение (Verbreitung) не может быть делом одного мгновения. Поэтому каждый из обоих противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать. Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигает предела абсолютно лучшего, и, таким образом, проявления недочетов с обеих сторон служат умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы исход войны зависел только от одного решающего момента или от нескольких одновременных решающих актов, то все приготовления обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных актов, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или в нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудачное решение неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы немыслимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако, мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и

[1] В оригинале буквально: «она проявляется в том, чем она будет завтра, в том, чем она была сегодня». — Ред.

на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил, и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы — собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр., словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обусловливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда союзники окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большою мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия; ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвер-

гаться не станет. Чем значительнее будет первый успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако, предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона допускает вследствие своей слабости, служат объективным основанием для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть, как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, ясно само собой.

10. Возможности действительной жизни вытесняют крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. Данные, вытекающие из явлений действительной жизни, подвергаются оценке на основе законов вероятности. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война — уже не отвелеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия

ожидаемого неизвестного будут служить действительные явления.

Исходя из характера организации, состояния и положения противника и руководствуясь теорией вероятности, каждая из борющихся сторон будет строить свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (п. 2): политическая цель войны. Закон крайности — намерение обезоружить противника, сокрушить его — до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но, поскольку закон крайности теряет в своей силе, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, постольку политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение нужного напряжения сил представляет собою лишь расчет вероятностей, основывающийся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна быть весьма существенным фактором в этом комплексе. Чем меньше жертва, которой мы требуем от нашего противника, тем меньше сопротивления мы можем от него ожидать. Но, чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения, а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилом как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Поскольку мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе; она находится в зависимости от взаимоотношений обоих государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма

неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например, завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет сама по себе пригодна для того, чтобы служить выражением цели военных действий. Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Бывают случаи, что только ею одной определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней, и притом тем сильнее, чем полнее го-

сходство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя своей природы, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения. Последнее приводит нас к новому вопросу, который нам предстоит еще развить и дать на него ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии военных действий

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная военными действиями, — может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это — вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем п р о д о л ж и т е л ь н о с т ь ю д е й с т в и я. Последняя может быть большей или меньшей в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что желает потратить на него больше времени, а потому, что это свойственно его природе, и при спешке он выполнил бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию на войне предоставим свойственную ему продолжительность, то будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. При этом не следует забывать, что здесь речь идет не о продвижении вперед одного или другого противника, а о поступательном ходе военных действий в целом.

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготовились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, что последняя хочет выждать более благоприятного времени для действия[1]. На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из сторон, ибо оно eo ipso (тем самым) становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного — действовать, в интересах другого — выжидать.

Полное равновесие сил не может вызвать приостановки в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (нападающая), должна продолжать наступление.

Наконец, представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого политическая цель войны положительная, а следовательно, имеется более сильный мотив наступать, в то же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побуждать другую приступить к действиям. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий, и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получить нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в действиях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться

[1] Клаузевиц вместо термина «операция» употреблял «действие». — Ред.

с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом, у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь, конечно, предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее и придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности действий возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако, мы знаем, что военные действия редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий вполне возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Представляя себе интерес одного **полководца как величину, всегда противоположную** интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлин-

ной полярности. В дальнейшем мы посвятим этому принципу отдельную главу, здесь же скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу лишь тогда, когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга безусловно уничтожают. В сражении и та и другая сторона желает победить; это — подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собою общую связь, лежащую вне их, то полярны между собою не эти явления, а их отношения.

16. Нападение и оборона — явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним неприложима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно — нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако, военные действия проявляются в двух формах — наступлении и обороне, которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и не равны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес *А* заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес *Б* сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах *Б* было бы теперь напасть на *А;* это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности часто уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии военных действий

Раз оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос, настолько ли выгодна отсрочка решения для первой стороны, насколько выгодна оборона для второй? Где этого нет, там противоположности не уравновешиваются, и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Таким образом, как мы видим, побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недейственной.

Итак, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет хотя бы и в этом неблагоприятном будущем вести оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как, по нашему убеждению, превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинству пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее будут паузы вследствие различной силы обеих форм борьбы (нападения и обороны). Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет, не имея вполне достоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и вследствие этой ошибки полагать, что наступил момент для действий противника, в то

время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разумения обстановки может, конечно, вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако, недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как одна из естественных причин, отнюдь не противоречащих природе войны и могущих приостановить ход военных действий. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз в свою очередь вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени уменьшают до известной степени интенсивность ведения войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия. Чем напряженнее было положение, из которого возникла война, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы, и, наоборот, паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта и еще более ставят ее в зависимость от учета возможностей

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее становится действующая сторона в своих предположениях, тем меньше она приближается к черте крайности и строит все на учете возможностей (вероятностей). Для оценки же обстановки в условиях, определяемых самой природой конкретного случая, быстрый или медленный ход военных действий предоставляет большее или меньшее количество времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в игру, — это случай Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и по субъективной природе

Если рассмотреть субъективную природу войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает военная деятельность, — это опасность; мужеству отводится самая важная роль.

Правда, мужество может уживаться с мудрым расчетом, но оба эти качества совершенно разного порядка и отражают различные духовные силы человека; напротив, отвага, вера в свое счастье, смелость, лихость — не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там — его стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятность счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями, по сравнению с другими видами человеческой деятельности, более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем это часто находит отклик в духовной природе человека

Хотя наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, но наш дух (Geist) часто привлекается неведомым. Дух человека почти никогда не идет вместе с рас-

судком по узкой тропе философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигает таких областей, где все ему родственное и близкое кажется оторванным, оставшимся далеко позади; поэтому дух человека и его воображение предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемое последними мужество окрыляется, и, таким образом, риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно отважному пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория покинуть его здесь и самодовольно итти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для риска всегда остается простор и притом одинаково широкий как в самых великих, так и в самых малых делах. Риску противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько же велик может быть и риск — простор, предоставленный неведомому. Таким образом, мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменениях. И в риске есть своя мудрость и даже осторожность, только измеряются они особым масштабом.

23. Война тем не менее всегда остается серьезным средством для достижения серьезной политической цели. Ближайшее определение войны

Такова война, таков руководящий ею полководец и такова теория, которая ее регулирует. Но война — не забава, она — не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она — серьезное средство для дости-

жения серьезной цели. Все цвета радуги, которыми переливает счастье на войне, все волнения страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, — все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе, — война целых народов, и притом народов цивилизованных, — всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Если бы она была совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно независимое. Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и стратегией приводил к попыткам теоретического опознания. Однако, дело обстоит иначе, и такое представление в самой основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним единственным разрядом. Она находится под действием сил, развивающихся не вполне одинаково и равномерно; порою прилив этих сил оказывается достаточным для того, чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее во всяком случае бывает достаточно продолжительным для того, чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и выс-

шим соображением, с которым должно считаться руководство войной. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и в соответствии с этим самой часто подвергаться коренному изменению; тем не менее политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение. Таким образом, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется, поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войной.

24. Война есть только продолжение политики другими средствами[1]

Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств. Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с военными средствами. Это требование отнюдь не является незначительным, но сколь бы сильно ни сказывалось его влияние на намерения политики, все же это воздействие следует мыслить только как видоизменяющее их, ибо политическое намерение является целью, война же только средством, и никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем больше они охватывают все бытие народов; чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме, тем больше вопрос сведется к тому, чтобы сокрушить врага, тем более военная и политическая цели совпадут, тем больше война

[1] Весь этот параграф выписан Лениным. — Ред.

представится чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель расходится с целью идеальной войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Но мы должны здесь, во избежание неправильных представлений у читателя, заметить, что под этой естественной тенденцией войны мы подразумеваем только философскую, собственно логическую тенденцию, а не тенденцию действительных сил, находящихся в столкновении; не следует подразумевать под этим, например, все духовные силы и страсти сражающихся [1]. Правда, последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако, большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать.

---

[1] Ленин выписал всю эту фразу и отметил на полях: «Начало отделения (выделения) объективного от субъективного». Затем Ленин возвращается к следующему абзацу: «перед этим Клаузевиц говорил о том, что «чем сильнее мотивы войны, тем больше они охватывают все бытие — das ganze Dasein — народов», — тем больше совпадает военная цель, Ziel, и политический объект, Zweck, войны, тем больше война кажется чисто военной, менее политической». «Чем слабее мотивы войны и «напряжение», тем меньше будет совпадать естественное направление военного элемента, т. е. насилие, с линией, которая диктуется политикой, тем более, следовательно, война отклонится от своего естественного направления; чем более политический объект отличается от цели идеальной войны, тем больше кажется, что война становится политической». Далее следует замечание Ленина: «Это NB: кажимость не есть еще действительность. Война кажется тем «военнее», чем она глубже политическая; — тем «политичнее», чем она менее глубоко политическая». — Ред.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом выступает весьма определенно, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой [1]. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и такие сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение, а осторожное, лукавое, да, пожалуй, и нечестное мудрствование, избегающее открытого употребления силы.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак, мы видим, в о - п е р в ы х, что ни при каких условиях мы не должны мыслить войну как н е ч т о с а м о с т о я т е л ь н о е, а как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. В о - в т о р ы х, именно это понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются [2].

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть пер-

[1] Эта фраза выписана Лениным. — Р е д.

[2] Ленин выписал этот абзац и поставил против него на полях две нотабены. — Р е д.

вый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны мы остановимся на нем подробнее.

Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию.

28. Вывод для теории

Итак, война бывает не только настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу, но также и в своих общих формах по отношению к господствующим в ней тенденциям она представляет собой странную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку.

Первая из этих трех сторон обращена больше к народу, вторая — больше к полководцу и его войску, третья — к правительству [1]. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели войны принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в такое резкое противоречие с действительностью, что поставила бы на себе крест.

[1] Ленин выписал начало этого параграфа, поставил нотабену против последней фразы и записал: «Очень метко о политической душе, сути, содержании войны и «народной» внешности!» — Ред.

Таким образом, задача теории — сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования в части этого сочинения, названной «О теории войны». Во всяком случае только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава II

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА В ВОЙНЕ

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то все всегда должно было бы сводиться к сокрушению врага, т. е. к лишению его возможности оказывать сопротивление. Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель; действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит обезоружить государство, лишить его возможности оказывать сопротивление; пока же мы будем различать три элемента, являющиеся объектами общего порядка, охватывающими все остальное. Это — вооруженные силы, территория и воля противника.

Вооруженные силы противника должны быть *уничтожены*, т. е. *приведены в состояние, в котором они уже могут продолжать борьбу*. Следует иметь в виду, что впредь мы будем разуметь «уничтожение вооруженных сил противника» именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена *воля* противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности[1], потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и *после* заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем, при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, напряжение обеих сторон ослабевает, потому что все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и при всех обстоятельствах немало, окончательно отходят от линии сопротивления[2]. Во всяком случае с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны исчерпанным.

Так как из трех указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим двум успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприя-

---

[1] Ленин по поводу последних трех абзацев набросал следующую заметку: «Цель и средство в войне (книга 1-я, глава II) — уничтожить Streitkraft (вооруженные силы), erobern das Land (завоевать страну) для? Для того, чтобы *воля* врага была сломлена и он согласился подписать мир». — *Ред.*

[2] Две последние фразы выписаны Лениным; он сопроводил их нотабеной и замечанием: «верно». — *Ред.*

теля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей в свою очередь ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок, конечно, необязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

Однако, эта цель абстрактной войны — лишить неприятеля возможности сопротивляться — лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно, и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны, не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различии между ними, которое было установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между двумя государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому, если войны и ведутся между государствами, обладающими далеко неравными силами, то это происходит от того, что война, как она протекает в действи-

тельности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия.

Есть два обстоятельства, которые могут служить, помимо полной невозможности сопротивляться, мотивом к заключению мира. Первое — невероятность успеха, второе — слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем больше приходится приспособляться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самого учета возможностей могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать эту возможность, и не станет на кружный путь — добиваться полного сокрушения неприятеля.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и еще предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий. Если

бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на военных действиях под влиянием позитивной или негативной природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями.

Тут возникает вопрос: каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха? Прежде всего, конечно, при помощи тех же средств, которые ведут к сокрушению, — уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории; но эти средства уже несколько отличаются от того, чем они были при нашем устремлении к сокрушению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих с тем, чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к разгрому его сил мы будем стремиться в той мере, в какой это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских территорий явится мероприятием другого порядка. При сокрушении подлинные операции заключаются именно в уничтожении вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть,

как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокрушение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе необороняемой области уже само по себе представляет известную выгоду. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся еще на одно своеобразное средство: воздействие на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это — предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, навербовать нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и пр.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в износе его вооруженных сил, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в потере областей, следовательно, в завоевании их нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженным силам неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, предпринимаемыми в целях сокрушения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно; в действительной жизни при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на характер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях, кроме уничто-

жения сил врага, имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе внутреннего противоречия, не являются абсурдом и даже не составляют ошибки.

Помимо обоих указанных способов имеются еще три своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый — это вторжение, т. е. занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, а нанесение ему как врагу вообще убытков. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям целеустановку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно безусловно заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сокрушить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокрушении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе — более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы придем к выводу, что оба они одинаково военные, и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь — изнурение врага — по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем постепенно наступающее, благодаря продолжительности действия, истощение физических сил и воли противника.

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, то должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, — это чистое сопротивле-

ние[1], т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно, и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое претерпевание ударов не было бы борьбой; сопротивление — это уже действенность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего замысла. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удается, а следовательно, является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном задании недостает в смысле действенности, надо восполнить временем, следовательно, — продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между н а с т у п л е н и е м и о б о р о н о й, пронизывающее всю область войны. Дальше развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии.

---

[1] Легкость чтения перевода выиграла бы, если бы мы заменили слово «сопротивление» словом «оборона». Однако, это было бы крупной неточностью, ввиду того что Клаузевиц вкладывает в эти термины неодинаковое значение. Оборона — это сопротивление плюс переход в контратаку. — Р е д.

Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы уравновесить возможный перевес противника, то одной продолжительности борьбы будет достаточно для того, чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже не соответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент Семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и, конечно, неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII. Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале, — и они заключили мир.

Итак, в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это — средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Мы можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; назовем их аргументами ad hominem (личного порядка. — Ред.). В какой области человеческой деятельности нам не встречаются эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки! Они имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей — в кабинете и в поле — играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число

возможных путей, ведущих к достижению цели военных действий, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обусловливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими двумя видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

Средство только одно — бой [1]. Как ни разнообразно слагается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни примешивалось постороннего бою элемента, — бой всегда заключается в понятии войны, так как **бой является начальным пунктом**, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством. Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; а **там, где применяют вооруженную силу, т. е. вооруженных людей**, там по необходимости в основе должно лежать представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам — их создание, сбережение [2] и использование — входит в сферу военной деятельности.

[1] В оригинале — Kampf. Клаузевиц вкладывает в него иногда представление не об одном бое, а о всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами: борьба или бой. — Перев.

[2] Под сбережением здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб. — Ред.

Создание вооруженных сил и сбережение их, несомненно, представляют собой только средство, использование же — цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойственного порядка, имеющие значение то объекта, то субъекта [1]. Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее в свою очередь непременно является членом единства более высокого порядка, и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его объектом.

Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется частным боем.

Но если в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое, то использование вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок [2] известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы в свое время и в надлежащем месте вступить в бой.

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления проистекают последующие результаты, а отнюдь не непосредственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника, или, вернее, его боеспособности; это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

---

[1] Мысль Клаузевица: успех частного боя является, с одной стороны, целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны, — средством для достижения более высокой цели. — Ред.

[2] Распорядок (Anordnung) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (Feststellung) боя — к стратегии. — Ред.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно, и целью боев.

Но даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многообразии подразделений крупной вооруженной силы и о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы, естественно, может ставиться множество частных целей, которые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может, в весьма повышенной степени, способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-либо места, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимается лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то то же самое, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, два народа, две страны. Здесь число возможных соотношений, а следовательно, и комбинаций, значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней

цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом, по многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как измерителем сил, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший своевременно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны.

Война обладает только одним средством — боем; но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование, как будто, не продвинулось нисколько вперед. Но это далеко не так, потому что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое зна-

чение следует ему придать среди других целей. В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств; в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой — это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных действий. Оно — последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Следовательно, все действия происходят при предпосылке, что если бой, лежащий в их основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть благоприятным. Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит [1].

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может парализовать удачным для себя боем. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат

[1] Это место в труде Клаузевица, а также § 3 главы III, части 2-й имел в виду Фридрих Энгельс в письме к Карлу Марксу от 7 января 1858 г.: «Между прочим я читаю теперь «Войну» Клаузевица. Оригинальный способ философствования, но по существу очень хорош. На вопрос, на каком наименовании остановиться — на военном искусстве или военной науке, ответ гласит, что война всего более подобна торговле векселями. Бой для войны, что расчет наличными в банкирском деле; как бы редко он в действительности ни происходил, но каждый оборот имеет в виду исключительно его, и в конце концов он должен иметь место и все решить». (Briefwechsel zwichen Marks und Engels, Stuttgart, 1913, т. II, стр. 281—282.) — Ред.

дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен; каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости — вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению вооруженных сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы, конечно, не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не пути, а цели, и мы лишь сравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, — мы это настойчиво подчеркиваем, — нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны. Это, однако, справедливо только при условии, что эти методы применяются с обеих сторон, а именно, что неприятель идет теми же путями, что и мы; если же он изберет путь решительного боя, мы должны будем, хотя бы против нашей воли, стать на ту же дорогу. В этом случае все будет зависеть от исхода боя на уничтожение; ясно, что при всех прочих равных условиях мы в этом бою окажемся в худшем положении, так как частично свои намерения и средства ориентировали на другие задачи, чего не сделал наш противник. Две различные цели, из которых одна не составляет части другой, друг друга исключают; следовательно, сила, обращенная на достижение одной из целей, не может одновременно служить другой. Поэтому, если одна воюющая сторона решилась итти по пути крупных решений силой оружия, то она уже имеет больший шанс на успех, если только уверена, что другая сторона не идет по этому пути, а хочет преследовать иную цель. Кто задастся этой целью, поступит разумно лишь в том случае, если он имеет основание предполагать, что и его противник не ищет крупных решений силой оружия.

Все, что мы говорили об ином направлении заданий и сил, относится к позитивным целям, которыми помимо уничтожения неприятеля можно задаваться на войне, и не распространяется на чистое сопротивление, избранное с намерением истощить противника. У простого сопротивления нет позитивного задания; наши силы не могут быть отвлечены против других объектов, так как предназначены парализовать намерения противника.

Тут нам приходится рассмотреть обратную сторону уничтожения неприятельских вооруженных сил, а именно — сбережение собственных сил. Оба эти стремления всегда идут рука об руку и находятся в постоянном взаимодействии. Они представляют существенные, неотъемлемые части одного и того же намерения. Нам остается выяснить, каковы будут последствия, если то или иное стремление получит перевес.

Стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы преследует позитивную цель и ведет к позитивным успехам, увенчанием которых должно явиться сокрушение противника.

Сбережение собственных вооруженных сил преследует негативную цель и таким образом ведет к парализованию намерений неприятеля, т. е. к чистому сопротивлению, увенчанием которого является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает к жизни акт уничтожения, стремление к негативной цели побуждает выжидать.

Как далеко может и должно простираться такое выжидание, мы укажем при изложении учения о наступлении и обороне, к истоку которого мы вновь вернулись. Пока только отметим, что выжидание не должно быть совершенно пассивным, а также что в связанных с выжиданием действиях уничтожение принимающих в них участие неприятельских вооруженных сил может служить целью в такой же степени, как и всякий другой предмет. Таким образом, было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления, конечно, может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный, путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как естественное средство удовлетворения преобладающей заботы — сбережения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя. Единственно логическое последствие перевеса негативного стремления — это отсрочка решения, в известной степени постановка себя под защиту выжидания решающего момента. Обычным последствием этого, насколько позволяет обстановка, является откладывание действий во времени, а поскольку с этим связано пространство, то и отодвигание их в

пространстве. Но при наступлении момента, когда без существенного ущерба откладывать решения нельзя, выгоды негативного метода действий должны считаться исчерпанными, и в этот момент неизменно должно выступить стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы, стремление, сдерживавшееся до того противовесом, однако, никогда окончательно не вытеснявшееся.

Из предыдущего мы видим, что на войне многие пути ведут к успешному концу — к достижению политической цели; но средство для этого только одно — бой; поэтому все подчинено высшему закону — р е ш е н и ю с и л о й о р у ж и я. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая итти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом, уничтожение неприятельских вооруженных сил — первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне.

Что могут дать на войне другого рода комбинации, мы узнаем впоследствии и, разумеется, лишь постепенно. Здесь мы ограничиваемся одним общим признанием и х в о з м о ж н о с т и как чего-то, являющегося отклонением действительности от отвлеченного понятия войны и вызванного индивидуальными обстоятельствами. Но мы тут же должны подтвердить, что к р о в а в о е р а з р е ш е н и е к р и з и с а, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил — первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако, должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, на которых его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу.

Мы обрисовали, что представляет собой война, каковы ее цели и средства, как она в изгибах действительности то больше, то меньше удаляется от начального абстрактного понятия, все время, однако, оставаясь в черте его влияния, контролируемая высшим законом решения силой оружия. Выводы из сказанного мы должны закрепить в нашем сознании и всякий раз иметь в виду при рассмотрении последующих вопросов, если мы хотим понять подлинные отношения между ними и своеобразное значение каждого из них и не впадать в вопиющее противоречие с действительностью, а в конце концов и с самими собой.

Глава III

ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ

Каждая специальная деятельность, выполнение которой требует известного совершенства (виртуозности), нуждается в соответствующих духовных способностях. Когда они проявляются в высокой степени и свидетельствуют о себе исключительными достижениями, дух, одаренный ими, называется гением.

Мы хорошо знаем, что это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения; но так как мы не претендуем ни на звание философа, ни на звание словесника, то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином гений понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности.

Чтобы объяснить это понятие и ближе ознакомиться с его содержанием, необходимо несколько остановиться на этой способности, на этом высоком качестве духа. Но мы не можем ограничиваться тем, кто отмечен необычайно высоким талантом, гением в собственном смысле этого слова, ибо это понятие не имеет точно определенных границ; мы будем рассматривать вообще духовные силы, совокупно направленные на военную деятельность, в которых мы вправе видеть сущность военного гения.

Мы говорим о «совокупности», ибо военный гений не является какой-либо одной способностью (например мужеством) при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет гармоническое сочетание способностей, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой.

Если бы от каждого из бойцов мы потребовали, чтобы он в большей или меньшей степени был военным гением, то наши армии были бы очень малочисленны. Военный гений обусловливается своеобразным направлением духовных сил, и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений. Но это определяет только его распространение, а не его высоту, так как последняя зависит от общего духовного развития данного народа. Если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делаются воинами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению. Однако, у первобытных народов никогда не встречается подлинно великого полководца и лишь крайне редко то, что можно было бы назвать военным гением; для этого требуется такое развитие умственных способностей, каким дикий народ обладать не может. Само собою разумеется, что у цивилизованных народов могут быть более или менее сильные военные наклонности и стремления, и чем они сильнее, тем чаще наблюдается воинственный дух в их армии и у отдельных лиц. А так как здесь это совпадает с высшими степенями духовного развития, то самых блестящих военных деятелей мы находим именно у таких народов; доказательством могут служить римляне и французы. Но величайшие имена полководцев у этих и других народов, прославив-

ших себя на войне, появились лишь в период их подъема на высокую ступень цивилизации.

Уже это одно указывает, какую крупную роль играют умственные способности для высших степеней гения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Война — область опасности, следовательно, мужество — важнейшее качество войны.

Мужество бывает двух родов: во-первых, мужество в отношении личной опасности, а во-вторых, мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти или же внутренней — совести. Здесь речь идет лишь о первом.

Мужество по отношению личной опасности в свою очередь бывает двух родов: прежде всего человек может быть равнодушен к опасности в силу личных свойств, вследствие пренебрежения к жизни или по привычке; во всяком случае это будет как бы постоянное состояние.

Во-вторых, мужество может исходить из положительных побуждений, каковы, например, честолюбие, любовь к родине, всякого рода воодушевление; в этом случае мужество — не состояние, а проявление настроения, чувств.

Понятно, оба эти вида мужества проявляются различно. Первый вид надежнее; сделавшись второй природой, он никогда не покидает человека; второй часто дает более высокие результаты; с первым связана стойкость, со вторым—отвага; при первом разум остается трезвым, при втором иногда изощряется, но порою и ослепляется. Совпадая, оба эти вида дают самый совершенный тип мужества.

Война — область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы (врожденные или приобретенные — безразлично), делающие человека способным переносить испытания. Человек, обладающий этими качествами, соединенными со здравым рассудком, — отличное орудие для войны; эти свойства особенно распространены среди первобытных и полуцивилизованных народов.

Продолжая наше исследование, мы найдем, что война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война — область недостоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане не-

известности, и, следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум. Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может загладить промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война — область случайности; только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недостоверность известий и предположений — постоянное вмешательство случайности — приводит к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем он ожидал; это не может не отражаться на его плане или, по крайней мере, на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно нехватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но от этого наша неуверенность не уменьшается, а, напротив, увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии.

Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, *умом, способным прозреть мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину*; во-вторых, *мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском*. Первое свойство

образно обозначается французским выражением «coup d'oeil»[1], второе — решимость.

Бои на войне прежде и чаще всего привлекают наше внимание. В боях же время и пространство — важные элементы. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражений играли первенствующую роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда получилось это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Многие писавшие о военном искусстве определили его в этом узком смысле. Но не следует упускать из виду, что вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в самый момент выполнения, например, правильный выбор пункта атаки и пр. Отсюда в выражении «coup d'oeil» часто разумеется не просто физический глаз, но духовное око.

Естественно, что это выражение и его значение преимущественно относятся к области тактики; однако, без него нельзя обойтись и стратегии, поскольку и в ней нужны быстрые решения. Если совлечь с этого понятия то, что ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно непостижимой для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания.

В каждом отдельном случае решимость — проявление мужества; когда же она становится постоянным свойством характера, она представляет духовный навык. Здесь имеется в виду не мужество перед лицом физической опасности, а мужество в отношении ответственности, так сказать, перед лицом моральной опасности. Этот вид мужества часто называли courage d'esprit[2], потому что он имеет своим источником рассудок; тем не менее он — проявление характера, а не рассудка. Голая рассудительность — далеко еще не мужество; часто самые рассудительные люди не обладают решимостью. Сперва рассудок должен пробудить ощущение мужества, которое затем будет его поддерживать и нести

[1] Понятие, среднее между интуицией и глазомером. — Ред.
[2] Буквально: мужество ума. — Ред.

на своих плечах, ибо при быстром натиске событий над человеком господствуют скорее чувства, нежели мысли.

Итак, мы называем решимостью способность в обстановке действий, при недостаточных данных, устранять муки сомнений и опасности колебаний. При не вполне точном словоупотреблении решимостью называются и простая склонность к риску, смелость, отвага, дерзость. Однако, в тех случаях, когда у человека есть достаточные данные (безразлично — субъективные или объективные, основательные или необоснованные), говорить о его решимости нет никаких оснований, потому что решимость предполагает сомнения, которых здесь нет.

При достаточных данных речь может итти только о силе или слабости. Мы не настолько педантичны, чтобы вступать в пререкания из-за небольшой неточности обычного словоупотребления; наше замечание имеет целью лишь устранить возможные неправильные возражения.

Итак, решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляет решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недостатка в мужестве, они готовы многое взять на себя, но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства — решимости. Последняя порождается лишь *актом* разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед *колебаниями* и *медлительностью*, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают *необдуманно*, а у того, кто действует необдуманно, не может быть борьбы с самим собой вследствие каких-либо сомнений. Такой способ действия может порою казаться удачным, но мы вновь повторяем: только *общий*

уровень успехов указывает на наличие военного гения. Если наше утверждение покажется странным кое-кому, кто знает иных гусарских офицеров, полных решимости, но которых, однако, нельзя почесть за глубоких мыслителей, тому мы напоминаем, что здесь говорится об особом направлении ума, а не о выдающейся мыслительной способности вообще.

Итак, мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума и притом такому, который свойственен скорее мощным, чем блестящим умам; мы можем подтвердить такую родословную решимость еще тем, что существует множество примеров, когда люди, проявлявшие на младших должностях величайшую решимость, утрачивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу, и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча.

При рассмотрении понятий «coup d'oeil» и решимости мы вплотную подошли к родственному понятию — к присутствию духа, играющему в царстве неожиданного, каким является война, большую роль; оно не что иное, как повышенная способность преодолевать неожиданное. Присутствием духа восхищаются и при метком ответе на неожиданный вопрос, и при быстром и находчивом действии при внезапной опасности. Этот ответ или действие могут и не представлять чего-нибудь необыкновенного, лишь бы оказались к месту. То, что по зрелом и спокойном обсуждении представляется чем-то вполне обыкновенным и не производит впечатления, нравится как результат мгновенной находчивости. Самое выражение «присутствие духа» весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи.

Следует ли приписать это дивное качество человека преимущественно особому складу ума или общей уравновешенности, зависит от природы данного случая, но наличие того и другого безусловно необходимо. Меткий ответ скорее говорит об остром уме, удачное мероприятие при вне-

запной опасности предполагает духовную уравновешенность.

Если мы бросим общий взгляд на четыре элемента, образующих атмосферу, в которой протекает война, — опасность, физическое напряжение, неизвестность и случайность, — то станет легко понятным, что требуется большая духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эта сила, в зависимости от форм, принимаемых ею при различных обстоятельствах, в устах рассказчиков и составителей отчетов о военных действиях получает название энергии, твердости, стойкости, силы духа или характера. Все эти различные проявления героической натуры можно было бы рассматривать как одну и ту же силу воли, которая в зависимости от обстоятельств принимает различные формы; но как ни близки между собой эти понятия, все же они различны по содержанию; в интересах нашего исследования нужно разобраться в них несколько подробнее.

Для большей ясности укажем, что тяжесть, бремя или противодействие (назовите, как хотите, то, что вызывает напряжение духовных сил в начальнике) является в весьма малой степени результатом непосредственной деятельности противника — его сопротивления и поступков. Противник, во-первых, непосредственно воздействует только на личность командира, но не вмешивается в его деятельность как вождя. Когда неприятель оказывает сопротивление не два часа, а четыре, то начальник подвергается личной опасности двумя часами дольше, но размеры опасности тем меньше, чем выше положение начальника. Для главнокомандующего она равна нулю.

Во-вторых, упорное сопротивление неприятеля непосредственно влияет на начальника вследствие потерь в боевых средствах и связанной с этим ответственности. Озабоченность, вызываемая этими обстоятельствами, первая подвергает испытанию силу воли вождя и вызывает ее напряжение. Но мы утверждаем, что это далеко не самое тяжелое бремя, которое ему приходится нести, ибо в этом случае ему приходится справиться только с самим собой.

Все прочее воздействие, оказываемое сопротивлением неприятеля, направлено на предводимых им бойцов и уже через них влияет на вождя.

До тех пор, пока войска, исполненные мужества, сражаются бодро и охотно, начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуется чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет итти само собой, как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнет оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуется от начальника огромная сила воли. Под этим сопротивлением следует разуметь не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания при виде кровавых жертв; начальнику приходится бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчиненных, передающих ему посредственно или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; все бремя инертности массы постепенно перекладывается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь поскольку он в состоянии это сделать, постольку он остается над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечет его за собой в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то бремя, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся. Это бремя растет вместе с ростом масс, а следовательно, и сил; чтобы они соответствовали растущему бремени, у начальника должно быть их тем больше, чем выше занимаемый им пост.

Энергия действий отражает силу побуждений, которыми действия вызваны, причем побуждения могут иметь источником как убеждения разума, так и эмоцию духа.

Последняя является необходимой, если требуется проявление крупных усилий.

Из всех высоких чувств, наполняющих человеческое сердце в пылу сражения, ни одно, надо признаться, не представляется таким могучим и устойчивым, как жажда славы и чести, которые так несправедливо унижаются в немецком языке заменой их двумя недостойными суррогатами — ч е с т о л ю б и е м и с л а в о л ю б и е м. Правда, злоупотребление этими гордыми стремлениями на войне обусловило самые возмутительные поступки по отношению к людскому роду, но по своему истоку эти чувства, конечно, принадлежат к числу наиболее благородных, какие только свойственны человеческой природе. На войне они — подлинное дыхание жизни, одухотворяющее огромное тело. Все остальные чувства, кажущиеся очень распространенными и возвышенными, — любовь к отечеству, фанатизм, чувство мести, всякого рода воодушевление, — не исключают необходимости в жажде славы и чести. Эти чувства, конечно, могут в общем возбудить толпу и повысить ее настроение, но они не внушат вождю воли, сильнейшей, чем воля его спутников, что существенно необходимо, если он должен добиваться исключительных результатов. Другие чувства не превращают, подобно честолюбию, боевые успехи войск в личное свойство вождя, в которое последний вкладывает все свои силы; он усердно пашет, тщательно сеет и он же собирает обильную жатву. Именно это стремление всех начальников, начиная с высшего и кончая низшим, этого рода промышленность, эта конкуренция и пришпоривание возбуждают дееспособность войск и обеспечивают им успех. Бывал ли когда-нибудь великий полководец без честолюбия и мыслимо ли подобное явление?

Т в е р д о с т ь означает сопротивляемость воли силе единичного удара, а с т о й к о с т ь — сопротивляемость продолжительности натиска. Эти качества очень близки, и часто одно выражение употребляют вместо другого; однако, нельзя не отметить заметного различия между ними. Твердость по отношению к единичному сильному впечатлению может опираться только на силу чувств, стойкость же нуждается в большей мере в поддержке разума, так как она

черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Обратимся теперь к силе темперамента. Прежде всего возникает вопрос, что мы под этим подразумеваем.

Конечно, не пылкие и страстные порывы, — это противоречило бы общепринятому словоупотреблению, — а способность повиноваться рассудку даже в момент величайшего возбуждения, в вихре самых бурных страстей. От одной ли силы разума зависит эта способность? Мы в этом сомневаемся. Тот факт, что встречаются люди с выдающимися умственными способностями, но не владеющие собой, не может, конечно, служить доказательством противного. На это можно было бы возразить, что здесь требуется особый склад ума, пожалуй, не такой всеобъемлющий, но более крепкий. Мы будем ближе к истине, если предположим, что одним из свойств самого темперамента является способность подчиняться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений; эту способность мы назовем самообладанием. Но есть совершенно особое чувство, которое у сильных духом вносит известное равновесие в разбушевавшиеся страсти, не устраняя их, однако, и тем самым обеспечивает господство разума. Этот противовес — чувство человеческого достоинства, благороднейший вид гордости и глубочайшая душевная потребность действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом. Поэтому мы скажем: сильный темперамент — у того, кто не теряет равновесия даже в моменты величайшего возбуждения.

Рассматривая отдельных людей с точки зрения их темперамента, мы, во-первых, заметим людей маловосприимчивых, называемых флегматиками или апатичными; во-вторых, очень впечатлительных, но чувства которых никогда не выходят за пределы определенной степени интенсивности, — людей чувствительных, но спокойных; в-третьих, встречаются люди крайне возбудимые, чувства которых вспыхивают быстро и бурно, как порох, но на короткое время; наконец, в-четвертых, людей, не поддающихся малым впечатлениям и вообще раскачивающихся только постепенно, но чувства которых сильны и устойчивы. Это — люди сильных, глубоких и скрытых страстей.

Корни этих различных темпераментов, повидимому, протягиваются к грани, на которой **физическая** природа человеческого организма соприкасается с духовной; темперамент находится в зависимости от нервной системы этой амфибии, одной своей стороной обращенной к материи, другой — к духу. Нам с нашей слабой философской подготовкой не приходится дольше останавливаться на этом темном и сложном вопросе, но важно вкратце отметить, как проявляются эти различные натуры в сфере военной деятельности и можно ли от них ожидать значительной духовной силы.

Людей апатичных нелегко вывести из равновесия, но это, конечно, не признак духовной силы, потому что здесь вообще нет ее проявления. Однако, не следует упускать из виду, что подобные люди на войне благодаря своей постоянной уравновешенности обладают известными, хотя и односторонними, достоинствами. Они не чувствуют необходимости действовать, им нехватает импульса, активности, но зато они редко могут что-либо испортить.

Отличительная черта второй категории — проявление деятельности по незначительным причинам и подавленное состояние при крупных. В случае единичного несчастья они способны проявить кипучую активность; несчастье же целого народа их повергает в уныние, но не побуждает к деятельности.

На войне у этих людей не будет недостатка ни в активности, ни в уравновешенности, но совершить что-либо великое они обычно не в состоянии; исключение представляет собой случай, когда люди этой категории обладают **очень сильным умом** и найдут в нем побуждения к великому. Но подобным натурам редко свойственен сильный, независимый ум.

Люди, бурно и быстро воспламеняющиеся, сами по себе мало пригодны для практической жизни, а следовательно, и для войны. Правда, импульс в них силен, но не выдерживает длительного напряжения. Однако, если горячность этих людей имеет уклон в сторону храбрости и честолюбия, то они могут быть удачно использованы на войне на более низких должностях на том простом основании, что военные предприятия, которыми приходится руководить началь-

нику невысокого ранга, обычно являются несравненно более кратковременными. Здесь часто достаточно одного смелого решения, вспышки душевных сил. Дерзкий наскок, могучее «ура» — дело нескольких минут, в то время как смело начатое сражение затягивается на целый день, а поход — на целый год.

Подобным людям при порывистой быстроте их чувств вдвойне трудно сохранить душевное равновесие, поэтому они часто теряют голову, а это — худшее, что может случиться при руководстве военными действиями. Однако, утверждение, что крайне возбудимые характеры никогда не бывают сильными, т. е. не могут сохранять равновесие в моменты сильнейшего возбуждения, противоречило бы опыту. Почему этим людям не было бы свойственно чувство собственного достоинства, раз большинство из них принадлежит к числу благороднейших натур? Но они редко успевают проявить эти свойства и впоследствии часто проникаются глубоким стыдом и угрызениями. Когда воспитание, самонаблюдение и жизненный опыт рано или поздно научат их остерегаться самих себя, чтобы в момент сильного возбуждения еще во-время осознать покоящийся в их груди противовес — чувство собственного достоинства, они способны проявить большую силу духа.

Наконец, люди, наружно спокойные, но глубоко чувствующие, относящиеся к предыдущему типу, как жар к пламени, более всего способны своей титанической силой сдвинуть и покатить огромный груз, под которым мы образно представляем трудности, сопряженные с военной деятельностью. Воздействие их чувств подобно движению огромных масс, хотя и медленному, но зато всесокрушающему.

Хотя подобные люди и не столь подвергаются натиску своих чувств и не бывают, на свое горе, в такой степени выбиты ими из колеи, однако, было бы неправильным предполагать, что они никогда не теряют равновесия и не подчиняются действию слепой страсти; скорее, напротив, это будет случаться всякий раз при отсутствии у них гордого чувства самообладания или при его недостаточности. Чаще всего это наблюдается у выдающихся людей первобытных народов, где недостаток умственного развития всегда способствует господству страстей. Однако, среди самых обра-

зованных народов и в самых образованных слоях часто случается, что людей уносят бури страстей, как уносили в средневековье в лесную чащу олени прикрученных к ним браконьеров.

Итак, повторяем еще раз: сильным темпераментом обладает человек, способный не только сильно чувствовать, но и сохраняющий равновесие при самых сильных испытаниях и способный, несмотря на бурю в груди, подчиняться тончайшим указаниям разума, как стрелка компаса на корабле, волнуемом бурей.

Под понятием сила характера или вообще характер мы подразумеваем твердое отстаивание убеждений, безразлично, являются ли последние выводами из чужой или собственной системы взглядов или же возникают из принципов, норм, мгновенных впечатлений или других каких-либо проявлений разума. Однако, это постоянство не может иметь места, если самые взгляды подвержены частым переменам. Изменение взглядов может явиться результатом не только чужого влияния, но и следствием эволюции своего разума; последнее указывает, однако, на особую неустойчивость данного лица. Ясно, что о человеке, меняющем каждую минуту свои взгляды, хотя бы все они исходили от него самого, нельзя сказать, что он обладает характером. Следовательно, характер приписывают или тому, чьи убеждения отличаются значительным постоянством, потому что они глубоко обоснованы и ясны, а вследствие этого не подлежат изменению; или тому, у которого, как у флегматика, вяло функционирует деятельность рассудка и потому нет оснований к изменению сложившихся убеждений; или, наконец, тому, у которого налицо подчеркнутое проявление воли, вытекающей из руководящего принципа разума и до известной степени отвергающей перемену взглядов.

Между тем, на войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений при недостоверности всех данных и всех оценок имеется значительно больше возможностей человеку сбиться с избранного им пути, ввести себя и других в заблуждение, чем это бывает в иного рода человеческой деятельности.

Раздирающий душу вид опасности и страданий легко дает перевес чувству над доводами рассудка; при сумеречном освещении всех явлений составление о них глубокого и ясного представления так трудно, что смена взглядов становится более понятной и простительной. Здесь можно только улавливать и нащупывать истину и по таким шатким данным нужно действовать. Нигде не встречается такого расхождения во взглядах, как на войне. Поток впечатлений, противоречащих собственным убеждениям, течет непрерывно. Даже величайшая флегма рассудка едва может являться защитой. Впечатления слишком сильны, живы и в то же время всегда направлены против духовного равновесия.

Лишь общие принципы и взгляды, которые руководят деятельностью с высшей точки зрения, могут быть плодом ясного и глубокого проникновения; мнение о каждом конкретном случае стоит на них, как на якоре. Но трудность и заключается в том, чтобы не оторваться от этих плодов прежних размышлений, очутившись в потоке мнений и явлений, которые несет с собой настоящее. Между конкретным случаем и принципом часто оказывается значительное пространство, которое не всегда можно перекрыть достаточно ясной цепью умозаключений; здесь нужна и известная вера в себя, и не бесполезен некоторый скептицизм. Часто ничто не может помочь, за исключением одного руководящего правила, которое, будучи вынесено за скобки мышления, может господствовать над ним; это следующее правило: *при всяком сомнении держаться своего первоначального мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных.* Надо твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и *при текучести* минутных явлений не забывать, что истинность последних невысокой пробы. Если во всех сомнительных случаях мы будем отдавать предпочтение своим прежним убеждениям и засвидетельствуем тем нашу верность или постоянство, то в наших действиях отразятся те устойчивость и последовательность, которые зовутся характером.

Легко понять, насколько душевная уравновешенность содействует силе характера. Люди большой духовной силы очень часто обладают и большим характером.

Сила характера приводит нас к ее уродливой разновидности — у п р я м с т в у.

В каждом конкретном случае трудно сказать, где кончается первое и начинается второе, но различие в понятии устанавливается легко.

Упрямство не я в л я е т с я д е ф е к т о м р а з у м а; этим понятием мы определяем сопротивление правильному и лучшему пониманию данного явления; конечно, такое сопротивление не может быть делом разума, этой нашей способности понимать. Упрямство — д е ф е к т т е м п е р а м е н т а. Неподатливость воли и раздражительное отношение к чужим доводам происходят из особого рода с а м о л ю б и я, для которого высшее у д о в о л ь с т в и е — т о л ь к о с в о и м у м о м в л а с т в о в а т ь н а д с о б о й и д р у г и м и. Мы назвали бы упрямство своего рода тщеславием, если бы оно не было чем-то лучшим; тщеславие удовлетворяется видимостью, упорство же покоится на удовольствии, доставляемом сущностью.

Сила характера обращается в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в правильности своих убеждений и не из следования высшему принципу, а из ч у в с т в а п р о т и в о р е ч и я. Если это определение, как мы уже заранее признались, мало помогает нам на практике, то все же оно помешает рассматривать упрямство как б о л е е в ы с о к у ю с т е п е н ь силы характера. Если упрямство приближается и даже граничит с силой характера, то оно все-таки не повышенная его степень, а нечто существенно различное; бывают чрезвычайно упрямые люди, которые вследствие недочетов своего ума оказываются весьма слабохарактерными.

Очерченные нами качества мастерства выдающегося военачальника представляют свойства, в которых проявляются совместно дух и разум; теперь рассмотрим еще одну черту военной деятельности, пожалуй, самую яркую, если не самую важную, не зависящую от духовных сил и предъявляющую требования лишь к умственным способностям. Она вытекает из отношения войны к местности и почве.

Это отношение, во-первых, непреложно; невозможно представить какое-либо проявление действий сформированной армии, совершаемое вне определенного пространства. Во-вторых, оно получает решающее значение, так как накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой их совершенно изменяет; в-третьих, оно то упирается в самые детальные особенности данного участка, то охватывает широчайшие пространства.

Отношение войны к местности и почве придает военной деятельности чрезвычайное своеобразие. Если мы взглянем на другие виды человеческой деятельности, имеющие известную связь с местностью (садоводство и земледелие, архитектура и гидротехнические сооружения, горное дело, охота и лесоводство), то все они ограничены скромными пространствами, которые в короткий срок могут быть обследованы с достаточной точностью. Между тем, военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором предстоит действовать и которое он ни осмотреть, ни обследовать, несмотря на всю энергию, не сможет; постоянная же смена событий редко позволит детально с этим пространством ознакомиться. Конечно, его противник находится в таком же положении, но, во-первых, общие обеим сторонам затруднения все же остаются затруднениями, причем начальник, преодолевший их благодаря таланту и опыту, получает огромное преимущество; во-вторых, такое равенство в затруднениях бывает лишь в общем, но отнюдь не в каждом конкретном случае; обычно один из двух противников (обороняющийся) гораздо лучше ознакомлен с местностью, чем другой.

Эту в высшей степени своеобразную трудность должна преодолеть особая способность ума, которая обозначается чересчур узким термином — чувство местности. Это — способность быстро и верно составить геометрическое представление о любой местности и, как следствие этого, всякий раз в ней затем хорошо ориентироваться. Очевидно, что это — работа воображения. Правда, что при этом восприятие отчасти создается при помощи зрения, отчасти при помощи рассудка, который своим проникновением, обостренным наукой и опытом,

дополняет недостающее и из обрывков, уловленных глазом, составляет целое. Но, для того чтобы это целое затем ясно и живо выступило перед сознанием, стало картиной, мысленно начертанной картой, отдельные детали которой не распадаются и длительно сохраняются в памяти, нужна духовная сила, которую мы называем воображением, фантазией. Если гениальный поэт или художник почувствует себя оскорбленным в том, что мы фантазии — их богине — приписываем такого рода деятельность, если он будет пожимать плечами, услышав на основании сказанного, что находчивый молодой охотник обладает хорошим воображением, то мы охотно пойдем на уступку, признав, что речь здесь идет о крайне ограниченном круге применения фантазии, о поистине робкой службе с ее стороны. Но как бы то ни было эта способность, хотя бы в малой доле, должна найти свое применение, потому что при полном ее отсутствии человеку трудно представлять себе живые образы предметов в их взаимном отношении. Мы охотно признаем, что хорошая память в этом случае оказывает существенную помощь; но вопрос о том, следует ли считать память самостоятельной душевной способностью или же ее в этом отношении укрепляет и фиксирует воображение, мы должны оставить открытым; память и воображение вообще трудно представить обособленно друг от друга.

Значительную роль при этом играют, конечно, навык и проницательность. Пюисегюр, известный генерал-квартирмейстер знаменитого маршала Люксембурга, говорит, что вначале он мало доверял своим силам в этом отношении, так как замечал, что, когда ему приходилось отправляться за приказаниями на далекое расстояние, он всякий раз сбивался с пути.

Естественно, что применение этого таланта расширяется по мере повышения ранга. Если гусар или егерь, ведя свой разъезд или дозор при наличии немногих примет, ограниченном понимании, среднем воображении, обязан легко ориентироваться в дорогах и тропинках, то полководец должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и, кроме того, обладать способно-

стью детально понимать подробности местности. Хотя помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других.

Указанная способность — едва ли не единственная услуга, которую фантазия может оказать в военном деле. Во всем остальном эта распущенная богиня способна принести больше вреда, чем пользы.

Итак мы, повидимому, приняли во внимание все проявления умственных и духовных сил, к которым военная деятельность предъявляет свои запросы. Всюду разум представляется существенной содействующей силой, а поэтому понятно, что простая в своих проявлениях военная деятельность может выдающимся образом руководиться только людьми выдающихся умственных способностей.

Если эта точка зрения будет усвоена, то отпадает необходимость считать обход неприятельской позиции, — действие в сущности самое простое и тысячу раз повторявшееся, — достижением высокого умственного напряжения.

Правда, создалась привычка противопоставлять простого, хорошего солдата глубокомысленному или изобретательному, кипящему идеями уму, украшенному блеском всестороннего образования. Это противопоставление не лишено основания, но оно безусловно не доказывает еще, что достоинство солдата заключается только в храбрости; даже для того чтобы быть только хорошим рубакой, и то надо иметь на плечах толковую голову, пригодную для своеобразной работы. Мы вновь должны отметить весьма частое явление, когда люди, достигнув высоких постов, утрачивают работоспособность, так как присущий им кругозор оказывается недостаточным. Мы подчеркиваем, что речь идет о выдающихся достижениях, доставляющих славу в той области деятельности, которой себя данное лицо посвятило. Каждая ступень командования на войне образует свой собственный цикл необходимых умственных способностей, славы и чести.

Громадная пропасть отделяет полководца, руководящего всей войной или действиями на отдельном театре войны, от непосредственно ему подчиненных; последние находятся под несравненно более непосредственным руководством и надзором, и, следовательно, их умственная деятельность заключена в значительно более узкие рамки. Этим объясняется распространенное мнение, будто лишь на высшем посту необходим выдающийся ум, а на остальных ступенях командования будто бы можно обходиться самым посредственным рассудком. Часто бывают склонны подмечать известное притупление умственных способностей поседевшего в боях начальника, занимающего ближайшую к полководцу командную должность, кругозор которого доведен до несомненной бедности его односторонней деятельностью; при всем уважении к его личной доблести часто готовы улыбаться над его ограниченностью. Мы не имеем в виду брать под свою защиту этих славных людей; таланты их от этого не вырастут, а в защите они едва ли нуждаются; мы хотим лишь показать, как дело обстоит в действительности, и рассеять заблуждение, будто на войне можно достигнуть выдающихся успехов и без умственных способностей, одной храбростью.

Если даже на низших постах мы требуем от командира, стремящегося выдвинуться, выдающихся духовных способностей и повышаем наши требования на каждой ступени, то само собою очевидно, что мы отнюдь не так смотрим на тех, кто с честью занимает второе место в армии. Их кажущаяся простота рядом с многознающим ученым, борзо пишущим чиновником и выступающим в заседаниях государственным деятелем не должна нас вводить в заблуждение относительно выдающейся природы их творческого разума. Правда, иногда бывает, что люди приобретают на низших постах репутацию и затем достигают высших должностей, в действительности не соответствуя последним. Если их там не очень используют, то они не подвергаются опасности разоблачить свою несостоятельность, а молва не разбирается достаточно точно в том, какого рода слава принадлежит им по праву. Подобные люди являются часто причиной довольно низкого мнения и о личностях, подлинно блещущих на известных постах.

Таким образом, чтобы достигнуть выдающихся результатов на войне, и на низших и на высших ступенях требуется своеобразный гений. Но история и суд потомства обычно придают наименование подлинного гения лишь тем умам, которые блистали на руководящих постах в роли полководцев. Это объясняется чрезвычайно повышенными требованиями к духу и уму, предъявляемыми на этом посту.

Для того чтобы довести всю войну или хотя бы большой ее отрезок, называемый походом, до блестящего конца, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения. Здесь стратегия и политика сливаются воедино, и полководец становится одновременно и государственным человеком.

Карла XII не называют гением потому, что он не умел подчинять свои военные успехи высшей прозорливости и мудрости и потому не достиг блестящих результатов; не дают этого названия и Генриху IV потому, что он прожил недостаточно долго для того, чтобы выдвинуть свою военную деятельность на арену отношений нескольких государств и испытывать свои силы в более трудных условиях, когда благородство чувств и рыцарский нрав не могут оказывать на противника того влияния, как при преодолении внутренней смуты.

В главе I нашего труда мы стремились дать читателю почувствовать объем того, что должно быть охвачено полководцем одним взглядом и получить от него правильную оценку. Повторяем, полководец становится государственным человеком, но все же должен оставаться полководцем; с одной стороны, он должен одним взглядом охватить все государственные взаимоотношения, с другой — отдать себе ясный отчет в том, чего он может достигнуть с имеющимися у него средствами.

При этом многообразии и неопределенности всевозможных отношений приходится взвешивать множество величин, оценка значительной части которых может быть произведена только по законам вероятности. Если полководец не охватит всего этого своим глубоким прозорливым умом, то возникнет путаница заключений и соображений и утратится возможность правильного суждения. В этом понимании Бонапарт был совершенно прав, когда говорил, что многие

вопросы, стоящие перед полководцем, являются математической задачей, достойной усилий Ньютона и Эйлера.

Главное, что здесь требуется от высших духовных сил, это — цельность и анализ, доведенный до удивительного прозрения, способного налету разрешать и разъяснять тысячи смутных представлений, одоление каждого из которых может истощить обыкновенный ум. Но эта высшая духовная деятельность, этот взор гения все же не стал бы достоянием истории, если бы он не нашел поддержки в тех свойствах темперамента и характера, о которых мы говорили выше.

Простое сознание истины представляет лишь крайне слабое побуждение для деятельности человека. Отсюда то великое различие, которое существует между познанием и волей, между знанием и умением. Наиболее сильно побуждают человека к действию чувства и та могучая поддержка, которую дают сплавы, если так можно выразиться, темперамента и рассудка, о которых мы говорили выше. Это — решимость, твердость, стойкость и сила характера.

Добавим: если бы эта повышенная умственная и духовная деятельность полководца не свидетельствовала о себе суммой достигнутых успехов и ее приходилось бы принимать лишь на веру, она редко попадала бы на страницы истории.

То, что обычно делается известным о ходе военных событий, бывает чрезвычайно простым, кажется крайне однообразным. Повествование не дает никакого понятия о тех трудностях, которые при этом приходится преодолевать. Лишь изредка, благодаря мемуарам полководцев и их доверенных лиц или при особо тщательном исследовании какого-либо события, удается схватить часть тех многих нитей, которые образуют ткань событий. Большая часть тех размышлений и той внутренней борьбы, которые предшествовали какому-либо крупному исполнению, умышленно скрывается, ибо они затрагивают политические интересы, или же просто забывается, ибо на них смотрят лишь как на леса, подлежащие сносу по окончании постройки.

Мы не будем пытаться более точно определить высшие духовные силы и отказываемся от установления отдельных свойств разума. Но на вопрос, какого рода ум более всего соответствует военному гению, скажем, исходя из природы военной деятельности и опыта действительности, — скорее критический, чем творческий, скорее широкий, чем углубляющийся в одну сторону; горячей голове мы предпочтем холодную, и последней мы вверили бы на войне благосостояние наших братьев и детей, честь и безопасность родины.

Глава IV

ОБ ОПАСНОСТИ НА ВОЙНЕ

Люди, не испытавшие опасностей войны, представляют себе ее скорее привлекательной, чем отталкивающей. В пылу воодушевления стремительно ринуться на врага — кто тогда считает пули и сраженных ими; зажмурив на несколько мгновений глаза, броситься навстречу смерти, еще не зная, предназначена она тебе или другим, — и все это на самом пороге золотой победы, почти касаясь плода всех усилий, которого жаждет честолюбие, — неужели это так трудно? Конечно нетрудно, но и не так легко, как это может показаться. Во-первых, таких мгновений будет мало; притом опасность — дело во всяком случае не мгновенное, как кажется многим, ее нельзя сразу проглотить, а придется принимать понемногу, разбавленную временем, подобно испорченной лекарственной микстуре.

Пойдем за новичком на поле сражения. Приближаясь к последнему, мы замечаем, что гром орудий, становящийся с каждым мгновением все более ясным, сменяется, наконец, воем снарядов, привлекающим внимание новичка. Снаряды падают уже близко то спереди, то сзади. Мы спешим к холму, на котором командир корпуса расположился со своей многочисленной свитой. Здесь падает больше снарядов, а разрывы гранат уже настолько учащаются, что серьезная действительность начинает сквозить через образы юношеской фантазии. Вдруг вы видите, как падает сраженным

ваш знакомый: граната упала в строй и вызвала невольное смятение. Вы начинаете ощущать, что сохранять полное спокойствие и сосредоточенность становится уже трудно; даже самые храбрые становятся несколько рассеянными.

Сделаем еще шаг в самое сражение, которое бушует перед нами, пока еще в виде картины. Подойдем к ближайшему начальнику дивизии; здесь снаряд летит за снарядом; грохот собственных орудий увеличивает вашу рассеянность. От дивизионного — к бригадному генералу. Последний, человек испытанной храбрости, тем не менее осторожно укрывается за холмом, домом или деревьями. Картечь, верный признак нарастающей опасности, барабанит по полям и крышам; снаряды с воем пролетают около нас, и над головами во всех направлениях часто свистят ружейные пули. Еще один шаг к войскам, и мы среди пехоты, с неописуемой стойкостью часами выдерживающей огневой бой. Здесь воздух наполнен свистом пуль, дающих знать о своей близости коротким резким звуком, когда они пролетают в нескольких дюймах от ваших ушей, головы, самой души. В беспокойно бьющееся сердце непрерывными мучительными ударами стучится сострадание к искалеченным и сраженным на ваших глазах.

Ни одной из этих различных ступеней опасности новичок не минует, не ощутив, что мысль здесь пробуждают иные силы и лучи ее преломляются иначе, чем при обычной умственной деятельности; скажем больше, надо быть совершенно исключительным человеком, чтобы под влиянием первых впечатлений не утратить способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка скоро притупляет эти впечатления; через полчаса становишься более или менее равнодушным ко всему окружающему, но до полного спокойствия и естественной душевной эластичности обыкновенный человек дойти не может, а потому следует признать, что здесь обыденного недостаточно; чем шире круг деятельности, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, властное честолюбие или старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в этой затрудняющей всякую деятельность обстановке ре-

зультат работы был не ниже той нормы, которая у себя в кабинете кажется такой обыкновенной.

Опасность — один из элементов трения на войне; правильное представление о ней необходимо для познаний сущности войны.

Поэтому мы и коснулись этого предмета.

Глава V

О ФИЗИЧЕСКОМ НАПРЯЖЕНИИ НА ВОЙНЕ

Если бы никому не разрешалось высказывать суждения о военных событиях иначе, как в тот момент, когда он окоченел от холода или изнемог от жары и жажды, подавлен голодом и усталостью, мы, конечно, имели бы меньше объективно верных суждений, но зато они были бы строго субъективными, т. е. в точности передавали бы отношение судящего к предмету. Это видно уже из того, насколько умаленным, вялым и дешевеньким является суждение очевидцев о результатах гибельного происшествия, особенно в тот момент, как они находятся среди этих несчастных событий. Последнее, на наш взгляд, может служить мерилом влияния, оказываемого физическим напряжением, и того значения, какое ему при анализе явлений следует придавать.

Существуют явления, для пользования которыми на войне нет возможности установить какую-либо норму, к ним в особенности относится физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, поскольку она не будет растрачена, является коэфициентом всех сил, и никто в точности не может сказать, до какого предела ее можно довести. Но замечательно: как более сильный стрелок туже натягивает тетиву лука, так более мощному духом удается на войне добиться от своих войск более высокой степени напряжения сил. Конечно, существует два вида напряжения сил. Один, когда после страшного разгрома, разбившись на обломки, подобно рухнувшему зданию, окруженная опасностями армия ищет спасения с величайшим напряжением

физических сил. Другой, когда полководец, по своему свободному соизволению, ведет победоносную армию, полную горделивого чувства. Степень напряжения, которая в первом случае вызывает лишь сострадание, во втором — внушает восторженное удивление, так как добиться ее здесь несоизмеримо труднее.

Таким образом, и перед неопытным глазом выступает на свет одно из обстоятельств, которое тайно накладывает оковы на порывы духа и украдкой поглощает его силы.

Хотя здесь речь идет, собственно, лишь о напряжении, которого главнокомандующий требует от своей армии, начальник — от своих подчиненных, точнее о мужестве, необходимом, чтобы его добиться, и об искусстве, без которого его нельзя сохранить, однако, нельзя обойти и вопроса о физическом напряжении, испытываемом начальниками и полководцем.

Добросовестно доведя анализ войны до этого места, мы должны принять во внимание также и удельный вес этого наслоения.

Мы рассматриваем здесь вопрос о физическом напряжении главным образом потому, что это напряжение, как и опасность, является одной из основных причин трения, а также и потому, что по неопределенному размеру вызываемого трения оно приближается к природе эластичных тел, сила трения которых, как известно, с трудом поддается исчислению.

Однако, особое внутреннее чувство, которое природа дала нам в качестве путеводной нити для нашего суждения, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на указанные суждения; нельзя отговариваться тягостными условиями войны. Подобно тому как отдельный человек ничего не выиграет, если будет ссылаться на свои слабости, подвергшись позору и оскорблениям, и, напротив, выставит себя в лучшем свете, сославшись на них после того, как ему удастся восторжествовать над клеветой или блестяще отомстить, так ни один полководец, ни одна армия изображением опасностей, тягот и напряжения не исправит впечатления от позорного поражения; но те же трудности могли бы значительно усилить блеск одержанной победы. Так кажу-

щаяся снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок, подавляется нашим чувством, в существе своем являющимся суждением высшего порядка.

Глава VI

СВЕДЕНИЯ, ПОЛУЧАЕМЫЕ НА ВОЙНЕ

Словом «сведения» мы обозначаем всю совокупность данных, имеющихся у нас о неприятеле и его стране. Это — основа наших собственных идей и действий. Стоит лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и шаткость, чтобы почувствовать, как хрупка зиждящаяся на ней постройка войны, как легко она может рухнуть и похоронить нас под своими обломками. Что следует доверять лишь надежным сообщениям и что никогда не следует отказываться от известного недоверия, об этом написано во всех руководствах; но это — жалкое, книжное утешение, представляющее ту премудрость, к которой охотно прибегают за неимением чего-либо лучшего составители систем и учебников.

Многие донесения, получаемые на войне, противоречат одно другому; ложных донесений еще больше, а основная их масса мало достоверна. От военного работника в данном случае требуется известная способность различать, которая дается только знанием дела и людей и здравым суждением. При оценке различных сведений надлежит руководствоваться их вероятностью. Затруднения бывают уже значительными при составлении первоначальных планов, разрабатываемых в кабинетах, вне подлинной сферы войны. В суматохе же военных действий они несравненно больше: там одно известие нагоняет другое; счастье еще, когда их противоречивость устанавливает известное равновесие и вызывает взаимную критику. Гораздо хуже для неопытного человека, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно известие начинает подкреплять, подтверждать и преувеличивать другие, картина раскрашивается все новыми красками, наконец, он оказывается перед необходимостью принять поспешное решение; последнее вскоре будет признано

глупостью, а сведения, его вызвавшие, — ложью, преувеличением, ошибкой и пр. Короче говоря, большинство известий ложно, а человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды. Как общее правило, всякий скорее способен поверить плохому, чем хорошему; каждый склонен несколько преувеличивать плохое. Грозящие опасности, о которых подобным образом доносят, похожи на морские волны, которые хотя и уносятся сами, но снова возвращаются без всякого видимого повода. Непоколебимо уверенный в превосходстве своего внутреннего знания начальник должен стоять, как скала, о которую разбиваются волны сомнений. Это нелегкая роль; кто от природы не одарен хладнокровием, не закален боевым опытом и не тверд в своем суждении, должен принять за правило насильно, т. е. вопреки своим внутренним убеждениям, отворачиваться от опасений в сторону надежд; только этот путь позволит ему сохранить истинное равновесие. Правильная оценка этих затруднений, составляющих одно из главных трений на войне, дает возможность видеть дело в совершенно ином свете, чем оно представлялось вначале. Впечатления чувств сильнее представлений разумного расчета, и это заходит так далеко, что почти ни одна сколько-нибудь крупная операция не выполнялась без того, чтобы командующему армией на первых же шагах не приходилось побеждать внутри себя вновь возникающие сомнения. Поэтому-то люди заурядные, следующие посторонним внушениям, обычно делаются нерешительными на месте действия. Обстоятельства им кажутся иными, чем они предполагали, и притом тем более, чем сильнее они продолжают поддаваться чужим внушениям. Но и тот, кто сам наметил план и смотрит на все собственными глазами, легко сбивается со своего первоначального мнения. Твердая уверенность в себе должна вооружить начальника против кажущегося напора данного момента. Его прежнее убеждение подтвердится при дальнейшем развертывании событий, когда кулисы, выдвигаемые судьбой на авансцену войны, с их густо намалеванными образами различных опасностей отодвинутся назад и горизонт расширится. Это — одна из великих пропастей, отделяющих составление плана от его выполнения.

Глава VII

ТРЕНИЕ НА ВОЙНЕ

Пока человек лично не ознакомится с войной, он не поймет, в чем заключаются трудности, о которых постоянно идет речь, и каковы задачи гения и выдающихся духовных сил, необходимых полководцу. Все представляется чрезвычайно простым: необходимые знания — банальными, комбинации — незначительными; по сравнению с ними заурядная задача высшей математики производит более внушительное впечатление своим научным величием. Но тому, кто видел войну, все понятно; несмотря на это, крайне трудно указать, что изменяет это простое в трудное, и описать этот невидимый и тем не менее всюду действующий фактор.

Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накопляясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия. Представьте себе путешественника, которому еще до наступления ночи надо проехать две станции; 4—5 часов езды на почтовых лошадях по шоссе — пустяки. Вот он уже на предпоследней станции. Но здесь плохие лошади или нет вовсе никаких, а дальше гористая местность, неисправная дорога, наступает глубокая ночь. Он рад, что ему удалось после больших усилий добраться до ближайшей станции и найти там скудный приют. Так, под влиянием бесчисленных мелких обстоятельств, которых письменно излагать не стоит, на войне все снижается, и человек далеко отстает от намеченной цели. Могучая, железная воля преодолевает все эти трения, она сокрушает препятствия; но при этом, правда, приходит в негодность и сама машина. Нам часто придется возвращаться к этому выводу. Подобно обелиску, к которому ведут главные улицы города, в центре военного искусства господствует над всем твердая воля гордого духа.

Трение — это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Военная машина — армия и все, что к ней относится, — в основе своей чрезвычайно проста, а потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сде-

лана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. Теоретически получается превосходно: командир батальона отвечает за выполнение данного приказа; так как батальон спаян дисциплиной воедино, а командир — человек испытанного рвения, то вал должен вращаться на железной оси с ничтожным трением. В действительности это не так, и в свое время вскрывается все ложное и преувеличенное, содержащееся в этом представлении. Батальон не перестает состоять из людей; при случае каждый из них, даже самый незначительный, может вызвать задержку или иное нарушение порядка. Опасности и физическое напряжение, с которыми сопряжена война, увеличивают зло настолько, что на них следует смотреть, как на важнейший его источник.

Это ужасное трение, которое не может, как в механике, быть сосредоточено в немногих пунктах, всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которых заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. Здесь туман помешал во-время обнаружить неприятеля, открыть огонь из орудия, доставить донесение начальнику; там из-за дождя один батальон не пришел вовсе, другой не мог притти во-время, так как ему вместо 3 часов пришлось шагать целых 8, в другом месте кавалерия увязла в размокшем грунте и не могла атаковать и т. п.

Мы привели эти две-три подробности только для ясности, чтобы читатель понимал, что именно имеет в виду автор. Но о таких трудностях можно написать целые тома. Чтобы избежать этого и все-таки дать читателю ясное представление о массе мелких затруднений, с которыми приходится бороться на войне, мы хотели бы отразить наши мысли в ряде картин, но боимся вызвать утомление. Ограничимся несколькими примерами; да простят их нам читатели, давно нас понявшие.

Деятельность на войне подобна движению в противодействующей среде. Как невозможно в воде легко и отчетливо воспроизвести самые естественные и несложные движения, простую ходьбу, так и на войне обычных сил недостаточно

чтобы держаться хотя бы на уровне посредственности. Поэтому-то настоящий теоретик похож на учителя плавания, заставляющего упражняться на суше в движениях, которые понадобятся в воде. Эти движения покажутся смешными и странными тому, кто, глядя на них, не вспомнит о воде. Отсюда же происходит непрактичность и даже пошлость теоретиков, которые сами не погружались в воду или оказались неспособными извлечь из своего опыта какие-либо общие правила; они обучают только ходить, т. е. учат тому, что и без них каждый умеет.

Каждая война богата своеобразными явлениями. Она — неисследованное море, полное подводных камней. Полководец никогда их не видел, но должен предчувствовать и уметь лавировать среди них в глубоком мраке ночи. Если вдобавок вдруг поднимется противный ветер, т. е. если будет иметь место крупная неблагоприятная случайность, потребуются величайшее искусство, присутствие духа и напряжение сил, а смотрящему издалека будет казаться, что все идет само собой. Знакомство с этим трением — значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала. Конечно, генерал, придающий исключительное значение трению, особенно если оно ему импонирует, не будет самым лучшим (такие боязливые генералы часто встречаются среди практиков). Но знание трения генералу безусловно необходимо, чтобы, где можно, его преодолевать и не ждать точности действий там, где из-за трения ее не может быть. Впрочем, теоретически трение изучить в совершенстве нельзя, но если бы это и было возможно, то все же недоставало бы еще навыка в оценке, того такта, который во всяком случае гораздо нужнее в поле, среди мелких и разнообразных явлений, чем при решении крупных важнейших вопросов, когда можно держать совет с самим собой и с другими. Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им командиру всегда в больших и малых делах, при каждом, так сказать, ударе пульса войны распорядиться правильно и кстати. При наличии опыта и навыка приходит ему на ум сама собою мысль: это — годится, это — нет. Он нелегко попадает

впросак, что при частом повторении подрывает основы доверия и представляет большую опасность.

Трение или то, что мы обозначали здесь этим термином, делает легкое с виду трудным на деле. Мы еще вернемся впоследствии к этому предмету, и тогда станет ясным, что, для того чтобы быть выдающимся полководцем, необходимо, помимо опыта и сильной воли, обладать исключительными качествами духа.

Глава VIII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Мы указали на опасность, физическое напряжение, недостоверность сведений и трение как на элементы, входящие в состав атмосферы войны и обращающие ее в среду, затрудняющую всякого рода деятельность. Сумму этих элементов и их противодействия можно назвать общим трением. Неужели для ослабления этого трения нет никакой надежной смазки? Такой смазкой может быть только втянутость армии в войну, но это средство не всегда находится в распоряжении полководца и войск.

Привычка приучает тело к большим напряжениям, душу — к опасностям, рассудок — к осторожности в отношении впечатления минуты. Привычка сообщает всем драгоценную уравновешенность, которая, восходя от рядового гусара и стрелка до начальника дивизии, облегчает деятельность полководца.

Подобно тому как человеческий глаз, расширяя в темной комнате свой зрачок, использует небольшое количество наличного света, мало-по-малу начинает различать предметы и, наконец, вполне удовлетворительно разбирается в них, так и опытный солдат ориентируется на войне, в то время как перед новичком расстилается непроглядная тьма.

Ни один полководец не может дать войскам втянутости в войну. Маневры мирного времени являются слабой ее заменой; эта замена слаба по сравнению с подлинным боевым опытом, но не в сравнении с навыками, приобретаемыми войсками, которые тренируются только в механическом вос-

произведении искусственных учений. Организация упражнений мирного времени, при которой открывается доступ хотя бы части элементов трения, развивает в отдельных начальниках способность к суждению, осмотрительность, даже решительность и имеет несравненно большую ценность, чем думают те; кто незнаком с этим на опыте. Крайне важно, чтобы военный любого ранга на войне не впервые столкнулся с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение. Если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему уже наполовину знакомы. Это касается даже физических напряжений. В них следует упражняться с целью приучить не только тело, но главным образом ум. Солдат-новичок склонен на войне считать требуемое от него чрезвычайное напряжение сил результатом крупных ошибок, блужданий и растерянности общего руководства; это удваивает его чувство подавленности, но все это отпадает, если к напряжению своих сил он будет подготовлен маневрами.

Привлечение офицеров чужих армий, обладающих боевым опытом, — другое менее широкое, но все-таки очень хорошее средство приобрести навык к войне в мирное время. В Европе мир редко бывает повсеместно, да и в остальных частях света война никогда не прекращается. Поэтому государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров или же отправлять туда своих офицеров, чтобы они могли там познакомиться с войной.

Как бы ни было незначительно число таких офицеров по отношению ко всей массе войск, все же их влияние будет очень заметно. Их опыт, направление ума, развитие характера влияют на подчиненных и товарищей; кроме того, в тех случаях, когда они не могут быть поставлены на влиятельные посты, на них можно смотреть как на людей, знакомых с местностью на определенных театрах войны; во многих случаях от них можно получить полезные сведения и указания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ТЕОРИИ ВОЙНЫ

Глава I

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Война по существу своему — бой, так как бой — единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием войны. Бой — это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон. Понятно, что исключать духовные силы нельзя, так как состояние духа оказывает самое решающее влияние на военные силы.

С давних времен необходимость борьбы заставляла человека изобретать специальные средства для получения преимуществ в бою. Вследствие этого бой во многом изменяется; но в какую форму ни вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны.

Изобретениями являются главным образом оружие и устройство войск. Прежде чем начать войну, надо изготовить оружие и тренировать бойцов. Эта работа направляется сообразно с природой боя, следовательно, является продиктованной последней. Но это еще не бой, а только подготовка к нему. Что вооружение и устройство не являются существенной частью понятия боя, ясно, так как обходящаяся без них простая кулачная расправа все же является боем.

Боем определяются вооружение и устройство войск, но последние в свою очередь видоизменяют бой; таким образом, между ними происходит взаимодействие.

Однако, бой все же остается крайне своеобразным видом деятельности, в особенности потому, что протекает в своеобразной стихии. Эта стихия — опасность.

Здесь более чем где-либо требуется разделение труда; чтобы пояснить практическую важность этого положения, достаточно напомнить, как отличные деятели в одной области оказывались абсолютно непригодными педантами в другой.

Притом вовсе нетрудно при исследовании отделить один вид деятельности от другого, если рассматривать вооруженные силы, являющиеся для нас средством, как данную величину; для целесообразного их применения достаточно будет уметь разобраться в их основных свойствах.

Итак, военное искусство в тесном смысле этого понятия является искусством использования в борьбе данных средств, для него нет более подходящего названия, как ведение войны. Но, конечно, военное искусство в широком смысле охватывает и другие виды деятельности, существующие ради войны, т. е. всю работу по созданию вооруженных сил — их комплектование, вооружение, устройство и обучение.

Для того чтобы теория не порвала с реальностью, весьма важно разделить исследование этих двух видов деятельности. Действительно, если бы теория военного искусства начиналась с организации вооруженных сил и, поскольку последние определяют ведение войны, приурочивала бы их к нему, то такая теория была бы приложима только в тех немногих случаях, когда наличные вооруженные силы в точности ей соответствуют. Напротив, если мы хотим иметь теорию, которая отвечала бы большинству случаев и никогда не являлась бы вовсе непригодной, то мы должны строить ее на основе нормальных вооруженных сил, какими они бывают в большинстве случаев, причем и здесь только на их важнейших данных.

Итак, ведение войны есть расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба представляла единичный акт, то не было бы никакого основания для дальнейшего подразделения теории ведения войны; однако, борьба состоит из большего или меньшего числа отдельных, завершенных актов, ко-

торые мы называем частными боями, как мы на то указывали в I главе 1-й части[1], и которые образуют новые единства. Отсюда происходят два совершенно различных вида деятельности: 1) организация этих отдельных боев и ведение их; 2) увязка их с общей целью войны. Первая называется тактикой, вторая — стратегией.

Деление на тактику и стратегию в настоящее время имеет почти всеобщее распространение; каждый более или менее определенно знает, в какую из двух областей он должен поместить отдельное явление, даже не отдавая себе ясного отчета в основании для этого деления. Если подобным подразделением руководствуются бессознательно, то оно должно иметь глубокое основание. Мы его установили и можем сказать, что путеводной нитью наших розысков являлось общепринятое словоупотребление. Произвольные же попытки отдельных писателей определить эти понятия без учета природы вещей мы должны рассматривать как не имеющие общего распространения.

Итак, согласно нашему делению, тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия — учение об использовании боев в целях войны.

Впоследствии, при более подробном рассмотрении боя, мы сможем вполне отчетливо очертить понятие отдельного или самостоятельного боя и установить предпосылки, при которых единство этого понятия имеет место; здесь же мы удовольствуемся замечанием, что пределы единства боя в пространстве (при единовременных боях) совпадают с пределами командования соответственного начальника, а пределы единства во времени (при боях, следующих один за другим) простираются до момента полного преодоления кризиса, содержащегося в каждом бое.

Тот факт, что встречаются сомнительные случаи, а именно когда несколько боев могут рассматриваться как сливающиеся в одно целое, не может служить возражением против нашей системы подразделения, так как представляет возражение против любой системы подразделения реальных явлений, различия между которыми обычно сглаживаются

[1] В действительности — во II главе 1-й части. — Ред.

постепенными переходами. Конечно, бывают и такие акты боевой деятельности, которые с одной и той же точки зрения могут с одинаковым успехом быть отнесены и к стратегии и к тактике, как, например, действия на весьма растянутых позициях, подобных кордонной линии, организация некоторых речных переправ и т. д.

Подразделение на стратегию и тактику имеет в виду и полностью охватывает лишь использование вооруженных сил. Между тем, на войне есть множество видов деятельности, которые помогают использованию вооруженных сил, но отличны от него, иногда приближаясь, иногда становясь более чуждыми ему. Все эти виды деятельности относятся к сохранению вооруженных сил. Подобно тому как создание и обучение сил предшествует их использованию, так сохранение их сопровождает это использование и составляет необходимое его условие. Впрочем, при более внимательном разборе все виды деятельности, относящиеся сюда, должны рассматриваться как подготовка к бою, но подготовка, настолько близко соприкасающаяся с боевой деятельностью, что она сопровождает военные действия на всем их протяжении, чередуясь с актом использования вооруженных сил. Поэтому мы вправе отделить эти виды деятельности так же, как и прочие подготовительные действия, от военного искусства, понимаемого более тесно, т. е. от непосредственного ведения войны, и к этому нас вынуждает основное требование всякой теории отделять неоднородные явления друг от друга. Кто станет причислять к ведению войны в собственном смысле всю канитель продовольственной службы и администрации? Хотя они и находятся с ведением войны в постоянном взаимодействии, но все же представляют нечто, по существу своему от него отличное.

В III главе 1-й части[1] мы говорили, что в то время как борьба в целом и частные бои представляют собой единственное подлинное действие, нити всех остальных видов деятельности приводят к бою и охватываются им. Этим мы хотели сказать, что всем остальным видам деятельности

[1] Указанная тема рассматривается во II главе 1-й части. — Ред.

бой указывает объекты, к достижению которых они стремятся, каждый согласно присущим им особенностям. Здесь мы подробнее остановимся на них.

Объекты деятельности, протекающие вне сферы боя, чрезвычайно разнообразны.

Некоторые из них, с одной стороны, являются частью самой борьбы и с ней тождественны, с другой же стороны имеют целью сохранение вооруженных сил. Другие служат исключительно сохранению этих сил и лишь на основе взаимодействия оказывают косвенное влияние на бой.

Объекты деятельности, являющиеся еще частью самой борьбы, это — марши, биваки и квартирное расположение войск, потому что ими обусловливается известное состояние войск, а там, где мыслятся войска, идея боя всегда должна быть налицо.

Другие, имеющие отношение исключительно к сохранению вооруженных сил, это — продовольствие войск, уход за ранеными и больными, пополнение вооружения и снаряжения.

Марши вполне тождественны с использованием войск. Марши в течение боя, обычно называемые эволюциями[1], еще не представляют подлинного действия оружием, но они так тесно и неизбежно связаны с последним, что составляют неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя — не что иное, как выполнение стратегических предначертаний. Эти последние указывают, когда, где и с какими силами должен быть дан бой, а для выполнения этого единственным средством служит марш.

Таким образом, марши вне боя являются орудием стратегии, но не принадлежат единственно ей, так как войска на походе каждое мгновение могут ввязаться в бой; поэтому выполнение марша контролируется как тактикой, так и стратегией. Когда мы указываем колонне путь по сю сторону реки или горного отрога, то это является стратегическим заданием, ибо в нем заключается намерение дать противнику бой, если последний завяжется на марше, по эту

[1] Т. е. движения, связанные с перестроением боевых порядков и маневрированием в бою. — Ред.

сторону реки или отрога, а не на противоположной стороне.

Если же колонна, вместо того чтобы итти в долине по дороге, будет двинута по сопровождающей последнюю возвышенности или если ради удобства марша она будет разделена на несколько небольших колонн, то это уже явится тактическим заданием, ибо оно определяется тем **способом**, каким, в случае возможного боя, мы намерены использовать наши вооруженные силы.

Внутренний распорядок при передвижении всегда связан с боевой готовностью и относится к тактике, ибо он не что иное, как предварительный распорядок для могущего иметь место боя.

Так как марш [1] является инструментом, посредством которого стратегия распределяет свои деятельные начала, т. е. бои, то эти последние входят в стратегию лишь своими результатами, но не своим фактическим течением; поэтому нас не должно удивлять, что при анализе инструмент часто оказывался на месте деятельного начала. Так часто говорят о решающих искусных маршах, причем разумеют при этом те комбинации боев, к которым эти марши привели. Такая подмена представлений вполне естественна, а краткость речи слишком желательна, чтобы настаивать на отказе от нее, но все же такой оборот речи является лишь сдвигом ряда представлений, настоящий смысл которого надлежит не упускать из виду, дабы не стать на ложный путь.

Таким ложным путем является приписывание стратегическим комбинациям силы, независимой от тактических успехов. Комбинируют марши и маневры, достигают намеченной цели, и при этом нет и речи о бое; отсюда заключают, что будто бы существуют средства одолеть противника и без боя. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность указать всю чреватую последствиями значительность этого заблуждения.

Но хотя марш и может рассматриваться как неотъемлемая часть боя, однако, к нему относятся и вопросы, не имею-

[1] Здесь мы вносим исправление — «марш» вместо «человек», так как во 2-м немецком издании (1835 г.), с которым сверялся настоящий перевод, явная опечатка: «Mensch» (человек), вместо «Marsch». — Ред.

щие прямого отношения к последнему, т. е. не являющиеся ни тактическими, ни стратегическими. Сюда относится весь распорядок, служащий лишь для удобства войск, например, сооружение мостов и дорог и т. п. Это, однако, лишь аксессуары; порой они могут стать очень близкими к использованию войск и почти с ними отождествиться, как, например, постройка моста на глазах у неприятеля, и все же они являются посторонними действиями, теория которых не входит в теорию ведения войны.

Биваки [1], под которыми, в противоположность квартирному расположению, мы разумеем всякое сосредоточение, а следовательно, готовое к бою расположение войск, представляют состояние покоя и, следовательно, отдыха, но в то же время они являются стратегическим предрешением сражения в пунктах, где они располагаются; при этом порядок их расположения уже содержит в себе основные линии боя и обстановку, из которой исходит всякий оборонительный бой. Таким образом, расположение биваков является существенной частью как стратегии, так и тактики.

Квартирное расположение заменяет бивак в целях предоставления лучшего отдыха войскам; следовательно, по местонахождению и размеру занятой площади оно, как и биваки, относится к стратегии, а по внутренней организации, ориентированной на готовность к бою, является предметом тактики.

Правда, помимо отдыха войск бивачное и квартирное расположения обыкновенно преследуют и другие цели, например, прикрытие известного района, удержание той или другой позиции; но часто целью может служить лишь первое. Припомним, что цели, преследуемые стратегией, могут быть чрезвычайно разнообразными, ибо все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя; но и сохранение орудия, при помощи которого ведется война [2], по необходимости часто будет являться целью отдельных ее комбинаций.

Следовательно, когда в подобном случае стратегия обслуживает лишь сохранение войск, то мы вовсе не оказы-

---

[1] В оригинале «лагери». — Ред.
[2] Т. е. армии. — Ред.

ваемся в чужой нам области, но все еще находимся в области использования вооруженных сил, ибо всякое их размещение в любом пункте театра войны представляет использование их.

Но если сохранение войск на биваках или на квартирах вызывает такую деятельность, которая не является использованием вооруженных сил, вроде постройки землянок, разбивки палаток, снабжения продовольствием или работ по поддержанию чистоты на биваках и в местах расквартирования, то это уже не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Даже сооружение окопов, расположение и устройство которых являются, очевидно, частью организации боя, а следовательно, составляют предмет тактики, не принадлежит, однако, в отношении в ы п о л н е н и я п о с т р о й к и к теории ведения войны; нужные для этого знания и умение должны быть уже присущи обученной вооруженной силе. Учение о бое предполагает их как уже готовую данную.

Из объектов, которые служат исключительно сохранению вооруженной силы и ни одной своей частью не отождествляются с боем, все же более близким к последнему, чем другие, является продовольствие войск, потому что эта деятельность должна выполняться ежедневно и притом для каждого индивида. Таким образом, она перекрывает всю военную деятельность в ее стратегической части.

Мы говорим — в ее стратегической части, так как в рамках единичного боя вопрос продовольствия войск лишь в крайне редких случаях может оказать существенное влияние на план боя, хотя и такой случай мыслим. Наибольшее взаимодействие оказывается, таким образом, между продовольственным снабжением армии и стратегией; весьма часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет основные стратегические линии кампании или войны. Но как бы часто и решительно ни влияла эта забота, снабжение войск продовольствием все же остается всегда деятельностью, существенно отличной от использования сил и влияющей на последнее лишь своими результатами.

Гораздо дальше от использования войск стоят другие объекты административной деятельности, о которых мы упоминали. Попечение о раненых очень важно для благосостояния армии, но распространяется лишь на малую часть входящих в ее состав индивидов и потому оказывает лишь очень слабое и притом косвенное влияние на использование остальных. Пополнение предметов снаряжения, поскольку оно не является постоянной деятельностью самого организма вооруженных сил, происходит периодически и, таким образом, только в редких случаях будет иметься в виду при составлении стратегических планов [1].

Но здесь нам надо оговориться во избежание возможного недоразумения. В отдельных случаях эти вопросы могут иметь решающее значение. Удаленность госпиталей и складов огнестрельных припасов может очень часто оказаться единственным основанием для крайне важных стратегических решений; этого факта мы не намерены ни отрицать, ни оставлять в тени. Но речь идет не о значении подобных фактов в отдельных случаях, а об отвлеченной теории ведения войны, и мы утверждаем, что такие случаи слишком редки, чтобы методам ухода за больными и ранеными, пополнения оружием, огнестрельными припасами и т. п. придавать значение для теории ведения войны. Тем не менее, целесообразно включить в теорию войны различные методы и системы, которые дают эти теории и их выводы; во всяком случае это имеет место по отношению к продовольствию войск.

Подводя снова итог нашим рассуждениям, мы скажем, что различные виды деятельности, связанные с войной, распадаются на две главные категории: на такие, которые являются лишь п о д г о т о в и т е л ь н ы м и к в о й н е, и н а с а м у ю в о й н у. Этого деления должна держаться теория.

Знание и навыки, сопряженные с подготовкой, направлены на создание, обучение и сохранение всех вооруженных сил. Мы не будем останавливаться на том, какое общее название надо дать этой деятельности, но мы видим, что сюда входят артиллерия, фортификация, так называемая

---

[1] В наше время значение вопроса о снабжении боеприпасов бесконечно выросло. — Р е д.

элементарная тактика, вся организация и администрация вооруженных сил и другие подобные предметы. Теория же самой войны занимается вопросами использования этих средств, выработанных в целях войны. От указанных ранее предметов она требует лишь вывода, а именно — данные о главных свойствах тех средств, которые предназначаются для ведения войны. Эту теорию войны мы и называем военным искусством в тесном смысле слова, или теорией ведения войны, или теорией использования вооруженных сил, что для нас обозначает одно и то же понятие.

Эта теория будет заниматься боем, являющимся подлинной борьбой, маршами, бивачным и квартирным расположениями, как состояниями, более или менее тождественными с первыми. Снабжение же войск как деятельность, не входящая в содержание боя, будет приниматься во внимание лишь своими конечными данными, подобно другим данным обстановки.

В свою очередь военное искусство в тесном смысле слова распадается на тактику и стратегию. Первая занимается оформлением отдельного боя, вторая — использованием последнего. Обе затрагивают вопросы маршей, бивачного и квартирного расположения лишь через призму боя, и эти вопросы являются тактическими или стратегическими в зависимости от того, касаются ли они оформления боя или его значения.

Вероятно, найдутся читатели, которым покажется излишним такое тщательное разграничение двух, столь близко соприкасающихся предметов, как тактика и стратегия, ибо оно не оказывает непосредственного влияния на самое ведение войны. Но ведь нужно быть большим педантом, чтобы искать непосредственных воздействий теоретического подразделения на поле сражения.

Первая задача всякой теории — это привести в порядок смутные и чрезвычайно спутанные понятия и представления; лишь условившись относительно названий и понятий, можно надеяться ясно и легко преуспевать в рассмотрении вопросов и при этом питать уверенность, что находишься с читателем на одной и той же точке зрения. Тактика и стратегия представляют собою две проникающие одна другую в пространстве и времени, но в то же время

различные по существу деятельности; мы ни в коем случае не можем отчетливо мыслить их внутренние законы и взаимоотношения, не установив в точности их понятия.

Тот, кому все это безразлично, или отказывается от всякого теоретического рассмотрения, или же еще не страдал от запутанных и сбивчивых представлений, не опирающихся на твердую точку зрения, не приводящих ни к какому удовлетворительному результату; подобные представления о ведении войны, порою плоские, порою фантастические, порою плавающие в пустоте общих мест, столь часто преподносятся нам в печатной и устной форме именно по той причине, что еще редко на этих предметах останавливался дух научного исследования.

Глава II

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

1. Первоначально под военным искусством разумели лишь подготовку боевых сил

Прежде под названием «военного искусства» или «военной науки» всегда разумели совокупность знаний и сноровок, которые касаются материальных вещей. Устройство, изготовление и употребление оружия, постройка крепости и окопов, организация армии и механизм ее движений были предметами этих знаний и сноровок, и все они были направлены к тому, чтобы выставить пригодную для войны вооруженную силу. При этом не выходили из области материи, и война рассматривалась как область деятельности лишь одной из воюющих сторон. По существу это был только постепенный переход от ремесла к утонченному механическому искусству. Все это имело приблизительно такое же отношение к бою, как искусство мастера, выделывающего шпаги, к искусству фехтования. О действиях в минуту опасности в беспрерывно меняющейся обстановке, о подлинных проявлениях духа и мужества в надлежащем направлении не было и речи.

2. Война проявляется впервые в искусстве осаждать крепости

В искусстве осаждать впервые проявляется нечто, относящееся к руководству самим боем, т. е. признаки проявления того духа, которому вручена эта область материи. Но эти духовные проявления большей частью сейчас же получали материальное воплощение в виде подступов, траншей, контрапрошей, батарей и т. п. и являлись лишь нитью, требовавшейся для того, чтобы нанизать на нее это материальное творчество. Но в этих осадах духовная сторона могла найти почти исключительно такое выражение, и этим можно было довольствоваться.

3. Затем на тот же путь вступила тактика

Позднее тактика делала попытки придать механизму своих сочетаний характер общего распорядка, отвечающего особенностям инструмента[1]; эта попытка, конечно, ведет теорию на поле сражения; но на последнем не было простора для свободной деятельности ума и воли; там действовала армия, обращенная строями и боевым порядком в автомат; простая команда приводила его в движение подобно часовому механизму.

4. Мысли о подлинном ведении войны встречались лишь изредка и под другим обликом

Предполагалось, что подлинное ведение войны, свободное, т. е. примененное к требованиям конкретной обстановки, использование подготовленных средств, не может быть предметом теории, а должно представлять арену применения естественных дарований человека. Мало-по-малу, по мере того как война переходила от рукопашной борьбы средневековья к более правильной и сложной форме, в человеческом уме начинали тесниться отдельные отрывочные размышления, но они еще преимущественно проскальзывали только в мемуарах и рассказах, до известной степени incognito[2].

---

[1] Т. е. армии. — Ред.

[2] Incognito — не указанных, под чужим именем. — Ред.

5. Размышления по поводу военных событий вызвали потребность в теории

Когда размышления по поводу военных событий стали накопляться, а история стала приобретать более критический характер, возникла живая потребность в известной точке опоры в виде принципов и правил, дабы столь свойственные военной истории спорные вопросы и борьба противоречивых мнений могли получить разрешение. Этот вихрь противоречивых мнений, лишенный какого-либо центра и каких-либо ощутимых законов, должен был представлять претящее человеческому уму явление.

6. Стремление установить положительное учение

Таким образом, возникло стремление установить основные положения, правила или даже системы ведения войны. Не вглядевшись должным образом в те бесконечные трудности, которые лежат на пути к созданию положительного учения о ведении войны, выдвинули эту задачу. Ведение войны, как мы показали выше, расплывается в крайне неопределенных границах во все стороны, между тем как каждая система, каждое научное построение обладают ограничивающей природой синтеза; отсюда создается навсегда непримиримое противоречие между такой теорией и практикой.

7. Ограничение материальной стороной

Теоретики довольно скоро ощутили все трудности этой задачи и сочли себя вправе уклониться от нее. Поэтому они вновь ориентировали свои принципы и системы лишь на одни матеральные факторы и действия одной стороны. Хотели, как в науке о подготовке к войне, дойти до известных положительных результатов, принимая к рассмотрению лишь то, что могло быть подвергнуто точному учету.

8. Численное превосходство

Численное превосходство является вопросом материальным. Из всех факторов, которыми обусловливается победа, остановились именно на нем, так как численное превосход-

ство, комбинируемое со временем и пространством, могло дать законы математического порядка. Мысля все прочие обстоятельства равными с обеих сторон и, таким образом, взаимно нейтрализованными, считали возможным отвлечься от них. Такое допущение, пожалуй, имело бы право на существование, если бы делалось временно, с целью изучить один этот фактор по сопровождающим его обстоятельствам; но поступить таким образом раз навсегда, считать численное превосходство за единственный закон и видеть в формуле «сосредоточить к определенному времени в определенном пункте численное превосходство» весь секрет военного искусства — это означало создавать ограничение, совершенно не способное выдержать могущественный напор действительной жизни[1].

9. Снабжение армии

Была сделана попытка систематизировать в теоретической обработке еще другой материальный фактор. Армия рассматривалась как некоторый организм, требующий пропитания; снабжение армии и выдвинули как основное исходное положение для законов ведения большой войны[2].

Конечно, и тут пришли к определенным цифровым данным, но эти цифры, покоившиеся на множестве произвольных предпосылок, не могли устоять перед лицом действительного опыта.

10. Базис

Некий остроумец попытался сосредоточить в одном понятии базиса целую кучу разнообразных обстоятельств, между которыми оказались даже и некоторые духовные факторы: продовольствие армии, ее укомплектование и запасы снаряжения, обеспеченность сообщений с отечеством, нако-

---

[1] В этом параграфе Клаузевиц нападает на стратегическую теорию Жомини и эрцгерцога Карла. — Ред.

[2] Имеется в виду теория Вилизена. — Ред.

нец, безопасность отступления, если в том окажется необходимость. Это понятие базиса сперва подменило собой все отдельные факторы; затем величина (протяжение) базиса подменила его самого, и, наконец, угол, который образует армия с этим базисом, заменил величину последнего[1], и все это проделано было, для того чтобы дойти до чистого геометрического результата, не представляющего никакой ценности. Последнее, конечно, неизбежно должно было случиться, ибо ясно, что ни одна из этих подстановок не могла быть произведена без насилия над истиной и без изъятия части содержания предшествующего понятия. Понятие базиса представляет действительную потребность стратегии, и дошедший до него оказал теории истинную услугу, но пользоваться им вышеуказанным способом безусловно недопустимо; это должно было привести к совершенно однобоким выводам, которые этого теоретика увлекли еще дальше в совершенно нелепом направлении, а именно — к установлению господствующего значения охватывающей формы базиса.

11. Внутренние линии

В виде реакции против этого ложного направления возведен был на престол другой геометрический принцип, принцип так называемых внутренних линий[2]. Этот принцип опирается на правильное основание — на ту истину, что бой есть единственное решающее средство на войне; но все же, именно вследствие своей исключительно геометрической природы, он не что иное, как новая однобокость, которая никогда не будет в состоянии господствовать над действительной жизнью.

---

[1] Сарказмы Клаузевица направлены против Бюлова; последний указывал на значение «объективного угла», образуемого линиями, исходящими от пункта расположения армии к концам базиса. Чем армия уйдет дальше от базиса, тем угол делается острее, а положение армии — более сомнительным. — Ред.

[2] Снова — против Жомини. — Ред.

12. Все подобные попытки должны быть отвергнуты

На все подобные попытки создать теорию можно смотреть как на шаг вперед к истине лишь в аналитической их части; в части же синтетической, дающей руководящие указания и правила, они совершенно непригодны.

Они стремятся к определенным величинам, в то время как на войне все неопределенно и в расчет входят явно переменные величины.

Они направляют исследование лишь на величины материальные, в то время как военные действия насквозь пронизаны духовными силами и воздействиями.

Они всегда имеют в виду лишь действия одной стороны, между тем как война представляет постоянное взаимодействие противных сторон.

13. Гения ставили вне правил

Все то, что оказывалось недосягаемым для скудной мудрости одностороннего исследования, лежало за научной оградой и представляло область гения, *который якобы возвышается над общими правилами*.

Горе воину, долженствующему пресмыкаться среди нищеты этих правил, которые слишком плохи для гения, через которые гений может гордо шагать и даже потешаться над ними! А между тем именно то, что делает гений, должно являться лучшим правилом, и теория ничего лучшего сделать не может, как показать, как и почему действовал гений.

Горе той теории, которая становится в оппозицию к духу! Она не загладит этого противоречия никаким смирением; чем больше она будет унижаться, тем больше ее будут вытеснять из действительной жизни насмешка и презрение.

14. Затруднения, встреченные теорией при рассмотрении величин духовного порядка

Каждая теория становится бесконечно труднее с того момента, когда она затронет сферу моральных величин. Архитектура и живопись ясно понимают свои задачи, пока они

имеют дело с материей; механические и оптические конструкции споров не вызывают. Но как только начинается моральное воздействие их творений, как только должны проглянуть духовные переживания и чувства, — все законодательство расплывается в неопределенных идеях.

Медицина по большей части занимается явлениями физическими, она имеет дело с животным организмом, который, будучи подвержен постоянным изменениям, через два месяца становится уже иным, чем он был раньше; это значительно затрудняет задачу медицины и ставит способность суждения врача выше его знаний; но насколько труднее случай, когда примешивается и душевное заболевание, и насколько выше ставим мы работу психиатра!

15. Моральные величины не могут быть исключены из теории войны

Но военная деятельность никогда не бывает направлена против одной лишь материи, а всегда в то же время и против моральных сил, одухотворяющих эту материю; отделить их друг от друга невозможно.

Моральные величины можно различать лишь внутренним оком, а последнее у каждого человека будет иным, да и у одного и того же человека бывает различным в разное время.

Так как опасность является общей стихией, в которой протекает вся военная деятельность, то суждение здесь будет находиться в зависимости от мужества и уверенности в собственных силах. Последние являются той призмой, через которую проходят все представления, раньше чем они достигают разума.

И все же нельзя сомневаться в том, что эти моральные величины могут получить некоторую объективную оценку уже на основе одного опыта.

Каждый знает моральное действие внезапного нападения, атаки с фланга или с тыла. Каждый ценит ниже храбрость противника, как только тот повернул спину, и проявляет совсем иную отвагу в роли преследующего, чем в роли преследуемого. Каждый судит о своем противнике по молве о его талантах, по его возрасту и его опытности и этим

руководствуется в своей деятельности. Каждый тщательно взвешивает дух и настроение своих и неприятельских войск. Все эти и подобные им воздействия в области духовной природы подтверждались и постоянно повторялись на опыте: следовательно, мы вправе считаться с ними как со своего рода действительными величинами. Что может получиться из теории, которая оставила бы их без внимания?

Конечно, эти истины должны вести свою родословную от опыта. С психологическими же и философскими мудрствованиями не должны связываться ни одна теория, ни один полководец.

16. Главная трудность для теории ведения войны

Чтобы отчетливо обозреть трудность задачи, которая содержится во всякой теории ведения войны, и иметь возможность вывести заключение о характере, который должна носить эта теория, мы должны ближе присмотреться к главным особенностям, определяющим природу военной деятельности.

17. Первая особенность — моральные силы и воздействия [Чувство вражды]

Первая из этих особенностей заключается в моральных силах и воздействиях.

Бой первоначально является выражением *чувств вражды*: правда, в наших больших боях, которые мы называем войной, враждебные чувства становятся только враждебными *намерениями*; обычно мы не найдем, по крайней мере у отдельного человека, чувств ненависти к отдельному, единичному врагу. Тем не менее никогда дело не обходится без подобных чувств. Национальная ненависть, в которой и в наших войнах редко чувствуется недостаток, заменяет в большей или меньшей степени личную вражду одного индивидуума к другому. Но там, где нет налицо и этой ненависти и первоначально не было никакого озлобления, там чувство вражды воспламеняется в процессе самой борьбы.

Насилие, которое нам кто-то причиняет на основании полученного приказания, воспламеняет в нас чувство мести и возмездия, прежде чем наши чувства обратятся против

той власти, которая повелевает против нас действовать. Это — по-человечески или, если хотите, по-зверски, но это — так[1]. А в теории обычно принято смотреть на бой как на абстрактное измерение сил без какого-либо участия настроения; это представляет одну из тысячи ошибок, допускаемых вполне умышленно теориями, не отдающими себе отчета в вытекающих из них последствиях.

Кроме этого порождаемого самой природой борьбы побуждения моральных сил существуют и другие, в основном самостоятельные, но родственные борьбе и легко с ней увязывающиеся, как-то: честолюбие, властолюбие, воодушевление всякого рода и пр.

18. Впечатления, производимые опасностью [Мужество]

Наконец, бой порождает стихию опасности, в которой все виды военной деятельности пребывают и движутся, как рыбы в воде, как птицы в воздухе. Действие же опасности влияет на дух или непосредственно, т. е. инстинктивно, или через посредство разума. Непосредственным отражением опасности является стремление избежать ее, а при неисполнимости последнего — страх и ужас. Если такое воздействие не имеет места, это означает, что этот инстинкт уравновешивается мужеством. Но мужество никоим образом не есть акт рассудка, а представляет точно такое же чувство, как и страх; последний направлен на физическое самосохранение, а мужество — на моральное. Мужество — благородный инстинкт, который не допускает своего использования в виде безжизненного инструмента, проявляющего свое действие в точно указанном размере. Таким образом, мужество — не простой противовес опасности, предназначенный нейтрализовать ее действие, а величина самостоятельная.

---

[1] Ленин выписал до этого места весь абзац против слов: «национальная ненависть, в которой и в наших войнах редко чувствуется недостаток», он пометил: «только «редко»??» и после выписки приписал в скобках: «национальная ненависть — во всякой войне»... — Ред.

19. Объем влияния опасности

Дабы правильно оценить влияние опасности, оказываемое на лиц, действующих на войне, не следует ограничивать ее область физической опасностью данной минуты. Опасность воздействует на начальника не только тем, что непосредственно угрожает лично ему, но и тем, что угрожает всем вверенным ему людям; это воздействие имеет место не только в момент действительного проявления опасности, но и в течение всего промежутка времени, который в нашем представлении связан с этим моментом. Наконец, опасность оказывает не только непосредственное воздействие, но также и косвенное — посредством ответственности, бремя которой, тяготеющее над сознанием начальника, она удесятеряет. Кто смог бы посоветовать или решиться дать большое сражение, не испытывая при этом большего или меньшего духовного напряжения или смущения перед опасностью и ответственностью, сопряженных с таким решительным актом? Можно положительно утверждать, что деятельность на войне, поскольку она является подлинной деятельностью, а не только присутствием, никогда полностью не выходит из сферы опасности.

20. Другие моральные силы

Рассматривая эти моральные силы, возбуждаемые враждой и опасностью, как специфически присущие войне, мы тем самым не исключаем всех остальных моральных сил, сопровождающих человека на его жизненном пути; и на войне они найдут для себя достаточно места. Правда, можно сказать, что иная мелкая игра страстей принуждена будет смолкнуть на этом серьезном жизненном поприще, но это относится лишь к лицам, действующим на низших ступенях; переносясь от одной опасности, от одного потрясения к другим, они теряют из виду все прочие обстоятельства жизни, отвыкают от лжи и обмана, ибо смерти не солжешь и не обманешь ее, и таким образом доходят до солдатской простоты характера — лучшего признака военного звания. Но на высших постах дело обстоит иначе, ибо чем выше человек поставлен, тем шире должен быть его кругозор, следо-

вательно там возникают всесторонние интересы и разнообразная игра страстей, и хороших, и дурных. Зависть и благородство, гордость и скромность, гнев и умиление — все они могут являться действенными силами в этой великой драме.

21. Особенности ума

Особенности ума действующего лица наряду с его темпераментом также оказывают на войне огромное влияние. От ума фантастического, экзальтированного, незрелого можно ожидать одного, от ума холодного и сильного — другого.

22. Из многообразия духовного склада личности вытекает многообразие путей, ведущих к цели

Велико многообразие индивидуального духовного склада; его влияние сказывается, главным образом, на высших постах, ибо оно растет по мере подъема к ним. Оно по преимуществу и обусловливает то многообразие путей, ведущих к цели, и придает игре вероятностей и счастья ту столь различную долю участия в событиях, о которых мы говорили в 1-й части нашего труда.

23. Вторая особенность — живое противодействие

Вторая особенность военных действий — это живое противодействие и вытекающее из него взаимодействие. Мы здесь не говорим о трудности рассчитать силу этого противодействия, ибо мы уже имели ее в виду в числе затруднений, встречаемых теорией при рассмотрении величин духовного порядка; мы имеем в виду то обстоятельство, что происходящее взаимодействие по самой своей природе противится всякой плановости. Воздействие, оказываемое на противника каким-либо нашим мероприятием, представляет собой наиболее индивидуальную из всех данных военной деятельности; между тем, каждая теория должна классифицировать явления и никак не может включать в свое содержание случай чисто индивидуальный. Оценка последнего всегда должна быть предоставлена личному суждению и та-

ланту. Поэтому вполне естественно, что в такой деятельности, как военная, где план, построенный на обстановке в целом, так часто нарушается неожиданными индивидуальными явлениями, вообще много должно быть предоставлено таланту; пользоваться при этом указаниями теории приходится меньше, чем в какой-либо другой отрасли.

24. Третья особенность — недостоверность данных

Наконец, своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне; все действия ведутся до известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний.

Все то, что скрывает это слабое освещение, должен угадать талант, или же надо положиться на счастье. Таким образом, вновь приходится доверяться таланту или же, по недостатку объективного разумения, просто отдаваться на волю случая.

25. Положительное учение невозможно

При такой природе предмета мы должны признать, что представляется абсолютно невозможным снабдить военное искусство подмостками в виде положительной научной системы, которая давала бы во всех случаях внешнюю опору военному деятелю. Последний везде, где от него требовался бы его личный талант, оказался бы вне такой научной системы и в противоречии с нею; какое бы многостороннее сооружение ни представляла система, постоянно получался бы все тот же результат, о котором мы уже говорили, а именно: талант и гений действуют вне закона, теория становится в противоречие с действительностью.

26. Выходы для создания теории
[Трудности не всюду одинаково велики]

Из этого затруднения открываются нам два выхода.

Прежде всего то, что мы сказали о природе военной деятельности в целом, не распространяется в одинаковой мере

на деятельность на любом посту. На низших ступенях командования предъявляется преимущественно требование на мужество и самоотверженность; трудности понимания и суждения здесь несравненно меньше. Область явлений гораздо более замкнута, цели и средства в количественном отношении более ограничены, данные — точнее: по большей части они даже могут быть установлены непосредственно зрением. Но чем выше мы поднимаемся по иерархической лестнице, тем больше возрастают затруднения, достигая высшей степени в деятельности верховного главнокомандующего, который почти во всем должен опираться на гений.

Расчленив военную деятельность по с о д е р ж а н и ю, мы также усмотрим, что трудности не везде одинаковы. Они уменьшаются, когда действия получают материальное выражение, и возрастают при переходе в мир духовный, в область мотивов, побуждающих волю. Поэтому легче теоретически наметить внутренний порядок боя, его организацию и ведение, чем его использование. Там идет борьба физическим оружием с той и с другой стороны, и хотя моральные силы, конечно, принимают участие в этой борьбе, все же материя сохраняет в ней свои права. Но в р е з у л ь т а т е боев материальные успехи становятся в свою очередь мотивами, и нам приходится иметь дело исключительно с духовной природой. Одним словом, т а к т и к а представляет для теории гораздо меньше трудностей, чем с т р а т е г и я.

27. Теория должна являться рассмотрением[1], а не учением

Второй выход, делающий возможным построение теории, дает следующая точка зрения: теория не должна быть непременно положительным учением, т. е. р у к о в о д с т в о м для действий. Во всех случаях, когда какая-нибудь деятельность постоянно сталкивается с одними и теми же вопросами, с теми же целями и средствами, хотя бы и несколько измененными и в разнообразнейших комбинациях, эти вопросы должны стать предметом углубленного рассмотрения. Такое рассмотрение и составляет существеннейшую часть

[1] Клаузевиц употребляет термин «Betrachtung», разумеющий научный подход, исследование, рассмотрение. — Р е д.

всякой теории и имеет преимущественное право на это название. Оно является аналитическим исследованием предмета, ведет к точному ознакомлению с ним, а при условии проверки опытом, т. е. в нашем случае — военной историей, к полному усвоению его. Чем больше рассмотрение достигает этой конечной цели, тем оно более переходит из объективной формы знания в субъективную форму умения; таким образом, оно сохранит свою действенность и там, где природа дела допускает решение лишь при наличии таланта; в нем самом скажется действенность достигшего своей цели рассмотрения. Если теория исследует предметы, составляющие сущность войны; если она более отчетливо различит то, что на первый взгляд кажется слившимся; если она укажет с достаточной полнотой все свойства средств и предусмотрит вероятные результаты их действия; если она ясно определит природу целей и осветит разумной критикой всю область войны, — то она этим выполнит существеннейшую часть своей задачи. Она будет служить путеводителем тому, кто по книгам желает освоиться с войной; она всюду осветит ему путь, облегчит все шаги, воспитает его суждение и оградит от ложных шагов.

Если специалист затратит половину своей жизни на углубленное изучение темного вопроса, то он, конечно, уйдет дальше, чем тот, кто пожелает освоиться с ним в короткое время. Для того чтобы каждый не стоял перед необходимостью заново приводить в порядок весь материал и полностью его разрабатывать, но находил все в упорядоченном и выясненном состоянии, и существует теория. Она должна воспитывать ум будущего полководца или, вернее, руководить им в его самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения; так, мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не ведя его, однако, всю жизнь на помочах.

Если из соображений, выдвигаемых теорией, сами собой сложатся принципы и правила и если истина сама собой отольется в их кристаллическую форму, то теория не должна противиться этому естественному закону ума; наоборот, там, где свод завершается таким замком, она его еще более выдвинет на первый план; но сделает она это лишь для

того, чтобы удовлетворить философскому закону мышления и отчетливо указать на тот пункт, к которому устремлены все линии, а не для того, чтобы построить алгебраическую формулу для пользования на поле сражения; ведь эти принципы и правила также должны скорее определять главные линии внутренней, самостоятельной работы мыслящего ума, чем представлять при выполнении задачи вехи, точно указывающие путь.

28. При такой точке зрения теория является осуществимой, причем отпадает ее противоречие с практикой

Этой точкой зрения создается возможность удовлетворительной, т. е. полезной и никогда не вступающей в противоречие с действительностью, теории ведения войны; лишь от разумного обращения с нею будет зависеть сближение ее с делом настолько, чтобы исчезло бессмысленное расхождение между теорией и практикой. Последнее часто вызывалось неразумной теорией, отрешавшейся от человеческого здравого смысла, но часто являлось и для ограниченных умов и невежд предлогом, чтобы благополучно оставаться во врожденной им косности.

29. Таким образом, теория рассматривает природу целей и средств. Цель и средства в тактике

Итак, задача теории — рассмотреть природу средств и целей.

В тактике средством служат обученные вооруженные силы, которые должны вести бой. Цель — победа. Более точное определение этого понятия удобнее будет сделать в будущем, при рассмотрении боя; здесь мы ограничимся указанием как на признак одержанной победы на уход неприятеля с поля сражения. Посредством этой победы стратегия достигает той цели, которую она поставила данному бою и которая определяет истинное з н а ч е н и е победы. Это значение, несомненно, оказывает известное влияние на природу победы. Победа, ориентированная на ослабление вооруженных сил противника, представляет нечто иное, чем победа, долженствующая доставить нам лишь обладание из-

вестной позицией. Таким образом, значение боя может иметь заметное влияние на организацию и ведение его, а следовательно, служить предметом рассмотрения и для тактики.

30. Обстоятельства, всегда сопровождающие применение средств

Так как известные обстоятельства всегда сопровождают бой и оказывают на него большее или меньшее влияние, то при исследовании применения вооруженных сил они также подлежат рассмотрению.

Этими обстоятельствами являются условия местности, время суток и погода.

31. Условия местности

Условия местности, под которыми разумеется как сама местность, так и почва, могли бы, строго говоря, не оказывать влияния, если бы бой давался на абсолютно плоской, лишенной каких-либо сооружений равнине.

В степных краях это действительно и встречается, в культивированных же районах Европы это — почти фантазия. Таким образом, едва ли хотя бы один бой между цивилизованными народами Европы можно мыслить без влияния местности и почвы.

32. Время суток

Время суток влияет на бой различием между днем и ночью, но зависимость от него, конечно, простирается и за эту грань между ними, ибо каждый бой имеет известную продолжительность, а крупные бои длятся даже многие часы. При организации большого сражения, несомненно, будет существенно важным, начнется ли оно с утра или после полудня. Но, конечно, многие бои будут происходить при таких условиях, когда время дня окажется совершенно безразличным; в большинстве случаев влияние этого обстоятельства довольно ничтожно.

33. Погода

Погода еще реже оказывает решительное влияние на бой, в большинстве случаев известную роль играет туман.

34. Цели и средства в стратегии

Основным средством стратегии является победа, т. е. тактический успех, а цель ее в последней инстанции составляют те обстоятельства, которые должны непосредственно вести к заключению мира. Применение средств стратегии для достижения этой цели сопровождается точно так же известными обстоятельствами, оказывающими большее или меньшее влияние.

35. Обстоятельства, сопровождающие применение средств

Эти обстоятельства суть: местность и почва, причем первая понимается широко как страна и население в пределах всего театра войны; время суток, причем это представление расширяется до времени года; наконец, погода и притом необычайные ее проявления, например, сильные морозы и т. п.

36. Они образуют новые средства

Ставя эти явления в связь с успехом боя, стратегия придает этому успеху, а следовательно, и самому бою особое значение и ставит ему особую цель. Но, поскольку эта цель не является той, которая ведет непосредственно к заключению мира, т. е. будет целью промежуточной [1], она должна рассматриваться как средство, и мы поэтому можем рассматривать успехи в боях или победы во всех их различных значениях как средства стратегии. Захват позиции представляет подобный боевой успех, связанный с территорией. Но не только отдельные бои с их особыми целями надо рассматривать как средство, но и всякое высшее единство, которое может образоваться из сочетания боев,

[1] В оригинале — подчиненной. — Ред.

направленных на одну общую цель. Зимний поход представляет такую комбинацию, связанную со временем года.

Таким образом, в качестве цели остаются лишь те явления, которые мыслятся как непосредственно ведущие к миру; теория исследует все эти средства и цели, руководствуясь природой их действенности и их взаимоотношениями.

37. Стратегия черпает подлежащие исследованию средства и цели из опыта

Первый вопрос: каким образом теория может достигнуть исчерпывающего перечисления этих явлений? Если бы это явилось задачей философского исследования, то последнее запуталось бы во всех тех трудностях, которые во имя логической необходимости исключаются из ведения войны и ее теории. Поэтому теория обращается к опыту и берет под свое рассмотрение те комбинации, которые уже отмечены военной историей. Теория, создавшаяся таким путем, будет, конечно, до известной степени ограниченной, соответствующей лишь условиям, представленным в военной истории. Но такое ограничение уже потому неизбежно, что все, что говорит теория, или переведено ею на язык отвлеченностей из трудов по военной истории, или же по меньшей мере сопоставлено и сравнено с историческими данными. Впрочем, подобное ограничение существует скорее в мыслях, чем в действительности.

Большое преимущество этого пути заключается в том, что теория при этом не может заблудиться в мечтаниях, мудрствованиях и химерах и все время остается на почве практики.

38. До каких пределов должен доходить анализ средств

Другой вопрос: как далеко должна заходить теория в анализе средств? Очевидно, лишь настолько, насколько приходится принимать во внимание при пользовании этими средствами их специфические свойства. Дальнобойность и действительность разных видов огнестрельного оружия крайне важны для тактики, но конструкция оружия, хотя

и определяющая упомянутые свойства, совершенно безразлична, ибо данными для ведения войны являются не уголь, сера и селитра, медь и олово[1] для выделки из них пороха и пушек, но готовое оружие с его действительностью. Стратегия пользуется картами, не беспокоясь о тригонометрических исчислениях; она не исследует вопроса о том, как следует устраивать страну, воспитывать народ и управлять им для достижения наибольших военных успехов, но берет все эти данные такими, какие они бывают в европейских государствах; надо лишь обращать внимание на те случаи, где имеются какие-либо резкие уклонения, могущие сказать заметное влияние на войну.

39. Значительное упрощение знаний

Легко понять, что таким путем число предметов, подлежащих теоретическому изучению, значительно сокращается, а знания, необходимые для ведения войны, сильно ограничиваются. Велико количество знаний и сноровок, которые вообще обслуживают военную деятельность и которые необходимы для подготовки; но прежде чем устроенная армия выступит в поход и раньше чем эти знания и сноровки достигнут конечной цели своей деятельности, они сливаются в небольшое число крупных выводов, подобно тому как воды страны сливаются в реки, прежде чем они докатятся до моря. Лишь с этими вливающимися в море войны выводами должен ознакомиться тот, кто призван ею руководить.

40. Этим объясняется, почему так быстро формируются великие полководцы и почему быть полководцем не означает быть ученым

В самом деле, этот результат нашего рассмотрения является настолько необходимым, что всякий иной должен был бы вызывать у нас подозрение в его правильности. Лишь этим объясняется, что на войне так часто выступали с большим успехом на высших постах, даже в роли главно-

---

[1] Пушки делались в ту эпоху из бронзы, представлявшей сплав меди и олова. — Ред.

командующего, люди, деятельность которых до этого имела совсем иное направление. Более того, выдающиеся полководцы никогда не выходили из класса много знающих или ученых офицеров, но из людей, которые жили в обстановке, в большинстве случаев не соответствовавшей приобретению большого количества познаний. По этой причине всегда высмеивались как жалкие педанты те, кто утверждал, что для воспитания будущего полководца необходимо или хотя бы полезно начать с изучения всех деталей военного дела. Нетрудно доказать, что такие детальные знания приносят скорее вред, так как человеческое мышление воспитывается сведениями и течениями мысли, которые ему сообщаются. Лишь великое может сделать его великим; мелкое же делает его мелочным, если только он не отвергает мелочное как нечто ему совершенно чуждое.

11. Прежнее противоречие

Так как многие не обращали внимания на эту простоту знания, потребного на войне, и сваливали это знание в одну кучу со всей массой служебных сведений и сноровок, то впадали в явное противоречие с явлениями действительного мира и находили из него выход лишь в том, что все приписывали гению; гений же не нуждается в теории, и не для гениев теории сочиняются.

12. Поэтому стали отрицать полезность всякого знания и приписывали все природным дарованиям

Люди, у которых природный здравый смысл сохранил свои права, конечно, чувствовали, какая огромная пропасть лежит между гением высшего порядка и ученым педантом; они пришли к известного рода вольнодумству, отвергали всякую веру в теорию вообще и считали ведение войны естественной функцией человека, которую он выполняет с известным успехом в зависимости от того, родился ли он на свет с большим или меньшим к ней дарованием. Нельзя отрицать, что эти люди были ближе к истине, чем преклонявшиеся перед ложным знанием; однако, все же сразу бросается в глаза, что этот взгляд представляет не-

сомненное преувеличение. Никакая деятельность человеческого ума невозможна без известного запаса представлений; но эти представления, по крайней мере в большинстве своем, не являются врожденными; они приобретаются человеком, составляя существо его знаний. Вопрос, следовательно, сводится лишь к тому, какого рода должны быть эти представления; последнее, нам кажется, мы уже определили, сказав, что для целей войны они должны определяться по тем вопросам, с которыми приходится непосредственно иметь дело на войне.

43. Знание должно быть сообразно с занимаемой должностью

В пределах арены военной деятельности знания должны быть различными в зависимости от положения, которое занимает начальник; они окажутся направленными на более мелкие и ограниченные предметы, когда занимаемый пост — скромный, на более крупные и многообъемлющие, когда начальник занимает высокую должность. Бывали полководцы, которые не проявили бы особенного блеска в должности командира кавалерийского полка, но бывало и наоборот.

44. Требуемые на войне знания очень просты, но применение их — дело не очень легкое

Хотя знания, требуемые на войне, к р а й н е п р о с т ы, так как сосредоточиваются на небольшом числе предметов и притом охватывают лишь их конечные выводы, умение их применить все же не будет делом очень легким. На какие затруднения наталкивается деятельность на войне вообще, об этом мы уже говорили в 1-й части нашего сочинения; не останавливаясь здесь на тех, которые можно преодолеть только мужеством, мы утверждаем, что и подлинно умственная деятельность проста и легка на войне лишь на низших постах; с повышением же должности растут и трудности, а на высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежит к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума.

45. Каковы должны быть эти знания?

Полководцу не надо быть ни ученым историком, ни знатоком государственного права, но он должен быть близко знаком с высшими областями государственной жизни, он должен знать господствующие направления, действующие интересы, очередные вопросы, он должен быть знаком с главными действующими на арене политики лицами и правильно их оценивать. Нет надобности, чтобы он был тонким наблюдателем человеческой природы, изысканным знатоком человеческих характеров, но он должен знать характер, образ мыслей и нравы, особые недостатки и достоинства тех, которыми он призван повелевать. Ему нет надобности знать что-либо об устройстве повозки или об упряжке лошадей в орудие, но он должен уметь правильно оценить продолжительность марша колонны при различной обстановке. Всех этих познаний нельзя добиться посредством аппарата научных формул и выкладок, цепляющихся одна за другую, как шестерни; они приобретаются лишь тогда, когда человеку при рассмотрении вопросов, а также в жизни присущи меткое суждение и талант ясного восприятия.

Необходимое для деятельности на высоком посту знание, следовательно, характеризуется тем, что оно может быть приобретено процессом рассмотрения, т. е. лишь помощью своеобразного таланта изучения и размышления; этот талант подобно пчеле, берущей мед из цветка, умеет каким-то духовным инстинктом извлекать из-под внешних оболочек жизни их сущность; он черпает свои знания не только из рассмотрения и изучения, а и прямо из жизни. Жизнь с ее богатым запасом поучений не в состоянии сформировать Ньютонов и Эйлеров, но ей по силам создать высокую способность расчета Кондэ и Фридриха.

Итак, для защиты высокого умственного уровня, требуемого военной деятельностью, нет никакой надобности прибегать к неправде или бестолковому педантизму. Никогда еще не бывало великого полководца с ограниченным умом, но очень часты случаи, когда люди, служившие с выдающимся отличием на более низких постах, оказывались

ниже посредственности на высших постах, так как у них нехватало способностей. Само собою разумеется, что в этом отношении имеется различие и между постами главнокомандующих в различных случаях в зависимости от объема их полномочий.

46. Знание должно стать умением

Теперь нам остается упомянуть еще об одном условии, которое более настоятельно необходимо для познания ведения войны, чем для всякого другого, а именно — это познание должно всецело слиться с духовной деятельностью, утратить всякую объективность. Почти во всех остальных искусствах и на других поприщах работы действующее лицо может пользоваться истинами, которые оно смогло просто изучить, дух и смысл которых уже не переживает и которые извлекает из пыльных фолиантов. Даже истины, которые у него ежедневно под рукой и которыми он обычно пользуется, могут оставаться чем-то совершенно для него внешним. Когда архитектор берет в руки перо, чтобы при помощи сложного расчета определить мощность устоя, то добытая таким путем истина не есть выражение его духа. Ему сначала пришлось потрудиться над установлением необходимых данных, а затем он пустил их в обработку математической операции, законы которой не он изобрел и внутреннюю логику которой он в данную минуту даже и не вполне сознает; большей частью он применяет ее как механический прием. На войне так никогда не бывает. Духовная реакция, вечно меняющийся ход дела заставляют лицо, действующее на войне, носить в себе весь умственный аппарат своего знания; он должен обладать способностью всюду, при каждом биении пульса извлечь из себя самого необходимое решение. Таким образом, знание через такую полную ассимиляцию с духом и жизнью должно превратиться у него в подлинное умение. Вот почему все кажется таким легким у выдающихся военных деятелей и все приписывается природному таланту; мы говорим «природному таланту» для того, чтобы подчеркнуть различие его от таланта, воспитанного и выработанного путем наблюдения и изучения.

Мы думаем, что этим разбором мы отчетливо установили задачу теории ведения войны и указали способ ее разрешения.

Из двух областей, на которые мы разделили ведение войны, — тактика и стратегия — теория последней представляет, бесспорно, наибольшие трудности, ибо первая имеет почти замкнутый круг предметов, последняя же в направлении целей, непосредственно ведущих к заключению мира, раскрывается в безграничную область возможностей. Но так как эту цель должен иметь в виду почти исключительно главнокомандующий, то эта трудность преимущественно относится к той части стратегии, в которой вращается последний.

Поэтому теория стратегии, особенно в области высших ее вопросов, должна в гораздо большей мере, чем теория тактики, ограничиться простым лишь рассмотрением явлений и довольствоваться тем, чтобы помочь деятелю добиться того проникновения в суть явлений, которое, сплавившись в одно целое со всем его мышлением, облегчит его шаги и придаст им уверенность, но никогда не заставит его отрешиться от самого себя и сделаться послушным орудием объективной истины.

Глава III

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ИЛИ ВОЕННАЯ НАУКА

Словоупотребление еще не установилось

[Умение и знание. Цель науки — одно лишь знание; цель искусства — умение]

До сих пор еще колеблются в выборе между этими двумя терминами и не отдают себе ясного отчета, что должно послужить основанием для решения, хотя дело весьма просто. Мы уже раньше отмечали, что з н а н и е — нечто другое, чем у м е н и е. Оба эти понятия столь различны между собой, что, казалось бы, их нелегко смешать. У м е н и е, собственно говоря, не могло бы быть изложено ни в какой книге, — значит искусство не должно бы служить заглавием какой-либо книги. Но раз уже образовалась привычка объединять под одним общим названием теории искусства

или попросту искусства все нужные для искусства знания (которые в отдельности могли бы составить законченные науки), то представляется последовательным проводить и дальше этот принцип расчленения и называть искусством все то, что имеет своей целью созидательное умение, например, строительное искусство, а наукой то, где целью является чистое знание, например, математика, астрономия. Само собой понятно, что в каждой теории искусства могут заключаться отдельные научные построения; это не должно нас смущать. Но замечательно, что нет и наук, которые обходились бы совершенно без искусства; в математике, например, счет и применение алгебры есть искусство, и оно простирается еще далеко за эти пределы. Причина в следующем: как бы груба и наглядна ни была разница между знанием и умением в сложных результатах человеческого знания, проследить эти два начала в самом человеке и полностью разграничить их чрезвычайно трудно.

Трудность отделить опознание от суждения
[Военное искусство]

Всякое рассуждение есть искусство. Там, где логика протягивает тире[1], где заканчиваются предпосылки, составляющие результат опознания, и где начинается суждение, — там начинается и искусство. Мало того, само опознание умом есть опять-таки суждение, следовательно, и искусство; в конце концов, пожалуй, то же можно сказать и об опознании чувствами. Словом, если нельзя себе представить человеческое существо с одной способностью опознания и без способности суждения и наоборот, то точно так же нельзя полностью отделить друг от друга искусства и науки. Чем больше эти тонкие проблески воплощаются в реальные формы внешнего мира, тем их царства резче отделяются друг от друга; и опять: где творчество и созидание составляют цель, там царит искусство, наука же господствует там, где целью служат исследование и знание. После всего вышесказанного явствует само собой, что правильнее говорить военное искусство, а не военная наука.

[1] Т. е. переходит к выводу. — Ред.

Нам пришлось задержаться, так как обойтись без этих понятий невозможно. Но теперь мы выступим с утверждением, что война не есть ни искусство, ни наука в подлинном смысле слова; непонимание этого являлось той ложной отправной точкой, от которой шел ошибочный путь невольных сопоставлений войны с другими науками или искусствами и установления множества неправильных аналогий.

Это чувствовалось уже и раньше, почему и утверждали, что война — это ремесло; но от этого утверждения больше теряли, чем выигрывали, ибо ремесло есть лишь искусство низшей категории, и как таковое оно подчиняется более определенным и узким законам. Действительно, некоторое время военное искусство вращалось в сфере ремесла, а именно в эпоху кондотьеров. Но такое направление оно получило не по внутренним, а по внешним причинам; в какой малой степени оно было в эту эпоху естественным и удовлетворительным, свидетельствует военная история.

Война есть акт человеческого общения[1]

Итак, мы говорим, что война не относится к области искусств и наук, а к области общественной жизни. Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, — и только этим она отличается от других общественных конфликтов. Скорее, чем с каким-либо из искусств, войну можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей; гораздо ближе к войне политика, которую со своей стороны можно рассматривать как своего рода торговлю в более крупном масштабе. Политика, кроме того, является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах.

Различие

Существенное различие между ведением войны и другими искусствами заключается в том, что война не есть дея-

[1] Весь этот параграф выписан Лениным; последняя фраза отчеркнута и сопровождена нотабеной. — Ред.

тельность воли, проявляющаяся против мертвой материи, как это имеет место в механических искусствах, или же направленная на одухотворенные, но пассивно предающие себя его воздействию объекты, например, дух и чувство человека, как это имеет место в изящных искусствах. Война есть деятельность воли против одухотворенного реагирующего объекта. К такого рода деятельности мало подходит схематическое мышление, присущее искусствам и наукам; это сразу бросается в глаза, и в то же время становится понятным, почему постоянные попытки и искажения законов, подобных тем, которые выводятся из мира мертвой материи, должны были приводить к постоянным ошибкам. Тем не менее, именно по образцу механических искусств хотели создать искусство военное. Уподобление его искусствам изящным встречало препятствие уже в том, что последние сами еще мало поддаются правилам и законам, и все попытки создать таковые всегда признавались в конечном счете неудовлетворительными и односторонними — их всякий раз подмывал и сносил поток мнений, чувств и нравов.

Эта часть нашего труда должна до известной степени исследовать вопрос о том, подчиняется ли конфликт живых сил, завязывающийся и разрешающийся на войне, общим законам и могут ли последние служить пригодной руководящей нитью для военной деятельности; но уже само собою ясно, что этот предмет, как и всякий другой, не выходящий за пределы нашего разума, должен быть освещен и более или менее выяснен в его внутренней связи пытливым умом. И одного этого уже будет достаточно для того, чтобы удовлетворить понятию о теории.

Глава IV

МЕТОДИЗМ

Чтобы отчетливо уяснить себе понятия метода и методизма, играющие на войне такую важную роль, мы должны разрешить себе беглый взгляд на логическую иерархию, которая подобно властям предержащим управляет миром действия.

Закон — самое общее понятие, в одинаковой мере истинное и для познания, и для действия; оно заключает в своем буквальном смысле нечто субъективное и произвольное, но, несмотря на это, выражает как раз то, от чего зависим и мы и все предметы, вне нас находящиеся. Закон как предмет познания есть взаимоотношение вещей и их воздействий; как предмет воли он определяет действие и в этом случае равнозначащ повелению и запрету.

Принцип есть такой же закон для действия, но не в его формальном окончательном значении; он представляет лишь дух и смысл закона; там, где многообразие действительного мира не укладывается в законченную форму закона, принцип предоставляет суждению большую свободу при его применении. Так как самому суждению предоставляется мотивировать те случаи, где принцип неприменим, то последний является подлинной точкой опоры и путеводной звездой для действующего лица.

Принцип объективен, если он является результатом объективной истины, и тогда он имеет силу в одинаковой мере для всех людей. Он субъективен и обычно называется максимой (maxime), если содержит субъективное отношение и, следовательно, имеет известную силу лишь для того, кто его себе создал.

Правило часто понимается в смысле закона и является в таком случае равнозначащим принципу, ибо говорят: нет правила без исключений, но не говорят: нет закона без исключений; это является признаком того, что, имея в виду правило, оставляют за собой большую свободу в его применении.

В другом смысле правилом пользуются как средством опознать более глубоко скрытую истину по какому-нибудь единичному, более внешнему признаку, дабы связать с этим одним признаком закон, действие которого распространяется на всю истину в целом. К этой категории принадлежат все правила игры, все сокращенные приемы математики и пр.

Положения и наставления — это такие определения действия, которыми затрагивается множество мел-

ких, ближе указующих путь обстоятельств и которые слишком многочисленны и незначительны для включения их в общий закон.

Наконец, метод, способ действия — это избранный между несколькими другими, постоянно повторяющийся прием, методизм же — когда деятельность определяется не принципами или индивидуальным наказом, а применением установленных методов. Тем самым необходимо, чтобы случаи, подведенные под такой метод, предполагались одинаковыми в своих существенных чертах; так как все случаи одинаковыми быть не могут, то важно, чтобы таких одинаковых случаев было возможно больше, другими словами, чтобы метод был рассчитан на наиболее вероятные случаи. Следовательно, методизм основан не на определенных конкретных предпосылках, а на средней вероятности повторяющихся случаев и направлен на то, чтобы установить среднюю истину, постоянное, однообразное применение которой вскоре приобретает до некоторой степени характер механического навыка; необходимые действия выполняются почти бессознательно.

Понятие закона в смысле познания на войне является почти лишним, ибо сложные явления войны недостаточно закономерны, а закономерные — недостаточно сложны для того, чтобы посредством этого понятия можно было достигнуть чего-либо большего, чем простой истиной. А там, где достаточно простого представления и простых слов, там усложненные, высокого ранга представления и слова становятся вычурными и педантичными. В отношении же действия понятие закона не может быть использовано теорией, ибо при изменчивости и многообразии явлений ведение войны не знает утверждений, достаточно общих, чтобы заслужить название закона.

Но принципы, правила, положения и методы являются для теории ведения войны постольку необходимыми понятиями, поскольку они ведут к положительному учению, ибо в последнем истина может принимать лишь эту кристаллизованную форму.

Ввиду того что тактика есть та часть ведения войны, в которой теория скорее может выработаться в положи-

тельное учение, эти понятия и будут в ней чаще встречаться.

Не употреблять кавалерию без нужды против еще не расстроенной пехоты; стрелять лишь с расстояния, обеспечивающего действительность огня; приберегать, по возможности, силы к концу боя — это принципы тактики. Все эти положения не являются абсолютно применимыми в каждом отдельном случае, но они должны быть всегда в сознании действующего, дабы он не упустил использовать содержащуюся в них истину в подходящей для того обстановке.

Когда по неурочной варке пищи в неприятельском отряде заключают об его скором выступлении, когда умышленное выставление войск на открытом месте во время боя дает указание на демонстративный характер атаки, то этот способ познания истины можно назвать правилом, ибо на основании одного видимого признака заключают о намерении, к которому этот признак относится.

Если существует правило — атаковать с удвоенной энергией противника, как только он начинает снимать свои батареи, то с этим единичным явлением мы связываем определенный ход наших действий, направленный на разгаданное нами таким путем общее состояние противника: мы полагаем, что он намерен уклониться от продолжения боя, начинает отступать и в этот момент неспособен ни оказать достаточное сопротивление, ни уклониться в должной мере путем отступления.

П о л о ж е н и я и м е т о д ы вносятся в обиход ведения войны практической теорией, подготовляющей войну, поскольку они привиты как действенный принцип обученным вооруженным силам. Все строевые уставы, наставления по обучению и устав полевой службы представляют собой положения и методы; в строевых — преобладают первые, в уставе полевой службы — вторые. С этими указаниями связывается подлинное ведение войны, оно их воспринимает как установленные способы действия; в качестве последних они должны включаться и в теорию ведения войны.

Но деятельность по использованию вооруженных сил не может быть установлена путем официальных положений,

т. е. определенных наставлений, так как такие положения исключают свободу использования сил. Напротив, методы, являясь общим способом выполнения встречающихся задач, рассчитанным, как мы сказали, на наиболее вероятные случаи, и представляя собой доведенное до практики господство принципов и правил, могут, конечно, найти себе место в теории ведения войны, поскольку их не выдают за то, что они собой не представляют; их нельзя считать абсолютными и необходимыми системами действия, а лишь наилучшими общими формами, которые предлагаются на выбор и к которым можно непосредственно обратиться вместо принятия индивидуального решения.

Частое применение методов в ведении войны нам представляется крайне существенным и неизбежным; вспомним, как часто приходится действовать на основании одних лишь предположений или при полной неизвестности, ибо неприятель всячески мешает нам узнавать все обстоятельства, которые могут влиять на наше решение, и нехватает времени для их опознания; но если бы даже мы действительно ознакомились со всей обстановкой, то все же оказалось бы невозможным соответственно соразмерить наши распоряжения, которые не могут быть настолько сложными и далеко идущими; в результате наши мероприятия всегда должны быть рассчитаны на известное количество различных возможностей. Будем помнить, сколь бесчисленны все мелкие обстоятельства, которые сопровождают каждый конкретный случай и с которыми, следовательно, надлежало бы считаться; поэтому нет другого исхода, как мыслить их перекрывающими друг друга и строить все свои распоряжения лишь на общем и вероятном. Наконец, не будем упускать из виду, что при прогрессивно возрастающем с понижением должностей числе вождей подлинной проницательности и подготовленности к суждению каждого из них может быть предоставлено тем меньше места, чем больше деятельность спускается на низшие ступени иерархии; ясно, что там, где нельзя предполагать никакого иного понимания, кроме подсказанного знанием уставов и опытом, этому пониманию надо притти на помощь соответствующим методизмом. Он даст точку опоры их суждению и в то же время будет служить сдерживающим нача-

лом против фантастических, искаженных воззрений, которых приходится особенно опасаться в области, где опыт дается так дорого.

Помимо этой неизбежности методизма, мы должны признать, что он приносит и положительную выгоду, а именно: постоянно повторяющимся упражнением в тех же формах достигаются известная быстрота, отчетливость и уверенность в вождении войск, что уменьшает естественное трение и облегчает ход машины.

Таким образом, метод будет применяться тем чаще и с тем большей неизбежностью, чем ниже по ступеням должностей будет опускаться деятельность, на пути же вверх применение его будет сокращаться и совершенно исчезнет на высших постах. Поэтому он найдет себе более места в тактике, чем в стратегии.

Война в ее высшем понимании состоит не из множества мелких событий, которые перекрывают в своем разнообразии друг друга и над которыми, худо или хорошо, можно господствовать при помощи более или менее удачного метода, но из отдельных крупных, решающих событий, каждое из которых требует особого, индивидуального подхода. Это не поле стеблей, которое можно хуже или лучше косить без разбора более или менее подходящей косой, но это большие деревья, к которым надо подходить с топором обдуманно, в соответствии со свойствами и направлением каждого ствола.

Как далеко может быть доведено применение методизма в военной деятельности, это, конечно, решает не непосредственно ранг или занимаемая должность, а существо данного дела; лишь потому, что высшие посты охватывают наиболее широкие виды деятельности, методизм касается их в меньшей степени. Постоянный боевой порядок, постоянная организация авангарда и сторожевого охранения — это методы, которыми в известных случаях полководец связывает руки не только своим подчиненным, но и самому себе. Правда, все это может быть изобретено и самим полководцем в соответствии с конкретной обстановкой; но, поскольку эти тактические формы основаны на общих свойствах войск и оружия, они могут сделаться объектом теории. С другой стороны, надо решительно отвер-

гнуть всякий метод, которым вздумали бы предопределять планы войны или кампании и поставлять их как бы штампованными из-под станка.

До тех пор, пока не существует приемлемой теории войны, т. е. разумного рассмотрения ведения войны, методизм будет сверх меры захлестывать и высшую деятельность, ибо люди, занятые этим кругом деятельности, не всегда имели возможность подготовить и развить себя научными занятиями и более высокими жизненными условиями. Они не могут ориентироваться в непрактичном и противоречивом резонировании теории и критики, но присущий им здравый смысл отвергает его; в результате у них не остается иногда разумения, кроме разумения опыта; отсюда и в тех случаях, которые требуют свободного, индивидуального подхода и допускают таковой, они охотно применяют те средства, которые им дает опыт, т. е. подражают характерному образу действий полководца, из чего сам собою получается методизм. Когда мы видим, как генералы Фридриха Великого постоянно применяют при атаках так называемый косой боевой порядок, как генералы французской революции пускают в дело охват длинными боевыми линиями, а питомцы Бонапарта с кровавой энергией атакуют сосредоточенными массами, мы узнаем в повторности приемов явно усвоенный метод и, следовательно, видим, что методизм может доходить и до самых высших сфер командования. Если более совершенная теория облегчит изучение ведения войны, воспитает ум и суждение людей, вознесенных на высшие посты, то методизм не будет распространяться так высоко, а поскольку методизм остается все же неизбежным, он по крайней мере будет черпать свое содержание из теории, а не будет заключаться в одном слепом подражании. Как бы прекрасно ни вел свое дело великий полководец, все же в том способе, каким он это делает, есть нечто субъективное, и если у него есть своя манера, то в ней отражается добрая доля его индивидуальности, а последняя может далеко не согласовываться с индивидуальностью того, кто подражает этой манере.

Между тем, было бы невозможным и неправильным совершенно изгнать из ведения войны субъективный методизм или манеру. На нее надо смотреть как на выявление влия-

ния, оказываемого индивидуальностью данной войны в целом на отдельные ее явления. Только таким путем можно удовлетворить особые требования данной войны, не предусматривавшиеся и не рассматривавшиеся теорией. Совершенно естественно, что революционные войны имели свой способ действий, и какая теория могла бы предвидеть заранее их особенности? Но зло заключается в том, что такая вытекающая из конкретного случая манера сама себя переживает, оставаясь неизменной, в то время как обстоятельства незаметно уже изменились; этому-то и должна помешать теория своей ясной и разумной критикой. Когда в 1806 г. прусские генералы, принц Людвиг — под Заальфельдом, Тауэнцин — на Дорнберге под Иеной, Граверт — впереди Каппельдорфа, Рюхель — позади той же деревни, бросились в косом боевом порядке Фридриха Великого в открытую пасть гибели, то тут сказалась не одна лишь уже пережившая манера, но полнейшее скудоумие, до которого когда-либо доходил методизм. И они погубили армию Гогенлоэ так, как никогда еще ни одна армия не бывала погублена на самом поле сражения.

Глава V

КРИТИКА

Теоретические истины всегда сильнее влияют на практическую жизнь посредством критики, чем путем своего изложения в виде учения, ибо критика, являясь приложением теоретической истины к действительным событиям, не только приближает ее к жизни, но в большей мере приучает и рассудок к этим истинам путем повторного их приложения к практике. Поэтому мы считаем необходимым, наряду с точкой зрения на теорию, установить такую же и на критику.

Мы отличаем критическое изложение исторического события от обыкновенного изложения, которое просто располагает явления одно за другим, едва касаясь их ближайшей причинной связи. В таком критическом изложении могут проявиться три вида умственной деятельности.

Во-первых, — историческое расследование и установление сомнительных фактов. Это и будет собственно историческим исследованием, не имеющим с теорией ничего общего.

Во-вторых, — вывод следствий из причин. Это и есть *подлинное критическое исследование*. Оно для теории необходимо, ибо все то, что в теории может быть установлено или подтверждено или хотя бы пояснено опытом, достигается лишь таким путем.

В-третьих, — оценка целесообразности применявшихся средств. Это — *критика в собственном смысле*, содержащая в себе похвалу и порицание. Здесь уже теория служит истории или скорее тому поучению, которое можно почерпнуть из истории.

В этих двух последних подлинно критических частях исторического рассмотрения крайне важно проследить явления вплоть до их начальных элементов, т. е. до бесспорных истин, и не останавливаться, как это так часто бывает, на полпути, т. е. на каких-либо произвольных допущениях или предположениях.

Что касается анализа следствий, то это нередко встречает непреодолимое внешнее препятствие в том, что истинные причины остаются порой совершенно неизвестными. Ни при каких обстоятельствах жизни это не случается так часто, как на войне, где события редко бывают вполне известны, а еще реже — мотивы действий, которые или умышленно скрываются действующими лицами, или могут утеряться для истории, если они были преходящие и случайные. Поэтому критическое повествование должно большей частью итти рука об руку с историческим исследованием, и все же часто образуется такое несоответствие между причиной и следствием, что критика не может считать себя вправе смотреть на известные результаты, как на необходимые следствия определенных причин. Следовательно, получаются неизбежные пробелы, т. е. отрезки исторических событий, которыми нельзя воспользоваться для поучения. Теория может лишь требовать, чтобы исследование было решительно доведено до этого пробела, а по отношению к самому пробелу воздерживалось от каких бы то ни было выводов. Подлинное зло бывает тогда, когда за недостатком точных данных и полуизвестное признается

достаточным для объяснения следствий, т. е. когда этому полуизвестному придают незаслуженное значение.

Помимо этого затруднения, критическое исследование встречается еще с другим весьма серьезным внутренним затруднением, заключающимся в том, что действия на войне редко вытекают из одной простой причины, но в большинстве случаев будут результатом совокупности нескольких причин; поэтому недостаточно беспристрастно и добросовестно проследить весь ряд событий вплоть до их источника, но надо еще за каждой из наличных причин установить долю ее влияния. Таким образом, придется подвергнуть ближайшему обследованию природу причин, и таким путем критическое исследование может привести в подлинную область теории.

Критическое р а с с м о т р е н и е, а именно оценка средств, приводит к вопросу о том, каковы были результаты примененных средств и отвечали ли они намерениям действовавших лиц.

Своеобразность воздействия данных средств приводит к исследованию их природы, т. е. снова в область теории.

Мы видели, что в критике все сводится к тому, чтобы дойти до несомненных истин, т. е. не останавливаться на произвольных допущениях, необязательных для других; таким допущениям могут быть противопоставлены другие, быть может, столь же произвольные, утверждения. Тогда не будет конца совершенно бесплодным пререканиям и не получится никакого поучения.

Мы видим, что как исследование причин, так и оценка средств ведет в область теории, т. е. в область такой общей истины, которая вытекает не из данного лишь конкретного случая. Поэтому если мы будем обладать пригодной теорией, то при рассмотрении фактов мы будем ссылаться на то, что ею уже окончательно установлено, и прекращать дальнейшее исследование в этом направлении. Там же, где такой теоретической истины нет, исследование придется доводить до первичных начал. Если такая необходимость встречается часто, то писатель, естественно, углубляется в страшные дебри подробностей; он будет завален работой и утратит возможность останавливаться на всем с достаточным вниманием. В результате, чтобы по-

ложить хотя бы какие-нибудь границы рассмотрению, ему придется остановиться на произвольных допущениях, может быть, и достаточных для автора, но остающихся произвольными для других, так как они не очевидны сами по себе и ничем не доказаны.

Итак, пригодная теория является существенной основой критики, и без помощи разумной теории критика никогда не дойдет до того уровня, на котором она действительно становится поучительной, а именно — когда она достигает степени убедительности и неопровержимого доказательства.

Однако, было бы праздной мечтой верить в возможность такой теории, которая являлась бы хранительницей всей отвлеченной истины и оставляла бы для критики одну задачу — подвести каждый данный случай под соответствующий ему теоретический закон; было бы смешным педантизмом требовать от критики, чтобы она всякий раз почтительно останавливалась у порога священной теории. Тот же дух аналитического исследования, который создает теорию, должен руководить и работой критики. Таким образом, критическая мысль может и должна часто переноситься в область теории, выясняя детально те пункты, которые для нее в данную минуту имеют особенное значение. Напротив, критика совершенно не удовлетворит своего назначения, если она опустится до бездушного применения теории. Вся положительная часть теоретического исследования, всякие принципы, правила и методы утрачивают свой характер всеобщности и абсолютной истины, по мере того как они обращаются в положительное учение. Они существуют для того, чтобы предлагать свои услуги, а за суждением всегда должно оставаться право решать, подходят они или нет к данному случаю. Теоретическими положениями критика никогда не должна пользоваться как законами и нормами для оценки, но лишь так, как ими должны пользоваться действующие на войне лица, т. е. в качестве т о ч к и о п о р ы д л я с у ж д е н и я. Хотя тактика считает установленным, что в общем боевом порядке кавалерия должна располагаться не на одной линии с пехотой, а позади нее, но все же было бы неразумно на этом основании безусловно отвергать всякий уклоняющийся от

этого правила распорядок; критика должна исследовать основания для такого уклонения, и лишь в случае недостаточности их она вправе сослаться на авторитет теории. Далее, если теория установила, что атака по частям уменьшает шансы на успех, то было бы столь же неразумным без дальнейшего углубления в обстановку дела всякий раз, как атака по частям совпадает с неудачей, признавать последнюю за следствие первой, как и обратно: в случае успеха атаки по частям приходить тотчас же к противоположному заключению о неправильности этого теоретического положения. Дух исследования, присущий критике, не должен допускать ни той, ни другой крайности. Таким образом, критика преимущественно опирается на выводы аналитического исследования теории; то, что последняя окончательно выработала, критика не будет готовить заново; оно ведь и вырабатывается теорией для того, чтобы передать критике в готовом виде.

Задача критики — исследование причинной связи и целесообразности применявшихся средств — явится нетрудной в тех случаях, когда причина и следствие, цель и средство оказываются в близкой связи друг с другом.

Когда армия подверглась внезапному нападению и вследствие этого не оказалась в состоянии упорядоченно и разумно использовать свои возможности, то последствие внезапного нападения представляется несомненным. Если теория установила, что охватывающая атака в бою ведет к большим, хотя и менее обеспеченным, результатам, возникает вопрос, стремился ли преимущественно предпринявший охватывающую атаку именно к большому успеху; в утвердительном случае средство применено им целесообразно. Но если он хотел этим приемом вернее обеспечить свой успех и если он свой расчет строил не столько на конкретной обстановке, сколько на общих свойствах охватывающей атаки, как это имело место сотни раз, то он неправильно судил о природе такой атаки и допустил ошибку.

В подобных случаях задача критического исследования и оценки не представляет трудностей, и она окажется легкой всякий раз, как мы будем ограничиваться исследованием ближайших последствий и целей. Это доступно лич-

ному усмотрению; для этого стоит только исключить разбираемое явление из общей связи с ходом событий и рассматривать его лишь в одном отношении.

Но на войне, как и вообще во всем мире, все, что принадлежит к известному целому, находится во взаимной связи; следовательно, каждая причина, как бы ничтожна она ни была, сохраняет свое влияние до самого конца военных действий, видоизменяя его хотя бы в самой ничтожной мере. Точно так же и применение каждого средства должно увязываться с самой конечной целью.

Таким образом, можно следить за действием причины до тех пор, пока оно заслуживает наблюдения; точно так же можно оценить целесообразность применения средства не только по отношению к ближайшей цели, но и рассматривая эту цель лишь как средство для достижения более высокой цели, и продолжать итти по этому пути, пока мы не дойдем до цели, которая не нуждается уже ни в какой проверке, ибо необходимость ее не подлежит сомнению. Во многих случаях, особенно когда речь идет о крупных, решительных мероприятиях, рассмотрение придется доводить до о к о н ч а т е л ь н о й цели, до той именно, которая непосредственно должна привести к заключению мира.

Ясно, что при этом постоянном восхождении с каждым вновь достигнутым этапом для суждения приобретается новая точка зрения. Таким образом, то самое средство, которое с одной точки зрения представлялось выгодным, со следующей, более высокой, может быть отвергнуто.

Исследование причин явлений и оценка целесообразности примененных средств всегда идут рука-об-руку при критическом рассмотрении какого-нибудь акта, ибо только исследование причин приводит к тем вопросам, которые заслуживают стать объектом оценки.

Следуя вверх и вниз по этой цепи, мы наталкиваемся на значительные затруднения. Чем более отыскиваемая причина удалена от известного события, тем больше других причин приходится одновременно иметь в виду; при этом надо определить и учесть их воздействие, ибо чем выше стоит каждое явление, тем большим количеством сил и обстоятельств оно обусловливается. Когда мы установим причины проигрыша сражения, то, конечно, тем самым мы

установим и ту часть причин дальнейшего хода событий, которая падает на проигранное сражение, но лишь одну часть всех причин, ибо в конечный результат вольются, смотря по обстоятельствам, в большем или меньшем количестве также и следствия, вызванные другими причинами.

Совершенно такое же разнообразие возникает при оценке целесообразности средств по мере усвоения нами более высокой точки зрения, ибо с нею растет число средств, примененных к достижению более высокой цели. Конечная цель войны преследуется одновременно всеми армиями, а потому необходимо принять во внимание все, что при этом случилось или могло случиться.

Ясно, что это иногда может чрезвычайно расширить поле нашего рассмотрения, и нам будет грозить опасность заблудиться; главная трудность сводится к тому, что приходится делать множество предположений о явлениях, в действительности не происходивших, но вполне возможных, а поэтому и не подлежащих устранению из рассмотрения.

Когда Бонапарт в марте 1797 г. наступал с итальянской армией от р. Тальяменто на эрцгерцога Карла, то сделал он это с тем умыслом, чтобы принудить этого полководца к решительным действиям раньше, чем он успеет притянуть к себе ожидавшиеся им с Рейна подкрепления. Если смотреть лишь с точки зрения ближайшего решительного акта, то средство было избрано удачно, что успех и подтвердил, ибо эрцгерцог был еще настолько слаб, что на Тальяменто он лишь сделал попытку к сопротивлению, а когда увидел, что его противник слишком силен и решителен, то отступил и очистил входы в Норийские Альпы. Но для какой же цели нужен был Бонапарту этот успех как средство? Чтобы самому проникнуть в сердце австрийской монархии, облегчить наступление обеим рейнским армиям Моро и Гоша и установить с ними ближайший контакт. Так смотрел Бонапарт, и с этой точки зрения он был прав. Но если критика станет на более высокую точку зрения, а именно на точку зрения французской директории, которая могла и должна была предвидеть, что кампания на Рейне могла открыться лишь шесть недель спустя, то на вторжение Бонапарта через Норийские Альпы

можно смотреть лишь как на излишне рискованный шаг. Ибо стоило австрийцам подтянуть в Штирию с Рейна значительные резервы, которые эрцгерцог мог бы бросить на итальянскую армию, как не только эта последняя была бы уничтожена, но была бы проиграна вся кампания. Эти размышления и овладели Бонапартом в окрестностях Виллаха и заставили его очень охотно согласиться на Леобенское перемирие.

Но если критика поднимется еще на одну ступень выше и уяснит, что у австрийцев между Веной и армией эрцгерцога Карла не было никаких резервов, то станет ясно, что дальнейшее наступление Бонапарта угрожало бы самой Вене.

Допустим, что Бонапарт знал, что столица открыта и что он располагал в Штирии превосходством над эрцгерцогом; в этом случае его поспешное наступление к сердцу австрийской монархии оказывается уже не бесцельным; однако, осмысленность его находилась в зависимости от того, какое значение австрийцы придавали сохранению Вены. Если это значение было настолько велико, что они предпочли бы пойти на те условия мира, которые Бонапарт намеревался им предложить, то на угрозу Вене приходится смотреть как на конечную цель военных действий. Если Бонапарт имел какие-либо основания предполагать это, то критика могла бы здесь остановиться, но если бы значение захвата Вены оставалось в области догадок, то критике пришлось бы вновь шагнуть на еще более высокую точку зрения и поставить вопрос: что бы случилось, если бы австрийцы решились пожертвовать Веной и отступили еще далее в глубь своей обширной территории? Однако, на этот вопрос, как легко понять, нельзя дать ответа, не приняв в расчет вероятного хода действий между армиями обеих сторон на Рейне. При решительном численном перевесе французов (130 000 человек против 80 000) их успех, конечно, почти не подлежал сомнению, но тут возникал новый вопрос: как французская директория захотела бы его использовать? Французы могли развивать свой успех до противоположных границ австрийского государства, т. е. вплоть до полного разрушения или сокрушения этой державы, или же довольствоваться завоеванием значительной

части территории в качестве залога при заключении мира. Для обоих случаев надо уяснить вероятный результат и лишь в зависимости от него определить затем вероятное решение французской директории. Положим, в итоге этого рассмотрения оказалось бы, что для полного разгрома австрийской империи силы французов были далеко недостаточны, так что попытка в этом направлении сама собой вызвала бы полный переворот во всей обстановке, и что даже одно лишь завоевание и удержание за собой значительной части территории поставило бы французов в такое стратегическое положение, при котором их сил оказалось бы, по всей вероятности, недостаточно. Этот результат должен был бы повлиять на оценку стратегического положения итальянской армии и побудил бы ее не предаваться чрезмерным надеждам. Это, бесспорно, и заставило Бонапарта, даже при полном учете беспомощного положения эрцгерцога, заключить Кампо-Формийский мир на условиях, не требовавших от австрийцев тяжелых жертв; австрийцы лишились только таких провинций, которые они не могли бы отвоевать даже после самой удачной кампании. Но французы не могли бы рассчитывать и на заключение этого умеренного мира в Кампо-Формио, а следовательно, не могли бы сделать его целью своего наступления, если бы не были выдвинуты два соображения. Первое заключалось в вопросе, как расценивали сами австрийцы каждый из двух возможных исходов, считали ли бы они эти результаты, несмотря на вероятный счастливый конечный успех в обоих случаях, стоящими тех жертв, которые были сопряжены с продолжением войны и которых они могли избегнуть ценою не слишком убыточного мира. Второй вопрос ставился так: будет ли австрийское правительство в состоянии спокойно взвесить конечный возможный успех своего упорного сопротивления и не поддастся ли оно малодушию под впечатлением временных неудач?

Рассмотрение существа первого вопроса отнюдь не является праздной игрой ума, но имеет столь огромное практическое значение, что оно всякий раз возникает, когда обсуждается какой-либо ориентированный на крайность план, и оно-то весьма часто и препятствует приведению его в исполнение.

Рассмотрение второго вопроса представляется столь же необходимым, ибо войну ведут не с абстрактным, а с реальным противником, которого надо постоянно иметь в виду. И, наверное, смелый Бонапарт не упускал эту точку зрения, т. е. учитывал тот ужас, который предшествовал его грозному мечу. Тот же расчет привел его в 1812 г. и в Москву. Здесь он просчитался; ужас несколько был изжит в предшествовавшей гигантской борьбе; в 1797 г. этот ужас, конечно, еще был свеж, а тайна сопротивления, доведенного до крайнего предела, тогда еще не была вскрыта; но и в 1797 г. его отвага привела бы к отрицательному результату, если бы в предвидении такового он не нашел исхода в умеренном Кампо-Формийском мире.

На этом мы прервем данное рассмотрение; сказанного достаточно, чтобы представить образчик, показывающий, с какой широтой, многообразием и трудностями имеет дело критический разбор, если доходить в нем до предельных целей, а последнее является необходимым, когда дело идет о крупных, решающих актах. Из нашего рассмотрения видно, что помимо теоретического проникновения в предмет на ценность критического разбора оказывает огромное влияние природный талант, ибо от этого таланта будут преимущественно зависеть надлежащее освещение взаимной связи событий и выявление наиболее существенных соотношений событий из бесчисленного их множества.

Но таланту в этом деле предстоит и другого рода задача. Критическое рассмотрение заключается в оценке не одних лишь примененных средств, но и в с е х в о з м о ж н ы х; а последние еще надо указать, т. е. изобрести; ведь вообще нельзя порицать одно средство, если не можешь указать на другое — лучшее. Как бы мало ни было в большинстве случаев число возможных комбинаций, все же нельзя отрицать, что, выдвигая еще неиспользованные средства, мы не только производим простой анализ имевших место событий, но и проявляем творчество, которое не может быть предуказано, а зависит исключительно от плодовитости ума.

Мы далеки от того, чтобы усматривать арену великой гениальности там, где все может быть сведено к очень немногим практически возможным и очень простым комбинациям; мы считаем смехотворным, когда изобретение обхода

позиции рассматривается как черта великой гениальности, что часто имеет место; но, тем не менее, этот акт творческой самодеятельности является необходимым, и им существенно определяется ценность критического разбора.

Когда Бонапарт 30 июля 1796 г. принял решение снять осаду Мантуи, дабы сосредоточенными силами броситься навстречу отдельным колоннам неприятеля, двигавшимся на выручку крепости, чтобы разбить их поодиночке, то это оказалось самым верным путем к блестящим победам. Эти победы действительно были одержаны и повторились с еще большим блеском с теми же средствами при последующих попытках притти на выручку означенной крепости. Об этом все в один голос отзываются не иначе, как с восторженной похвалой.

Однако, Бонапарт мог предпринять этот шаг 30 июля лишь ценой окончательного отказа от осады Мантуи, ибо при его решении нельзя было спасти осадный парк, а добыть в эту кампанию другой было невозможно. И, действительно, осада затем превратилась в простую блокаду, и крепость, которая в случае продолжения осады пала бы в очень скором времени, сопротивлялась, несмотря на все победы Бонапарта в открытом поле, еще в течение шести месяцев.

Критика в этом усмотрела совершенно неизбежное зло, ибо она не могла указать лучшего способа сопротивления. Сопротивление против идущей на выручку армии внутри циркумвалационной линии пользовалось такой дурной славой и презрением, что этот способ не приходил и в голову. Однако, в эпоху Людовика XIV этот прием так часто достигал цели, что можно смотреть, как на своего рода моду, на то обстоятельство, что никто и не пытался о б д у м а т ь в о з м о ж н о с т ь е г о и с п о л ь з о в а н и я сто лет спустя. При допущении такого способа учет ближайших обстоятельств показал бы, что 40 000 солдат лучшей в мире пехоты, которой располагал бы Бонапарт в циркумвалационной линии перед Мантуей, так мало могли страшиться 50 000 австрийцев, которых Вурмзер вел на выручку осажденной крепости, что последние едва ли попытались бы даже атаковать французские линии. Мы здесь не станем приводить дальнейших доказательств нашего утверждения, но пола-

гаем, что сказанного достаточно для того, чтобы оно было принято во внимание наряду с другими. Думал ли сам Бонапарт, когда приступал к действию, об этом средстве, мы не беремся решать: ни в его мемуарах, ни в других печатных источниках об этом нет и следа; вся последующая критика об этом даже и не думала, так как глаз совершенно отвык от подобного мероприятия. Заслуга напомнить об этом средстве не из великих, ибо стоит лишь освободиться от засилия модных взглядов, чтобы дойти до этого; но последнее необходимо, чтобы приступить к его рассмотрению и сравнению с тем приемом, к которому прибег Бонапарт. Каков бы ни оказался результат такого сравнения, критика не должна его миновать.

Когда Бонапарт в феврале 1814 г. разбил в боях под Этожем, Шампобером, Монмиралем и т. д. армию Блюхера, а затем, бросив его, обратился против Шварценберга и нанес ему поражение под Монтро и Морман, все восторгались тем, как Бонапарт постоянной переброской своих главных сил блестяще использовал ошибку союзников, наступавших раздельно. Если эти блестящие удары, наносимые во все стороны, все же не спасли Бонапарта, то это, как полагали, не могло быть поставлено ему в вину. Никто до сего времени не задал себе вопроса, каков был бы результат, если бы Бонапарт не повернул от Блюхера на Шварценберга, а продолжал бы наносить удары Блюхеру и преследовал бы его до Рейна. Мы убеждены, что в этом случае произошел бы полный переворот во всей кампании, и главная армия союзников не пошла бы на Париж, а отступила бы за Рейн. Мы не настаиваем на том, чтобы наше убеждение разделяли другие, но ни один специалист не станет сомневаться, что критика должна заняться рассмотрением этой альтернативы, раз о ней зашла речь.

В этом случае средство, подлежавшее сравнению с действительно примененным, было гораздо ближе к последнему, чем в предыдущем случае, однако, и на этот раз на его рассмотрении никто не остановился, так как все слепо следовали по одному направлению и находились под влиянием предубеждения.

Из необходимости указать на лучшее средство взамен опороченного возник тот род критики, которым почти ис-

ключительно пользуются, а именно: ограничиваются голым указанием на якобы лучший прием, не представляя в пользу его никаких доказательств. В результате указанный метод действий не для всех представляется доказанным. Другие поступают так же, и возникает спор, не имеющий никакого разумного основания. Вся литература о войне полна подобными примерами.

Доказательство, которого мы требуем, необходимо всюду, где преимущество предлагаемого средства не настолько очевидно, чтобы не оставалось никакого сомнения. Сущность доказательства заключается в том, чтобы каждое из этих средств подвергнуть исследованию в отношении его особенностей и соответствия с поставленной целью. Раз дело сведено таким путем до простых истин, то спор должен, наконец, прекратиться или же привести к новым выводам, между тем как при ином методе аргументы pro и contra[1] начисто уничтожают друг друга.

Если бы, например, мы, не довольствуясь сказанным, решили в приведенном нами случае доказать, что неуклонное преследование Блюхера являлось бы более удачным решением, чем поворот против Шварценберга, то мы оперлись бы на следующие простые истины.

1. Как общее правило, выгоднее продолжать наносить удары в одном направлении, чем перебрасывать свои силы с места на место, потому что, во-первых, такое перебрасывание сопряжено с потерей времени и, во-вторых, там, где моральные силы уже подорваны значительными потерями, новые успехи являются более обеспеченными; таким образом, не меняя направления ударов, мы не оставляем неиспользованной часть достигнутого перевеса.

2. Хотя Блюхер был численно слабее Шварценберга, но благодаря своей предприимчивости был значительно опаснее, а потому скорее в нем лежал центр тяжести, увлекающий все остальное за собой во взятом им направлении.

3. Потери, понесенные Блюхером, были почти равнозначащи поражению, вследствие чего Бонапарт приобрел над ним такой перевес, что отступление Блюхера к Рейну едва

[1] За и против. — Ред.

ли подлежало сомнению, так как в этом направлении он не мог получить существенных подкреплений.

4. Никакой другой возможный успех не выделился бы с такой яркостью, не предстал бы воображению в таком колоссальном очертании; а при нерешительном, робком командовании армией, каким заведомо было командование Шварценберга, это должно рассматриваться как один из самых существенных факторов. Потери, которые понесли наследный принц Вюртембергский под Монтро и граф Витгенштейн под Морман, вероятно, с достаточной точностью были известны Шварценбергу. Те же поражения, которые понес бы Блюхер на своем совершенно обособленном и отдельном направлении от Марны до Рейна, докатывались бы до Шварценберга лишь в виде снежной лавины слухов. Отчаянный маневр, предпринятый Бонапартом в конце марта на Витри, представлявший попытку оказать воздействие на союзников угрозой их сообщениям, был, очевидно, построен на принципе устрашения, но обстоятельства были уже совершенно иные, ибо Бонапарт потерпел неудачу под Лаоном и Арси, а Блюхер уже присоединился к Шварценбергу со своей стотысячной армией.

Конечно, найдутся люди, которых наши доводы не убедят, но по крайней мере они не будут иметь возможности нам возразить: «В то время как Бонапарт угрожал бы своим продвижением к Рейну — базе Шварценберга, Шварценберг угрожал бы Парижу — базе Бонапарта», ибо мы приведенными нами доводами именно и хотели указать, что Шварценберг и не подумал бы двигаться на Париж.

По поводу примера из похода 1796 г., которого мы выше коснулись, мы бы сказали, что Бонапарт видел в принятом решении самое верное средство разбить австрийцев; если бы даже это и было так, то цель, достигаемая этим путем, являлась лишь пустым военным подвигом, который не мог оказать существенного влияния на падение Мантуи. Путь, который мы рекомендуем, по нашему мнению, гораздо вернее мог воспрепятствовать снятию осады; но если бы мы с точки зрения французского полководца и не считали, что это так, и даже полагали бы, что он представляет меньше шансов на успех, то все же вопрос сводился к тому, что на одну чашу весов пришлось бы положить

более обеспеченный, но почти бесполезный, а следовательно, ничтожный успех, а на другую — успех не вполне вероятный, но гораздо более значительный. При такой постановке вопроса наиболее смелым является второй способ разрешения вопроса, между тем как при поверхностном взгляде получается обратное представление. Несомненно, намерения Бонапарта были очень отважные, и, следовательно, надо полагать, что он не до конца уяснил себе природу данного случая и не обозрел последствий своего решения так, как мы их представляем себе теперь, после фактического опыта.

Вполне естественно, что при рассмотрении целесообразности примененных средств критике часто приходится ссылаться на военную историю, ибо в военном искусстве опыт имеет гораздо большую ценность, чем любая философская истина. Но, конечно, это доказательство историей действительно лишь при определенных условиях, о которых мы поговорим в особой главе. К сожалению, эти условия так редко выполняются, что ссылки на историю по большей части приводят к еще большей путанице в понятиях.

Теперь нам надо рассмотреть еще один важный вопрос, а именно: в какой мере дозволительно или даже обязательно для критики пользоваться при обсуждении конкретного случая имеющимися в ее распоряжении более подробными сведениями о событиях, а также результатами этих событий; иначе говоря, когда и где критика должна отвлечься от всех этих данных, дабы возможно точно стать в положение действовавшего лица.

Когда критика хочет высказать похвалу или порицание действовавшему лицу, то, разумеется, она должна постараться в точности стать на его точку зрения, т. е. сопоставить все то, что он знал и что руководило его действиями, и отстранить от себя все то, чего деятель не мог знать или не знал; следовательно, прежде всего надо устранить данные о том, к какому результату привели предпринятые действия. Однако, это лишь цель, к которой надо стремиться, но окончательно достигнуть невозможно, ибо обстановка, на фоне которой протекало какое-либо событие, никогда не может предстать перед глазами критика в том самом виде, в каком она была перед глазами действо-

вавшего лица. Ряд мелких обстоятельств, которые могли оказывать влияние на решения, исчезли бесследно; об иных субъективных побуждениях не встречается никаких указаний. О последних узнают лишь потом из мемуаров самих деятелей или очень близких к ним лиц, а в таких мемуарах все трактуется обычно общими мазками, а порой излагается не вполне откровенно. Таким образом, у критика будет недоставать многого, что живо стояло в сознании действовавшего лица.

С другой стороны, критике еще труднее закрыть глаза на то, что ей слишком хорошо известно. Это легко лишь по отношению ко всем случайным, т. е. не коренящимся в существе обстановки, примешавшимся к ней обстоятельствам, но это крайне трудно и почти недостижимо по отношению ко всем существенным явлениям.

Прежде всего поговорим о конечном результате. Если он вытек не из случайных явлений, то почти невозможно, чтобы знание его не оказало влияния на суждение о тех событиях, из которых оно получилось, ибо на них мы смотрим сквозь призму конечного результата и лишь через него окончательно знакомимся с ними и учимся их оценивать по достоинству. Военная история со всеми ее явлениями представляет для самой критики и с т о ч н и к п о у ч е н и я, и вполне естественно, что последняя рассматривает явления в том освещении, которое им придает рассмотрение всех событий в целом. Поэтому, если бы даже критика иногда и задавалась целью безусловно закрыть глаза на этот результат, то окончательно это ей все же никогда бы не удалось.

Но так обстоит дело не только с конечным результатом, т. е. с тем, что наступает позднее, но и с обстановкой соответствующего момента, т. е. с теми данными, которые определяют действие. В большинстве случаев в распоряжении критики их окажется больше, чем было у действовавшего лица; можно было бы думать, что закрыть на них глаза нетрудно, однако, на деле это не так. Знание как предшествовавших, так и одновременных обстоятельств основывается не только на определенных сообщениях, но в значительной мере и на целом ряде догадок и предположений; мало того, редко получается сообщение о не вполне

случайных событиях, которому уже не предшествовали бы предположения или догадки; они-то и заменяют точное сообщение, если последнего нет. Таким образом, понятно, что позднейшая критика, которой фактически известны все предшествовавшие и все одновременные обстоятельства, должна действовать неподкупно, задавая себе вопрос, какое из неведомых тогда обстоятельств она сочла бы вероятным. Мы утверждаем, что в данном случае полностью исключить из своего суждения известные данные столь же невозможно и по тем же самым причинам, как и закрыть глаза на конечный результат.

Отсюда, если критика захочет высказать похвалу или порицание по поводу какого-нибудь конкретного действия, то ей всегда лишь до известного предела удастся стать в положение действовавшего тогда лица. Во многих случаях последнее достигается в пределах практически нужного, в других же случаях оно может и вовсе не удаться; этого не следует упускать из виду.

Однако, нет никакой необходимости и даже нежелательно, чтобы критика вполне отождествлялась с действующим лицом. На войне, как и во всякой деятельности, сопряженной с искусством, требуется развитое природное дарование, называемое мастерством. Мастерство может быть крупным и малым. В первом случае оно легко может оказаться выше дарования критика, ибо какой критик решился бы выразить притязание на мастерство Фридриха или Бонапарта! Но критика не может вовсе воздержаться от суждения о крупных талантах, и, следовательно, ей надо предоставить использовать преимущество более широкого горизонта. Следовательно, критика не может вслед за великим полководцем решать выпавшие на него задачи, исходя только из имевшихся у него данных, как можно было бы проверить решение математической задачи; она должна сначала почтительно ознакомиться с высшим творчеством гения по достигнутым им успехам и по точной координации всех действий, а затем изучить на фактах ту основную связь между событиями, тот истинный их смысл, которые умел предугадать взор гения.

Но и по отношению ко всякому, даже самому скромному мастерству необходимо, чтобы критика становилась на бо-

лее высокую точку зрения, дабы, обогатившись объективными моментами для суждения, она являлась возможно менее субъективной и дабы ограниченный рассудок критика не мерил бы других своей мерой.

Такое более высокое положение критики, ее похвала и порицание, выносимые после полного проникновения во все обстоятельства дела, не содержит в себе ничего оскорбительного для наших чувств; последнее создается лишь тогда, когда критик выдвигает вперед свою особу и начинает говорить таким тоном, словно вся та мудрость, которую он приобрел благодаря полному знакомству со всеми событиями, составляет его личный талант. Как ни груб такой обман, однако, пустое тщеславие охотно к нему прибегает, и не мудрено, что это вызывает в других негодование. Но чаще случаи, когда такое самохвальство не входит в намерения критика, а лишь приписывается ему читателем; если первый не примет известных мер предосторожности, то тотчас же зарождается обвинение в отсутствии способности суждения.

Таким образом, когда критик указывает на ошибки Фридрихов Великих и Бонапартов, то это не значит, что он сам, произносящий критическое суждение, этих ошибок не совершил бы; он даже мог бы согласиться, что на месте этих полководцев он, вероятно, совершил бы гораздо более грубые ошибки, но он усматривает эти ошибки из хода событий и связи между ними и требует от проницательности полководца, чтобы тот их предусмотрел.

Итак, критика есть суждение, основанное на ходе событий и на связи между ними, а следовательно, и на их конечном р е з у л ь т а т е. Но результат может сказаться на суждении и совершенно иначе; бывает, что им попросту пользуются в качестве доказательства правильности или неправильности того или другого мероприятия. Это можно назвать суждением п о у с п е х у. Такое суждение на первый взгляд кажется безусловно неприемлемым, и все же это не так.

Когда Бонапарт в 1812 г. шел на Москву, все зависело от того, принудит ли он императора Александра к миру завоеванием этой столицы и предшествовавшими этому событиями, как ему удалось принудить его в 1807 г. после

сражения под Фридландом и как удалось принудить императора Франца в 1805 и 1809 гг. после Аустерлицкого и Ваграмского сражений; ибо раз он не получал мира в Москве, ему ничего не оставалось другого, как возвращаться вспять, т. е. понести стратегическое поражение. Мы не будем останавливаться на том, что сделал Бонапарт, чтобы добраться до Москвы, и не было ли уже при этом упущено многое такое, что могло бы побудить императора Александра заключить мир; не будем также говорить о тех гибельных обстоятельствах, которые сопровождали отступление и причина которых, может быть, уже заключалась в ведении войны в целом. Но независимо от этого вопрос остается тем же самым, ибо какими бы блестящими ни были результаты похода до занятия Москвы, все же дело сводилось к тому, будет ли император Александр настолько запуган всем этим, чтобы заключить мир. Если бы отступление и не носило на себе такого отпечатка истребления и гибели, поход все же являлся бы крупным стратегическим поражением. Если бы император Александр согласился на невыгодный мир, то поход 1812 г. стал бы наряду с походами, закончившимися Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом. А между тем, и эти кампании, не будь заключен мир, вероятно, привели бы к таким же катастрофам. Таким образом, какую бы силу, искусство и мужество ни проявил всемирный завоеватель, этот конечный вопрос, обращенный к судьбе, оставался бы повсюду тем же самым. Но неужели на этом основании мы должны отвергнуть походы 1805, 1807 и 1809 гг. и на основании данных одной кампании 1812 г. утверждать, что все они — плод неразумия, что успех их противоестественен и что в 1812 г. стратегическая правда наконец восторжествовала над слепым счастьем? Это было бы крайней натяжкой, суждением донельзя тираническим, которое могло быть доказанным лишь наполовину, ибо ни один человеческий взор не может проследить нить необходимого сцепления событий вплоть до окончательного решения, принятого побежденными монархами.

Но еще менее оснований утверждать, что поход 1812 г. заслуживал того же успеха, как и предшествующие, и если он им не увенчался, то это нечто совершенно ненормаль-

ное. В самом деле, нельзя же смотреть на стойкость императора Александра, как на нечто ненормальное.

Что может быть естественнее, как сказать, что в 1805, 1807 и 1809 гг. Бонапарт правильно оценил своих противников, а в 1812 г. он ошибся; следовательно, тогда он был прав, а на этот раз нет, и притом в обоих случаях потому именно, что нас тому учит конечный результат.

Все действия на войне, как мы уже говорили раньше, рассчитаны лишь на вероятные, а не на несомненные результаты; то, чего недостает в отношении несомненности, должно быть предоставлено судьбе или счастью, называйте это, как хотите. Правда, мы можем требовать, чтобы доля счастья была как можно меньше, но лишь по отношению к конкретному случаю, т. е. в каждом отдельном случае эта доля должна быть возможно меньше, но из разных случаев мы вовсе не обязаны предпочитать именно тот, в котором меньше всего подлежащего сомнению. Это было бы согласно всей нашей теоретической установке огромной ошибкой. Бывают случаи, когда величайший риск является величайшей мудростью.

Во всем том, что действующее лицо предоставляет судьбе, повидимому, нет никакой его заслуги, а следовательно, в этой части на него и не ложится никакой ответственности; тем не менее мы не можем удержаться от внутреннего одобрения всякий раз, как ожидание полководца оправдывается. Когда же оно срывается, мы испытываем какое-то чувство неудовлетворенности. Дальше этого и не должно итти суждение о правильном и ошибочном, которое мы сознаем только на основании конечного результата или, точнее, которое мы просто находим в нем.

Однако, нельзя не признать, что чувство удовлетворения, испытываемое нашим сознанием от меткого действия, и чувство неудовлетворенности от промаха все же покоятся на смутной догадке, что между успехом, приписываемым счастью, и гением действующего лица существует тонкая, невидимая умственному взору связь, и эта гипотеза доставляет нам известное удовлетворение. Такой взгляд подкрепляется тем, что наш интерес возрастает и переходит в

более определенное чувство, когда в деятельности того же самого лица удачи и промахи часто повторяются. Отсюда становится понятным, почему счастье на войне принимает гораздо более благородный облик, чем счастье в игре. Повсюду, где благоприятствуемый счастьем вождь не задевает как-либо наши интересы, мы с удовлетворением будем следить за его успехами.

Итак, критика, после того как она взвесила все, что принадлежит к области человеческого расчета и может быть удостоверено, должна предоставить слово конечному исходу в той части, в которой тайная внутренняя связь вещей не воплощается в видимых явлениях. При этом она должна, с одной стороны, оградить этот безмолвный приговор высшего судилища против напора необузданных мнений, с другой — возразить против нелепых злоупотреблений, которые могут быть допущены этой высшей инстанцией.

Этот приговор по конечному результату всегда должен, следовательно, удостоверить то, чего не может распознавать человеческий ум. К нему приходится обращаться, главным образом, в вопросе о духовных силах и их воздействии отчасти потому, что о них можно судить с наименьшей достоверностью, а отчасти и потому, что они, близко соприкасаясь с волей, легко ее обусловливают. Там, где решение вырвано страхом или мужеством, между чувством и волей не может быть установлено ничего объективного, а следовательно, здесь уже мудрость и расчет более не влияют на вероятный исход дела.

Теперь мы еще позволим себе высказать несколько замечаний об орудии критики, а именно о языке, которым она пользуется, ибо критика в известной степени является спутником военных действий; ведь дающая оценку критика — не что иное, как размышление, которое должно предшествовать действию. Поэтому мы полагаем, что крайне существенно, чтобы язык критики носил такой же характер, какой должен иметь язык размышлений на войне; иначе он теряет свою практичность и не дает критике доступа в действительную жизнь.

При рассмотрении вопроса о теории ведения войны мы говорили, что она должна воспитывать ум вождей или, вер-

нее, руководить их воспитанием. Она не предназначена к тому, чтобы снабжать вождя положительным учением или системами, которыми он мог бы пользоваться как готовыми орудиями ума. Но если на войне для суждения о данном случае построение научных подсобных линий[1] не только не нужно, но даже недопустимо, если истина не выступает здесь в систематическом оформлении и берется не из вторых рук, а непосредственно усматривается естественным умственным взором, то то же должно быть и при критическом рассмотрении.

Правда, мы видим, что всякий раз, как представляется слишком громоздким устанавливать природу явлений, критика должна опираться на уже окончательно признанные в теории истины. Однако, подобно тому как деятель на войне более повинуется этим теоретическим истинам тогда, когда слил свое мышление с их духом, чем когда он видит в них лишь внешний мертвый закон, так и критика не должна ими пользоваться как чуждыми законами или алгебраическими формулами, при применении которых не требуется искать нового доказательства. Она должна всегда сама светиться этими истинами, предоставляя теории лишь более точное и обстоятельное их доказательство. Таким образом, критика избегнет таинственного и запутанного языка и будет литься простой речью в прозрачном, т. е. всегда *наглядном*, ряде образов.

Конечно, это не всегда бывает в полной мере достижимо, но таково должно быть стремление критического изложения. Оно должно применять как можно меньше сложных форм распознавания и никогда не пользоваться построением научных подсобных линий как собственным аппаратом установления истины, но ко всему подходить с простым и свободным умственным взором.

Однако, это благочестивое стремление, если мы можем позволить себе так выразиться, к сожалению, до сих пор господствовало лишь в очень немногих критических разборах, большинство же их из какого-то тщеславия тянулось к идейной напыщенности.

---

[1] В оригинале: «конструкция научных вспомогательных линий». — *Ред.*

Первое зло, с которым часто приходится встречаться, это беспомощное, совершенно недопустимое применение известных односторонних систем как формального закона. Но всегда нетрудно показать всю односторонность такой системы, и стоит это сделать хотя бы однажды, чтобы раз навсегда подорвать авторитет ее судейского приговора. Здесь мы имеем дело с определенным явлением, а так как число возможных систем в конечном счете может быть лишь незначительно, то сами по себе они представляют еще меньшее зло.

Гораздо больший вред заключается в том придворном штате терминологий, технических выражений и метафор, который тащат за собой системы и который, как распущенный сброд, как обозная челядь армии, отбившаяся от своих принципов, беспорядочно повсюду бродит. Критик, не поднявшийся до цельной системы или потому, что ни одна из них ему не понравилась, или потому, что ему не удалось изучить какую-нибудь из них полностью, все же норовит использовать хотя бы кусочек ее как направляющую веху, чтобы доказать, как ошибочен был тот или иной ход полководца. Большинство совсем не умеет рассуждать без того, чтобы не пользоваться то здесь, то там каким-либо обрывком военной теории как опорой. Самые мелкие из этих обрывков, сводящиеся просто к техническим терминам и метафорам, часто оказываются лишь затейливыми прикрасами, уснащающими критическое повествование. Но по самой природе дела вся терминология и технические выражения, принадлежащие какой-нибудь системе, утрачивают свой правильный смысл, если они им когда-нибудь обладали, раз только их выхватывают из системы и употребляют как аксиомы или как маленькие кристаллы истины, обладающие якобы большей убедительностью, чем обыденная речь.

Таким-то путем и получилось, что наши теоретические и критические книги вместо простого, безыскусственного и ясного рассуждения, при котором автор по крайней мере сам знает, о чем говорит, а читатель понимает, что читает, кишмя кишат этими терминологиями, создающими темные перекрестки, на которых автор и читатель расхо-

дятся в разные стороны. Нередко бывает еще хуже: часто они являются простой скорлупой без зерна. Сам автор толком не знает, что он, собственно, думает по данному поводу, и успокаивается на туманных представлениях, которые в обыденной речи его самого не удовлетворили бы.

Третье зло критики — это злоупотребление историческими примерами и желание блеснуть начитанностью. Что такое история военного искусства, об этом мы уже говорили, и мы еще разовьем в отдельных главах нашу точку зрения на исторические примеры и вообще на военную историю. Факт, который задевают лишь мимоходом, может служить примером для совершенно противоположных воззрений, а три-четыре примера, выхваченные из самых отдаленных друг от друга эпох и стран, натасканные из самых разнородных обстановок и сваленные в кучу, чаще всего сбивают с толку и запутывают суждение, не обладая в то же время ни малейшей доказательной силой.

Если взглянуть на все это при правильном освещении, то примеры чаще всего оказываются простой трухой, а намерение автора ограничивается желанием блеснуть начитанностью.

Что могут дать для практической жизни эти туманные, полуправдивые, запутанные, произвольные представления? Так мало, что в значительной степени из-за них теория, с тех пор как она существует, является подлинным противоречием практике и нередко служит предметом насмешек со стороны лиц, которым нельзя отказать в высоких качествах на поле брани.

Этого никоим образом не могло бы случиться, если бы теория простым языком и путем естественного рассмотрения вопросов, составляющих сущность военного дела, пыталась установить то, что может быть установлено; если бы она без ложных претензий и неподобающей пышности научных форм и исторических сопоставлений ближе придерживалась сути дела и шла рука об руку с людьми, которые призваны руководить военными действиями, опираясь лишь на свой разум.

Глава VI

О ПРИМЕРАХ

Исторические примеры все делают ясным и, кроме того, представляют собой самое лучшее доказательство в науках, исходящих из опыта. Более чем где-либо это наблюдается в военном искусстве. Генерал Шарнгорст, который в своем «Спутнике» лучше всех писал о подлинной войне[1], утверждает, что для понимания военного дела исторические примеры — самое важное, и он пользовался ими с изумительным искусством. Переживи он ту войну, в которой он пал, 4-я часть его переработанного сочинения об артиллерии дала бы нам еще более блестящее доказательство того, как он наблюдал и извлекал поучения из проникновения в опыт войны.

Но писатели-теоретики лишь редко умеют так хорошо пользоваться историческими примерами; мало того, способ, которым они ими пользуются, не только не удовлетворяет разума, но даже оскорбляет его. Поэтому мы считаем важным подробнее остановиться на правильном употреблении примеров и на злоупотреблении ими.

Бесспорно, что знания, лежащие в основе военного искусства, относятся к наукам опытным, ибо, хотя они в большинстве случаев и проистекают из свойств[2] явлений, все же с этими свойствами надо сперва ознакомиться на опыте; кроме того, практическое применение подвергается стольким изменениям под влиянием разнообразнейших обстоятельств, что действие никогда нельзя постигнуть в полной мере из одних лишь свойств примененного средства.

---

[1] Ленин в своих заметках выписал по-немецки: «генерал Шарнгорст, который в своем «Спутнике» лучше всех писал о подлинной войне» (подчеркнуто Лениным). На полях этой выписки Ленин написал «Между прочим».

Клаузевиц имеет здесь в виду изданный в начале революционных войн труд Шарнгорста: «Militärisches Taschenbuch zum Gebrauch im Felde», 1793. Далее Клаузевиц имеет в виду наиболее известный труд Шарнгорста: «Handbuch der Artillerie», переведенный в 1841 г. на русский язык. — Ред.

[2] В оригинале — природы. — Ред.

Действие пороха, этого великого фактора нашей военной деятельности, мы познали лишь на опыте; еще и ныне мы продолжаем беспрерывно заниматься ближайшим изучением его свойств путем опытов. Что чугунное ядро, получившее посредством пороха начальную скорость 1000 футов в секунду, раздробит всякое живое существо, которого оно коснется в своем полете, конечно, ясно само собой, и для этого нет надобности в опыте; но сколько сотен побочных обстоятельств точно определяют его действие, которое частично можно определить лишь на опыте! А ведь приходится нам считаться не с одной только материальной действительностью; мы интересуемся в особенности моральным воздействием, а чтобы изучить и оценить последнее, нет иного средства, кроме опыта. В средние века, когда только что было изобретено огнестрельное оружие, его материальная действительность вследствие несовершенства устройства была, понятно, много слабее, чем в наши дни, но зато моральное воздействие было гораздо больше. Надо было самому наблюдать стойкость одной из частей, воспитавшихся на службе Бонапарту и предводимых им в его победоносном шествии, когда она находилась под сильнейшим и непрерывным орудийным огнем, чтобы составить себе понятие, чего может достигнуть воинская часть, закаленная долгой привычкой к опасностям и доведенная полнокровным чувством победы до предъявления самой себе требования высочайших достижений. Кто не видел этого, тот не сможет этому поверить. С другой стороны, опыт неоднократно свидетельствует, что еще в наши дни среди европейских войск можно встретить войска, строй которых легко рассеивается двумя-тремя пушечными выстрелами.

Но никакая основанная на опыте наука, а следовательно, и теория военного искусства, не в состоянии постоянно сопровождать свои положения историческими доказательствами; в частности по отдельным вопросам было бы нелегко привести доказательство в виде опытных данных. Когда на войне убеждаются, что известное средство оказывается весьма действительным, то к нему прибегают вновь; один перенимает его у другого; устанавливается форменная мода. Таким путем, опираясь на опыт, это средство входит в общее употребление и получает место в теории,

которая довольствуется тем, что вообще ссылается на опыт, чтобы объяснить, откуда взялось это средство, но не затем, чтобы найти в опыте доказательство его значения.

Совершенно иначе обстоит дело, когда приходится пользоваться опытом, чтобы устранить общераспространенное средство, разобраться в сомнительном или же ввести новое; тогда необходимо выставить в доказательство отдельные примеры из истории.

Применение исторических примеров при ближайшем рассмотрении исходит из четырех различных точек зрения.

Во-первых, примером можно пользоваться как простым **пояснением** мысли. При всяком отвлеченном рассуждении очень легко быть неверно понятым или даже вовсе непонятым; в тех случаях, когда автор этого опасается, он пользуется историческим примером, дабы осветить в должной мере свою мысль и обеспечить взаимное понимание между собой и читателем.

Во-вторых, пример может иметь **прикладной характер**[1], ибо он представляет возможность показать, как трактуются те более мелкие обстоятельства, которые при общем выражении мысли не могли быть охвачены во всей совокупности; в последнем и заключается различие между теорией и опытом.

Оба эти случая относятся к собственно историческим примерам; два следующих относятся уже к историческим доказательствам.

В-третьих, можно сослаться на исторический факт, дабы подкрепить то, что было сказано. Этого достаточно во всех случаях, когда желают доказать **одну лишь возможность** какого-либо явления или последствия.

Наконец, в-четвертых, можно создать какое-либо поучение из обстоятельного изложения того или иного исторического факта или из сопоставления нескольких таких фактов; это поучение обретает в самом этом свидетельстве свое полное доказательство.

В первом случае обыкновенно бывает достаточно беглого упоминания данного факта, ибо он используется лишь од-

---

[1] В оригинале: служить приложением мысли. — Ред.

посторонне. При этом даже историческая правда является делом второстепенным; вымышленный пример мог бы сослужить ту же службу; впрочем, исторические примеры имеют всегда то преимущество, что они приближают поясняемую ими мысль к практической жизни.

Второй случай предполагает более подробное изложение данного факта, но и здесь точное соответствие истине является второстепенным; в этом отношении можно сказать то же самое, что было сказано по поводу первого случая.

При третьем случае большей частью достаточно голого указания на несомненный факт. Если выдвигается положение, что укрепленные позиции при известных условиях могут достигнуть своей цели, то достаточно назвать Бунцельвицкую позицию [1], чтобы обосновать это утверждение.

Но если изложение какого-нибудь исторического факта должно доказать некоторую истину, имеющую общий характер, то этот случай должен быть развернут подробно и обстоятельно во всем том, что имеет отношение к данному утверждению; он должен быть в известной степени тщательно воспроизведен на глазах читателя. Чем менее окажется возможным этого достигнуть, тем слабее будет доказательство и тем нужнее будет заменить недостающую отдельному факту доказательность большим количеством подходящих фактов; при этом будет полное основание предполагать, что влияния частных обстоятельств, установить которые нет возможности, будут взаимно аннулированы при известном числе фактов.

Если хотят на основании опыта доказать, что кавалерии лучше стоять позади пехоты, чем на одной линии с нею, или что при отсутствии подавляющего перевеса сил опасно глубоко охватывать противника разобщенными колоннами — на театре войны или в сражении, следовательно, стратегически или тактически, — то в первом случае недостаточно назвать несколько проигранных сражений, где кавалерия была расположена на флангах пехоты, и несколько выигранных, где она стояла позади нее, а во втором случае недостаточно вспомнить о сражениях под Риволи и

[1] Эта позиция использована в 1761 г. Фридрихом Великим против подавляющего превосходства австрийцев и русских. — Ред.

Ваграмом, о наступлениях австрийцев на итальянском театре войны в 1796 г. или о наступлении французов в том же году на немецком, но это надо доказать, тщательно проследив все обстоятельства и отдельные происшествия и выяснив, каким путем эти формы расположения или наступления могли существенно обусловить неблагоприятный исход. При этом будет также выяснено, в какой мере эти формы должны быть отброшены; последнее надо установить непременно, ибо совершенно огульное отрицание их во всяком случае не соответствовало бы истине.

Мы уже признали, что когда обстоятельное установление факта невозможно, то недостаточную доказательность можно заменить количеством примеров, но нельзя отрицать, что это опасный прием, которым часто злоупотребляют. Вместо одного очень обстоятельно изложенного факта довольствуются тем, что вскользь упомянут три или четыре факта и тем самым достигнут видимости сильного доказательства. Между тем, бывают вопросы, в которых целая дюжина приведенных примеров ничего не доказывает, так как речь идет о явлениях, часто повторяющихся; следовательно, нетрудно подобрать другую дюжину примеров с противоположным исходом. Если нам назовут двенадцать проигранных сражений, где была применена атака разобщенными колоннами, то мы можем привести двенадцать сражений, выигранных при применении того же порядка. Отсюда видно, что этим путем нельзя притти ни к какому выводу.

Если продумать все сказанное, то станет ясно, как легко могут иметь место злоупотребления историческими примерами.

Событие, не воспроизведенное тщательно во всех деталях, а лишь затронутое поверхностно, налету, подобно предмету, на который смотрят с очень большого удаления: мы уже не в состоянии различить положение его частей, и он кажется имеющим одинаковый вид со всех сторон. Подобные примеры действительно могут служить подтверждением самых противоположных мнений. Одни считают походы Дауна образцом мудрой осторожности, другие — робости и нерешительности. Энергичное продвижение Бонапарта через Норийские Альпы в 1797 г. может рассма-

триваться как проявление блестящей решимости, но в нем можно видеть и подлинную необдуманность. Его стратегическое поражение в 1812 г. может, с одной стороны, быть истолковано как следствие избытка энергии, а с другой — объяснено недостатком таковой. Все эти мнения действительно были высказаны, и легко понять, как они могли возникнуть; каждое из них рисовало себе связь между событиями по-своему. Во всяком случае эти противоположные мнения не могут быть одновременно признаны, и какое-нибудь из них необходимо должно быть ложным.

Конечно, мы должны быть чрезвычайно признательны превосходному Фекьеру[1] за многочисленные примеры, содержащиеся в его мемуарах, частично потому, что они довели до нас множество исторических данных, которых иначе мы были бы лишены, частью же потому, что Фекьер в своих мемуарах впервые произвел крайне полезное сближение теоретических, т. е. отвлеченных, представлений с практической жизнью, поскольку приведенные им случаи могли рассматривать как пояснение и более точное определение его теоретических утверждений. Впрочем, он едва ли достигает у непредубежденного читателя наших дней цели, которою он главным образом задался — доказать исторически теоретические истины; хотя он порою рассказывает события весьма обстоятельно, однако, многого нехватает, чтобы внутренняя связь приведенных фактов необходимо обусловливала сделанные им выводы.

Простые ссылки на исторические события имеют еще тот недостаток, что часть читателей, недостаточно знакомая с этими событиями или не вполне сохранившая их в памяти, не может воспринять при этой ссылке те мысли, какие имел в виду автор; читателю остается либо подчиниться впечатлению, производимому на него автором, либо продолжать считать вопрос открытым.

Правда, чрезвычайно трудно так воспроизвести или развернуть перед глазами читателя историческое событие, как это необходимо, чтобы им можно было пользоваться в качестве доказательства. Писатель большей частью при этом

---

[1] Фекьер (1648—1711) — участник войн Людовика XIV. Мемуары Фекьера были изданы в 1725 г. — Ред.

будет стеснен отсутствием данных, а также временем и размерами труда. Однако, мы утверждаем, что там, где дело идет о том, чтобы установить новое мнение или разобраться в сомнительном, одно основательно изложенное событие более поучительно, чем десять поверхностно затронутых. Главное зло такого поверхностного отношения к истории заключается не в том, что писатель это делает в неосновательном предположении, будто он может им нечто доказать, а в том, что он никогда с этими событиями толком не ознакомится и что из такого легкомысленного, поверхностного обращения с историей впоследствии возникнут сотни ложных взглядов и теоретическое прожектерство, которые никогда бы не появились, если бы писатель сознавал свою обязанность, все то новое, что он намерен выпустить в свет и что он стремится доказать историей, выводить с полной несомненностью из точной связи явлений.

Убедившись в трудности пользования историческими примерами и в необходимости предъявлять к ним указанные требования, придется согласиться с тем, что история последних войн всегда должна представлять наиболее естественную область для выбора примеров, поскольку лишь она достаточно известна и разработана.

Последнее зависит не только от того, что в более отдаленные периоды существовали другие условия, а следовательно, по-другому складывалось и ведение войны, что делает события, имевшие тогда место, менее поучительными и практически менее важными для нас, но также и от того, что с течением времени военная история, подобно всякой другой, постепенно утрачивает множество мелких черт и обстоятельств, которые вначале еще в ней сохранялись. Она все более теряет свою окраску и жизненность, как выцветшая и потускневшая картина, так что под конец остаются лишь общие очертания и немногие случайно уцелевшие частности, приобретающие благодаря этому преувеличенное значение.

Если мы взглянем на современное состояние военного дела, то убедимся, что, начиная с войны за австрийское наследство, войны, по крайней мере в смысле вооружения,

еще имеют значительное сходство с современными[1] и, несмотря на значительные изменения, происшедшие за это время как в крупных, так и в малых вопросах, все же условия достаточно близко подходят к современным, чтобы из них можно было извлечь много поучительного. Совершенно иначе обстоит дело хотя бы с войной за испанское наследство, когда ручное огнестрельное оружие еще не так усовершенствовалось, а кавалерия представляла главный род войск. Чем дальше мы отходим назад, тем менее пригодной становится военная история и тем она делается беднее и малосодержательнее. Наиболее непригодной и скудной надо признать историю древних народов.

Эта непригодность, конечно, не абсолютна; она относится лишь к вопросам, которые находятся в зависимости от точного знакомства с такими обстоятельствами или явлениями, в отношении которых ведение войны подвергалось изменениям. Как бы мало мы ни знали о ходе сражений между австрийцами и швейцарцами, между бургундцами и французами, мы, тем не менее, здесь усматриваем прежде всего ярко выраженные черты превосходства хорошей пехоты над самой лучшей конницей. Общий взгляд, брошенный на эпоху кондотьеров, учит нас тому, насколько все ведение войны зависит от орудия, которым государство пользуется, ибо ни в какое другое время вооруженные силы, которыми пользовались на войне, не носили до такой степени характера самодовлеющего орудия и не были до такой степени оторваны от остальной государственной и народной жизни, как в эту эпоху. Тот удивительный способ, которым Рим во вторую Пуническую войну повел борьбу с Карфагеном, т. е. нападая на него в Африке и Испании, в то время как Ганнибал еще не был побежден в Италии, может послужить предметом весьма поучительного рассмотрения, ибо общее соотношение сил и условий этих государств и их войск, на чем и была основана разумность этого косвенного сопротивления, достаточно известно.

Но чем глубже мы будем вникать в подробности и удаляться от общих отношений и обстоятельств, тем меньше

[1] Т. е. наполеоновскими. — Ред.

при изучении отдаленных эпох мы найдем образцов и опытных данных, ибо мы не в состоянии ни должным образом оценить соответствующие явления, ни сопоставить их с нашими совершенно изменившимися средствами.

К сожалению, во все времена у писателей была большая склонность поговорить о событиях древности. Не будем касаться вопроса, какую роль в данном случае играли тщеславие и шарлатанство, но мы в этой тенденции в большинстве случаев не замечали признаков честного намерения и горячего стремления научить и убедить, а при таких условиях мы не можем не видеть в этих экскурсиях ничего иного, кроме красивых заплат, прикрывающих пробелы и промахи.

Какая была бы огромная заслуга преподать военное искусство на ряде исторических примеров, как то попытался сделать Фекьер! Но на это едва ли хватило бы целой человеческой жизни, если вспомнить, что тот, кто захотел бы это предпринять, должен был бы получить предварительную подготовку в виде долголетнего боевого опыта.

Тот, кто чувствует влечение задаться подобным трудом, пусть снарядится на это благое начинание, как на далекое паломничество. Пусть пожертвует он своим временем и не страшится никаких трудов, пусть не убоится никакой земной власти и великих мира сего, пусть он поднимется над собственным тщеславием и ложным стыдом, дабы, по выражению французского кодекса, сказать правду, одну только правду, всю правду.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О СТРАТЕГИИ ВООБЩЕ

Глава I

СТРАТЕГИЯ

Понятие стратегии установлено в главе II[1] 2-й части. Стратегия — это использование боя в целях войны. Собственно говоря, она имеет в виду только бой, но ее теория должна рассматривать вместе с тем и проводника этой своеобразной деятельности, т. е. вооруженные силы как сами по себе, так и в их главных соотношениях, ибо бой дается при их посредстве и на них же оказывает прежде всего свое влияние. Самый бой стратегия должна исследовать со стороны его возможных последствий, а также в отношении моральных сил, играющих в нем важнейшую роль.

Стратегия есть использование боя для целей войны, следовательно, она должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действием целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря, она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям. Так как большинство этих действий может быть намечено лишь на основе предположений, которые частично не оправдаются, а целый ряд более детальных определений заранее и совсем не может быть

---

[1] На самом деле — в гл. I. — Ред.

сделан, то из этого, очевидно, следует, что стратегия обязана сама выступить на театр войны, дабы на месте распорядиться частностями и внести в целое те изменения, в которых постоянно будет нужда. Таким образом, она ни на минуту не может оторваться от военных действий.

Не всегда держались такого взгляда, по крайней мере по отношению к руководству в целом; это доказывает имевшаяся раньше привычка отводить стратегии место в правительстве, а не при армии, что лишь тогда допустимо, когда правительство находится настолько близко к армии, что на него можно смотреть как на ставку главнокомандующего.

Теория также последует за стратегией в этом проектировании военных действий или, вернее сказать, она будет освещать явления в их существе и взаимоотношениях и выделять то немногое, что кажется принципом или правилом.

Если мы припомним из I главы [1], как много крупнейших величин затрагивает война, мы поймем, что способность учесть все эти величины предполагает редкую умственную силу.

Монарх или полководец, умеющий направить войну, которую он ведет, в точном соответствии со своими целями и средствами и делающий ни слишком много, ни слишком мало, дает этим лучшее доказательство своей гениальности. Но влияние гениальности сказывается не столько во вновь найденном оформлении действия, немедленно бросающемся в глаза, сколько в счастливом конечном исходе целого предприятия. Восхищения достойны именно попадание в точку безмолвно сделанных предположений и бесшумная гармония во всем ходе дела, обнаруживающиеся лишь в конечном общем успехе.

Исследователь, который, исходя от конечного успеха, не умеет напасть на след этой гармонии, часто ищет гениальности там, где ее нет и быть не может.

Обычно средства и формы, которыми пользуется стратегия, являются столь простыми, а благодаря своему постоян-

[1] Вероятно, I главы 1-й части. Вследствие постоянного изменения конструкции труда все ссылки Клаузевица на другие главы крайне сомнительны. — Ред.

ному повторению столь знакомыми, что для здравомыслящего человека может показаться только смешным, когда ему приходится так часто слышать от критики преувеличенно напыщенные о них отзывы. Тысячу раз уже проделанный обход превозносится то как черта блестящей гениальности, то как глубокая проницательность, то даже как проявление самого всеобъемлющего знания. Могут ли быть в книжном мире более нелепые бредни?

Еще смешнее становится, если к этому добавить, что га же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится к двум-трем математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу для школьника.

Но согласимся раз навсегда: здесь не может быть и речи о научных формах и задачах; соотношения материальных элементов крайне просты; труднее уловить поставленные на карту моральные силы. Однако, и в этой области сплетение явлений морального порядка и большое разнообразие моральных величин и их соотношений можно найти лишь в высших сферах стратегии, там, где она граничит с политикой и государствоведением или, вернее, где она сама становится и тем и другим. Тем не менее, и в данном случае, как мы сказали, дело идет скорее об определении степени напряжения сил, чем о форме выполнения. Там, где господствует последняя, как это имеет место в отдельных мелких и крупных событиях войны, количество моральных величин уже значительно уменьшается.

Таким образом, в стратегии все оказывается чрезвычайно просто, но из этого не следует, чтобы все было и чрезвычайно легко. Раз из состояния и отношений государства определилось, чего должна и чего может достигнуть война, то найти к этому путь нетрудно; но неуклонно следовать по этому пути, проводить план до конца, не позволять себе тысячу раз сбиваться с него под влиянием различных побуждений — для этого, помимо большой силы характера,

требуется еще и большая ясность и уверенность ума. Поэтому из тысячи людей, из которых один отличается умом, другой — проницательностью, третий — отвагой и силой воли, может быть ни один не соединяет в себе все те качества, которые выдвинули бы его на стезе полководца из ряда посредственностей.

Может показаться странным, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо больше силы воли, чем в тактике; но это не подлежит сомнению для тех, кто знает войну с этой стороны. В тактике мгновение само вас увлекает с неудержимой силой; действующее лицо чувствует, что его уносит водоворот событий, против которого оно не может бороться, не рискуя вызвать самых гибельных последствий; оно подавляет в себе возникающие сомнения и смело продолжает дерзать. В стратегии, где все протекает гораздо медленнее, предоставлено гораздо больше простора для собственных и чужих сомнений, возражений, представлений, а следовательно, также и для несвоевременных сожалений о прошлом. А так как в стратегии не приходится, как в тактике, видеть собственными глазами хотя бы половину всего, но лишь угадывать и предполагать, то и воззрения бывают менее устойчивы. В результате большинство полководцев там, где они должны были бы действовать, топчутся на месте среди мнимых затруднений и колебаний.

Бросим теперь взгляд на историю; остановимся на кампании Фридриха Великого 1760 г., прославленной блестящими маршами и маневрами, подлинном произведении искусства стратегического мастерства, как нам превозносит ее критика. Неужели мы должны приходить в безумный восторг от того, что король решил обходить то правый фланг Дауна, то левый, то опять правый и т. д.? Неужели мы обязаны в этом усматривать проявление глубочайшей мудрости? Нет, мы не вправе это делать, если хотим судить естественно и без жеманства. Раньше всего, конечно, мы должны удивляться мудрости короля, который, преследуя великую цель и располагая только ограниченными средствами, никогда не брался за дела, не отвечающие этим средствам, но предпринимал ровно столько, сколько было нужно для достижения его цели. Эта муд-

рость полководца была им проявлена не только в этой кампании, но и в течение всех трех войн, которые вел великий король.

Привести Силезию в надежную гавань хорошо обеспеченного мира — вот, что было его целью.

Стоя во главе небольшого государства, во многих отношениях сходного с другими и имевшего превосходства лишь в некоторых отраслях административного управления, он не мог сделаться Александром Великим, а в качестве Карла XII он, как и этот последний, мог бы только разбить себе голову. Поэтому мы всегда видим в его способе вести войну ту сдержанную силу, которая всегда царит в равновесии, у которой никогда нет недостатка в настойчивости и которая в опасный момент возвышается до достойного удивления с тем, чтобы мгновение спустя снова спокойно парить, подчиняясь требованиям самых тонких побуждений политики. Ни тщеславие, ни честолюбие, ни жажда мести не могут сбить его с этого пути; и только этот путь привел Фридриха к благополучному исходу борьбы.

Как слабы эти слова, чтобы достойно оттенить эту черту великого полководца; лишь внимательно всмотревшись в удивительный исход борьбы и проследив причины, которые его обусловили, проникаешься убеждением, что только проницательный взор короля провел его благополучно через все подводные камни.

Это одна сторона, которой мы восторгаемся в великом полководце, проявленная им в кампании 1760 г. и во всех остальных, но особенно в кампании 1760 г., ибо ни в одной другой ему не приходилось с такими малыми жертвами уравновешивать столь значительно превосходящие неприятельские силы.

Другая сторона связана с трудностями исполнения. Легко наметить марши для обхода справа и слева; нетрудно притти и к мысли всегда держать сосредоточенно свою горсточку войск, дабы всюду иметь возможность противостоять разбросанному неприятелю и умножать свои слабые силы быстрой их переброской; отсюда видно, что подобное изобретение не может вызывать нашего изумления, и перед лицом столь простых действий ничего не остается другого, как сознаться, что они просты.

Но пусть какой-нибудь полководец попробует повторить эти дела по примеру Фридриха Великого. Долго спустя, толковали писатели, бывшие сами очевидцами, об опасности, даже о неосмотрительности, сопряженной с теми лагерями, которые занимал король, и мы не сомневаемся, что в тот момент, когда он располагался в них, эта опасность казалась втрое больше, чем впоследствии.

То же нужно сказать и о маршах, совершавшихся на глазах, часто даже под жерлами неприятельских пушек. Фридрих Великий располагался в этих лагерях или предпринимал эти марши потому, что он находил в методе действий Дауна, в его манере занимать позиции, в его чувстве ответственности и характере ту гарантию, которая делала его стоянки и марши хотя и рискованными, но не безрассудными. Однако, при этом требовались отвага, решительность и сила воли короля для того, чтобы видеть обстановку под таким углом зрения и не сбиться с пути, испугавшись опасности, о которой в продолжение тридцати лет после нее не переставали писать и говорить. Немногие полководцы, оказавшись в положении Фридриха, сочли бы выполнимыми эти простые стратегические средства.

Была еще и другая трудность выполнения. Армия короля в течение этой кампании находится в постоянном движении. Два раза идет она по пятам Дауна, имея позади себя Ласси, по плохим проселочным дорогам от Эльбы к Силезии (начало июля и начало августа). Она каждое мгновение должна быть готова к бою и искусно организовать свои марши, что, однако, связано с большим напряжением войск. Хотя армию и сопровождают тысячи повозок, затрудняющих марш, однако, ее снабжение крайне скудно. В Силезии до самого сражения под Лигницем, в течение 8 суток непрерывно, она была вынуждена совершать ночные переходы, все время двигаться взад и вперед мимо неприятельского фронта; это влечет за собой страшное напряжение сил и сопряжено с большими лишениями.

Можно ли предполагать, что все это могло происходить без большого трения в машине? Разве полководец может ворочать армией с такою же легкостью, как рука землемера ворочает астролябию? Разве сердца начальников и главнокомандующего не разрываются тысячу раз при виде

страданий бедных голодных и изнемогающих от жажды соратников? Разве до его уха не доходят жалобы и сетования по этому поводу? Разве у заурядного человека хватит мужества потребовать таких жертв от своих солдат и разве такие усилия не привели бы неизбежно к упадку духа в войсках, не расстроили бы дисциплину, словом, не подорвали бы воинской доблести, если бы все это не сглаживалось безграничной верой в величие и непогрешимость полководца? Вот к чему надо питать уважение; этими-то чудесами выполнения мы должны восхищаться. Но все это можно целиком прочувствовать лишь тогда, когда мы на собственном опыте получим известное предвкушение; тот, кто знает войну лишь по книгам и по занятиям на учебном плацу, для того весь этот противовес, встречаемый действием, не существует; пусть же он поверит нам на слово, примет на веру все то, чего не знает по собственному опыту.

Мы пытались этим примером придать большую ясность ходу нашей мысли и спешим в заключение этой главы сказать, что в нашем изложении мы будем характеризовать те отдельные элементы стратегии, которые нам кажутся самыми важными, безразлично материальны ли они или духовны; мы будем держаться нашего метода — переходить от единичного к сложному — и закончим внутренней связью всего военного акта, т. е. планом войны и планом кампании.

П р и м е ч а н и е н е м е ц к о г о и з д а т е л ь с т в а. В рукописи ранней обработки 2-й части помещены нижеследующие отрывки, написанные рукой автора, с таким указанием: «И с п о л ь з о в а т ь п р и о б р а б о т к е I г л а в ы 3-й ч а с т и»; так как переработка этой главы осталась невыполненной, то мы приводим полный текст этих отрывков.

Бой вообще возможен, если у данного пункта расположены войска, но на деле он не всегда имеет место. Следует ли смотреть на эту возможность, как на нечто реальное, т. е. как на действительное явление? Разумеется, да. Она становится такой благодаря с в о и м п о с л е д с т в и я м, и е е в л и я н и е, к а к о в о бы о н о н и б ы л о, в с е г д а с к а ж е т с я.

Возможные бои ввиду их последствий должны рассматриваться как действительные

Когда высылают отряд, чтобы отрезать путь отступления бегущему неприятелю, и он после этого сдается, не вступая вовсе в бой, то решение его вызвано лишь тем боем, который ему предлагает высланный отряд.

Когда часть нашей армии занимает неприятельскую область, оставшуюся без обороны, и тем самым лишает неприятеля значительных средств пополнения его сил, то мы сохраняем за собой эту область лишь благодаря тому бою, который выделенная часть нашей армии позволяет предусмотреть противнику в случае, если бы он захотел снова вернуть себе эту область.

В обоих случаях одна лишь возможность боя вызывает известные последствия, и тем самым эта возможность оказывается в ряду реальных явлений. Предположим, что неприятель в обоих случаях противопоставил нашим отрядам свои, превосходящие силами наши, и тем побудил их без боя отказаться от преследуемой ими цели; тогда, конечно, их цель оказалась бы недостигнутой; однако, бой, который мы предлагали нашему противнику в этом пункте, все же не остался бы без последствий, ибо он притянул неприятельские силы. Даже в том случае, когда предприятие в целом принесло бы нам явный вред, все же нельзя сказать, что эта группировка, эти *возможные бои* не имели бы никаких последствий; для нас они в данном случае равносильны проигранному бою.

Отсюда видно, что уничтожение неприятельских вооруженных сил и разгром неприятельской мощи достигаются лишь в результате боя, действительно имевшего место или только предложенного, но не принятого.

Двоякая цель боя

Но воздействия боя бывают двоякого рода: непосредственные и косвенные. Косвенными они бывают тогда, когда примешиваются посторонние предметы, которые становятся целью боя; они сами по себе не имеют в виду непосредственного уничтожения неприятельских вооруженных сил и лишь могут привести к нему, хотя и окольным путем, но

с тем большей силой. Б л и ж а й ш е й целью сражения может быть захват областей, городов, крепостей, дорог, мостов, магазинов и прочее, но никогда эта цель не может явиться конечной целью. Эти объекты должны всегда рассматриваться как средства достижения перевеса сил, дабы в конце концов предложить противнику бой в таком положении, когда ему будет невозможно его принять. Таким образом, на все эти объекты боя надо смотреть как на промежуточные звенья, как бы на проводники действующего принципа, но отнюдь не как на самый действующий принцип.

Примеры

Когда в 1814 г. союзники заняли столицу Бонапарта, цель войны была достигнута. Начали сказываться политические расслоения, базой которых являлся Париж, и огромная трещина вызвала крушение мощи императора. Все это надлежит рассматривать с той точки зрения, что с падением Парижа вооруженные силы Бонапарта и его способность к сопротивлению разом значительно уменьшились, а превосходство сил союзников возросло в такой степени, что всякое дальнейшее сопротивление стало невозможным. Именно эта невозможность и дала Франции мир. Если представить себе, что силы союзников в этот момент вследствие внешних обстоятельств уменьшились бы в той же пропорции и исчезло бы их превосходство, то исчезло бы одновременно и все значение занятия Парижа.

Мы просмотрели этот ряд представлений для того, чтобы показать естественный и единственно правильный взгляд на дело; отсюда вытекает и его значение. Этот взгляд неизменно возвращает нас к вопросу: каков будет в любой момент войны и кампании вероятный исход крупных и малых боев, которые могут быть враждующими сторонами предложены друг другу. Лишь этот вопрос решает при продумывании плана кампании или войны, какие мероприятия надо принять заранее.

Кто держится иной точки, тот ложно оценивает другие вопросы

Если не приучить себя смотреть на войну или отдельную кампанию как на цепь, состоящую только из ряда

боев из которых каждый всегда влечет за собой следующий; если отдаться тому представлению, что занятие известных географических пунктов или завоевание незащищенных областей само по себе является чем-то существенным, то мы приблизимся к тому, чтобы смотреть на это как на некий успех, который можно мимоходом прикарманить. Рассматривая же занятие географического пункта так, а не как звено во всей цепи событий, мы можем и не задаться вопросом, не повлечет ли за собой впоследствии это обладание еще большие невыгоды. Как часто мы встречаем в военной истории подобные ошибки! Хочется сказать: подобно тому как торговец не может отложить и счесть чистым барышом прибыль от какой-нибудь отдельной торговой сделки, так и на войне невозможно обособить единственный успех от успеха в целом. Подобно тому как купец должен все время оперировать всей массой своего состояния, так и на войне лишь конечный итог решит вопрос, на чьей стороне оказался успех и на чьей неудача.

Если же мысль всегда будет ориентироваться на ряд боев, то, насколько это можно заранее предвидеть, она всегда будет находиться на прямом пути к цели, причем движение сил приобретает ту быстроту, т. е. устремленность, а действие — ту энергию, которые требуются делом и которые не будут отвлечены посторонними влияниями.

Глава II

ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИИ

Причины, которые обусловливают в стратегии использование боев, представляется возможным разделить на элементы различного порядка, а именно — на элементы моральные, физические, математические, географические и статистические.

К первой категории относится все, что называется духовными свойствами и их воздействием; ко второй — количество вооруженных сил, их состав, преимущества в вооружении и прочее; к третьей — углы, образуемые операционными линиями, концентричность и эксцентричность движений, поскольку их геометрическая природа приобретает в конечном итоге значение; к четвертой — влияние

местности, как-то: господствующие пункты, горы, реки, леса, дороги; наконец, к пятой — средства снабжения армии и пр. В том, что мы представим себе сначала эти элементы изолированными друг от друга, имеется своя хорошая сторона; это внесет ясность в представления, и тут же, мимоходом, мы сможем расценить большее или меньшее значение, какое каждая из этих категорий имеет. Мысля их разделенными, мы сразу осознаем, что некоторые из них утрачивают свою кажущуюся важность. Так, например, сразу отчетливо чувствуется, что ценность операционного базиса, даже если рассматривать его только по отношению к направлению операционной линии, все же и при этой простейшей постановке вопроса гораздо меньше зависит от элемента геометрического, т. е. углов, которые эти линии между собою образуют, чем от состояния дорог и от местности, по которым они проходят.

Но если бы кто-нибудь вздумал вопросы стратегии толковать по этим элементам, то это была бы самая неудачная мысль, какая только может притти в голову, ибо чаще всего в конкретных военных операциях эти элементы самым тесным и сложным образом сплетаются между собой; мы в таком случае погрузились бы в самый безжизненный анализ и, как в кошмаре, тщетно пытались бы перекинуть мост от этого абстрактного устоя к явлениям действительного мира. Да хранит небо всякого теоретика от подобного начинания. Мы будем придерживаться мира целостных явлений и не будем углублять свой анализ дальше, чем это требуется в данном случае, чтобы сделать понятной мысль, излагаемую нами читателям; эта мысль рождается у нас отнюдь не из умозрительного исследования, а из впечатления от цельного явления войны.

Глава III

МОРАЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

Снова мы должны вернуться к тому предмету, который мы затронули в III главе 2-й части[1] этого труда, потому что моральные величины на войне занимают самое важное

[1] Фактически в III главе 1-й части. — Ред.

место. Эти моральные силы насквозь пропитывают всю военную стихию; у них величайшее сродство с волей, ибо воля есть величина моральная, и они заранее смыкаются с ней, сливаются с ней воедино, а воля — это то, что приводит в движение и руководит всей массой материальных сил. К сожалению, моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под разряды; их можно лишь наблюдать и чувствовать.

Дух и прочие моральные свойства армии, полководца, правительства, настроение провинций, в которых протекает война, моральное воздействие победы или поражения — все это данные, которые сами по себе весьма разнородны; в своем отношении к преследуемой нами цели и к обстановке, в которой мы находились, они могут опять-таки оказывать самое различное влияние.

Хотя в книгах об этом мало или даже ничего не говорится, все же эти данные относятся к теории военного искусства в такой же степени, как и все прочее, образующее войну. Я должен еще раз повторить: жалка та философия, которая, согласно старым образцам, замыкает все свои правила и принципы по сю сторону рубежа, за которым начинается область моральных величин, и которая, как только последние появляются на сцене, тотчас начинает перечислять исключения; пожалуй, тем самым «исключения» организуются по-научному, т. е. обращаются в правило; иногда ищут опоры в ссылке на гений, который выше всех правил, чем, собственно говоря, дается понять, что правила не только пишутся для глупцов, но и сами по себе должны быть глупыми.

Если бы даже теория военного искусства не могла сделать ничего другого, как только напомнить об этих явлениях и доказать необходимость достойно ценить все значение моральных величин и учитывать их, то она уже расширила бы свои пределы на царство явлений морального порядка и установлением этой точки зрения заранее осудила бы тех, кто будет пытаться предстать перед ее судилищем с анализом одних лишь физических сил.

И во всех своих так называемых правилах теория не может отмежевываться от моральных величин, ибо действие физических сил полностью сплавляется с действием

моральных, и они не могут быть выделены порознь из этого сплава, как выделяются отдельные металлы путем химического процесса из металлического сплава. Во всяком правиле, относящемся к физическим силам, теория должна руководствоваться учетом той доли, которая при этом может выпасть на величины моральные; иначе теория опустится до категорических положений, которые будут то слишком робки и ограничены, то слишком притязательны и обширны. Даже самые бездушные теории оказались, — правда, совершенно несознательно, — вынужденными перенестись в это царство духа, ибо, например, невозможно объяснить действие какой-нибудь победы сколько-нибудь удовлетворительно, не принимая во внимание ее морального впечатления. Поэтому большинство явлений, которые мы бегло исследуем в этом труде, состоит наполовину из физических, наполовину из моральных причин и следствий. Можно было бы сказать: физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла.

История лучше всего свидетельствует о ценности моральных величин, и в ней всего ярче обнаруживается их порой невероятное влияние; и это — то благородное и совершенное в уроках истории, на чем может воспитаться дух полководца. При этом надо заметить, что доказательства, критические исследования и ученые трактаты в этом отношении не имеют такого значения, как ощущения, общие впечатления и одиноко падающие искры ума, сеющие те семена мудрости, которые должны оплодотворить душу.

Мы могли бы перебрать важнейшие на войне моральные явления и с усердием прилежного доцента попытаться выяснить, что можно сказать хорошего или худого о каждом из них. Но такой метод ведет к чересчур избитым местам и повседневным истинам; при таком анализе подлинные явления духа быстро скрываются и анализ незаметно доходит до повествования о том, что всякому известно. В силу этого мы предпочитаем, в данном случае более чем когда-либо, сохранить нашу эскизную, рапсодическую форму из-

ложения; мы будем довольны, если нам удастся вообще подчеркнуть значение этой стороны военного дела и сделать понятным тот дух, которым проникнуты взгляды настоящего труда.

Глава IV

ОСНОВНЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИИ

Это — таланты полководца, воинская доблесть армии и дух комплектующего ее народа. Никто не может сказать, какая из этих сил в общем имеет наибольшее значение, ибо если нелегко что-либо высказать о значении их порознь, то еще труднее взвесить значение одной по отношению к другой. Лучше всего не пренебрегать ни одной из них. Между тем, человеческое суждение в своем капризном переходе из одной крайности в другую чрезвычайно склонно игнорировать то одну, то другую из основных моральных величин. Лучше всего представить достаточно убедительные свидетельства истории, говорящие о неоспоримом влиянии этих трех факторов.

Несомненно, за последнее время армии европейских государств дошли приблизительно до одного уровня обучения и боевой готовности; ведение войны, по выражению одного философа, получило столь естественную форму и воплотилось в своего рода метод, одинаково присущий всем армиям, что уже не приходится рассчитывать на применение полководцами особых, в полном смысле слова искусственных, приемов (вроде косого боевого порядка Фридриха II). Таким образом, при современном положении дела более широкая область влияния бесспорно принадлежит народному духу и боевому опыту войск. Продолжительный мир мог бы вновь изменить это соотношение.

Дух народа, отражающийся в войсках (энтузиазм, фанатизм, вера, убеждения), ярче всего проявляется в горной войне, где каждый предоставлен самому себе вплоть до единичного солдата. Уже по одной этой причине горы являются наиболее выгодной ареной борьбы для народного ополчения.

Искусная боевая подготовка войска и закаленное муже-

ство, спаивающие отдельные отряды как бы в один слиток, ярче всего проявляются в открытом поле.

Таланту полководца открывается наибольший простор на пересеченной, всхолмленной местности. В горах он не в достаточной мере может управлять отдельными колоннами, и руководство ими всеми превышает его силы; в открытом поле оно проще и не истощает его сил.

Предположения полководца должны ориентироваться на эти неоспоримые, близко между собою соприкасающиеся моменты.

Глава V

ВОИНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ (ДОБЛЕСТЬ) АРМИИ

Воинская доблесть существенно отличается от простой храбрости и еще более от воодушевления делом, за которое ведется война. Правда, храбрость — необходимая составная ее часть, но так как она, хотя и является естественным свойством человеческой природы, может также воспитаться на войне у каждого бойца армии благодаря привычке и упражнению, то она у него принимает иное направление, чем у других людей. Она утрачивает в нем характер влечения к необузданной деятельности и проявлению силы, присущей ей в отдельной личности, и подчиняется добровольно высшим требованиям: послушанию, порядку, правилу и методу. Воодушевление делом, за которое ведется война, оживляет воинскую доблесть армии и усиливает ее пыл, но не является необходимым ее элементом.

Война есть определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она ни затрагивала бы, и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа) — дело, отличное и обособленное от прочих видов человеческой деятельности. Быть проникнутым духом и сущностью этого дела, развивать и пробуждать в себе способность воспринимать силы, имеющие в нем значение, полностью охватить это дело разумом, добиться путем упражнений уверенности и быстроты, всецело в нем раствориться, из человека превратиться в исполнителя той роли, которая нам в этом деле

отведена, — так проявляется в каждом индивидууме воинская доблесть армии.

Как бы ни мыслили себе совершенное воспитание в одной и той же личности качеств гражданина и воина, в какой бы мере ни представляли войну общенациональной и ушедшей в направлении, противоположном эпохе кондотьер, — все же никогда не удастся устранить профессиональное разнообразие военного дела, а раз это так, то те, которые занимаются военным делом, и пока они им занимаются, будут смотреть на себя как на корпорацию, в порядках, законах и обычаях которой и фиксируются факторы войны. Так это будет на самом деле. Поэтому было бы большой ошибкой при решительной склонности рассматривать войну с высшей точки зрения недооценивать этот специальный дух обособления (Esprit de Corps), который в большей или меньшей степени может и должен быть свойственен войскам[1]. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух является в известной степени связующим средством, спаивающим образующие ее природные силы. На корпоративном духе легче нарастают кристаллы воинской доблести.

Армия, сохраняющая свой привычный порядок под губительным огнем, никогда не поддающаяся панике перед воображаемой опасностью, а перед лицом действительной оспаривающая каждую пядь поля сражения, армия, гордая сознанием одержанных побед, которая и на краю гибели, после поражения, сохраняет силу послушания и не утрачивает уважения и доверия к своим начальникам, армия, физические силы которой закалились среди лишений и трудов, как мускулы атлета, и которая смотрит на эти напряжения как на средство, ведущее к победе, а не как на проклятие, тяготеющее на ее знаменах, армия, которой о всех этих обязанностях и добродетелях напоминает короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга — лозунга о чести ее оружия, — такая армия действительно проникнута воинским духом.

Можно превосходно сражаться, как вандейцы, и совер-

---

[1] Весь этот абзац выписан Лениным, а две вышестоящие строки отчеркнуты им и сопровождены нотабеной. — Ред.

шать великие дела, как швейцарцы, американцы и испанцы, не проявляя этой воинской доблести; можно даже с успехом подвизаться во главе регулярной армии, как то делали принц Евгений Савойский и Мальборо, не пользуясь особенно ее поддержкой. Поэтому мы не вправе сказать, что без воинской доблести не может быть удачной войны, и это мы с особенной настойчивостью подчеркиваем, дабы с большей яркостью индивидуализировать понятие, которое мы здесь выдвигаем, чтобы представления не расплывались в общих формах и не составилось мнение, будто воинская доблесть в конце концов есть все и вся. Это не так. Воинская доблесть армии является определенной моральной величиной; военные действия можно мыслить и помимо нее, и таким образом подойти к оценке влияния ее как орудия, производительность которого можно учесть.

Охарактеризовав ее таким образом, посмотрим, что можно сказать об ее влиянии и о тех средствах, которыми можно ее приобрести.

Воинская доблесть является для войсковых частей всем тем, чем гений полководца является для целого. Полководец может руководить лишь целым, а не каждой отдельной частью, а там, где он не может руководить таковою, там ее вождем должен стать воинский дух. Полководца избирают, руководствуясь молвой о его выдающихся качествах, старших начальников более крупных частей назначают по тщательной их оценке; но эта оценка все более и более ослабляется, по мере того как мы спускаемся по ступеням иерархической лестницы, и на низах мы не можем базировать свой расчет на индивидуальных способностях. Индивидуальные пробелы здесь должна восполнить воинская доблесть. Точно такую же роль играют природные качества собравшегося воевать народа: храбрость, находчивость, закаленность в трудах и лишениях и воодушевление. Таким образом, эти качества могут заменить воинский дух, и наоборот. Отсюда вытекает следующее:

1. Воинская доблесть присуща лишь постоянным армиям; они в ней более всего и нуждаются. В народном ополчении и в течение войны ее могут заменять природные качества, которые тогда быстрее развиваются.

2. Постоянная армия, сражаясь с постоянной же армией, меньше нуждается в воинской доблести, чем постоянная армия в борьбе с народным ополчением, ибо в этом последнем случае силы раздробляются, и отдельные части предоставляются самим себе. Там же, где армию можно держать сосредоточенно, гений полководца играет выдающуюся роль и восполняет то, чего недостает армии в моральном отношении. Вообще воинская доблесть бывает тем нужнее, чем театр войны и другие обстоятельства делают войну более сложной и чем силы более раздроблены.

Единственный вывод, который можно сделать из этих истин, это тот, что в случае, когда у армии нехватает этой потенции в виде воинской доблести, надо организовать войну на возможно более простых началах или удвоить заботы об остальных сторонах военной организации, но не ожидать от голого названия постоянной армии того, что может дать лишь армия, заслуживающая это название.

Итак, воинская доблесть армии — одна из важнейших моральных потенций на войне, и там, где ее нехватает, мы наблюдаем или замену ее другими силами, как, например, превосходством дарований полководца, воодушевлением народа, или мы находим, что результаты не соответствуют затраченным усилиям. Как много великого вершит этот дух, эти высокие качества войск, это облагорожение руды, обращенной в блестящий металл, мы видим на македонянах, предводимых Александром, на римских легионах под начальством Цезаря, на испанской пехоте Александра Фарнезе, на шведах Густава-Адольфа и Карла XII, на пруссаках Фридриха Великого и французах Бонапарта. Надо умышленно закрывать глаза на все свидетельства истории, чтобы не признавать, что удивительные успехи этих полководцев и их величие в самых затруднительных положениях были возможны лишь с войсками, обладавшими этой моральной потенцией.

Этот дух может развиваться только из двух источников, которые могут его породить лишь совместно. Первый — это ряд войн и успехов, второй — это деятельность армий, доведенная порою до высшей степени напряжения. Лишь в такой деятельности боец познает свои силы. Полководец, имеющий обыкновение возможно больше требовать

от своих солдат, может питать и большую уверенность в том, что эти требования будут выполнены. Солдат столь же гордится перенесенными невзгодами, как и преодоленными опасностями. Лишь на почве постоянной деятельности и напряжения создается зародыш доблести при условии, что его согревают солнечные лучи победы. Когда же из этого зародыша вырастет могучее дерево, то оно сможет противостоять самым сильным бурям неудач и поражений и даже в течение известного периода также и инертному покою мирного времени. Следовательно, воинская доблесть может з а р о д и т ь с я лишь на войне и при великом полководце, но сохраняться она может в течение нескольких поколений даже при полководцах посредственных и в длительные промежутки мирного времени.

С этим широким и облагороженным корпоративным духом закаленной боевой дружины, покрытой шрамами, не следует сравнивать самомнение и тщеславие, присущие постоянным армиям, склеенным воедино лишь воинскими уставами. Известная тяжеловесная серьезность и строгий служебный порядок могут содействовать более долгому сохранению воинской доблести, но породить ее они не могут; они имеют свое значение, но переоценивать их не следует. Порядок, навыки, добрая воля, а также известного рода гордость и прекрасное настроение составляют качества воспитанной в мирное время армии, которые следует в ней ценить, но которые самостоятельного значения не имеют. В такой армии все цепляется за целое, и одна трещина может раскрошить всю массу, как это бывает со стеклом, охлажденным слишком быстро. Особенно легко превращается самое лучшее настроение в мире в малодушие при первой неудаче и, если можно так выразиться, в раздувание опасности — французское sauve qui peut [1]. Такая армия способна на что-нибудь лишь благодаря своему полководцу, и ни на что — сама по себе. Ею надо руководить с удвоенной осторожностью до тех пор, пока победы и напряжения постепенно не взрастят в тяжеловесных доспехах нужную силу. Остережемся поэтому смешивать дух войска с его настроением.

[1] Спасайся, кто может. — П е р е в.

Глава VI

СМЕЛОСТЬ

Какое место занимает и какую роль играет смелость в динамической системе сил, в которой она противополагается осторожности и предусмотрительности, мы уже выяснили в главе об обеспеченности успеха[1] и показали, что теория не вправе выдвигать какие-либо законы, ставящие предел дерзанию.

Эта благородная сила порыва, с которым человеческая душа подымается над самой грозной опасностью, должна на войне рассматриваться как своеобразный действенный принцип. В самом деле, в какой же области человеческой деятельности смелость должна пользоваться столь неоспоримыми правами гражданства, как не на войне?

Начиная от обозного и барабанщика и кончая главнокомандующим, она является благороднейшей добродетелью, той настоящей сталью, от которой зависит вся острота и блеск оружия.

Мы должны признать: на войне у смелости особые привилегии. Сверх учета пространства, времени и сил надо накинуть несколько процентов и на нее; при превосходстве в смелости над противником эти проценты всегда будут добыты за счет упущений противной стороны. Смелость, таким образом, является творческой силой. Это нетрудно доказать и философским методом. Всякий раз, как смелость сталкивается с робостью, она имеет значительные шансы на успех, ибо робость является уже потерей равновесия. Лишь в тех случаях, когда смелость встречается с разумной осмотрительностью, которая, мы готовы сказать, столь же отважна и во всяком случае столь же сильна, как и смелость, последняя окажется в убытке; но это бывает редко. Во всей массе осторожных людей находится значительное большинство, которое является таковым из боязливости[2].

В массах смелость представляет силу, преимущественное

[1] Такой отдельной главы в труде нет. — Ред.

[2] Эта фраза выписана Лениным. На полях отмечено по-русски: «осторожность и трусость». — Ред.

развитие которой никогда не может принести ущерба другим силам, ибо масса связана рамками и структурой боевого порядка и службы с волей командования, и, следовательно, ею руководит постороннее разумение. Здесь смелость остается лишь силой натянутой пружины, всегда готовой к спуску.

Чем выше мы будем подниматься по ступеням служебной иерархии, тем большая необходимость явится в размышляющем уме, который находился бы рядом со смелостью, дабы последняя не оказалась бесцельной, не обратилась в слепой импульс страсти, ибо чем выше ранг, тем меньше значения имеет личное самопожертвование, тем большую роль играют сохранение других и общее благополучие в целом. Таким образом, то, что упорядочивается в массе порядком службы, вошедшим в плоть и кровь, то у вождя должно упорядочивать размышление, и здесь смелость отдельного поступка может легко превратиться в ошибку. Но все же это будет красивая ошибка, на которую нельзя смотреть теми же глазами, как на всякую другую ошибку. Благо той армии, в которой часто проявляется несвоевременная отвага, — это буйная растительность, она — признак могучей почвы. Даже безрассудную смелость, т. е. смелость бесцельную, нельзя ценить низко; в основе своей она является той же самой душевной силой, только проявляющейся в виде особого рода страсти, без всякого участия рассудка, и только там, где безрассудная смелость восстает против повиновения [1], где она с пренебрежением отклоняет требования высшей воли, к ней надо относиться, как к опасному злу, но не ради нее самой, а учитывая факт неповиновения, ибо на войне нет более важного начала, как послушание.

Мысль о том, что при одной и той же степени знания дела война в тысячу раз скорее может быть испорчена робостью, чем смелостью, достаточно высказать, чтобы быть уверенным в согласии с нею со стороны наших читателей [2].

Казалось бы, выдвижение разумной цели должно облег-

---

[1] Последние полторы фразы выписаны Лениным по-немецки; Ленин добавил по-русски: «там она зло»... — Ред.

[2] Этот абзац выписан Лениным. — Ред.

чить проявление смелости, а следовательно, понизить ее внутреннюю цену; однако, на деле происходит как раз обратное.

Силы души лишаются большей частью своей мощи благодаря появлению ясной мысли и даже наличию самообладания. Поэтому смелость мы находим тем реже, чем выше мы поднимаемся по ступеням служебной иерархии; ведь если бы даже уровень понимания и ума не поднимался вместе с иерархическими ступенями, то все же военным вождям на их разных постах объективные величины, обстоятельства и расчеты навязываются извне в таком большом числе и с такой силой, что они отягощены ими тем больше, чем меньше они в состоянии судить о них самостоятельно[1]. В этом на войне и заключается главное основание того вывода из жизненного опыта, который нашел себе выражение во французской поговорке: Tel brille au second, qui s'eclipse au premier (часто блистает на вторых ролях тот, кто меркнет на первых). Почти все генералы, которых история нам изображает как посредственных и даже нерешительных полководцев, отличались на низших постах смелостью и решительностью.

Между мотивами отважного поступка, вызванного давлением необходимости, надо делать различие. Эта необходимость имеет разные степени. Если она настоятельна, если начальник, стремясь к своей цели, борется среди крупных опасностей и принимает отважное решение, чтобы уклониться от другой столь же крупной опасности, то здесь можно изумляться разве только его решимости, которая все же сохраняет свою цену. Если юноша, чтобы показать свое искусство наездника, перескакивает через глубокую пропасть, то он отважен; когда же он делает тот же прыжок, спасаясь от преследующей толпы головорезов-янычар, то он только решителен. Но чем больше удалена необходимость и чем большее число отношений наш разум должен пробежать, чтобы познать ее, тем меньше такая

---

[1] С начала абзаца выписано Лениным. Выписка отчеркнута в двух местах, последняя фраза сопровождена нотабеной. — Ред.

необходимость нарушает права смелости. Когда Фридрих Великий в 1756 г. осознал неизбежность войны и мог спастись от гибели, лишь предупредив своих врагов наступлением, ему было необходимо самому начать войну, но это было в то же время и крайне смелым решением; только немногие люди в его положении решились бы на это.

Хотя стратегия есть сфера деятельности одних лишь полководцев или вождей, занимающих высшие посты, все же смелость, как и прочие воинские доблести, остальных членов армии для нее не безразлична. С армией, вышедшей из среды смелого народа, среди которого всегда поддерживалось чувство отваги, можно решиться на совершенно иные предприятия, чем с такой, которой эта воинская доблесть чужда; поэтому, говоря о смелости, мы имели в виду и армию. Но нашей темой, собственно, является смелость полководца, хотя нам мало что остается сказать по этому поводу, после того как мы, по крайнему своему разумению, уже характеризовали эту воинскую доблесть.

Чем выше мы поднимаемся по ступеням служебной иерархии, тем больше преобладания в деятельности получает мысль, рассудок и понимание, тем более отодвигается на второй план смелость, являющаяся свойством темперамента; поэтому мы так редко находим ее на высших постах, но зато тем более достойной восхищения является она тогда [1]. Смелость, руководимая выдающимся умом, является печатью героя; эта смелость заключается не в том, чтобы дерзать против природы вещей, грубо нарушая законы вероятности, но в энергичной поддержке того высшего расчета, который производится с молниеносной быстротой и лишь наполовину сознательно гением и интуицией, когда они делают свой выбор. Чем более смелость окрыляет ум и проницательность, тем дальше реют они в своем полете, тем более всеобъемлющим становится взгляд и тем вернее будет результат; но, конечно, всегда сохраняет свою силу положение, что, чем выше цель, тем значительнее сопряженные с нею опасности. Заурядный человек, не говоря уже о че-

[1] С начала абзаца выписано Лениным. — Ред.

ловеке слабом и нерешительном, дойдет, пожалуй, в сфере воображаемого действия, сидя спокойно в своей комнате далеко от опасности, до правильных заключений, поскольку, конечно, это возможно без живого непосредственного созерцания, но если его всюду будут подстерегать опасности и ответственность, он утратит ясный взгляд, а если бы таковой у него и сохранился под влиянием окружающих, то во всяком случае он утратил бы решимость, ибо в этом уже никто ему помочь не может.

Поэтому мы полагаем, что без смелости выдающийся полководец немыслим, т. е. таковым никогда не будет человек, у которого эта сила темперамента не была прирожденной; поэтому мы считаем ее первым условием полководческой карьеры. Другой вопрос, сколько останется в человеке этой природной силы, развитой и видоизмененной воспитанием и последующей жизнью, когда он достигнет своего высокого поста. Чем больше сохранится в нем этой силы, тем могучее будут взмахи крыльев гения, тем выше направится его полет. Риск все растет, но и цели становятся все крупнее. Исходят ли при этом направляющие линии из отдельной необходимости, или же они тянутся к вершине здания, построенного честолюбием, выступает ли Фридрих или Александр, — большой разницы для критического рассмотрения в этом не будет. Если последнего больше увлекает фантазия, так как он еще отважнее, то первого более удовлетворяет разум, ибо в его действиях больше внутренней необходимости.

Теперь нам нужно упомянуть еще об одном важном обстоятельстве.

Дух отваги может войти в плоть и кровь армии или потому, что он присущ ее народу, или потому, что он порожден счастливой войной под водительством смелых полководцев; в последнем случае его вначале не будет.

Но в наши времена почти нет другой возможности воспитать его в народе, как при помощи войны, и притом при помощи отважного ее ведения. Лишь война может противодействовать той изнеженности, той погоне за приятными ощущениями, которые понижают дух народа, охваченного растущим благосостоянием и увлеченного деятельностью в сфере усилившихся мирных отношений.

Лишь тогда, когда народный характер и втянутость в войну постоянно взаимно поддерживают друг друга, народ может надеяться занять прочную позицию в политическом мире.

Глава VII

ТВЕРДОСТЬ

Читатель ожидает здесь ознакомиться с углами и линиями, но вместо этих граждан научного мира он встречает лишь людей из повседневной жизни, с которыми чуть ли не каждый день видится на улице. Тем не менее автор не может решиться хотя бы на волосок стать математичнее, чем ему представляется его предмет, и его не пугает то разочарование, которое он может вызвать в читателе.

На войне, более чем где-либо в мире, явления оказываются не такими, какими мы их себе представляли; на близком расстоянии они выглядят иначе, чем на далеком. С каким спокойствием архитектор может наблюдать, как поднимается постройка, коренящаяся в его плане! Врач, хотя и подверженный в своей деятельности бо̀льшему числу случайностей и неисследованных влияний, все же точно знает образцы применяемых им средств и их действие. Не так на войне: здесь вождь крупного целого находится постоянно под ударами волн ложных и истинных сообщений; то ошибок, допущенных вследствие страха, небрежности, торопливости или упрямства, проявленного на основании правильных или неправильных взглядов, по злой воле или из ложного или подлинного чувства долга, вследствие лености или переутомления; он окружен случайностями, которых никто не мог бы предусмотреть. Короче говоря, вождь подвержен сотне тысяч впечатлений, из которых большинство имеет тревожную и лишь меньшинство ободряющую тенденцию. Долгий боевой опыт дает ему такт быстро оценивать все эти явления по их достоинству; высокое мужество и внутренняя сила противостоят им, как скала напору волн. Тот, кто вздумал бы поддаваться этим впечатлениям, не довел бы до конца ни одного из своих предприятий, а потому т в е р д о е о т с т а и в а н и е принятых решений до тех пор, пока против них не появится самых реши-

тельных доводов, является крайне необходимым противовесом. Кроме того, на войне почти не бывает такого славного предприятия, которое не требовало бы для своего выполнения огромных усилий, трудов и лишений, и если слабость физической и духовной природы человека в этом случае всегда склонна итти на уступки, то все же привести к цели может лишь большая сила воли, такая **выдержка**, которой будут удивляться и современники и потомство.

Глава VIII

ЧИСЛЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

Оно и в тактике и в стратегии представляет наиболее общий принцип победы, и мы прежде всего должны его рассмотреть с точки зрения этой всеобщности; мы позволим себе развить нашу мысль в следующем виде.

Стратегия определяет **пункт, на котором** разыгрывается бой, **время, когда** этот бой разыгрывается, а **силы, которые** в этом бою участвуют. Следовательно, давая эти три указания, она оказывает весьма существенное влияние на исход боя. Когда тактика дала бой и результат его налицо, будь то победа или поражение, стратегия использует результат так, как то представляется возможным в соответствии с целью войны. Эта цель войны чаще всего, естественно, будет очень отдаленной; близкой она будет в самых редких случаях. Ряд других подчиненных целей является по отношению к ней средствами. Эти цели, которые в то же время являются средствами для целей высших, могут на практике быть разного рода; даже конечная цель, цель всей войны, бывает различной в каждой из войн. Мы будем знакомиться с этими вопросами по мере того, как будем изучать различные явления, соприкасающиеся с ними; в нашу задачу здесь не входит, даже если бы это было возможно, охватить весь предмет полным их перечислением. Поэтому мы пока не будем говорить о применении боя.

Даже и те указания, при помощи которых стратегия оказывает влияние на исход боя, давая ему установку

(в известной степени декретируя его), не так просты, чтобы их можно было охватить при рассмотрении в один прием. Стратегия, определяя время, место и силы, может на практике сделать это несколькими способами, каждый из которых различно обусловливает как исход боя, так и его следствия. Мы изучим их постепенно, когда будем знакомиться с вопросами, ближе обусловливающими применение боя.

Если мы отбросим все разновидности, которые имеет бой в зависимости от его назначения и той обстановки, из которой он вытекает, и если, наконец, мы оставим вне своего суждения качество войск, которое тоже всегда представляет данную величину, то останется лишь голое понятие боя, т. е. бесформенной борьбы, в которой мы не различаем ничего, кроме числа бойцов.

В таком случае это число и будет определять победу. Уже из того множества отвлечений нашей мысли, к которым нам пришлось прибегнуть, чтобы дойти до этого пункта, мы можем заключить, что численное превосходство в бою является лишь одним из факторов, из которых слагается победа; таким образом, при помощи численного превосходства мы не только не достигаем всего или главного, но даже, может быть, достигаем лишь весьма малого, в зависимости от того, как сложатся сопутствующие обстоятельства.

Но и самое численное превосходство может иметь различные степени; оно может мыслиться двойным, тройным, четверным и т. д. Всякому понятно, что численное превосходство, доведенное до известной высокой степени, должно преодолеть все остальное.

С этой точки зрения надо согласиться, что численное превосходство представляет важнейший фактор боя, но оно должно быть достаточно велико, чтобы явиться противовесом всем прочим сопутствующим обстоятельствам. Непосредственный вывод из этого: на решительном пункте надо ввести в бой возможно большее число войск.

Окажется ли этих войск достаточно или нет, но в этом отношении нами будет сделано все, что позволяют наши средства. Это первый принцип стратегии. В той общей форме, в которой мы его изложили, он одинаково применим

к грекам и персам, к англичанам и мараттам[1], к французам и немцам; чтобы иметь возможность высказаться определеннее, будем иметь в виду наши европейские военные условия.

Здесь армии в отношении вооружения, организации и обучения гораздо более схожи между собою; имеется лишь одно различие, проявляющееся порою то на той, то на другой стороне, а именно — различие в воинской доблести армии и в таланте полководца. Если мы пробежим страницы военной истории современной Европы, то мы нигде не встретим примера, который напоминал бы нам Марафон.

Фридрих Великий под Лейтеном с 30 000 разбил 80 000 австрийцев, под Росбахом с 25 000 — до 50 000 союзников; но это — единственные примеры побед, одержанных над противником, вдвое и более чем вдвое сильнейшим. Примера победы Карла XII под Нарвой мы, собственно, привести не вправе. На русских того времени едва ли можно смотреть, как на европейцев, да и существенные обстоятельства этого сражения недостаточно выяснены. У Бонапарта под Дрезденом было 120 000 человек против 220 000, т. е. у его противников двойного превосходства сил полностью не было. Под Коллином Фридриху не повезло с 30 000 против 50 000 австрийцев, как и Бонапарту в отчаянной битве под Лейпцигом, где силы его доходили до 160 000 против 280 000 человек союзников; превосходство последних, следовательно, далеко не было двойным.

Отсюда ясно, что в современной Европе даже самому талантливому полководцу крайне трудно одержать победу над вдвое сильнейшим противником. Если, таким образом, двойной перевес в силах ложится так тяжело на чашку весов даже против величайшего полководца, то мы не вправе сомневаться, что при обыкновенных условиях в крупных и мелких боях значительный перевес сил, которому не нужно быть и двойным, будет достаточен, чтобы обеспечить победу, как бы прочие условия ни были при этом невыгодны. Можно, конечно, вообразить теснину, где

[1] Маратты — группа народов, населяющих центральную Индию, покоренная в XVIII веке англичанами. — Ред.

и десятикратное превосходство сил было бы недостаточно для преодоления сопротивления; но в таких случаях вообще не может быть речи о бое.

Итак, мы полагаем, что в наших условиях, как и во всех схожих, соотношение сил на решительном пункте — огромное дело и что в общем для обыденного случая оно из всех условий является самым важным. Число войск на решительном пункте зависит от абсолютной величины армии и от искусства ее использования.

Отсюда первое правило должно заключаться в следующем: начинать войну с возможно более сильной армией. Это, на первый взгляд, похоже на общее место, на самом же деле это не так.

Чтобы показать, как долго численность вооруженных сил вовсе не признавалась главной данной, нам достаточно отметить, что в большинстве историй войн XVIII века, даже самых обстоятельных, численность армий или вовсе не упоминается, или приводится лишь между прочим, и ей никогда не придается особой ценности. Темпельгоф[1] в своей истории Семилетней войны является первым писателем, который приводит регулярно эти данные, да и то лишь поверхностным образом.

Даже Массенбах[2] в своем, во многих отношениях критическом, обзоре прусских кампаний в Вогезах 1793 и 1794 гг. много говорит о горах и долинах, дорогах и тропинках, но ни словом не обмолвился о силах обеих сторон.

Другое доказательство заключается в той курьезной идее, которая бродила в головах нескольких критически настроенных писателей и согласно которой существует якобы известная численность армии, признаваемая наилучшей, — некая нормальная величина; вооруженные силы,

---

[1] Темпельгоф (1737—1807) — прусский генерал и писатель, участник Семилетней войны. Он продолжил труд по истории Семилетней войны, начатый Лойдом; издание его относится к 1782—1801 гг. — Ред.

[2] Массенбах — видный деятель старого прусского генерального штаба, потерпевшего крушение в Иенской операции 1806 г. — Ред.

превышающие эту норму, будут скорее обременительны, чем полезны [1].

Наконец, существует множество примеров, когда не все имевшиеся в распоряжении вооруженные силы были действительно использованы в бою или на войне, так как численному превосходству не придавали того значения, какое оно имеет по природе дела.

Раз мы глубоко проникнуты убеждением, что при значительном перевесе сил можно добиться решительно всего, то такое ясное убеждение не может не отразиться на всех приготовлениях к войне, чтобы выступить в поле с возможно большим числом войск и либо самому добиться численного перевеса, либо предохранить себя от чрезмерного перевеса противника. Вот что можно сказать по поводу абсолютной силы армии, с которой приходится вести войну.

Размеры абсолютной силы армии определяются правительством, и хотя с этого определения уже начинается подлинная военная деятельность, а само определение составляет крайне существенную часть ее, все же в большинстве случаев полководцу, который будет руководить потом вооруженными силами на войне, придется смотреть на их численность, как на уже данную величину, потому ли, что он не принимал никакого участия в ее установлении, или потому, что обстоятельства помешали довести ее до надлежащего размера.

Таким образом, полководцу остается одно: искусным применением этих вооруженных сил добиваться относительного численного превосходства на решительном пункте даже тогда, когда абсолютный перевес сил оказывается недостижимым.

Самым существенным при этом представляется расчет времени и пространства; это дало повод смотреть в стратегии на этот расчет, как на предмет, в достаточной мере обнимающий все использование вооруженных сил. В этом направлении зашли даже настолько далеко, что стали усма-

---

[1] Здесь прежде всего нам вспоминаются Темпельгоф и Монталамбер: первый — по поводу одного из мест первой части его труда, стр. 148; второй — по поводу его переписки в связи с русским операционным планом на 1759 г. — Прим. автора.

тривать в тактике и стратегии великих полководцев особую потаенную часть, специально приспособленную для этого.

Но это сопоставление времени и пространства, если оно до известной степени и лежит в основе стратегии и составляет, так сказать, ее насущный хлеб, все же не является в ней ни самым трудным, ни самым решающим моментом.

Если мы непредубежденным взглядом окинем военную историю, то найдем, что случаи, когда ошибки в таком расчете действительно оказывались причиной крупной неудачи, по крайней мере в стратегии, чрезвычайно редки. Но если понятие искусного сочетания элементов времени и пространства должно являться отражением всех случаев, когда посредством быстрых маршей решительный и деятельный полководец одной и той же армией побил несколько противников (Фридрих Великий, Бонапарт), то мы напрасно будем путаться в этих чисто условных выражениях. Для ясности и плодотворности представлений необходимо называть вещи их собственными именами.

Верная оценка своих противников (Даун, Шварценберг), риск оставить временно перед ними лишь незначительные силы, энергия форсированных маршей, дерзость молниеносных атак, повышенная активность, которую великие люди проявляют в момент опасности, — вот истинные причины таких побед. Что же тут общего со способностью правильно сопоставить такие две простые вещи, как время и пространство!

Но и эта рикошетирующая игра сил, когда победы под Росбахом и Монмиралем дали необходимый размах для побед под Лейтеном и Монтро[1], игра, которой великие полководцы не раз вверяли свою судьбу в оборонительной войне, все же, если говорить ясно и откровенно, представляет редкое явление в истории.

Гораздо чаще относительный перевес сил, т. е. искусное

[1] Фридрих Великий, разбив в 1757 г. французов под Росбахом, немедленно устремился бить той же армией австрийцев под Лейтеном. Наполеон в 1814 г., разбив Блюхера в пяти боях, важнейшим из которых был Монмираль, устремился против Шварценберга и разбил под Монтро корпус принца Вюртембергского. — Ред.

сосредоточение превосходных сил на решительном пункте, бывает основан на правильной оценке этого пункта и на верном направлении, которое армия получает с самого начала, на решимости, которая требуется, чтобы пренебречь маловажным в пользу важного, т. е. держать свои силы в большей степени сосредоточенными. Это — характерные черты Фридриха Великого и Бонапарта.

Мы полагаем, что сказанным мы воздали численному превосходству подобающее ему значение; на него надо смотреть, как на основную идею, и его, по возможности, надо искать всюду и в первую голову.

Но считать его по этой причине необходимым условием победы было бы полным непониманием развиваемой нами мысли; мы стремились лишь пояснить то значение, какое следует придавать численности сил в бою. Если мы соберем возможно большие силы, то вполне удовлетворим принципу, и лишь оценка обстановки в целом может решить вопрос, следует ли из-за недостатка сил уклониться от боя или нет.

Глава IX

ВНЕЗАПНОСТЬ

Уже из самого содержания предшествующей главы, из общего стремления к относительному численному превосходству вытекает другое стремление, которое, следовательно, должно быть столь же общим. Таким стремлением является поразить врага внезапностью. Эта внезапность лежит более или менее в основе всех предприятий, ибо без нее численное превосходство на решительном пункте, собственно, является немыслимым.

Таким образом, внезапность является средством достижения численного превосходства, но на нее сверх того следует смотреть, как на самостоятельный принцип вследствие ее морального воздействия. В тех случаях, когда внезапность достигается в высокой степени, последствиями ее является смятение и упадок духа противника; а насколько эти явления умножают успех, тому имеется достаточно примеров — и крупных и мелких. Здесь, собственно, речь

идет не о внезапном нападении, которое относится к атаке, но о стремлении вообще застать своими мероприятиями противника врасплох, а в особенности поразить его внезапностью распределения наших сил, что в одинаковой мере мыслимо и при обороне, а в обороне тактической играет особенно важную роль.

Мы говорим: внезапность лежит в основе всех без исключения предприятий, но в весьма различной мере, в зависимости от природы самого предприятия и от прочих обстоятельств.

Корни этого различия лежат уже в особенностях армии, полководца и даже правительства страны.

Скрытность и быстрота являются двумя образующими внезапность факторами, и оба они предполагают и в правительстве, и в полководце большую энергию, а в армии — чрезвычайно серьезное отношение к службе. При изнеженности и халатности было бы напрасно рассчитывать на внезапность. Но сколь ни всеобщим и непременным является стремление к внезапности и как ни безусловен известный ее эффект, который всегда будет иметь место, однако, не менее верно и то, что внезапность редко удается в *совершенной* степени; это лежит в природе вещей. Поэтому мы составили бы себе совершенно ложное представление, если бы вообразили, что преимущественно этим средством можно достигнуть многого на войне. В идее это представляется чрезвычайно заманчивым, но на практике все большей частью застревает из-за трения машины в целом.

В тактике внезапность — гораздо более обычное явление по той простой причине, что здесь все данные времени и пространства много меньше. Поэтому в стратегии внезапность окажется более осуществимой в тех случаях, когда стратегические мероприятия более приближаются к области тактики, и труднее достижимой, когда они поднимаются выше, приближаясь к политике.

Приготовления к войне обычно занимают несколько месяцев, сбор войск в их пунктах сосредоточения требует большей частью устройства магазинов и складов, а также значительных маршей, направление которых довольно скоро обнаруживается.

Поэтому крайне редко бывает, чтобы одно государство

внезапно для другого объявило ему войну или чтобы общее направление удара было неожиданностью для его противника. В XVII и XVIII столетиях, когда война в значительной мере вращалась вокруг осады крепостей или городов, наблюдалось в этом смысле особое стремление, и военное искусство имело даже особую главу — внезапное блокирование крепости; да и последнее редко когда удавалось.

Гораздо более мыслима внезапность таких явлений, которые могут произойти со дня на день; поэтому часто бывает не так трудно выиграть у неприятеля один переход и благодаря этому перехватить какую-нибудь позицию, какой-либо пункт, путь сообщения и пр. Но ясно, что если внезапность достигается в этом случае легче, то она теряет в степени своей действительности, и наоборот. Тот, кто полагает, что такая внезапность мелких предприятий может связываться с чем-то крупным, как, например, выигрышем сражения, захватом значительного склада запасов, тот воображает нечто по мысли вполне возможное, но не имеющее подтверждения в истории; вообще можно найти очень мало примеров, когда в результате таких предприятий получалось что-либо крупное, из чего мы, конечно, вправе заключить о трудностях, связанных с ними.

Конечно, обращаясь с подобными вопросами к истории, не следует увлекаться тем или другим коньком исторической критики, ее сентенциями и самодовольной терминологией, а надлежит посмотреть самому факту в глаза. Существует, например, известный день кампании 1761 г. в Силезии, который в этом отношении приобрел своего рода славу. Это — 22 июля, когда Фридрих Великий выиграл у генерала Лаудона путь к Носсену у Нейсе, чем, как говорят, он воспрепятствовал соединению австрийцев с русскими в Верхней Силезии и этим получил отсрочку на целых 4 недели. Но если внимательно прочитать описание этих событий у главнейших историков[1] и вникнуть в него без предубеждения, мы не сможем приписать переходу, сделанному Фридрихом 22 июля, этого значения и вообще не найдем во всех вошедших в моду рассуждениях об этих

[1] Темпельгоф, Ветеран, Фридрих Великий. — Прим. нем. изд.

событиях ничего, кроме противоречий; в движениях Лаудона в эту пресловутую маневренную эпоху мы усмотрим много немотивированного. Кто же, действительно жаждущий истины и ясных доказательств, будет считаться с такого рода историческим свидетельством?

Когда рассчитывают в ходе кампании добиться посредством принципа внезапности значительных результатов, то, конечно, предполагают энергичную деятельность, быстрые решения, форсированные марши, которые должны явиться соответственными средствами; но все это, доведенное даже до высокой степени, не всегда достигает желаемых последствий; мы можем убедиться в этом на примере двух полководцев, по справедливости считающихся величайшими мастерами в этом отношении, — Фридриха Великого и Бонапарта. Первый в июле 1760 г. внезапно бросился из Бауцена на Ласси и направился к Дрездену, но ничего этим интермеццо[1] не достиг, а скорее, наоборот, дела его от этого пошатнулись, ибо тем временем пала крепость Глац.

Бонапарт в 1813 г. два раза бросался совершенно внезапно из-под Дрездена на Блюхера, не говоря уже о его вторжении из Верхней Лузации в Богемию, и оба раза не достиг ожидаемого результата. То были лишь удары по воздуху, которые сводились к простой трате времени и сил, а под Дрезденом могли создать крайне опасное положение.

Следовательно, для того чтобы добиться крупных результатов внезапности, недостаточно одной только энергии, силы и решительности вождя; необходимы и другие благоприятные обстоятельства. Мы вовсе не намерены совершенно отрицать возможность этих крупных результатов и лишь указываем на их связанность с предпосылкой благоприятной обстановки, которая, конечно, не так часто оказывается налицо и вызвать которую вождь редко имеет возможность.

Те же полководцы дают нам яркие примеры. Вспомним знаменитую операцию Бонапарта 1814 г. против армии Блюхера, когда последняя, оторвавшись от главной армии,

[1] Междудействием. — Ред.

спускалась вдоль по Марне. Внезапный двухдневный переход едва ли может дать большие результаты. Армия Блюхера, растянувшаяся на три перехода, была разбита по частям и потерпела урон, равносильный потере генерального сражения. Это являлось исключительно последствием внезапности, так как, если бы Блюхер допускал такую близкую возможность нападения Бонапарта, он совершенно иначе организовал бы свой марш. С этой-то ошибкой Блюхера и был связан крупный успех Бонапарта. Последний этих обстоятельств безусловно не знал, и, таким образом, в его пользу вмешалась счастливая случайность.

Точно так же в сражении под Лигницом в 1760 г. Фридрих Великий одержал блестящую победу, потому что в ночь перед боем он переменил позицию, занятую им только что перед тем; это явилось полной внезапностью для Лаудона, который в результате потерял 70 пушек и 10 000 человек [1]. Хотя Фридрих Великий и усвоил себе в это время манеру как можно больше передвигаться с места на место, дабы таким образом или избежать сражений или во всяком случае спутать планы противника, все же изменение позиции, произведенное в ночь с 14-го на 15-е, не преследовало именно этой цели, а вызывалось, по словам самого короля, просто тем, что позиция, которую он занимал 14-го, ему не понравилась. Таким образом, и на этот раз случай сыграл важную роль. Без совпадения нападения Лаудона с ночным сдвигом пруссаков и недоступностью местности результат оказался бы иным.

В высоких и высших областях стратегии также имеются

[1] В середине августа 1760 г. кольцо окружения австрийских и русских войск стягивалось вокруг Фридриха. Лаудон, командовавший крупной частью австрийской армии, получив сведение о нахождении обоза Фридриха, решил напасть на него на рассвете 15 августа и, чтобы не поднять заранее тревоги, двинулся, не имея авангарда; но так как в ту же ночь Фридрих отвел свои главные силы, то Лаудон нарвался вместо обоза на главные силы пруссаков и к 5 часам утра был разбит. Главные силы австрийской армии Дауна, находившиеся на другом берегу болотистого ручья, не имели возможности во-время поддержать Лаудона. Русские и австрийцы в результате этой победы Фридриха отошли, и кольцо окружения развалилось. — Ред.

примеры внезапности, связанные с серьезными последствиями; напомним лишь о блестящих походах великого курфюрста против шведов из Франконии в Померанию и из Бранденбургской Марки к р. Прегелю, о походе 1757 г., о знаменитом переходе Бонапарта через Альпы в 1800 г. В последнем случае армия капитулировала и сдала при этом весь свой театр войны, лишь немного недоставало, чтобы в 1757 г. другая армия не сдала своего театра да и себя в придачу[1]. Наконец, как пример совершенно внезапной войны мы можем привести вторжение Фридриха Великого в Силезию[2]. Всюду в этих случаях успех был огромный и потрясающий. Но подобные явления редко встречаются в истории. С ними не следует смешивать те случаи, когда государство по недостатку энергии и деятельности (в 1756 г. Саксония и в 1812 г. Россия) не было готово к войне во-время.

Теперь остается сделать одно замечание, касающееся существа дела. Лишь тот может поразить внезапностью, кто диктует другому закон его поведения. Закон же диктует тот, кто действует, имея большие основания. Если мы удивим противника нелепым мероприятием, то по всей вероятности нас не будет ожидать хороший успех, а нам придется, может быть, испытать ответный удар; во всяком случае противник не будет особенно огорчен нашим сюрпризом, ибо в нашем же промахе он найдет средство отвратить от себя зло. Так как нападение заключает в себе гораздо больше позитивных действий, чем оборона, то и внезапность во всяком случае чаще удается нападающему, чем обороняющемуся; однако, и при обороне использова-

---

[1] В 1800 г. австрийская армия Меласа капитулировала после сражения при Маренго, расплатившись за предоставление ей пути отступления в Австрию передачей всех ломбардских крепостей французам. В 1757 г., после победы под Прагой, Фридрих окружил в этом городе австрийскую армию Карла Лотарингского; но шедший на выручку Даун разбил Фридриха под Колином и заставил его снять блокаду Праги и отступить. — Ред.

[2] В декабре 1740 г. и январе 1741 г. Фридрих почти без боя занял 25-тысячной армией Силезию. Австрия была совершенно не готова к одновременной войне с Пруссией и Францией, и вторжение пруссаков застало ее совершенно врасплох. — Ред.

ние внезапности не исключается, как мы то увидим впоследствии. Может встретиться и двусторонняя внезапность как со стороны нападающего, так и со стороны обороняющегося, и тогда верх возьмет тот, кто правильнее попал в точку.

Так, повидимому, и должно было бы быть; однако, практическая жизнь не выдерживает строго этой линии и притом по самой простой причине. Моральные влияния, вызываемые внезапностью, часто обращают самое плохое положение в хорошее для того, в чью пользу складывается внезапность, и не дают возможности противной стороне принять толковое решение. Здесь, более чем в каком-либо другом месте нашего труда, мы имеем в виду не только одного старшего начальника, но и всех других начальников, ибо действие внезапности отличается той особенностью, что оно заметно ослабляет общую связь и единство и открывает простор для проявления личности каждого.

Многое зависит от общих условий, в которых складываются соотношения обеих сторон. Если одна из них благодаря общему моральному перевесу способна вызвать упадок духа и поспешность решений в другой, то она использует внезапность с большим успехом и пожнет плоды даже там, где, собственно, она должна была бы испытать неудачу.

Глава X

ХИТРОСТЬ

Хитрость предполагает какое-нибудь скрытое намерение, и, следовательно, противополагается прямому, простому, т. е. непосредственному образу действия, подобно тому как остроумие противополагается непосредственному доказательству. Она не имеет ничего общего со средствами убеждения, интереса, силы, но у нее много общего с обманом; последний тоже скрывает свои намерения. Она является в сущности обманом даже тогда, когда все уже закончилось, но все же она отличается от того, что попросту называется этим именем, так как непосредственно не нарушает данного слова. Хитрец вызывает в суждении противника, которого хочет обмануть, такие ошибки, которые

представляют последнему дело не в настоящем виде и толкают его на ложный путь. Поэтому можно сказать: подобно тому как остроумие представляет жонглирование идеями и образами, так хитрость является жонглированием действиями.

На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времени греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии.

Если предоставить тактике осуществление насилия, т. е. ведение боев, и рассматривать стратегию как искусство удачно использовать возможности к этому, то, казалось бы, кроме сил темперамента, как жгучее честолюбие, которое словно пружина оказывает непрерывное давление, или как сильная, ни перед чем не склоняющаяся воля и т. п., — нет более подходящего природного свойства для того, чтобы руководить и придавать жизнь стратегической деятельности, как именно хитрость. Уже постоянная потребность поразить внезапностью, о чем мы говорили в предыдущей главе, указывает на это, ибо в основе всякой внезапности лежит хотя бы некоторая доля хитрости.

Но как бы нам ни хотелось видеть военных деятелей состязающимися в скрытности, ловкости и хитрости, приходится сознаться, что эти качества мало проявляются в истории и лишь в редких случаях выделяются из общей массы отношений и обстоятельств.

Причина довольно проста и в общем совпадает с тем, что служило темой предыдущей главы.

Стратегия не знает никакой иной деятельности, кроме распоряжения боями и относящихся к нему мероприятий. Она не включает, подобно обыденной жизни, отрасли деятельности, выражающейся только словами, т. е. заверениями, объяснениями и пр. А эти-то недорого стоящие слова и являются по преимуществу теми средствами, при помощи которых хитрец наводит туман.

Подходящие к этому на войне действия: планы и приказы, издаваемые только для вида, ложные сведения, умышленно сообщаемые противнику, и т. п. в области стратегии сравнительно так слабо действуют, что ими пользуются

лишь в редких, особо благоприятных случаях, а потому их нельзя рассматривать как свободное поле деятельности полководца.

Такого же рода действия, как распоряжение боями, проведенные до степени, способной оказать известное впечатление на неприятеля, требуют сами по себе значительной затраты времени и сил и притом тем большей, чем крупнее масштаб работы. А обыкновенно не желают приносить подобные жертвы, и так называемые демонстрации в стратегии редко оказывают предполагаемое воздействие. В самом деле, небезопасно продолжительное время применять значительные силы только для вида, ибо всегда рискуешь промахнуться и потерять эти силы для действий на решительном пункте.

Эту трезвую правду полководец на войне всегда глубоко переживает, а потому у него проходит охота играть на лукавой подвижности. Сухая серьезность необходимости настолько толкает на непосредственно требуемую работу, что большей частью для такой игры уже не остается простора. Короче сказать, у фигур на шахматной доске стратегии нехватает подвижности, которая составляет стихию хитрости и лукавства.

Из всего этого мы приходим к выводу, что верный и меткий взгляд представляет более полезное, более необходимое свойство полководца, чем хитрость, хотя и это качество ничего не портит, если оно не развито за счет более необходимых свойств темперамента, что, впрочем, слишком часто наблюдается.

Но, чем слабее силы, подчиненные стратегическому руководству, тем стратегическое руководство будет более склонно к хитрости. Малочисленной и совершенно слабой стороне, которой уже не может помочь ни осторожность, ни мудрость в тот момент, когда ее покидает сознавшее свое бессилие искусство, хитрость еще предлагает свои услуги как единственный якорь спасения. Чем положение безвыходнее, чем более все сводится к одному отчаянному удару, тем охотнее хитрость становится рядом с отвагой. Освободившись от всех дальних расчетов, отказавшись от всех видов на то, чтобы расквитаться в будущем, отвага и хи-

трость, поддерживая друг друга, сосредоточат слабое мерцание надежды на единственной точке, на единственном луче, который может дать еще вспышку.

Глава XI

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ СИЛ В ПРОСТРАНСТВЕ

Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно более сильным; это значит прежде всего — быть вообще возможно более сильным, а затем — и на решающем пункте. Поэтому помимо напряжения, создающего вооруженные силы и не всегда зависящего от полководца, нет в стратегии более высокого и простого закона, как следующий: держать свои силы сосредоточенно. Не следует отделять от главной массы какую-либо часть без крайней необходимости. Этого критерия мы держимся твердо и видим в нем надежного руководителя. Мы постепенно изучим разумные основания, которые могут иметься для выделения части сил. Затем мы также увидим, что этот принцип не во всякой войне ведет к одним и тем же общим последствиям, но что таковые меняются в соответствии с целями и средствами.

Может показаться невероятным, и все же это случалось сотни раз, что вооруженные силы дробились и разъединялись по одному лишь темному подражанию традиционной манере без ясного сознания, зачем, собственно, это делается.

Если сосредоточение сил будет признано за норму, а всякое раздробление и разъединение — за исключение, которое должно быть мотивировано, то не только эта глупость будет совершенно избегнута, но и будет прегражден доступ многим ложным поводам к разделению сил.

Глава XII

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ СИЛ ВО ВРЕМЕНИ

В данном случае мы имеем дело с понятием, которое при применении в действительной жизни вызывает немало недоразумений. Поэтому необходимо ясное установление и

изложение связанных с этим понятием представлений, и мы надеемся, что нам будет дозволено вновь произвести небольшой анализ.

Война есть столкновение двух противоположных сил, откуда само собой вытекает, что более могучая из них не только уничтожает другую, но и увлекает ее в своем движении. Отсюда по существу не должно быть растянутого во времени (последовательного) применения сил; одновременное напряжение всех предназначенных для данного удара сил рисуется как основной закон войны.

Так оно и есть в действительности, но лишь постольку, поскольку борьба действительно подобна механическому столкновению; там же, где она выливается в длительное взаимодействие друг друга уничтожающих сил, там, разумеется, можно представить себе и растянутое во времени действие этих сил. Это имеет место в тактике преимущественно потому, что огневой бой составляет основу всякой тактики, но может происходить и по другим причинам. Когда в огневом бою 1000 человек введены в дело против 500, то размер их потерь складывается из размера неприятельских сил и из размера собственных; 1000 человек стреляют вдвое больше, чем 500; но и попадание пуль в 1000 человек больше, чем в 500, ибо надо предполагать, что первые стоят более плотно, чем вторые. Если бы мы могли предположить, что и число попаданий в них вдвое больше, то потери с обеих сторон были бы одинаковыми. Из 500 человек, скажем, 200 было бы выбито из строя и столько же выбыло бы и из 1000 человек. Если бы у этих 500 было в резерве еще столько же людей, которые до тех пор оставались вне сферы огня, то с обеих сторон было бы налицо по 800 человек, из которых, однако, у одной было 500 совершенно свежих людей с полным запасом патронов и нетронутыми силами, а у другой те же 800 человек, но все в одинаковой мере расстроенные, без достаточного запаса патронов и с ослабевшими силами. Конечно, наша предпосылка, что 1000 человек из-за одного лишь численного своего превосходства должны потерять вдвое больше людей, чем на их месте потеряли бы 500, неосновательна; необходимо учесть при первоначальном распределении сил тот большой урон, который несет оставивший в резерве

половину своих сил, ставя себя в худшее положение; точно так же следует допустить в большинстве случаев и ту возможность, что в первый же момент 1000 человек могут достигнуть какого-либо успеха: они, например, выбьют из позиции своего противника и принудят его к отступлению. Будут ли оба эти преимущества уравновешивать невыгоду остаться с 800 человек расстроенных боем войск против врага, хотя немного слабейшего, но имеющего 500 человек свежих войск? Дальнейший анализ этого решить не в состоянии, здесь приходится обратиться к опыту, и в этом случае, пожалуй, не окажется ни одного офицера, имеющего хотя бы скромный боевой опыт, который в общем не признал бы преимущества за той стороной, у которой имеются свежие силы.

Отсюда очевидно, что введение в бой сразу слишком больших сил может оказаться невыгодным, ибо какие бы выгоды мы ни могли извлечь из перевеса в первый момент, возможно, что впоследствии мы будем за это наказаны.

Но эта опасность существует лишь постольку, поскольку проявляются беспорядок, расстройство и ослабление сил, словом, тот кризис, который всякий бой несет с собою и для победителя. Появление в момент такого ослабленного состояния относительно свежих сил противника может оказать решающее действие.

Но там, где прекращается это явление разложения, сопутствующее победе, и остается, следовательно, только ощущение морального превосходства, которое дает каждая победа, там и свежие силы более уже не в состоянии поправить потерянное дело — они будут увлечены общим потоком. Разбитую накануне армию нельзя на другой день повести к победе при поддержке сильного резерва. Здесь мы подходим к источнику весьма существенного различия между тактикой и стратегией.

Дело в том, что тактические успехи, заключающиеся в пределах самого боя и до его окончания, по большей части достигаются еще в сфере этого разложения и ослабления; стратегический же успех, т. е. успех в целом, завершенная победа, безразлично крупная или мелкая, находится уже вне этих пределов. Лишь

тогда, когда успехи частных боев свяжутся в одно самостоятельное целое, наступает стратегический результат, но тогда прекращается и состояние кризиса, боевые силы приобретают свой первоначальный облик, они лишь будут частично ослаблены в мере фактически понесенного урона.

Вывод из этого различия сводится к тому, что тактика допускает растянутое во времени введение в дело сил, стратегия же допускает только одновременное.

Если в тактике я не могу решить всего первым успехом, если я должен опасаться следующего момента, то само собою разумеется, что я буду для обеспечения первого успеха затрачивать лишь столько сил, сколько для этого будет казаться мне нужным, а остальные я буду держать вне губительной сферы огня и рукопашного боя, дабы иметь возможность противопоставить свежим силам свежие же силы или доконать ими ослабевшие силы врага. Не так в стратегии. Во-первых, как мы только что показали, ей не так страшны ответные действия противника, после того как успех уже достигнут, ибо с этим успехом заканчивается и кризис; во-вторых, не все стратегические силы непременно оказываются о с л а б л е н н ы м и боем. Потерпевшими оказываются только те войска, которые вступают в т а к т и ч е с к о е столкновение с неприятелем, т. е. ввязываются в частные бои; тактика должна не растрачивать бесполезно силы, а использовать лишь в мере необходимости, но отнюдь не полностью все то, что стратегически находится в столкновении с противником. Части, которые благодаря превосходству сил мало или вовсе не сражались и которые лишь одним своим присутствием содействовали благоприятному исходу, останутся после боя такими же, какими они были до него, и будут столь же пригодны для нового использования, как если бы они оставались вовсе праздными. Само собою, однако, ясно, насколько такие части, обеспечивающие превосходство, содействуют общему успеху; нетрудно понять и то, что они значительно понижают даже размер потерь наших частей, принявших участие в тактическом столкновении.

Следовательно, если в стратегии потери не возрастают с увеличением употребленных в дело сил, а часто даже понижаются, если, кроме того, успех этим более обеспечи-

вается, то само собою понятно, что в стратегии чем больше использовать силы, тем лучше и что имеющиеся в распоряжении силы должны быть использованы одновременно.

Но нам надо отстоять свое положение еще и с другой точки зрения. До сих пор мы говорили только о самом бое. Бой, конечно, является подлинной военной деятельностью, но нам надо считаться и с людьми, временем и пространством, которые являются проводниками этой деятельности, и принять во внимание результаты их воздействия.

Труды, усилия и лишения представляют своеобразное разрушительное начало на войне, по существу не относящееся к самому бою, но более или менее неразрывно с ним связанное, и притом такое начало, которое по преимуществу входит в область стратегии. Правда, подвергаться трудам, напряжениям и лишениям приходится и в тактике, и притом в наивысшей степени, но так как тактические акты мало продолжительны, то сравнительно ничтожные последствия их могут в ней в меньшей мере приниматься во внимание. Но в стратегии, где время и пространство значительно обширнее, действие этих начал не только будет чувствительным, но порою даже решающим. Нередко бывает, что победоносная армия теряет гораздо больше людей от болезни, чем в боях.

Если мы будем учитывать эту сферу разрушения в стратегии так же, как мы учитываем огонь и рукопашный бой в тактике, то мы, конечно, сможем допустить, что все подверженное этому разрушению окажется к концу кампании или другого стратегического отрезка в таком состоянии ослабления, что появление свежих сил может иметь решающее значение. Поэтому и в стратегии, казалось бы, имеется такое же основание добиваться первого успеха с возможно меньшими силами, дабы сберечь к концу свежие войска.

Дабы точно оценить эту мысль, которая на практике во многих случаях приобретает видимость истины, нам нужно бросить взгляд на отдельные связанные с ней представления. Во-первых, не следует смешивать понятие простого пополнения со свежими, нетронутыми силами. Очень редко

бывают походы, к концу которых как победителю, так и побежденному не был бы крайне желателен новый приток сил; но не об этом идет здесь речь, так как подобного увеличения сил не понадобилось бы, если бы эти силы с самого начала были больше на такое именно количество. Но чтобы свежая армия, впервые выступающая в поход, по своей моральной ценности стояла выше армии, уже действующей на фронте, подобно тому как тактический резерв имеет преимущество перед теми частями, которые уже сильно пострадали в бою, — это противоречит всем данным опыта. В той же мере, как неудачная кампания лишает войска мужества и моральных сил, счастливая, наоборот, подымает их ценность в этом отношении, а в среднем оба эти воздействия взаимно уравновешиваются; чистой прибылью оказывается боевой опыт. Кроме того, здесь мы должны преимущественно иметь в виду удачные кампании, и не несчастливые, ибо неудачный ход последних можно заранее предвидеть с некоторым вероятием; следовательно, в них и без того сил не будет хватать, и думать о том, чтобы сберечь к концу часть этих сил, не приходится.

Раз этот пункт устранен, то спрашивается: возрастают ли потери вооруженных сил от напряжения усилий и от лишений с увеличением размера этих вооруженных сил, как это бывает в бою? И на этот вопрос приходится дать отрицательный ответ.

Напряжение усилий вызывается, главным образом, опасностями, коими пропитан каждый миг военных действий в той или иной степени. Всюду противостоять этим опасностям с уверенностью, продолжая свою работу, — вот что составляет сущность тех разнообразных действий, из которых состоит тактическая и стратегическая служба армии. Эта служба тем тяжелее, чем слабее армия, и тем легче, чем существеннее ее превосходство над противником. Кто в этом может сомневаться? Кампания против значительно слабейшего неприятеля, конечно, потребует гораздо меньшего напряжения, чем против равного, а особенно против более сильного.

Это относится к напряжению сил. Несколько иначе обстоит дело по отношению к лишениям. Последние, главным образом, обусловливаются двумя причинами: недостатком

продовольствия и недостатком помещения, будь то на квартирах или в хорошо устроенных лагерях. И тот и другой вид лишений будет, конечно, тем больше, чем многочисленнее армия, сосредоточенная в одном пункте. Но разве численное превосходство не дает ей возможности распространиться и захватить больше пространства, а следовательно, и больше средств для получения и размещения продовольствия?

Когда в 1812 г., во время своего вторжения в Россию, Бонапарт сосредоточил свою армию в неслыханно огромной массе на одной дороге и тем самым вызвал столь же неслыханный недостаток во всем необходимом, то это приходится приписать его основному принципу: на решительном пункте быть возможно сильным. Хватил ли он в данном случае через край, применяя свой принцип, это — вопрос, который в настоящий момент не подлежит нашему рассмотрению, но несомненно одно, что если бы он захотел избежать вызванных этим лишений, ему стоило только продвигаться на более широком фронте; в России нет недостатка в пространстве, и вообще в пространстве меньше всего может оказаться недостатка. Поэтому отсюда никак нельзя создать довод в пользу доказательства, будто одновременное применение превосходных сил должно явиться источником больших лишений. Допустим, однако, что климатические условия и сопряженное с войной неизбежное напряжение усилий вызовут известную убыль также в той части армии, которую в качестве излишка сил можно было бы, несомненно, приберечь для позднейшего времени, если не учитывать помощи, которую она может оказать сражающейся армии; все же мы должны, обнимая вопрос одним взглядом во всей его совокупности, спросить себя: уравновешивает ли эта убыль то преимущество, которое мы приобретаем во многих отношениях благодаря нашему подавляющему численному превосходству?

Нам необходимо также коснуться еще одного весьма важного пункта. В частном бою можно без особого труда наметить приблизительно те силы, какие будут нужны для достижения намеченного нами крупного успеха, а следовательно, и определить излишек сил. В стратегии же это надо признать просто невозможным, ибо стратегический успех является отнюдь не столь определенным объектом,

как успех тактический, и не имеет таких близких пределов. Поэтому то, что в тактике можно рассматривать как излишек сил, в стратегии придется считать как средство для расширения успеха, если к тому представится случай; с размерами достигаемого успеха растет и процент доходности, а следовательно, перевес сил может в короткое время дать такие плоды, которые недостижимы при тщательной экономии сил.

Благодаря огромному превосходству сил Бонапарту удалось в 1812 г. добраться до Москвы и занять эту центральную столицу; если бы ему при помощи того же превосходства удалось еще полностью разгромить русскую армию, он, вероятно, заключил бы в Москве мир, добиться которого всяким другим способом было бы труднее. Этот пример должен лишь пояснить нашу мысль, а не доказать ее; последнее требовало бы длинного рассуждения, которое здесь было бы не на месте.

Все эти соображения направлены лишь против последовательного применения сил, но не против понятия собственно резерва, которого они, правда, все время касаются, но которое, как мы это увидим в следующей главе, связано и с некоторыми другими понятиями.

Здесь мы хотим доказать лишь то, что если в тактике уже одна *длительность* действительного использования вооруженных сил их ослабляет, и время, таким образом, является одним из факторов убыли сил, в стратегии этого в основном не наблюдается. Разрушительное действие, которое время оказывает на вооруженные силы в области стратегии, отчасти ослабляется самой массой сил, отчасти покрывается другими способами, а поэтому стратегия не может задаваться целью использовать время *как таковое* в качестве союзника, вводя в действие свои силы последовательно.

Мы говорим *время как таковое*, ибо та ценность, которую время может и должно иметь для одной из борющихся сторон благодаря другим сопутствующим ему обстоятельствам, но вполне отличным от времени, есть нечто совсем иное и, являясь отнюдь не безразличной или ничтожной данной, будет предметом нашего рассмотрения в другом месте.

Итак, закон, который мы пытались развить, следующий: все силы, предназначенные и имеющиеся в нашем распоряжении для достижения какой-либо стратегической цели, должны быть использованы одновременно, и это использование их будет тем совершеннее, чем более оно окажется сосредоточенным в одном акте и в одном моменте

Однако, в стратегии все же имеют место настойчивость и растянутые во времени действия; мы тем менее можем об этом умолчать, что это представляет одно из главнейших средств достигнуть конечного успеха; мы разумеем продолжающееся развертывание новых сил. Это будет служить предметом отдельной главы [1], и мы здесь о нем упоминаем для того, чтобы не ввести читателя в заблуждение.

Теперь мы обратимся к теме, весьма близкой к только что нами рассмотренной; лишь закончив ее исследование, мы будем иметь возможность дать надлежащее освещение всему вопросу в целом: мы имеем в виду стратегический резерв.

Глава XIII

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ

Резерв имеет два назначения, которые надо различать: во-первых, продление и возобновление боя и, во-вторых, применение в непредвиденных случаях.

Первое назначение предполагает полезность последовательного применения сил и потому не может иметь места в стратегии. Те случаи, когда войсковые части направляются из тыла в какой-нибудь пункт, где противник начинает одолевать, очевидно, должны быть отнесены ко второй категории назначений, ибо сопротивление, которое здесь приходится оказывать, видимо, не было в достаточной степени предусмотрено. Войсковая же часть, предназначенная исключительно для продолжения боя, оставленная с этой целью позади, вне действия огня, и находящаяся в распоряжении старшего в бою начальника, будет уже тактическим резервом, а отнюдь не стратегическим.

[1] Такой самостоятельной главы в труде Клаузевица нет. — Ред.

Однако, потребность иметь наготове известную силу для непредвиденного случая может встретиться и в стратегии, а потому может понадобиться и стратегический резерв, но только там, где можно допустить непредвиденный случай. В тактике, где мы по большей части узнаем о мероприятиях противника лишь в момент, когда они открываются нашим взорам, и где каждая лесная заросль, каждая складка местности могут их скрывать, надо, конечно, быть всегда более или менее готовым встретиться с непредвиденным случаем и иметь возможность подкрепить те отдельные пункты нашего расположения в целом, которые оказались бы слишком слабыми, и вообще сообразовать наши действия с неприятельскими.

В стратегии также могут встретиться подобные случаи, ибо стратегические действия непосредственно связываются с тактическими. И в стратегии многое делается лишь по непосредственно усмотренным, по недостоверным и изо дня в день, с часу на час приходящим сообщениям и, наконец, в зависимости от реального успеха боев; поэтому существенным условием стратегического водительства является в соответствии со степенью неизвестности удержание позади части вооруженных сил для последующего их применения.

Как известно, это постоянно имеет место при обороне, особенно же при обороне местных рубежей, рек, горных хребтов и т. п.

Но такая неопределенность все более уменьшается, когда стратегия отходит от тактики, и совершенно прекращается в тех областях, где она граничит с политикой.

Куда неприятель направляет в бой свои колонны, можно узнать лишь тогда, когда это станет очевидным; где он будет переправляться через реку, узнается по некоторым приготовлениям, которые обнаруживаются незадолго перед этим; с какой стороны он вторгнется в нашу страну, об этом обычно трубят все газеты еще до того, когда раздается первый выстрел. Чем обширнее мероприятия, тем труднее внезапно поразить ими. Время и пространство так велики, а отношения, из которых вытекают действия, настолько общеизвестны и устойчивы, что общий вывод или достаточно своевременно узнается, или же его можно достоверно установить предварительным изучением.

С другой стороны, и пользование резервом, если бы таковой имелся, становится тем менее действительным, чем шире обусловившее его мероприятие противника. Мы видим, что то или иное решение частного боя само по себе ничто и что все частные бои находят свое завершение лишь в решении боя в целом.

Но и решение боя в целом имеет лишь относительное значение; оно бывает различных степеней в зависимости от того, насколько крупную и важную часть целого составляют те неприятельские силы, над которыми была одержана победа. Поражение, понесенное в столкновении одним корпусом, может быть заглажено победой армии; даже проигранное армией сражение может не только быть уравновешено сражением, выигранным более значительной армией, но даже обратиться в счастливое событие (оба дня сражения под Кульмом в 1813 г.)[1]. Никто в этом не станет сомневаться; но столь же ясно, что значение, которое имеет каждая победа (счастливый исход каждого боя в целом), становится тем более прочным, чем значительнее побежденная часть неприятельской армии, и что благодаря этому возможность вернуть однажды потерянное последующим событием соответственно уменьшается. Ближе мы рассмотрим это в другом месте; здесь достаточно привлечь внимание к бесспорности существования этой прогрессии.

К этим двум соображениям мы присоединим, наконец, еще третье: растянутое во времени применение вооруженных сил в тактике всегда стремится отодвинуть решающий момент к концу всего боевого акта; напротив, в стратегии закон одновременности применения сил почти всегда заставляет добиваться основного решения (которое не обязательно будет последним) в начале великого акта войны. В этих трех положениях мы найдем достаточно оснований

[1] Сражение 17 и 18 августа 1813 г. Разбив союзную армию под Дрезденом, Наполеон направил к Кульму, на дорогу из Дрездена в Прагу, корпус Вандама, который должен был отрезать союзникам отступление. От непосредственного же преследования Наполеон затем почти отказался. Это позволило союзникам обрушиться всеми силами на корпус Вандама и уничтожить большую его часть. Вся артиллерия, 12 000 пленных с Вандамом во главе, досталась союзникам, для которых, таким образом, дрезденское поражение обратилось в успех. — *Ред.*

для того, чтобы сказать: стратегический резерв тем менее необходим, тем более бесполезен и даже опасен, чем о б ш и р н е е и м н о г о г р а н н е е назначение этого резерва.

Нетрудно определить тот поворотный пункт, за которым стратегический резерв начинает противоречить своему назначению; он находится в р е ш и т е л ь н о м с т о л к н о в е н и и. Применение всех сил должно быть приурочено к решительному столкновению, и всякий резерв (с о с т о я щ и й и з г о т о в о й к и с п о л ь з о в а н и ю в о о р у ж е н н о й с и л ы), который предназначался бы для применения лишь после этого решительного акта, был бы нелепостью.

Таким образом, если тактика в своих резервах имеет средство не только противостоять непредвиденным начинаниям противника, но и исправлять никогда не поддающийся предвидению исход боя в случае неблагоприятного его оборота, то стратегии приходится отказаться от этого средства, по крайней мере в отношении главного решения. Вообще неудачи, понесенные в одном пункте, она может загладить лишь успехом в другом, и только в редких случаях при помощи переброски сил с одного пункта на другой, но она никогда не должна иметь в мыслях сохранять позади часть сил, чтобы исправить возможную неудачу.

Мы признали нелепой идею стратегического резерва, не обязанного принимать участие в главном столкновении; это до такой степени не подлежит сомнению, что мы никогда не соблазнились бы подвергнуть ее анализу, какой мы произвели в последних двух главах, если бы под обликом других представлений эта идея не получала более благовидный характер и не появлялась бы порою в замаскированном виде. Одни в ней видят плод стратегической мудрости и предусмотрительности, другие отвергают ее, а с нею вместе и всякую мысль о резерве, в том числе и тактическом. Эта путаница идей переходит и в действительную жизнь. Если нам нужен блестящий пример такого сумбура, то стоит лишь вспомнить, что Пруссия в 1806 г. оставила резерв в 20 000 человек под начальством принца Евгения Вюртембергского, расквартированный в Бранденбургской провинции; этот резерв уже не мог во-время поспеть к р. Заале, а другие 25 000 человек той же державы оставались в во-

сточной и южной Пруссии; их имели в виду мобилизовать лишь позднее в качестве резерва.

Ввиду этих примеров нам, пожалуй, не бросят упрека, что мы сражаемся с ветряными мельницами.

Глава XIV

ЭКОНОМИЯ СИЛ

Ход рассуждений, как мы уже говорили, редко удается сузить до одной непрерывной линии посредством принципов и взглядов. Всегда остается известный простор. Так бывает во всяком практическом искусстве. Для линий прекрасного не существует никаких абсцисс и ординат; круга и эллипсиса не начертить при помощи их алгебраических формул. Таким образом, деятель должен то вверяться тонкому такту суждения, который вытекает из природной проницательности ума, развивается погружением в размышления и почти бессознательно находит верный путь, то упрощать закон, сводя его к ярко выраженным приметам, которые и служат для этого деятеля руководящими правилами, то искать опоры в установленном методе и обращать его в свой посох.

В качестве такой упрощенной приметы или умственной сноровки мы намечаем следующую точку зрения: всегда блюсти общее взаимодействие всех сил; другими словами, зорко смотреть, чтобы никогда какая-либо часть не оставалась праздной. Кто держит свои силы там, где неприятель не дает им достаточной работы, кто заставляет часть своих сил маршировать, т. е. оставляет их в бездействии в тот момент, когда войска противника наносят удар, тот плохо ведет свое хозяйство. В этом смысле надо понимать расточительное расходование сил: оно даже хуже нецелесообразного их использования. Раз нужно действовать, то прежде всего необходимо, чтобы действовали все части, так как даже самая нецелесообразная деятельность все-таки приковывает и занимает какую-либо часть неприятельских сил; между тем, совершенно праздные силы временно как

бы не существуют. Несомненно, этот взгляд находится в связи с основными мыслями трех последних глав; это та же истина, лишь рассмотренная с более широкой точки зрения и собранная в единое представление.

Глава XV

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ

До какой степени геометрический элемент или форма построения боевых сил на войне может обратиться в господствующий принцип, мы можем видеть на долговременной фортификации, где геометрия почти исключительно обслуживает все — от малого до великого. В тактике она также играет большую роль. Она составляет основу тактики, понимаемой узко, т. е. учения о передвижении войск; геометрические углы и линии царят над полевой фортификацией и над учением о выборе позиций и об атаке их как законодатели, которые одни призваны быть вершителями спора. В этом засилье геометрии есть кое-что и неправильное, а в некоторой части оно представляет только пустую затею; однако, именно в современной тактике, где в каждом бою стремятся к охвату противника, геометрический элемент снова приобрел большое влияние; применение его, правда, очень несложно, но постоянно повторяется. Тем не менее в тактике, где все гораздо подвижнее, где моральные силы, индивидуальные черты и случай оказывают гораздо большее влияние, чем в крепостной войне, геометрический элемент не может господствовать в такой же мере, как он господствует в последней. В стратегии же его влияние еще ничтожнее. Правда, и здесь формы распределения сил и очертания границ стран и государств имеют большое значение, но геометрическое начало не является здесь решающим, как в фортификации, и далеко не таким важным, как в тактике. Как проявляется это влияние, об этом мы будем иметь возможность говорить исподволь, по мере рассмотрения вопросов, в которых геометрический элемент выступает и заслуживает внимания. Здесь же главным образом мы желаем подчеркнуть разницу, существующую в этом отношении между тактикой и стратегией.

В тактике время и пространство очень скоро сводятся к абсолютно малому. Когда отряд охватывается противником с фланга и тыла, то очень скоро дело может дойти до момента, когда все пути отступления окажутся перехваченными; такое положение будет близко к полной невозможности продолжать бой; отряд обязан или пробиться, или предотвратить такое положение. Это обстоятельство придает с самого начала сильную действенность всем комбинациям, направленным к охвату противника; эта действенность вытекает преимущественно из тех опасений, которые они внушают противнику своими возможными последствиями. Поэтому геометрическая группировка вооруженных сил является важным фактором конечного результата.

Но в стратегии геометрическое оформление получает лишь слабое отражение вследствие значительного пространства и времени. Нельзя стрелять с одного театра военных действий на другой. Проходят недели и месяцы, прежде чем задуманный стратегический обход осуществится. Кроме того, пространства так велики, что вероятность ударить в конце концов в больную точку крайне мала, даже при наилучших мероприятиях.

Таким образом, в стратегии действие этого рода комбинаций, т. е. геометрического элемента, гораздо ничтожнее, а влияние успеха, фактически уже достигнутого в данном пункте, соответственно является гораздо более значительным. Этот успех всегда располагает достаточным временем, чтобы проявить всю силу своего действия, прежде чем ему в том помешают или даже вполне его парализуют заботы противоположного порядка. Поэтому мы не страшимся признать вполне установленной истиной, что в стратегии число и размах победоносных боев гораздо важнее линий того фасада, в котором эти бои между собою связываются.

Как раз обратный взгляд был излюбленной темой новейшей теории. Этим полагали придать стратегии большее значение. В стратегии видели опять-таки более высокую функцию ума и этим путем думали облагородить войну или, как говорили, совершая новую подмену понятий, сделать ее б о л е е н а у ч н о й. Мы считаем одной из основных заслуг более совершенной теории совлечь с подобных вздорных идей их незаслуженную репутацию; и так как гео-

метрический элемент представляет собою важнейшее понятие, из которого эти идеи исходят, то мы выдвигаем особенно выпукло именно этот пункт.

Глава XVI

О ПАУЗАХ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Если смотреть на войну, как на акт взаимного уничтожения, то надо мыслить обе стороны в общем стремящимися вперед, но в то же время мы почти с такой же необходимостью должны мыслить в отношении каждого отдельного момента одну сторону в состоянии выжидания и лишь другую — шагающей вперед, ибо обстоятельства никогда не могут быть совершенно одинаковыми для той и другой стороны. Со временем может произойти перемена, вследствие которой настоящий момент окажется более благоприятным для одной стороны, чем для другой. Если предположить у обоих полководцев полнейшее знакомство с обстановкой, то из последней вытекают побуждения, для одного — к активности, а для другого — к выжиданию. Следовательно, у обеих сторон не может быть в одно и то же время интереса к наступлению, но точно так же у них одновременно не может быть интереса к выжиданию. Это взаимное исключение одной и той же же цели происходит в данном случае не из общей полярности и, следовательно, не противоречит положениям, высказанным в V главе 2-й части [1], а из того, что для обоих полководцев в действительности одно и то же положение является основанием, определяющим их действия, а именно — вероятность улучшения или ухудшения обстановки в будущем.

Но если даже допустить возможность полного равенства обстоятельств в этом отношении или если принять во внимание, что недостаточное знакомство каждого полководца с положением другого рисует их воображению такое равенство, то все же различие политических целей не допустит возможности такой приостановки действий. Одна из двух сторон с политической точки зрения непременно должна

[1] Надо читать в I главе 1-й части. — Ред.

быть наступающей, ибо из обоюдной оборонительной цели война не могла бы возникнуть. Но так как у нападающего цель позитивная, а у обороняющегося — только негативная, то первому, следовательно, приличествует позитивное действие, ибо лишь этим путем он может достигнуть позитивной цели. Поэтому в тех случаях, когда обе стороны находятся в совершенно одинаковых условиях, позитивная цель вызывает наступающего на активные действия.

Таким образом, с приведенной точки зрения пауза в военных действиях, строго говоря, будет противоречить самой природе дела, ибо обе противные армии как два враждебных элемента должны непрерывно друг друга уничтожать, подобно тому как вода и огонь никогда не могут оказаться в положении равновесия, но до тех пор будут действовать друг на друга, пока один из этих двух элементов не исчезнет окончательно. Что бы мы сказали о двух борцах, которые целыми часами стояли бы, схватив друг друга и не делая ни малейшего движения? Таким образом, казалось бы, военные действия должны выливаться в постоянное движение, как заведенный часовой механизм. Но как ни дика и ни свирепа природа войны, все же она скована цепью человеческих слабостей, и проявляющееся в ней противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, человек ищет и создает опасности, а с другой — их в то же время боится, никого не может удивить.

Если мы обратимся к истории войн вообще, то часто мы найдем в ней нечто противоположное такому непрерывному стремлению к цели, причем **паузы и бездействия** покажутся нам **основным состоянием** армий во время войны, а **действия — лишь исключением**. Это могло бы чуть ли не поколебать нашу веру в правильность созданных нами положений. Но в то время как военная история подтверждает сомнения массой приводимых ею фактов, ближайший ряд войн вновь оправдывает нашу точку зрения. Революционная война даже с избытком свидетельствует об ее реальности и с избытком доказывает ее необходимость. В такой войне, особенно в кампаниях Бонапарта, ведение военных действий достигло той не знающей ограничений степени энергии, которую

мы считаем естественным законом войны. Следовательно, такая степень возможна, а если возможна, то и необходима.

В самом деле, как мог бы разум оправдать растрату сил, сопряженную с войной, если бы действие не являлось их задачей? Булочник растапливает печь лишь тогда, когда он готовится сунуть в нее свои хлебы; лошадей запрягают в повозку лишь в том случае, если собираются ехать. Зачем же делать огромные усилия, сопряженные с войной, если они не должны вызвать ничего другого, как только подобные же усилия со стороны неприятеля?

Вот что мы можем сказать в защиту общего принципа; теперь — об его видоизменениях, поскольку они вытекают из самой природы дела, а не из конкретных особенностей.

Здесь надлежит отметить три причины, которые образуют внутренний противовес и препятствуют тому, чтобы часовой механизм слишком быстрым и непрерывным ходом исчерпал свой завод.

Первая причина, которая вызывает постоянную склонность к остановке и через то становится тормозящим началом, — это природная боязливость и нерешительность человеческого духа, своего рода сила тяжести в моральном мире, которая, впрочем, вызывается не силами притяжения, а силами отталкивания, именно — боязнью опасности и ответственности.

В пламенной стихии войны заурядные натуры оказываются слишком тяжеловесными; движение будет длительным лишь в том случае, если оно будет получать сильные и частые импульсы. Одного только представления о цели войны редко бывает достаточно, чтобы преодолеть эту тяжеловесность. Нужно, чтобы во главе стоял воинственный и предприимчивый ум, который чувствовал бы себя на войне, как рыба в воде, в своей подлинной стихии, или чтобы сверху проявлялось сильное давление, иначе неподвижное стояние на месте станет нормой, а наступление будет уже исключением.

Второй причиной является несовершенство человеческой проницательности и суждения; на войне оно выступает особенно ярко; даже собственное положение в каждый данный момент не всегда точно известно, а положение противника, закрытое завесой, должно разгадываться по скудным дан-

ным. Вследствие этого часто случается, что обе стороны видят свою выгоду в одном и том же, тогда как данное явление отвечает более интересам одной стороны. В этих условиях обе стороны могут думать, что поступают мудро, выжидая другого момента, как мы об этом уже упоминали в V главе 2-й части[1].

Третья причина, которая задерживает, как тормоз, ход машины и время от времени вызывает полное затишье, — это превосходство обороны; *А* может считать себя слишком слабым, чтобы атаковать *Б*, из чего, однако, не следует, чтобы *Б* был достаточно силен, чтобы атаковать *А*. Прирост сил, который дает оборона, не только исчезает в процессе перехода к нападению, но передается противнику, подобно тому как, выражаясь алгебраически, разница между $а + б$ и $а - б$ равна $2б$. Таким образом, может случиться, что та и другая стороны не только считают себя слабыми для перехода в наступление, но и действительно слишком слабы для этого.

Итак, заботливое благоразумие и страх перед слишком большой опасностью находят внутри самого военного искусства удобные позиции, чтобы доказывать свою правоту и укрощать стихийную необузданность войны.

Тем не менее эти причины едва ли могут без натяжки объяснить те продолжительные задержки, которые наблюдались в прежних, не вызванных более глубокими интересами, войнах, когда безделье и праздность занимали девять десятых времени по сравнению с проведенным под ружьем. Такое явление вызывалось, главным образом, тем влиянием, которое оказывали на способ ведения войны требования одной стороны и состояние и настроения — другой, как мы уже говорили в главе о существе и цели войны.

Эти данные могут получить такое подавляющее значение, что война становится половинчатой. Часто войны представляют собой лишь вооруженный нейтралитет или занятие угрожающего положения, чтобы поддержать ведущиеся переговоры, или же скромную попытку добиться небольшого преимущества и затем выжидать, чем дело окончится, или, наконец, выполнение тягостной обязанности союзника, которую осуществляют с предельной скупостью.

[1] I глава 1-й части. — Ред.

Во всех подобных случаях, когда столкновение интересов ничтожно, начало вражды слабо и нет охоты особенно навредить противнику, а равно и от него не грозит большой опасности, словом, когда никакой крупный интерес не толкает и не подгоняет, — правительства не желают ставить слишком много на карту. Отсюда и появляется то вялое ведение войны, в котором дух вражды, присущий настоящей войне, посажен на цепь.

Чем больше война становится половинчатой, тем больше у ее теории будет нехватать необходимых точек опоры и оснований для правильного ее построения; диктуемого необходимостью будет все меньше и меньше, и начнет преобладать случайное.

Однако, и в такой войне может быть свой разум; даже пожалуй, здесь для разума открывается больший простор и более разнообразное поле деятельности, чем в другой войне. Азартная игра со свертками золота словно превращается в коммерческую игру на гроши. И здесь-то ведение войны заполняет время всевозможными мелкими выкрутасами: аванпостными стычками, балансирующими на грани шутки и серьезного дела, пространными диспозициями, не дающими никаких плодов, занятием позиции и выполнением маршей, которые впоследствии признаются учеными лишь потому, что мелочная, крошечная причина, их обусловившая, оказывается для истории потерянной, и простому здравому смыслу они ничего не говорят. Повторяем, именно здесь-то и обретают некоторые теоретики будто бы подлинное военное искусство. В этих фехтовальных приемах старых войн видят они конечную задачу теории; господство духа над материей и войны последних лет кажутся им грубым кулачным боем, который ничему не может научить и на который надо смотреть, как на возврат к варварскому состоянию. Такой взгляд столь же мелочен, как и облюбованное ими дело. Там, где отсутствуют большие силы и большие страсти, конечно, ловкому уму легче вести свою игру, но разве руководство крупными силами, работа за рулем среди бури, под ударами разъяренных волн, уже сами по себе не являются более высокой деятельностью духа? Разве указанное искусство фехтования не охвачено этим другим видом ведения войны, не является его частицей? Не

относится ли первое к последнему, как движения, происходящие на корабле, к движению самого корабля? Ведь оно может существовать лишь при том безмолвно заключенном условии, что противник будет действовать в том же духе. Но знаем ли мы, как долго он будет подчиняться этому условию? Разве французская революция не обрушилась на нас, охваченных уверенностью в непогрешимости старых приемов, и не отшвырнула нас от Шалона до самой Москвы? А разве перед этим Фридрих Великий подобным же образом не застиг врасплох австрийцев, успокоившихся на своих старых военных навыках, и не потряс до основания их монархию? Горе правительству, которое со своей половинчатой политикой и скованным военным искусством натолкнется на противника, не знающего ограничений, подобно суровой стихии, для которой нет законов и которая подчиняется только присущим ей самой силам! Тогда всякое упущение в энергии и напряжении ляжет лишней гирей на чашку весов противника; в это мгновение не так легко будет изменить стойку фехтовальщика на позу атлета, и часто будет достаточно небольшого толчка, чтобы все повалить на землю.

Из приведенных оснований следует, что в течение кампании военные действия протекают не в форме непрерывного движения, а толчками, и что между отдельными кровопролитными актами наступают периоды взаимного наблюдения, когда обе стороны занимают оборонительное положение. Обыкновенно более высокие цели, преследуемые одной стороной, дают в ее действиях преобладание началу наступления и в общем заставляют ее занимать активное положение; это несколько видоизменяет ее поведение.

Глава XVII

О ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

Внимание, которое мы обязаны уделять характеру современной войны, имеет огромное влияние на все наши предположения, особенно же на стратегические.

---

[1] Более подробно этот вопрос разбирается Клаузевицем в III главе 8-й части. — Ред.

С тех пор как отвага и счастье Бонапарта свели на-нет все прежде усвоенные приемы войны и государства первого ранга были сокрушены почти одним ударом; с тех пор как испанцы своей упорной борьбой показали, как многого можно достигнуть посредством вооружения и восстания широких масс, несмотря на присущие им слабости и рыхлость; с тех пор как Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее), и, во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций (раньше это представлялось всем дипломатам столь неопровержимым принципом, что у них на такие случаи всегда был наготове плохонький временный мир), но что часто именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление; с тех пор, наконец, как Пруссия в 1813 г. показала, что внезапным усилием при помощи милиции нормальная мощь армии может увеличиться в шесть раз и что эта милиция может быть равно использована как внутри страны, так и для действий за ее пределами, — после того как все это показало, какой огромный фактор в комплексе государственной мощи, способности к войне государства и вооруженных сил составляет сердце и настроение народа, и после того как правительства смогли изучить все эти вспомогательные средства, трудно предполагать, чтобы они оставили их не использованными в будущих войнах, безразлично, будет ли при этом налицо угроза их собственному существованию или их будет толкать могучее честолюбие.

Легко понять, что войны, которые будут вестись всей тяжестью народных масс обеих сторон, должны быть организованы на других началах, чем те, в которых все было рассчитано лишь на участие постоянных армий. Постоянные армии в общем походили на флоты; сухопутные вооруженные силы в их отношении к остальному государству были

подобны морским силам, а потому военное искусство на суше имело черты сходства с морской тактикой; их оно в настоящее время совершенно утратило.

Глава XVIII

НАПРЯЖЕНИЕ И ПОКОЙ

Динамический закон войны

В XVI главе этой части мы видели, насколько в большинстве кампаний время, расходуемое на паузы и на покой, превышает периоды собственно действий. Если, как было указано в прошлой главе, современным войнам присущ совершенно иной характер, то все же несомненно, что военные действия наших дней будут также прерываться более или менее продолжительными паузами; это заставляет нас более внимательно рассмотреть существо обоих состояний.

Когда наступает пауза в военных действиях, т. е. когда ни та, ни другая сторона не задается положительной целью, начинается состояние покоя и, следовательно, равновесия в самом широком смысле этого слова, т. е. равновесия не только физических и моральных сил борьбы, но и всех отношений и интересов сторон. Как только одна из них задается новой положительной целью и для достижения ее приходит в активное состояние, хотя бы это выражалось в одних лишь приготовлениях, и как только другая сторона начинает этому противодействовать, возникает напряжение сил; последнее продолжается до тех пор, пока не последует какое-либо решение, т. е. момент, когда одна сторона откажется от своей цели или другая уступит ей.

За этим решением, основывающимся на успешности боевых комбинаций обеих сторон, следует движение в том или в другом направлении.

Когда это движение истощится или вследствие трудностей, которые ему приходится преодолевать, т. е. внутреннего трения, или вследствие возникшего противовеса, то наступает или новый период покоя, или новое напряжение

и решение, за которым следует опять новое движение, в большинстве случаев в обратном направлении.

Установление такого умозрительного различия между равновесием, напряжением и движением более существенно для практической деятельности, чем это представляется на первый взгляд.

В состоянии покоя и равновесия может проявляться различная деятельность, а именно такая, которая исходит из требований конкретного случая, но не имеет целью какие-либо крупные перемены. Такая деятельность может включать в себя значительные бои и даже главнейшие сражения, но тем не менее природа ее совершенно иная, а потому и последствия ее по большей части будут иными.

Когда имело место напряжение, то последствия решения боем окажутся гораздо более значительными, отчасти потому, что в них проявится больший волевой импульс и больший натиск обстоятельств, отчасти потому, что все уже приготовлено и налажено для крупного сдвига. Решение напоминает в этом случае действие хорошо заложенного и забитого минного горна, между тем как событие, само по себе столь же крупное, но происшедшее в период покоя, скорее напоминает вспышку пороховой массы на открытом воздухе.

Впрочем, само собой разумеется, что состояние напряжения следует мыслить различных степеней, и оно может, таким образом, переходить в состояние покоя в такой постепенности, что в низших своих степенях мало чем будет отличаться от последнего.

Существенная польза, которую мы извлекаем из этого рассмотрения, заключается в следующем выводе: всякое мероприятие, к которому прибегают в момент напряжения, важнее и ведет к большим последствиям, чем то же мероприятие, выполненное в состоянии равновесия, и это усугубление значения резко возрастает на высших степенях напряжения.

Канонада под Вальми имела более решительные последствия, чем сражение под Гохкирхом.

Мы должны совершенно иначе располагаться на участке территории, уступленном нам противником, в зависимости от того, обусловлена ли эта уступка тем, что он не в со-

стоянии его защищать, или тем, что он отступил лишь с целью пойти на решение при более благоприятной обстановке. Когда неприятель находится в периоде прогрессирующего стратегического наступления, одна неудачно выбранная позиция, единичный неправильный марш могут иметь роковые последствия, в то время как при состоянии равновесия эти ошибки должны быть очень резко выраженными, дабы вообще вызвать противника на какую-либо деятельность.

Большая часть времени во множестве прежних войн, как мы уже говорили, протекала в таком состоянии равновесия или же в крайнем случае при таких ничтожных, отделенных большими промежутками, слабых напряжениях, что события, которые в это время происходили, редко имели крупные последствия; иногда это бывали случайные акты, приуроченные ко дню рождения королевы (Гохкирх), иногда же они имели целью поддержать честь оружия (Куннерсдорф) или удовлетворить тщеславие полководца (Фрейберг).

Мы считаем крайне важным, чтобы полководец должным образом отдавал себе отчет в этих положениях и обладал необходимым тактом вести себя, сообразуясь с их духом; на опыте 1806 г. мы убедились, как часто в этом такте ощущается полный недостаток. В момент огромного напряжения, когда все клонилось к решительной развязке, которая одна со всеми своими последствиями должна была сосредоточить на себе все душевные силы полководца, появлялись проекты таких мероприятий и отчасти выполнялись такие действия (рекогносцировки в направлении Франконии), которые разве только в состоянии равновесия могли бы дать колеблющиеся шансы на слабый успех. За всеми этими мероприятиями и соображениями, вносившими путаницу и поглощавшими деятельность, забывалось единственно необходимое и спасительное.

Сделанное нами умозрительное различие важно нам еще для дальнейшего построения нашей теории, ибо все, что мы потом скажем о наступлении и обороне и о выполнении этого двустороннего акта, связано с состоянием кризиса, в котором находятся силы в момент напряжения и движе-

ния, а также потому, что мы смотрим на всю ту деятельность, которая может происходить в периоды равновесия, лишь как на нечто побочное и будем ее трактовать в этом смысле. Отмеченные кризисы и являются подлинной войной, а состояние равновесия представляет лишь ее рефлекс.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БОЙ

Глава I

ОБЗОР

Рассмотрев в предыдущей части предметы, являющиеся существенными элементами войны, обратим теперь наш взгляд на бой как на подлинную военную деятельность, которая своими материальными и моральными результатами — то более просто, то более сложно — обнимает весь смысл войны. В этой деятельности и в ее результатах мы должны, следовательно, вновь встретиться с рассмотренными элементами.

Конструкция боя относится к тактике; мы бросим на нее лишь беглый взгляд, чтобы ознакомиться с его общим обликом. На практике ближайшие цели каждого боя придают ему своеобразное оформление; с этими ближайшими целями мы познакомимся в дальнейшем изложении. Однако, эта своеобразность оформления по сравнению с общими свойствами боя большей частью незначительна, и большинство боев чрезвычайно схоже между собою; поэтому, чтобы избежать повторений, мы вынуждены сначала рассмотреть бой вообще, а потом уже перейти к вопросам ближайшего его применения.

Таким образом, в следующей главе мы в нескольких словах охарактеризуем ход современного сражения в тактическом отношении, ибо таковой лежит в основе наших представлений о бое.

Глава II

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО СРАЖЕНИЯ

Согласно тем определениям, которые мы дали тактике и стратегии, само собою разумеется, что изменение природы тактики должно оказывать влияние и на стратегию. Раз тактические явления имеют в одном случае совсем иной характер, чем в другом, то и стратегические должны в свою очередь приобретать иной характер, чтобы оставаться последовательными и разумными. Поэтому важно охарактеризовать большое сражение в его новом оформлении, прежде чем приступить к изучению его стратегического использования.

Что теперь обычно делают в большом сражении? Спокойно размещают большие массы рядом и в затылок друг другу, в правильном порядке развертывают сравнительно небольшую часть целого и дают этой части часами истощаться в огневом бою, прерываемом время от времени и несколько подталкиваемом отдельными небольшими ударами, штыковыми атаками и кавалерийскими налетами. После того как выдвинутая часть войск постепенно истощит таким путем свой боевой пыл и от нее останется один перегар, ее отводят назад и заменяют другой.

Таким путем бой медленно догорает, смиряя свою стихию, как подмоченный порох, а когда ночной покров продиктует покой, ибо ничего уже нельзя различить и ни у кого нет охоты вверяться слепому случаю, тогда приступают к подсчету того, сколько осталось еще у той и другой стороны боеспособных масс, т. е. таких частей, которые не совсем еще пропали, как пропадают потухшие вулканы вследствие обвала их кратеров. Выясняют, сколько выиграно или проиграно пространства и как обстоит дело с обеспечением тыла; подводится итог отдельным впечатлениям храбрости и трусости, ума и глупости, которые подмечались как у себя, так и у противника, и общий учет выливается в одно общее впечатление, из которого слагается решение очистить поле сражения или возобновить бой на следующий день.

Это описание, не задающееся целью дать законченную картину современного сражения, а лишь отмечающее его основной тон, подходит в одинаковой степени и к атакующему, и к обороняющемуся; в него можно ввести отдельные черты, в зависимости от поставленной цели, местности и пр., существенно не изменяя указанного общего тона.

Однако, современные сражения не случайно носят такой характер; они таковы потому, что стороны находятся приблизительно на одном уровне военной организации и военного искусства и что военная стихия, раздуваемая крупными национальными интересами, смогла выступить наружу и попала в свою естественную колею. При наличии этих двух условий сражения всегда будут носить тот же характер.

Это общее представление о современном сражении не раз пригодится нам в дальнейшем изложении, когда мы захотим определить ценность отдельных коэфициентов, каковы силы, местность и пр. Такое описание можно распространить лишь на общие, крупные, решительные бои или приближающиеся к ним; мелкие столкновения тоже изменили свой характер в этом направлении, но в меньшей мере. Их характеристика относится к области тактики; все же впоследствии нам придется пояснить этот вопрос несколькими дополнительными штрихами.

Глава III

БОЙ ВООБЩЕ

Бой есть подлинная военная деятельность, и все остальное — лишь ее проводники. Присмотримся внимательно к природе боя.

Бой есть борьба, а цель последней — или уничтожить, или преодолеть противника; противником в каждом отдельном бою является та вооруженная сила, которая нам противостоит.

Такова простейшая концепция боя, к которой мы еще вернемся; но предварительно мы должны дополнить ее целым рядом других представлений.

Если мы вообразим себе государство и его вооруженную силу как единство, то самым естественным представлением для нас будет мыслить и войну как единый большой бой; в условиях первобытных взаимоотношений диких народов это приблизительно так и было. Наши же войны состоят в действительности из множества крупных и мелких, одновременных и последовательных боев, и это раздробление деятельности на множество отдельных актов имеет своим основанием великое многообразие отношений, из которых у нас возникает война.

Даже конечная цель наших войн — политическая цель — не всегда бывает совершенно проста; но хотя бы она и была простой, действие остается связанным с таким множеством условий и соображений, что цель не может быть достигнута посредством одного большого акта, но достигается лишь рядом более или менее крупных и мелких актов, соединенных в одно целое. Каждый из этих отдельных актов есть, следовательно, часть целого, имеющая поэтому свою особую цель; при посредстве последней она и связывается с этим целым.

Выше мы говорили, что каждое стратегическое действие может быть сведено к представлению о бое, так как оно является применением вооруженной силы, а в основе последней всегда лежит идея боя. Таким образом, мы можем в области стратегии свести всю военную деятельность к единствам отдельных боев и иметь дело лишь с целями этих последних. Мы будем знакомиться с этими особыми целями лишь постепенно, по мере того как будем затрагивать вопросы, которые их обусловливают. Здесь достаточно сказать, что каждый бой, будь то крупный или малый, имеет свою особую цель, подчиненную общему целому. А раз это так, то на уничтожение и преодоление врага надо смотреть лишь как на средство для достижения этой цели. Так оно и есть на самом деле.

Однако, этот вывод правилен лишь в данном логическом построении и имеет значение лишь в общей связи, объединяющей между собой все представление; мы его и вскрывали как раз для того, чтобы от него вновь освободиться.

Что значит преодолеть противника? Не что иное, как уничтожить его вооруженные силы смертью, ранами или

же каким-нибудь иным способом, будь то раз навсегда или в такой лишь мере, чтобы противник отказался от дальнейшей борьбы. Таким образом, закрывая пока глаза на все особые, частные цели боев, мы можем рассматривать полное или частичное устранение противника как единственную цель всякого боя.

Мы утверждаем, что в большинстве случаев, особенно в крупных боях, особая цель, которая индивидуализирует данный бой и связывает его с целым, составляет лишь незначительное видоизменение этой общей цели или связанную с последней побочную цель; этого видоизменения достаточно, чтобы индивидуализировать данный бой, но оно всегда бывает слишком незначительно по сравнению с общей целью. Отсюда, если достигается одна побочная цель, то осуществляется лишь ничтожная доля назначения боя. Если это утверждение правильно, то придется признать, что подход к уничтожению неприятельских сил лишь как к средству, причем целью всегда будет нечто другое, правилен только в своем логическом построении, но он может привести к ошибочным выводам, если упустить из виду, что именно уничтожение неприятельских вооруженных сил опять-таки содержится в этой цели боя и что она представляет лишь слабое видоизменение стремления к уничтожению противника.

Такое упущение привело во времена, предшествовавшие последней военной эпохе, к совершенно ложным взглядам и тенденциям, породило обрывки систем, при помощи которых теория рассчитывала тем выше подняться над простым ремеслом, чем меньше в ней будет стремление пользоваться подлинным инструментом, т. е. уничтожением неприятельских боевых сил.

Правда, подобная система не могла бы возникнуть, если бы при этом не прибегали и к другим ложным предпосылкам и не ставили на место уничтожения неприятельских вооруженных сил другие задачи, от разрешения которых ошибочно ожидали значительных результатов. Мы будем бороться с этими системами всякий раз, как к этому представится случай, но мы не можем приступить к рассмотрению боя, не подтвердив всего его значения и истинной его ценности и не предупредив о тех искривлениях,

к которым может привести утверждение, истинное лишь в формальном отношении.

Но как же мы докажем, что уничтожение неприятельских боевых сил в большинстве случаев, и притом в наиболее важных, составляет самое главное? Какое возражение мы можем выдвинуть против крайне утонченного воззрения, которое мыслит возможным достигнуть больших результатов при помощи особо искусных форм или косвенным путем, сопряженным со сравнительно ничтожным непосредственным истреблением неприятельских сил, или при помощи небольших, но чрезвычайно искусно нанесенных ударов, настолько парализующих неприятельские силы и воздействующих на волю противника, что на такой метод следовало бы смотреть, как на значительное сокращение пути, ведущего к намеченной цели? Конечно, бой, данный в одном пункте, может иметь большее значение, чем в другом; конечно, и в стратегии имеют место искусный распорядок боев и постановка их в тесную связь между собой; да стратегия в этом искусстве и заключается; мы вовсе не намерены последнее отрицать, но мы утверждаем, что всюду и всегда господствующее значение принадлежит непосредственному уничтожению неприятельских боевых сил. Это господствующее значение, а не что-либо другое, мы и хотим отвоевать для принципа уничтожения.

В связи с этим мы должны напомнить, что находимся в области стратегии, а не тактики, и потому мы говорим не о средствах, которые могут оказаться в распоряжении последней, дабы с малой затратой вооруженных сил уничтожить значительные неприятельские силы. Под непосредственным уничтожением мы разумеем тактические успехи; следовательно, наше утверждение сводится к тому, что лишь крупные тактические успехи могут привести к крупным стратегическим или, как мы уж однажды высказали более определенно, тактические успехи на войне имеют первенствующее значение.

Доказательство этого утверждения представляется нам чрезвычайно простым; оно кроется в том времени, которого требует всякая сложная (искусная) комбинация. Вопрос о том, что даст больший результат, простой ли удар или более сложный, искусный, может быть без колебаний

разрешен в пользу последнего, если противник мыслится как пассивный объект. Но каждый сложный удар требует больше времени; это время должно быть ему предоставлено и притом так, чтобы контрудар против одной части не помешал целому закончить необходимые приготовления к нужному успеху. Если противник решится на более простой удар, выполнимый в короткий срок, то он предупредит нас и затормозит успех большого плана. Поэтому при оценке сложного удара надо принимать в расчет все опасности, которые угрожают ему в процессе подготовки; применять это средство можно лишь тогда, когда нет оснований опасаться помехи со стороны неприятеля путем более короткого удара. При наличии же такого опасения надо самому выбирать более краткий путь и итти по пути упрощения постольку, поскольку того требуют характер противника, условия, в которых он находится, и прочие обстоятельства. Если мы оставим бледные впечатления отвлеченных понятий и спустимся в сферу действительной жизни, то мы увидим, что подвижный, смелый и решительный противник не даст нам времени для искусных комбинаций дальнего прицела, а между тем против такого-то противника искусство нам больше всего и понадобится. Этим, как нам представляется, наглядно устанавливается преимущество простых и непосредственных приемов над сложными.

Таким образом, наше мнение клонится не к тому, что простой удар — самый лучший, но что не следует замахиваться шире, чем то дозволяет место, и что дело тем скорее сведется к непосредственному бою, чем воинственнее будет наш противник. Таким образом, не только не следует пытаться превзойти противника в создании сложных планов, но, наоборот, надо стараться всегда опережать его в противоположном направлении.

Если добираться до исходных основ этих двух противоположных начал, то придется признать, что в основании одного лежит ум, в основании другого — мужество. Крайне соблазнительно верить, что умеренное мужество в соединении с крупным разумом даст бо́льшие результаты, чем умеренный разум, сопряженный с большим мужеством. Если, однако, не рисовать себе эти элементы в неравных

и не оправдываемых логикой соотношениях, то мы не имеем никакого права предоставить такой перевес уму над мужеством в той области, которая зовется опасностью и на которую надо смотреть как на подлинную область мужества.

К этому отвлеченному рассмотрению мы лишь добавим, что опыт не только не приводит к другому выводу, но он-то и является единственной причиной, толкающей нас в этом направлении; опыт и заставил нас притти к таким замечаниям.

Тот, кто без предвзятости знакомится с историей, должен признать, что из всех воинских доблестей энергия в ведении войны всегда более всего содействовала успеху и славе оружия.

Каким образом мы разовьем наш основной принцип — смотреть на уничтожение неприятельских вооруженных сил как на самое главное не только во всей войне в ее целом, но и в каждом отдельном бою, и как мы сопоставим этот принцип со всеми формами и условиями, вытекающими из отношений, на почве которых возникает война, — это мы увидим впоследствии. Уже приступая к теме, мы стремились к тому, чтобы утвердить за принципом уничтожения боевых сил признание всеобщего его значения; добившись этого результата, мы можем вернуться к бою.

Глава IV

БОЙ ВООБЩЕ

Продолжение

В прошлой главе мы остановились на том, что уничтожение противника есть цель боя, и особым рассмотрением пытались доказать, что это является истинным в большинстве случаев и притом в более крупных боях, ибо уничтожение неприятельских боевых сил всегда является господствующим началом на войне. Прочие цели, которые могут быть примешаны к идее уничтожения неприятельских сил и могут даже в некоторых случаях в большей или меньшей степени преобладать, мы охарактеризуем в общих чер-

тах в следующей главе, а ближе с ними ознакомимся постепенно впоследствии. Здесь мы совершенно устраним эти цели из рассмотрения, признав уничтожение сил противника вполне достаточной целью отдельного боя.

Что же надо разуметь под уничтожением неприятельских боевых сил? Относительно бо̀льшее уменьшение их по сравнению с понесенным нами уроном. Если у нас имеется значительное численное превосходство над противником, то понятно, что абсолютно одинаковый размер урона явится для нас относительно более слабым и должен признаваться нами уже как успех. Так как мы в настоящее время рассматриваем бой, лишенный всяких посторонних целей, то мы должны здесь устранить и ту цель, когда для еще большего уничтожения сил неприятеля бой используется лишь косвенно; мы принимаем в расчет лишь непосредственный выигрыш, который мы приобретаем в этом процессе взаимного истребления, и его считаем целью боя, ибо это абсолютный выигрыш, который выявляется путем подсчета прибылей и убытков всей кампании и который в заключении всегда скажется в виде чистой прибыли. Всякий другой вид победы над нашим противником имел бы свое обоснование или в других целях, что мы сейчас совершенно оставляем в стороне, или же давал бы временную, относительную выгоду; пример должен нам это пояснить.

Если мы путем искусных мероприятий поставили своего противника в столь невыгодное положение, что он не может продолжать боя, не подвергаясь серьезной опасности, и после некоторого сопротивления отступает, то мы вправе сказать, что мы одолели его на этом пункте; но если мы при этом одолении понесли относительно такие же потери, как и он, то при конечном подсчете прибылей и убытков кампании от этой победы, если такой результат заслуживает этого названия, ничего не останется. Поэтому одоление противника, т. е. постановка его в такое положение, что он должен отказаться от боя, само по себе не должно приниматься в расчет, а потому и не может входить в определение цели; таким образом, остается лишь та непосредственная прибыль, которую мы приобрели в этом процессе взаимного истребления. Сюда относятся не только потери, понесенные врагом во время самого боя, но и те, которые

последуют сейчас же за отходом неприятеля как непосредственное следствие его поражения.

Между тем, как это широко установлено опытом, материальные потери вооруженных сил в течение самого боя редко представляют существенную разницу у победителя и у побежденного, часто даже никакой; порой является даже обратная картина: самые чувствительные потери побежденный несет лишь с началом отхода, и как раз этих потерь не несет наряду с ним победитель. Слабые остатки потрясенных батальонов будут дорублены кавалерией, утомленные отстанут, подбитые орудия и зарядные ящики останутся на месте, другие не могут быть достаточно быстро увезены по испорченным дорогам и будут захвачены преследующей конницей; ночью отдельные колонны собьются с дороги и попадут без сопротивления в руки неприятеля; таким образом, победа принимает реальную форму уже после того, как она решена. В этом заключалось бы противоречие, если бы оно не разрешалось следующим образом.

Вооруженные силы обеих сторон несут во время боя не одни лишь физические потери; моральные силы также подвергаются потерям — потрясению, надлому и уничтожению. При разрешении вопроса, можно ли продолжать бой или нет, приходится считаться не с одними потерями в людях, лошадях и орудиях, но и с утратой порядка, мужества, доверия, сплоченности и внутренней связи. В таком случае решают, главным образом, моральные силы; эти же силы исключительно решают вопрос во всех тех случаях, когда потери победителя одинаковы с потерями побежденного.

Сверх того надо иметь в виду, что в течение боя трудно оценить соотношение физических потерь обеих сторон, но этой трудности не существует для оценки соотношения потерь моральных. Показателями этого соотношения служат, главным образом, два явления. Первое — это потеря пространства, на котором идет бой, второе — перевес в резервах. Чем относительно быстрее, по сравнению с противником, тают наши резервы, тем больше расходуем мы сил для поддержания равновесия; уже в этом обнаруживается чувствительный признак морального превосходства противника, который почти всегда вызывает в душе полководца чувство известной горечи и недооценки собствен-

ных войск. Основное, однако, заключается в том, что все войска, выдержавшие длительный бой, уподобляются более или менее перегоревшему шлаку: они расстреляли свои огнеприпасы, они растаяли, их физические и моральные силы истощены, да и мужество их, конечно, надломлено. Если, помимо численной убыли, мы будем рассматривать такую воинскую часть как организм, нам придется признать, что эта часть уже далеко не та, какой она была перед боем. Следовательно, потеря моральных сил может быть измерена, как аршином, количеством израсходованных резервов.

Таким образом, потеря пространства и недостаток свежих резервов обычно являются главными причинами, определяющими отступление; этим мы, конечно, вовсе не исключаем и не хотим отодвинуть на задний план другие причины, которые могут заключаться во внутренней связи между частями, в общем плане и пр.

Каждый бой, таким образом, является кровопролитным и разрушительным сведением счета сил как физических, так и моральных. У кого под конец останется наибольшая сумма тех и других, тот и будет победителем.

В бою потеря моральных сил являлась главной причиной, определявшей решение; когда же решение последовало, эта потеря продолжает расти и к концу действий в целом достигает своей кульминационной точки; она, таким образом, становится и средством для победителя нажить барыш на разгроме физических сил, что и составляет подлинную цель боя. Часто при общей потере порядка и единства сопротивление отдельных единиц ведет только к увеличению размеров поражения; мужество в общем подорвано, первоначальное напряжение, вызывавшееся оспариванием победы и поражения и заставлявшее забывать об опасностях, разрядилось; для большинства опасность уже представляется не как призыв к их мужеству, но как тяжкая кара. Таким-то образом уже в первый момент победы неприятельский инструмент оказывается ослабленным и притупленным, поэтому он более непригоден отвечать опасностью на опасность.

Этим-то временем и должен пользоваться победитель, дабы нажить подлинный барыш на разрушении физических

сил; лишь то, чего он добьется в этом отношении, явится его реальным плюсом. Моральные силы противника могут мало-по-малу возродиться, порядок будет восстановлен, мужество вновь воскреснет, и в большинстве случаев сохранится лишь ничтожная доля приобретенного перевеса, а порою даже и никакого. Иногда, правда редко, при разгоревшихся чувствах мести и вражды противник может даже перейти в наступление. Результаты же, достигнутые в отношении убитых, раненых, пленных и захваченных орудий, никогда не будут сняты со счета.

Потери в бою состоят преимущественно из убитых и раненых, а после боя — из пленных и из утраченных орудий. Первые в большей или меньшей мере разделяет с побежденными и победитель, последние же — нет, и потому этот вид потерь обыкновенно ложится всецело на одну из борющихся сторон или, во всяком случае, в преобладающем размере.

Поэтому во все времена, по справедливости, смотрели на орудия и пленных, как на подлинные трофеи победы и как на ее мерило, ибо в их количестве отражаются с полной несомненностью размеры победы. Даже степень морального превосходства гораздо лучше выясняется из этого, чем из какого-либо другого соотношения, особенно если сравнить с этими трофеями число убитых и раненых; здесь проявляется новая степень воздействия моральных сил.

Мы сказали, что моральные силы, уничтоженные боем и его ближайшими следствиями, постепенно снова восстанавливаются, причем часто не остается и следа их разрушения; это особенно относится к небольшим частям целого, реже — к крупным. Оно может иметь место и по отношению к значительной части вооруженных сил; государство или правительство, коим принадлежит армия, редко или никогда не смогут изгладить следы морального поражения. Здесь расценивают соотношения сил с меньшим пристрастием и с более высокой точки зрения, и по числу оставшихся в руках противника трофеев и по отношению последних к потерям убитыми и ранеными определяют с большей легкостью и неоспоримостью степень своей слабости и несостоятельности.

В общем мы не должны слишком низко расценивать

утрату равновесия моральных сил по той только причине, что они не имеют абсолютной ценности и не значатся непременно в конечной сумме достижений; эта утрата может получить такое подавляющее значение, что она с неудержимой силой опрокинет все остальные. Поэтому достижение морального перевеса может стать великой целью всех действий, о чем мы будем говорить в другом месте. Здесь мы должны рассмотреть еще некоторые первоначальные соотношения перевеса моральных сил.

Моральное влияние победы возрастает не только пропорционально размеру участвовавших в бою вооруженных сил, но растет в увеличивающейся прогрессии в зависимости как от размера боя, так и от его интенсивности. В разбитой дивизии порядок легко восстанавливается; как отдельный окоченевший член легко согревается теплотою всего тела, так и мужество разбитой дивизии быстро снова возрождается в соприкосновении с мужеством всей армии, как только дивизия к ней присоединится. Если результаты небольшой победы и не исчезнут потом бесследно, то все же частично они будут для противника потеряны. Не то бывает, когда вся армия потерпит поражение в неудачном сражении; тогда все рушится одно за другим. Один большой огонь достигает гораздо большей степени жара, чем несколько маленьких.

Другое условие, определяющее размер морального веса победы, — это численное соотношение сил, сражавшихся друг против друга. Разбить множество малыми силами — это дает не только двойной выигрыш, но и является свидетельством большого и, что самое важное, общего превосходства, встречи с которым побежденный и в будущем всегда должен опасаться. Однако, в действительности такое влияние подобных случаев е д в а з а м е т н о. В момент действия понятие о подлинных силах противника обычно столь неопределенно, оценка своих собственных сил столь неверна, что тот, на чьей стороне превосходство сил, или вовсе не признает несоответствия сил, или долгое время отказывается его признать во всем объеме, вследствие чего ему большей частью удается уклониться от морального ущерба, который должен был бы отсюда для него возникнуть. Обычно лишь позднее на страницах истории раскры-

вается эта сила, освобождаясь от зажима, в котором ее держали незнание, тщеславие, а также умный расчет; тогда она, правда, окружает ореолом славы армию и ее вождя, но ее моральный вес уже никак не может воздействовать на давно минувшие события.

Раз пленные и захваченные орудия представляют собою явления, в которых, главным образом, воплощается победа и которые составляют ее подлинную кристаллизацию, то и вся организация боя преимущественно рассчитывается на них; уничтожение противника путем физического истребления и ранений выявляется здесь как простое средство.

Стратегии нет дела до того, какое влияние это оказывает на распорядок боя; однако, сама установка боя стратегией уже связывается с этим вопросом, а именно — в отношении обеспечения собственного тыла и угрозы тылу противника. От этого в значительной степени зависит число пленных и захваченных орудий; тут тактика не всегда окажется в достаточной степени компетентною, если стратегические условия ей будут чересчур противоречить.

Угроза быть вынужденным сражаться на два фронта и еще более страшная опасность утратить последний путь отступления парализуют движения и силу сопротивления и воздействуют на альтернативу победы и поражения; кроме того, они в случае поражения увеличивают потери и доводят их порою до крайнего предела, т. е. до полного уничтожения. Таким образом, угрожаемый тыл делает поражение одновременно и более вероятным и более решительным.

Отсюда возникает верный инстинкт для всего ведения войны и в особенности для крупных и мелких боев: обеспечивать свой собственный тыл и выигрывать тыл противника; он вытекает из понятия победы, которое, как мы видим, заключает в себе не только смертоубийство, но и нечто другое.

В этом стремлении мы видим первое уточняющее определение боя, и притом чрезвычайно общее. Действительно, нельзя представить себе боя, в котором это стремление в своем одностороннем или двустороннем оформлении не выявлялось бы наряду с простым приложе-

нием силы. Даже самый мелкий отрядик не бросится на врага, не подумав о своем отступлении, и в большинстве случаев он будет покушаться на путь отступления противника.

Как часто в сложной обстановке этот инстинкт встречает препятствия на своем прямом пути, как часто он бывает вынужден уступать другим соображениям более высокого порядка,— рассмотрение всего этого завело бы нас слишком далеко; мы довольствуемся тем, что выдвигаем его как общий, естественный закон боя.

Этот инстинкт действует повсюду, всюду оказывает давление своим естественным весом и становится тем центральным пунктом, вокруг которого вертятся почти все тактические и стратегические маневры.

Если мы еще раз бросим взгляд на совокупное понятие победы, то найдем в нем три элемента:

1) большие потери физических сил противника,

2) такие же потери моральных сил и

3) открытое признание в этом, выраженное в отказе побежденного от своего намерения.

Донесения обеих сторон о размере потерь убитыми и ранеными никогда не бывают точны, редко — правдивы, а в большинстве случаев переполнены умышленными извращениями. Даже сообщения о трофеях редко бывают достоверными, и, следовательно, там, где число их не слишком значительно, остается еще место для сомнений в действительности победы. Для суждения о потерях моральных сил нет какого-либо удовлетворительного мерила, за исключением трофеев; таким образом, во многих случаях лишь отказ от боя представляется единственно верным доказательством победы. На него можно смотреть, вместе с тем, как на признание своей вины склонением знамени; в данном единичном случае выражают признание правоты и превосходства противника; эта черта унижения и позора, которую надо особо выделить из числа прочих моральных последствий нарушенного равновесия, составляет существенную черту победы. Она — единственная, которая производит впечатление на общественное мнение вне армии, воздействует на народы и правительства обеих воюющих сторон и на все другие причастные страны.

Но отказ от своего намерения не вполне тождественен с уходом с поля сражения даже в том случае, если бой был упорен и продолжителен; никто не скажет о сторожевом охранении, которое отступило после упорного сопротивления, что оно отказалось от своей задачи; даже в тех боях, которые имеют своей задачей уничтожение боевых сил противника, нельзя всегда видеть в уходе с поля сражения отказ от этого намерения, например, при преднамеренном отступлении, когда территорию отстаивают пядь за пядью. Всего этого мы коснемся тогда, когда будем говорить об особых целях боя; здесь мы хотим лишь обратить внимание на то, что в большинстве случаев отказ от своего намерения трудно бывает отличить от ухода с поля сражения и что не следует придавать слишком малое значение тому впечатлению, какое последнее произведет на армию и вне ее.

Для полководцев и армий, которые еще не приобрели прочной репутации, это составляет особо трудную сторону иногда вполне обоснованного обстановкой мероприятия; ряд боев, заканчивающихся отступлением, может производить впечатление ряда поражений, в действительности не будучи таковым, и такое впечатление может оказать чрезвычайно вредное влияние. В этом случае отступающий не в состоянии полностью бороться с этим моральным впечатлением, излагая свои действительные намерения, ибо, чтобы исполнить это с надлежащим успехом, он должен был бы целиком обнародовать свой план, что, очевидно, противоречило бы его основным интересам.

Чтобы обратить внимание читателя на особое значение этой стороны победы, мы напомним хотя бы сражение при Сооре, трофеи которого были незначительны (несколько тысяч пленных и 20 пушек) и где Фридрих Великий тем лишь подчеркнул свою победу, что еще пять дней оставался на поле сражения, хотя его отступление в Силезию уже было решено и вполне соответствовало общей обстановке. Он предполагал, что моральный вес этой победы приблизит его к миру, как он сам говорил об этом; но понадобилось еще несколько успехов — при Католиш-Геннерсдорфе, в Лузации и сражение при Кессельсдорфе, — раньше чем мир был заключен; все же никоим образом нельзя утверждать,

что моральное действие сражения при Сооре равнялось нулю[1].

Если победой будут потрясены преимущественно моральные силы и если вследствие этого поднимется до неслыханных размеров число трофеев, то проигранный бой становится полным поражением, которое, следовательно, является результатом не всякой победы. Так как при подобном поражении моральные силы побежденного разлагаются в гораздо большей степени, то часто наступает полнейшая неспособность к сопротивлению, и вся дальнейшая деятельность сводится к уклонению от боя, т. е. к бегству.

Иена и Бель-Альянс[2] полны поражения. Бородино же — нет.

Не впадая в педантизм, нельзя указать какой-либо единичный признак в качестве грани, так как эти явления различаются лишь в степенях; но очень важно для ясности теоретических представлений установить понятия, характеризующие центральную часть явлений. Недостаток нашей терминологии: о д н и м и тем же словом мы обозначаем как победу при полном поражении противника, так и победу при обычной его неудаче.

Глава V

О ЗНАЧЕНИИ БОЯ

После того как в прошлой главе мы рассмотрели бой в его абсолютном оформлении, подобном уменьшенной картине всей войны, обратимся теперь к тем отношениям, в которых бой как часть большого целого находится к другим частям. Прежде всего поставим вопрос о ближайшем значении, какое может иметь бой.

Так как война является взаимным уничтожением, то, казалось бы, и в нашем представлении, а может быть и в действительности самым естественным было бы, чтобы обе

---

[1] Все три сражения, о которых говорит Клаузевиц, имели место в 1745 г., во время 2-й Силезской войны. — Р е д.

[2] Бель-Альянс — старинное название сражения при Ватерлоо. — Р е д.

стороны сосредоточили в огромный кулак все свои силы и исход вверили одному объединенному удару этих масс. Несомненно, это представление содержит много правды и, повидимому, в общем чрезвычайно полезно его придерживаться и смотреть поэтому на мелкие стычки, как на неизбежный отход, своего рода стружки. Между тем, дело никогда так просто не делается.

Что число боев растет с раздроблением сил, понятно само собою; ближайшие цели частных боев будут поэтому рассмотрены совместно с вопросом о разделении сил. Но эти цели и вместе с ними всю массу боев можно в общем разделить на известные классы; для ясности нашего рассмотрения необходимо теперь же с ними познакомиться.

Конечно, уничтожение неприятельских сил составляет цель каждого боя; однако, с ним могут быть связаны и другие цели, причем последние могут даже преобладать в отдельных случаях; отсюда нам следует различать те случаи, когда уничтожение сил противника составляет главную задачу, от тех, когда оно является скорее средством. Помимо уничтожения неприятельских сил, общим назначением боев может быть обладание каким-либо пунктом или предметом; одновременно может иметь место одно из этих назначений или же несколько сразу; в последнем случае, однако, одно из них будет первенствующим. Обе основные формы войны — наступление и оборона, — о которых мы скоро будем говорить, не изменяют первого из этих трех назначений боя, но безусловно видоизменяют оба последние, и на этом основании мы могли бы составить следующую таблицу:

Наступательный бой	Оборонительный бой
1. Уничтожение неприятельских сил.	1. Уничтожение неприятельских сил.
2. Захват пункта.	2. Оборона пункта.
3. Захват предмета.	3. Оборона предмета.

Однако, эти три назначения, повидимому, не исчерпывают всего объема этой области; вспомним о рекогносцировках и демонстрациях, при которых, очевидно, ни один из трех вышеуказанных объектов не составляет цели боя. Таким образом, возможно допустить еще четвертый класс. Строго

говоря, при рекогносцировках, когда мы хотим заставить неприятеля обнаружить свои силы, при тревогах, когда мы думаем его утомить, при демонстрациях, когда мы его хотим задержать на месте или заставить направиться на другой пункт, — все эти цели достигаются не непосредственно, а лишь под видом одной из трех вышеприведенных задач, обычно второй, ибо противник, желающий произвести рекогносцировку, должен показать вид, будто он действительно имеет намерение напасть на нас и разбить или выбить из позиции и т. д. Однако, эта фикция не есть действительная цель, а мы ставим вопрос лишь о последней; поэтому к этим трем целям нападающего мы должны еще добавить четвертую, заключающуюся в том, чтобы принудить противника к ложному для него шагу, или, иными словами, дать демонстративный бой. Такая цель мыслима лишь при наступлении, что вытекает из природы дела.

С другой стороны, надо заметить, что оборона какого-нибудь пункта может быть двух родов: безусловная, когда этот пункт вообще не должен быть сдан, или относительная, когда он нужен лишь временно. Последнее весьма часто имеет место в столкновениях сторожевых частей или арьергардов.

Что природа этих различных назначений боя оказывает существенное влияние на его организацию, — ясно само собою. Иначе будут действовать, когда просто хотят вытеснить с позиции неприятельский отряд, чем когда его хотят разбить наголову; иначе — когда хотят защищать какой-нибудь пункт во что бы то ни стало, чем когда стремятся лишь к тому, чтобы на время задержать неприятеля: в первом случае мало заботятся об условиях отступления, во втором они представляют самое существенное и т. д.

Но все эти соображения относятся к области тактики и приводятся нами здесь лишь в качестве примера для большей ясности. То, что стратегия имеет сказать об этих различных целях боя, найдет себе место в тех главах, которые коснутся этих целей. Ограничимся здесь лишь несколькими общими замечаниями: первое — то, что значение целей уменьшается приблизительно в том порядке, в каком у нас они помещены выше; второе, — что первая

цель должна всегда преобладать в генеральном сражении; и, наконец, что обе последние цели при оборонительном бое не сулят, собственно говоря, никаких выгод; они совершенно негативны и могут явиться полезными лишь косвенным образом в том случае, когда они облегчают достижение чего-то иного, позитивного. **Поэтому для стратегического положения является плохим признаком, когда подобного рода бои учащаются.**

Глава VI

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ БОЯ

Если мы будем рассматривать бой не сам по себе, а в отношении его к вооруженным силам, то его продолжительность приобретает своеобразное значение.

На продолжительность боя надо до известной степени смотреть, как на некий результат второстепенного порядка. Для победителя бой никогда не заканчивается слишком быстро, для побежденного он никогда не длится слишком долго. Быстрота победы представляется высшим ее достижением [1]; поздний исход при поражении представляет некоторое возмещение неудачи.

В общем это так, но практически это становится важным в применении к тем боям, значение которых сводится к относительной обороне.

Здесь весь успех часто заключается в одной лишь продолжительности боя. На этом основании мы ее вводим в число стратегических элементов.

Продолжительность боя находится в зависимости от его существенных данных. Эти данные следующие: абсолютная численность войск, соотношение сил и родов войск обеих сторон и характер местности. 20 000 человек не так быстро перемалываются друг об друга, как 2 000; противнику, вдвое или втрое сильнейшему, нельзя противостоять так же долго, как противнику, равному по силам; кавалерий-

[1] В оригинале — высшей потенцией. — Ред.

ский бой разрешается скорее, чем бой пехоты, а бой одной пехоты скорее, чем бой пехоты в соединении с артиллерией; в горной и лесистой местности не так быстро продвигаются, как на равнине; все это ясно само собою.

Отсюда следует, что если бой должен достигнуть результата своей продолжительностью, то необходимо иметь в виду численность войск, соотношение родов войск и их расположение. Впрочем, это правило является для нашего рассмотрения маловажным; мы хотим лишь связать с ним главные результаты, которые по этому предмету нам дает опыт.

Сопротивление, которое может оказать обыкновенная дивизия из 8 000—10 000 человек всех родов войск, длится, даже против значительно превосходящих сил неприятеля и при не вполне благоприятной местности, все же несколько часов, а если противник мало превосходит ее силами или равен ей, то, пожалуй, и полдня; корпус, состоящий из 3 или 4 дивизий, может выиграть вдвое большее время, армия в 80 000—100 000 человек — втрое или вчетверо больше. Следовательно, на указанный период эти массы могут быть предоставлены самим себе, и бой явится не раздробленным, если тем временем можно подвести остальные силы; действие последних тогда быстро сливается в одно целое с результатами, достигнутыми разгоревшимся боем.

Эти цифры мы почерпнули из опыта; но нам также важно полнее охарактеризовать момент решения боя и, следовательно, его окончания.

Глава VII

РЕШЕНИЕ БОЯ

Никогда решение боя не наступает в один определенный момент, хотя в каждом бою бывают моменты величайшей важности, которые главным образом и обусловливают его участь. Таким образом, проигрыш боя есть постепенное опускание чаши весов. Но во всяком сражении наступает такой момент, когда его можно считать решенным, так что возобновление боя явилось бы началом нового боя, а

не продолжением старого. Весьма важно составить ясное представление об этом моменте, чтобы иметь возможность решить, можно ли еще возобновить с пользой бой при помощи подоспевших подкреплений.

Часто в боях, неудачное течение которых исправить уже невозможно, жертвуют понапрасну новыми силами; но часто пропускают и случай вырвать победу там, где это еще возможно. Вот два примера, ярко это доказывающие.

В 1806 г. под Иеной принц Гогенлое принял с 35 000 человек сражение против 60 000 или 70 000 человек Бонапарта и проиграл его, но так проиграл, что эти 35 000 были как бы совершенно разгромлены; тогда генерал Рюхель попытался возобновить сражение с 12 000 человек; последствием этого был мгновенный разгром и этих 12 000.

В тот же день под Ауэрштедтом сражались 25 000 пруссаков против 28 000 человек корпусов Даву; хотя до полудня бой был и неудачен, однако, войска далеко еще не находились в состоянии разложения, и потери пруссаков не превышали потерь противника, у которого вовсе не было кавалерии, — тут упустили случай использовать 18 000 человек резерва генерала Калькрейта, чтобы дать сражению новый оборот; при таком использовании свежего резерва сражение не могло быть проиграно.

Каждый бой составляет одно целое, в котором частичные бои сливаются в один общий результат. В этом общем результате и заключается решение боя. Этот результат не должен быть непременно победой в том смысле, как мы ее изобразили в VI главе [1], ибо часто бой не имел соответственной установки, а иногда для этого не представлялось подходящего случая, так как противник мог слишком рано отступить; но в большинстве случаев, даже там, где имело место упорное сопротивление, решение наступает раньше, чем разовьется тот успех, который, собственно, и составляет сущность понятия победы.

Итак, мы ставим вопрос: когда же наступает обычно момент решения, т. е. тот момент, когда новые, конечно, соразмерные, силы уже не могут изменить несчастного исхода боя?

---

[1] Вероятно, в IV главе 4-й части. — Ред.

Если оставить в стороне демонстративные бои, которые по самой своей природе не допускают решения, то такими моментами будут:

1. Когда целью боя было обладание подвижным предметом, то решительным моментом явится утрата этого предмета.

2. Когда такою целью было обладание участком местности, то в большинстве случаев решительным моментом явится также его утрата, но не всегда, а именно лишь в том случае, когда этот участок был особо силен в оборонительном отношении; участок, легко доступный, как бы он ни был важен в других отношениях, может быть снова занят без особых трудностей.

3. Во всех остальных случаях, когда оба эти обстоятельства еще не решают боя, — следовательно, когда уничтожение неприятельских сил составляет главную цель, — решение наступает в тот момент, когда победитель перестает находиться в состоянии расстройства и, следовательно, известного бессилия, и таким образом прекращается возможность выгодного использования последовательного напряжения сил, о котором мы говорили в XII главе 3-й части. По этой-то причине мы и отнесли к этому моменту стратегическое единство боя.

Таким образом, бой, в котором успевающая сторона вовсе не вышла из состояния порядка и дееспособности или утратила таковые лишь в малой части своих сил, в то время как наши силы более или менее расстроились, — такой бой восстановить уже нельзя, как нельзя его восстановить в том случае, когда противник успел вполне восстановить свою боеспособность.

Следовательно, чем меньше та часть вооруженных сил, которая непосредственно сражается, и чем больше та их часть, которая в качестве резерва своим простым присутствием участвует в достижении решения, тем менее возможности у свежих частей противника вновь вырвать у нас из рук победу. Тот полководец и та армия, которые достигли наибольшего в смысле ведения боя с наивысшей экономией сил и используют в наибольшей мере моральное действие сильных резервов, идут по наиболее верному пути к победе. В последнее время приходится признать за фран-

цузами, особенно под командой Бонапарта, огромное мастерство в этом отношении.

Далее, момент, когда у победителя проходит состояние боевого кризиса и к нему возвращается его прежняя дееспособность, наступает тем скорее, чем данная единица меньше. Конный сторожевой пост, карьером преследующий противника, в несколько минут снова перейдет в прежний порядок, и кризис продолжается у него только это время; целому кавалерийскому полку потребуется на это больший срок; еще больше — для пехоты, если она рассыпалась в стрелковые цепи, и, наконец, еще больше времени требуется для отряда из всех родов войск, когда одна часть его развернулась на одном случайном направлении, другая — на другом, и бой, таким образом, вызвал нарушение порядка, усиливающееся обыкновенно еще и тем, что ни одна часть толком не знает, где находятся другие. Тут-то наступает момент, когда победитель снова собирает бывший в употреблении инструмент, который весь перемешался и пришел в беспорядок, как-то его устраивает, размещает на подходящем месте и таким образом вновь приводит в порядок свою боевую мастерскую; такой момент наступает всегда тем позже, чем крупнее была войсковая часть.

Указанный момент еще более запаздывает, если ночь застает победителя в состоянии кризиса и, наконец, если местность пересеченная и закрытая. Но к этим двум пунктам следует добавить, что ночь — сильное с р е д с т в о з а щ и т ы, ибо обстановка лишь редко складывается так, что можно ожидать успеха от ночных нападений, как это было, например, 10 марта 1814 г. под Ланом[1], где Иорк явил прекрасный пример при столкновении с Мармоном. Точно так же закрытая и пересеченная местность может дать защиту победителю, переживающему затянувшийся кризис, против возможной реакции. Таким образом, оба эти обстоятельства — ночь и закрытая пересеченная местность — скорее затрудняют, чем облегчают возобновление того же самого боя.

[1] По распространенной неверной транскрипции — Лаоном. — Р е д.

До сих пор мы рассматривали помощь, спешащую к той стороне, которая близка к поражению, лишь как простое увеличение ее вооруженных сил, т. е. как непосредственно сзади подходящее подкрепление, что обычно и имеет место. Совсем иным является случай, когда эта помощь выйдет на фланг или в тыл противника.

О действительности атаки с фланга и тыла, поскольку это касается стратегии, мы поговорим в другом месте; атака, которую мы здесь имеем в виду при восстановлении боя, относится преимущественно к области тактики; мы заговорили о ней лишь потому, что здесь мы ведем речь о результатах тактических действий и должны вторгнуться с нашими представлениями в область тактики.

Направление сил во фланг или в тыл неприятеля может значительно усилить их действенность; последнее, однако, не является непременным результатом; такое направление может точно так же и очень ослабить их действие. Конкретные условия, в которых происходит бой, решают этот вопрос, как, впрочем, и все другие вопросы, и мы не можем сказать ничего более подробного. Для нас в настоящее время важны два пункта: во-первых, *атаки с фланга и тыла, как общее правило, влияют более на размеры успеха после исхода боя, чем на самый исход*. А между тем, при восстановлении боя самое важное искать благоприятного решения, а не размеров успеха. С этой точки зрения надо бы считать, что подоспевшее к нам для восстановления боя подкрепление будет действовать менее выгодно для нас, когда оно направлено в тыл или фланг противника, так как действует раздельно от нас, чем когда оно непосредственно к нам присоединяется. Несомненно, во многих случаях это будет так; однако, надо сказать, что большинство случаев свидетельствует об обратном, и притом по причине, указанной во втором пункте, имеющем для нас в данном случае особую важность.

Этот второй пункт заключается в *моральной силе внезапности, которая, как общее правило, сопровождает появление подоспевшего для восстановления боя подкрепления*. Действие внезапности при атаке с фланга и с тыла всегда

бывает особенно сильно, и сторона, находящаяся в состоянии сопровождающего победу кризиса, при ее растянутом и разбросанном положении мало способна противодействовать этой внезапности. Всякому ясно, что удар во фланг или в тыл, имеющий мало значения в начале боя, когда силы еще сосредоточены и подготовлены к такой случайности, получит совершенно иной вес в последний момент боя.

Таким образом, приходится признать, что в большинстве случаев помощь, вышедшая на фланг или тыл неприятеля, будет гораздо более действительной; она явится таким же грузом, но давящим на более длинный рычаг. При таких обстоятельствах восстановление боя можно предпринять с силами, которых оказалось бы недостаточно, если бы их использовать в прямом направлении. Тут последствия не поддаются никакому расчету, так как преобладание полностью получают моральные силы и открывается широчайшее поле для отваги и риска.

Эти вопросы не должны ускользнуть от нашего внимания, и все эти моменты взаимодействующих сил должны быть учтены, когда в сомнительном случае приходится принимать решение, можно ли восстановить бой, клонящийся к поражению, или нет.

Если данный бой нельзя еще рассматривать как уже законченный, то новый бой, открывающийся при посредстве подоспевшего подкрепления, сливается воедино с предыдущим в одном общем результате. Не так бывает, когда бой уже окончательно решен; тут получаются два отдельных результата. Если подоспевшее подкрепление представляет силу лишь относительно, т. е. если само по себе оно не может сравняться с неприятелем, то трудно рассчитывать на успешный исход этого второго боя; если же оно достаточно сильно для того, чтобы предпринять второй бой, не считаясь с результатом первого, то хотя подкрепление и может возместить неудачу первого боя успехом второго, но совершенно вычеркнуть первый из общего подсчета оно не может.

В сражении под Куннерсдорфом Фридрих Великий с первого же натиска захватил левое крыло русской позиции и

взял 70 орудий, но к концу сражения и то и другое было утрачено, и весь результат первого боя был вычеркнут со счета. Если бы было возможно остановиться на первом успехе и отложить вторую часть боя до следующего дня, то, даже если бы Фридрих и проиграл это второе сражение, все же успехи первого могли бы уравновесить неуспех второго.

Но если удалось овладеть течением неудачного боя и повернуть его в свою пользу еще до окончания, то не только исчезает из нашего счета связанный с ним минус, но он становится основанием еще большей победы. В самом деле, если ясно представить себе тактический ход боя, то легко убедиться, что до его завершения все результаты частичных боев представляют собою как бы условные приговоры, которые не только аннулируются общим успехом, но и могут получить совершенно обратное значение. Чем больше наши вооруженные силы разгромлены, тем больше о них разбилось неприятельских сил, тем, следовательно, сильнее будет кризис и у неприятеля и тем больший перевес получат наши свежие подкрепления. Если конечный результат обернется в нашу пользу, если мы вырвем из рук неприятеля поле сражения и захваченные им трофеи, то все затраченные им ради них силы окажутся нашей чистой прибылью, а наше начальное поражение обратится в ступень к более высокому триумфу. Самые блестящие военные подвиги, которые в случае победы так высоко подняли бы имя нашего противника, что он мог бы и не считаться с потерями, оставляют по себе теперь лишь сожаление о напрасно принесенных жертвах. Так очарование победы и проклятие поражения изменяют специфический вес частностей.

Даже тогда, когда мы решительно превосходим силами противника и можем отплатить ему за нанесенное нам поражение еще большим, все же гораздо лучше предупредить неблагоприятный исход сколько-нибудь значительного боя и постараться обратить его в свою пользу, чем давать второе сражение.

Фельдмаршал Даун в 1760 г. пытался притти на помощь генералу Лаудону под Лигницем, пока последний еще вел

бой; но когда этот бой закончился неудачей, он уже не пробовал напасть на короля на следующий день, хотя сил у него было достаточно.

Поэтому кровопролитные авангардные бои, предшествующие сражению, должны рассматриваться как необходимое зло; там, где в них не является необходимость, их следует избегать.

Нам надо рассмотреть еще другое следствие.

Раз законченный бой представляет собою дело завершенное, то он не может служить основанием для того, чтобы решиться на другой бой; решение на новый бой должно вытекать из условий обстановки в целом. Однако, подобному выводу противится известная моральная сила, с которой нам приходится считаться: чувство мести и жажда возмездия. Они живут в душе всякого, начиная с полководца и кончая самым младшим барабанщиком, и никогда армия не бывает лучше настроена, чем когда дело идет о том, чтобы загладить понесенную неудачу. Но это имеет место лишь при предпосылке, что разбитая часть не составляет слишком значительной доли целого; иначе это чувство угаснет в сознании своего бессилия.

Поэтому вполне естественна тенденция использовать эту моральную силу, чтобы вернуть утраченное, и затем, если прочие обстоятельства не препятствуют, добиваться второго боя.

Естественно, что этот второй бой будет по большей части наступательным.

В целом ряде второстепенных боев можно найти много примеров такой отместки; но крупные сражения обычно имеют слишком много других оснований, определяющих их возникновение, чтобы их могла породить такая сравнительно слабая сила.

Бесспорно, подобное чувство руководило 14 февраля 1814 г. благородным Блюхером, когда он, после того как два его корпуса за три дня перед тем были разбиты под Монмиралем, решил пойти с третьим на это же поле сражения. Если бы он знал, что застанет там самого Бонапарта, то, конечно, более веские основания побудили бы его отложить свою месть, но он рассчитывал отплатить Мармону, и, вместо того чтобы пожать плоды своей благород-

ной жажды возмездия, он потерпел поражение из-за ошибочности своего расчета.

Расстояние, на котором можно держать одну от другой войсковые массы, предназначенные для **совместного** ведения боя, находится в зависимости от продолжительности боя и от момента его решения. Эта группировка относится к тактике, поскольку она имеет в виду один и тот же бой; однако, на нее можно смотреть с этой точки зрения лишь тогда, когда группировка настолько тесна, что два отдельных боя немыслимы и что, таким образом, пространство, занимаемое целым, стратегически может рассматриваться как точка. Но на войне часто встречаются случаи, когда силы, предназначенные для **совместного** нанесения удара, приходится располагать так далеко друг от друга, что хотя их соединение для совместного боя и представляет главную задачу, однако, не исключается и возможность раздельных боев. Такая группировка является, следовательно, стратегической.

Подобная стратегическая группировка бывает при совершении маршей отдельными массами и колоннами, при наличии авангардов и отдельных резервов, следующих по промежуточным (боковым) путям и назначенных служить подкреплением более чем одному стратегическому пункту, при сосредоточении отдельных корпусов с широких квартир и т. д. Мы видим, что с такой группировкой приходится иметь дело постоянно; она составляет как бы разменную монету в стратегическом хозяйстве, в то время как генеральные сражения и все то, что стоит с ними наравне, представляют золотую монету и талеры.

Глава VIII

ОБОЮДНОЕ СОГЛАСИЕ НА БОЙ

Ни один бой не может произойти без согласия на то обеих сторон; из этой идеи, составляющей всю основу поединка, возникла фразеология историков, которая часто приводила ко многим неопределенным и ошибочным представлениям.

Рассуждения писателей часто вращаются около того пункта, что такой-то полководец предложил сражение другому, а последний его не принял.

Между тем, бой представляет собою чрезвычайно видоизмененную дуэль, и его основа заключается не только в обоюдной жажде борьбы, т. е. в обоюдном согласии, но и в целях, которые связываются с боем; эти последние всегда относятся к более крупному целому; ведь даже война в целом, рассматриваемая как единая борьба, имеет политическую цель и поставлена в политические условия, относящиеся к другому, более обширному целому. Таким образом голое желание одного победить другого совершенно отходит на второй план или, вернее, совершенно перестает быть чем-то самодовлеющим; на него можно смотреть лишь как на нерв, побуждающий к движению во исполнение воли высшего порядка.

У древних народов, а затем и в первое время по возникновении постоянных армий, выражение — тщетно предложить неприятелю бой — все же имело больше смысла, чем в наши дни. У древних народов действительно все было рассчитано на то, чтобы помериться между собою в борьбе в открытом поле, без всяких помех, и все военное искусство заключалось в организации и построении армии, т. е. в боевом порядке.

Так как их армии всякий раз неукоснительно окапывались в своих лагерях и на позицию, занимаемую лагерем, смотрели, как на нечто неприкосновенное, то бой становился возможным лишь тогда, когда противник покидал свой лагерь и выходил на доступную местность, как бы выступая на арену.

Поэтому, когда говорят, что Ганнибал тщетно предлагал сражение Фабию, то это по отношению к последнему ничего не выражает, кроме того, что сражение не входило в его планы, а это еще не доказывает ни морального, ни материального превосходства Ганнибала; но по отношению к Ганнибалу это выражение все же правильно, ибо оно гласит, что Ганнибал действительно желал боя.

В первые времена постоянных армий новой истории подобные же условия сопровождали крупные бои и сражения Большие массы вводились в бой и действовали в бою в об-

щем боевом порядке; эти массы как одно беспомощное, неповоротливое целое нуждались в более или менее равнинной местности и оказывались совершенно непригодными для нападения и даже для обороны на очень пересеченной лесистой или гористой местности. Таким образом, обороняющаяся сторона и здесь до известной степени находила возможность уклоняться от боя. Эти условия, постепенно ослабевая, все же сохранились вплоть до первых Силезских войн, и лишь во время Семилетней войны нападение на противника, даже на малодоступной местности, все более и более начало входить в обычай и практику; правда, недоступная местность не переставала и дальше служить началом, подкрепляющим того, кто ею пользовался, но она уже перестала быть тем заколдованным кругом, который зачаровывал природные силы войны.

За последние 30 лет[1] война еще более сложилась в этом направлении, и тому, кто действительно ищет решения посредством боя, ничто не может помешать: он волен отыскать своего противника и атаковать его; если он этого не делает, то о нем нельзя сказать, что он желает боя, и выражение, что он якобы предлагал сражение, которое его противник не принял, означает лишь то, что он не нашел достаточно выгодных для себя условий для боя; это будет уже признанием, к которому указанное выражение вовсе не подходит и которое оно стремится лишь затуманить.

Правда, обороняющаяся сторона, если она оставит занимаемую позицию и откажется от связанной с ней роли, может и теперь если не отказаться от боя, то уклониться от него; но тогда для атакующего в этом результате будет заключаться уже полупобеда и признание его временного превосходства.

Поэтому в наши дни этот род представлений, относящийся к дуэли, не может применяться для скрашивания словесным триумфом бездействия того, за кем почин действий, т. е. наступающей стороны. Теперь обороняющийся, пока не отступит, может считаться желающим боя; он

[1] Т. е. с начала революционных войн. — Ред.

может, конечно, заявить, если на него не нападают, что он-де предлагал бой, если бы это не разумелось само собой.

С другой стороны, в настоящее время армию, желающую и имеющую возможность уклониться от боя, принудить к бою нелегко. А так как нападающего не всегда удовлетворят те выгоды, которые он приобретает благодаря такому уклонению противника, и действительная победа становится для него настоятельной необходимостью, то порою изыскиваются и применяются с большим искусством те немногие средства, какие существуют, чтобы *такого* противника *принудить к бою.*

Главнейшими средствами для этого служат: во-первых, окружение противника, дабы сделать для него отступление невозможным или настолько затруднительным, что он предпочтет принять бой, и, во-вторых, внезапное нападение на него. Последний прием, который в прежние времена находил свое основание в беспомощности всех движений, в наши дни оказывается весьма малодейственным. При своей гибкости и подвижности современные армии уже не боятся начинать отступление даже на глазах противника, и лишь особо неблагоприятные условия местности могут причинить значительные затруднения.

Подобный случай представляет сражение при Нересгейме, которое эрцгерцог Карл дал Моро в суровой альпийской местности 11 августа 1796 г. исключительно с целью облегчить себе отступление; впрочем, признаемся, мы в данном случае никогда не могли полностью разобраться в ходе мыслей этого знаменитого полководца и военного писателя.

Сражение при Росбахе представляет другой пример, поскольку главнокомандующий армиями союзников действительно не имел намерения атаковать Фридриха Великого.

О сражении у Соора король сам сказал, что он принял бой лишь потому, что отступление перед лицом неприятеля ему показалось опасным; впрочем, король приводит и другие основания для принятия этого сражения.

В общем надо сказать, что, исключая подлинные ночные нечаянные нападения, такие примеры бывают крайне редко, а случаи, когда противник бывал вынужден к бою

вследствие окружения, встречаются лишь по отношению к отдельным корпусам, как, например, по отношению к корпусу Финка у Максена.

Глава IX

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Решение его

Что такое генеральное сражение? Это бой главной массы вооруженных сил, но, конечно, бой не маловажный, не преследующий второстепенную цель, не простая попытка, от которой тотчас же отказываются, едва только убедятся, что достигнуть цели будет трудно, а бой с полным напряжением сил за подлинную победу.

И в генеральном сражении к главной цели могут быть примешаны цели побочные; и оно может принять разнообразные оттенки в зависимости от обстоятельств, которые его вызвали, ибо и генеральное сражение связывается с более крупным целым, частью которого оно является. Но так как существо войны есть бой, а генеральное сражение есть бой главных сил, то на него следует смотреть как на действительный центр тяжести войны. В общем отличительной чертой этого сражения является то, что оно, более чем всякий другой бой, происходит само по себе.

Это влияет на характер его решения, на последствия одержанной в нем победы и определяет его ценность для теории как средства к достижению цели. Поэтому мы делаем его предметом нашего особого рассмотрения, и притом именно здесь, еще до упоминания о тех специальных целях, которые с ним могут быть связаны, но которые, если только бой заслуживает названия генерального сражения, не могут изменить существенным образом его характера.

Раз генеральное сражение происходит, главным образом, само по себе, то причины его решения должны заключаться в нем самом; другими словами, в генеральном сражении надо добиваться победы до тех пор, пока к тому представляется хотя бы малейшая возможность; отказаться от нее можно не из-за каких-либо частных обстоятельств, а лишь

единственно тогда, когда выяснится совершенная недостаточность сил.

Как же ближе определить этот момент?

Когда известный искусственный порядок и расстановка войск, как это довольно долго имело место в новейшем военном искусстве, составляли главное условие, при котором храбрость войска могла добиться победы, то решением являлось расстройство этого порядка. Крыло, разбитое и расшатанное до основания, решало и судьбу еще державшихся частей. Когда в другую эпоху сущность обороны заключалась в тесном единении армии с местностью, на которой она сражалась, с ее неровностями и преградами, так что армия и позиция составляли одно целое, тогда захват важного пункта этой позиции являлся решением. Говорили: ключ позиции утрачен, а потому дольше защищать ее нельзя, дольше продолжать бой невозможно. В обоих случаях разбитые армии напоминали лопнувшие струны инструмента, не годные к дальнейшему употреблению.

Как первое, геометрическое, начало, так и второе, географическое, имели тенденцию создавать в сражавшейся армии состояние напряжения, подобное охватывающему все частицы кристалла, что не позволяло использовать все наличные силы до последнего солдата. В настоящее время эти начала по меньшей мере настолько утратили влияние, что не являются господствующими. И теперь армия вступает в бой в известном порядке, но этот порядок не составляет решающего момента; и теперь еще пользуются неровностями местности для усиления обороны, но они не составляют единственной точки опоры.

Во II главе этой части мы пытались окинуть общим взглядом природу современного сражения. Согласно картине сражения, которую мы себе составили, боевой порядок является лишь правильным расположением боевых сил для наиболее удобного их использования, а ход боя есть взаимное медленное истребление этих сил в их столкновениях друг с другом, имеющее целью выяснить, который из двух противников будет истощен раньше другого.

Таким образом, решение отказаться от продолжения боя исходит в генеральном сражении, более чем в каком-либо

другом, из соотношения между уцелевшими свежими резервами, какими располагает та и другая сторона; ибо лишь они еще обладают всеми своими моральными силами, и с ними нельзя равнять выгоревшие вследствие действия разрушительной стихии боя шлаки, представляемые расстрелянными и расстроенными батальонами. Потерянное пространство также служит мерилом утраты моральных сил, как мы говорили в другом месте; с ним тоже следует считаться, но преимущественно как с признаком понесенной утраты, а не как с непосредственной утратой; количество же свежих резервов всегда остается главным пунктом, приковывающим к себе внимание обоих полководцев.

Обыкновенно сражение с самого начала принимает, хотя и довольно неприметным образом, известный оборот. Часто этот оборот уже заранее резко предопределен мероприятиями, имеющими в виду сражение; такой случай свидетельствует о недостатке проницательности со стороны того полководца, который начинает бой при таких неблагоприятных условиях, не отдавая себе в них отчета. Однако, и там, где это не имеет места, ход сражения представляет собой по природе вещей преимущественно медленное изменение равновесия; вначале, как мы указали, оно неприметно, но позднее с каждым новым моментом все более усиливается и становится явным; такое понимание хода генерального сражения ближе к истине, чем уподобление его качанию маятника, колеблющегося справа налево, как обычно его мыслят под влиянием искаженных описаний сражений.

Пусть даже равновесие долгое время остается мало нарушенным или даже, будучи нарушено в одну сторону, оно снова восстанавливается, чтобы быть нарушенным в другую, все же несомненно, что в большинстве случаев побежденный полководец предвидит исход сражения задолго до отступления и что случаи, когда какая-нибудь частность влияет неожиданно и сильно на ход сражения в целом, по большей части встречаются лишь в тех измышлениях, которыми всякий старается скрасить рассказ о своем поражении.

Здесь мы можем лишь сослаться на суждение опытных и беспристрастных людей, которые, несомненно, подтвер-

дят наши слова и будут отстаивать наш взгляд перед теми из наших читателей, которые не знакомы по собственному опыту с войной. Доказательство неизбежности такого хода сражения в силу его природы завело бы нас слишком глубоко в область тактики, к которой эта тема относится; мы же здесь имеем дело лишь с результатом тактических действий.

Когда мы говорим: побежденный полководец обыкновенно предвидит неудачный исход сражения задолго до того момента, когда он решится отказаться от продолжения боя, мы все же допускаем возможность и обратных случаев, ибо иначе мы высказывали бы противоречивое по существу положение. Если бы при всяком решительном обороте, какой принимает сражение, на него приходилось смотреть, как на сражение уже проигранное, то не стоило бы затрачивать больше сил на то, чтобы дать сражению другое течение, и значит указанный решительный оборот не должен был бы намного предшествовать моменту отступления. Правда, бывают случаи, когда сражение приняло уже весьма решительный оборот в определенном направлении, и все же решения в нем сменялись одно за другим; но это — случаи не обычные, а, напротив, крайне редкие. На такой-то случай и рассчитывает каждый полководец, к которому счастье повернулось спиной, и он обязан на него рассчитывать до тех пор, пока у него остаются малейшие шансы, что дело повернется в его пользу. Такую перемену он надеется вызвать увеличением напряжения, повышением еще имеющихся моральных сил, тем, что он превзойдет самого себя или, наконец, уцепится за счастливую случайность. Он продолжает вести дело до тех пор, пока борющиеся в нем храбрость и проницательность не разрешат между собою вопроса. Об этом мы поговорим несколько подробнее, но раньше укажем на признаки утраченного равновесия.

Исход сражения в целом состоит из суммы результатов всех частных боев; последние же запечатлеваются в трех различных видах.

Во-первых, в простой моральной силе сознания вождей. Если начальник дивизии видел, как были разбиты его батальоны, то это отразится на его поведении и на его доне-

сениях, а последние в свою очередь окажут влияние на мероприятия главнокомандующего. Таким образом, даже те неудачные частные бои, которые, повидимому, потом заглаживаются, не пропадают в смысле их результатов, и впечатления от них суммируются в душе полководца без всякого его старания и даже против его воли.

Во-вторых, в более быстром таянии наших войск, что при медленном, малоподвижном течении современных сражений установить нетрудно.

В-третьих, в потере пространства.

Все эти данные служат для глаза полководца верным компасом, чтобы определить направление, какое принимает корабль его сражения. Если у него потеряны целые батареи, а у неприятеля не взята ни одна; если целые батальоны его пехоты опрокинуты неприятельской конницей, между тем как батальоны противника всюду стоят непроницаемой массой; если линия огня его боевого порядка против воли отодвигается назад с одного места на другое; если для захвата известных пунктов производятся напрасные усилия, а подходящие батальоны каждый раз рассыпаются от хорошо организованного града картечи; если огонь наших батарей начинает ослабевать под действием орудийного огня противника; если наши стоящие под огнем противника батальоны чересчур быстро тают, ибо вместе с ранеными уходят толпами здоровые; если, благодаря нарушению общего плана сражения, отдельные части отрезываются и берутся в плен; если самому отступлению начинает угрожать опасность, — то полководец вынужден опознать во всех этих явлениях тот оборот, какой для него принимает сражение. Чем дольше продолжается ход сражения в таком направлении, чем оно становится определеннее, тем труднее будет поворот колеса, тем быстрее приближается мгновение, когда полководец вынужден будет отказаться от боя; об этом-то моменте мы и хотим теперь поговорить.

Мы уже неоднократно высказывали, что главным основанием для окончательного решения является по большей части численное соотношение резервов, оставшихся нетронутыми у той и у другой стороны; тот полководец, который видит резкий перевес своего противника в этом отно-

шении, решается на отступление. Особенностью современных сражений как раз является то, что все неудачи и потери, имеющие место в течение их хода, могут быть исправлены введением свежих сил, ибо современные боевые порядки и способ, которым войска вводятся в бой, допускают пользование ими почти повсюду и во всяком положении. Поэтому пока у полководца, для которого, повидимому, сражение принимает неблагоприятный оборот, еще имеется перевес резервов, он не откажется от дела. Но с того момента, как его резервы начинают становиться слабее, чем резервы противника, надо считать решение как бы предуказанным, и то, что он еще предпримет, зависит отчасти от конкретной обстановки, отчасти от степени мужества и стойкости полководца, данных ему от природы; последние, впрочем, порою могут переходить в неразумное упрямство. Каким образом полководцу удается определить соотношение резервов обеих сторон — это дело специального навыка и умения, о которых здесь во всяком случае не место говорить; нас интересует лишь результат, складывающийся в его суждении. Но этот результат еще не является самым моментом решения, ибо мотиву, возникающему постепенно, это не подобает; он является лишь общей направляющей решения, а последнее, чтобы быть принятым, требует еще особых побуждений. Таких постоянно повторяющихся побуждений, главным образом, два, а именно: угроза пути отступления и наступление ночи.

Если отступлению с каждым дальнейшим шагом, который делает ход сражения, угрожает все большая опасность и если резервы настолько растаяли, что их уже нехватит для того, чтобы отбросить противника, то ничего другого не остается, как предаться на волю судьбы и искать спасения в упорядоченном отступлении, которое при дальнейшем промедлении оказалось бы невыполнимым и привело бы, конечно, к полному разгрому и беспорядочному бегству.

Ночь также обычно прекращает все бои, ибо лишь в особых условиях ночной бой может явиться выгодным; а так как ночь — более подходящее время для отступления, чем

день, то тот, кто считает последнее неизбежным или в высшей степени вероятным, предпочитает для этого воспользоваться ночью.

Но помимо этих двух поводов, самых обыкновенных и главных, могут быть и многие другие — меньшие, более индивидуальные, которых, само собою разумеется, не перечислишь, ибо, чем больше сражение клонится к полному нарушению равновесия, тем чувствительнее отзывается на равновесии всякий частичный результат.

Так, потеря какой-нибудь одной батареи, удачный прорыв двух-трех полков неприятельской кавалерии и т. п. могут окончательно оформить уже назревшее решение отступить.

В заключение мы должны еще несколько остановиться на том пункте, когда в полководце мужество и проницательность должны выдержать борьбу между собою.

Хотя, с одной стороны, властолюбивая гордость победоносного завоевателя или непреклонная воля природного упорства, или, наконец, судорожное сопротивление благородного воодушевления не хотят отступить с поля боя, где они должны будут оставить свою честь, но, с другой стороны, проницательность разума советует не тратить всего до конца, не ставить последнее на карту, а сохранить хотя бы столько, сколько необходимо для упорядоченного отступления. Как ни высоко надлежит ценить мужество и стойкость на войне и как ни мало шансов добиться победы у того, кто не может решиться искать ее с полным напряжением всех своих сил, все же наступает момент, за которым дальнейшее упорство является отчаянием безумца; такое упорство не может встретить одобрения со стороны критика. В самом знаменитом из всех сражений, сражении при Бель-Альянсе [1], Бонапарт поставил на карту свои последние силы, чтобы повернуть в свою пользу ход сражения; когда его повернуть уже было невозможно, он поставил ребром последнюю копейку, а потом бежал, как нищий, и с поля сражения, и из своего государства.

[1] Ватерлоо. — Ред.

Глава X

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Продолжение

Влияние победы

В зависимости от принятой точки зрения приходится равно удивляться как экстраординарным последствиям, которые имели некоторые победы, так и ничтожности результатов, которые дали другие. Теперь мы несколько остановимся на природе влияния, оказываемого крупной победой.

Здесь нетрудно различить три вопроса: 1) влияние на само орудие победы, а именно — на полководцев и их армии, 2) влияние на заинтересованные государства и, наконец, 3) подлинный результат, складывающийся из того, как скажутся эти влияния на дальнейшем ходе войны.

Тот, кто остановится лишь на ничтожной разнице между потерями, понесенными на поле сражения убитыми, ранеными, пленными и отнятыми орудиями победителем и побежденным, тому последствия, вытекающие из этого ничтожного явления, покажутся совершенно непонятными; тем не менее, обычно все тут вполне естественно.

Уже в VII главе[1] мы говорили, что размер победы возрастает не пропорционально количеству побежденных сил, но в значительно большей степени. Моральные последствия, вызываемые исходом крупного боя, гораздо значительнее у побежденного, чем у победителя; они ведут к весьма крупным материальным потерям, и последние в свою очередь отражаются новыми потерями моральных сил; в таком взаимодействии те и другие потери растут и усиливаются. Этому моральному воздействию надлежит, следовательно, придавать особое значение. Оно отражается в противоположных направлениях на обеих сторонах: как оно подрывает силы побежденного, так же оно поднимает силы и деятельность победителя. Но главное воздействие все же сказывается на побежденном, ибо здесь оно является непо-

---

[1] В действительности в IV главе 4-й части. — Ред.

средственной причиной новых потерь; сверх того, оно обладает однородной природой с опасностью, трудами и лишениями, словом, со всеми теми тяготами, среди которых протекает война, и потому вступает с ними некоторым образом в союз и растет при их помощи, в то время как те же обстоятельства у победителя являются лишь бременем, умеряющим подъем мужества. Таким образом, мы видим, что падение побежденного ниже уровня первоначального равновесия и много больше подъема над ним победителя; поэтому, говоря о воздействии, производимом победой, мы, главным образом, имеем в виду воздействие, оказываемое ею на побежденную армию. Если оно сильнее после крупного боя, чем после незначительного, то оно также много сильнее после генерального сражения, чем после второстепенного. Генеральное сражение существует само по себе, ради победы, которую оно должно дать и которой в нем добиваются с величайшим напряжением. Осилить противника именно здесь, на этом месте и в этот час, — составляет задачу, на которую направлен весь военный план всеми его нитями; здесь сходятся все отдаленные надежды и смутные представления о будущем; здесь перед нами встает сама судьба, чтобы дать ответ на наш дерзновенный вопрос. В генеральном сражении сосредоточивается духовное напряжение не одного только полководца, но и всей его армии, вплоть до последнего обозного, правда, с понижающейся интенсивностью и с уменьшающимся значением. Во все времена, по самой природе вещей, генеральное сражение никогда не являлось неподготовленным, неожиданным, слепым отправлением служебных обязанностей, но всегда было грандиозным фактом, который сам собой, отчасти по воле вождей, выдвигался из ряда обычных действий, дабы выше поднять духовное напряжение всех участников. Но чем сильнее это напряжение в генеральном сражении, тем сильнее должно оказаться воздействие его исхода.

И опять-таки моральные следствия победы в современных сражениях должны быть сильнее, чем в прежних сражениях новейшей военной истории. Если современные сражения, как мы их описали, представляют собой подлинную борьбу до последних сил, то и решает эти сражения сумма сил,

как материальных, так и моральных, в большей мере, чем отдельные распоряжения или даже случайность.

Сделанную ошибку можно в следующий раз исправить, от счастья и случая можно ожидать в другой раз больше благосклонности, но сумма моральных и материальных сил не меняется так быстро, а поэтому, видимо, и тот приговор, какой им вынесла одна победа, имеет много большее значение для всего будущего. Правда, лишь меньшинство участников сражения и причастных к нему задумывалось над этим различием; но самый ход сражения навязывает такой вывод сознанию всякого, кто при нем присутствует, а рассказ о нем в официальных отчетах, как бы они ни были прикрашены отдельными втиснутыми в них эпизодами, показывает в большей или меньшей степени остальному миру, что причины исхода скорее лежат в целом, чем в частностях.

Тот, кто никогда лично не присутствовал при большом проигранном сражении, едва ли может составить себе живое, а следовательно, совершенно правдивое представление о нем [1]. Отвлеченное же представление о тех или иных небольших потерях никогда не исчерпывает сущности понятия проигранного сражения. Остановимся несколько мгновений на этой картине.

Первое, что действует на воображение и, можно смело сказать, на рассудок в несчастливом сражении, — это таяние масс, затем потеря пространства, которая в той или другой степени имеет место всегда, а следовательно, и у наступающего, когда он терпит неудачу; затем — разрушение начального порядка, перемешивание частей, опасности, угрожающие отступлению, которые за немногими исключениями всегда более или менее нарастают, а там и отступление, которое обычно начинается ночью или, по крайней мере, продолжается в течение всей ночи. Уже на этом первом переходе мы вынуждены оставить множество выбившихся из сил и отбившихся, порою как раз самых храбрых, которые в бою наиболее отважно продвигались вперед и держались дольше других; чувство поражения, охватывающее на поле битвы одних только старших офицеров, спу-

[1] Клаузевиц далее делится впечатлениями, вынесенными им в бытность его в составе прусской армии, разгромленной Наполеоном под Иеной в 1806 г. — Ред.

скается теперь по всем ступеням до рядовых и усиливается отвратительным впечатлением оставления в руках врага стольких храбрых товарищей, которые как раз во время боя нам стали особенно дороги; чувство поражения еще увеличивается вследствие все более возрастающего недоверия к вождям, которым всякий подчиненный в большей или меньшей степени ставит в вину безуспешность своих усилий. И такое ощущение поражения не есть что-либо воображаемое, с чем можно справиться; теперь это очевидная истина, что противник оказался сильнее нас; эта истина могла быть настолько скрыта среди множества причин, что раньше ее не замечали; но при исходе боя она выступает всегда с настойчивой очевидностью, которую, может быть, и раньше уже сознавали, но которой за неимением ничего более реального противопоставляли надежду на случайность, веру в счастье и в судьбу, дерзкую отвагу. Теперь же оказалось, что всего этого недостаточно, и перед нами встает строго и повелительно суровая правда.

От всех этих впечатлений еще далеко до панического страха, который никогда не является последствием проигранного сражения у обладающей воинской доблестью армии и редко — у всякой другой; указанные же впечатления должны возникнуть у самой лучшей армии, и если, благодаря втянутости в войну, привычке к победам и глубокому доверию к полководцу, они кое-где и бывают несколько смягчены, то в первое мгновение они все же никогда не оказываются отсутствующими. Вместе с тем эти впечатления не являются простым следствием утраты трофеев; последние теряются обычно лишь позднее, и об этом не так быстро становится всем известно; те же впечатления будут получаться и при самом медленном и постепенном нарушении равновесия и всегда будут составлять воздействие победы; на них во всех случаях можно рассчитывать.

Количество утраченных трофеев, как мы уже говорили, также усиливает это впечатление.

Ясно, насколько армия, находящаяся в таком состоянии, будет ослаблена в качестве инструмента и как мало можно рассчитывать, чтобы она в этом расслабленном состоянии, которое, как уже сказано, находит новых врагов во всех обычных трудностях, сопряженных с войною, оказалась в

состоянии вернуть новым усилием утраченное. Перед сражением между обеими армиями существовало кажущееся или действительное равновесие; это равновесие теперь нарушено, и необходима внешняя причина, чтобы снова его восстановить; всякое новое напряжение сил без такой внешней точки опоры поведет лишь к новым потерям.

Таким образом, в самой скромной победе над главной массой вооруженных сил заключается толчок к постоянному понижению чашки весов, пока новые обстоятельства не дадут другого оборота всему делу. Если такие обстоятельства далеки и если победитель — неутомимый враг, обуреваемый жаждой славы, преследующий высокие цели, то требуется выдающийся полководец и превосходный, закаленный во многих боях воинский дух армии, чтобы не дать окончательно прорваться бушующему потоку перевеса сил, но умерить его порыв мелким многократным отпором до тех пор, пока сила победы не истощится у предела определенных достижений.

Теперь о влиянии поражения на народ и правительство. Это — внезапная гибель напряженнейших надежд, полное сокрушение чувства собственного достоинства. На место этих уничтоженных сил в образовавшуюся таким образом пустоту вливается страх с его пагубной способностью распространения, завершающий общий паралич. Подлинный нервный удар получает один из двух борцов от электрической искры, произведенной генеральным сражением. И это воздействие, в какой бы различной степени оно ни проявлялось тут и там, никогда не отсутствует полностью. Вместо того чтобы каждому решительно поспешить для отражения надвигающейся беды, каждый боится, что его усилие окажется напрасным, и в нерешительности останавливается в тот момент, когда он должен был бы спешить, или же малодушно опускает руки, становясь фаталистом и предоставляя все на волю судьбы.

Следствия, которые вызывает воздействие победы в ходе самой войны, зависят отчасти от характера и талантов победоносного полководца, но еще более от обстоятельств, из которых явилась победа и к которым она привела. Без отваги и предприимчивости полководца самая блестящая победа не даст крупных результатов; но еще скорее исто-

щается сила победы от обстоятельств, если они будут противодействовать ей во всем своем объеме и силе. Насколько иначе использовал бы Фридрих Великий победу под Коллином, чем Даун, и насколько иных последствий по сравнению с Пруссией добилась бы Франция от такого сражения, как при Лейтене!

С условиями, дающими возможность ожидать крупных следствий от крупной победы, мы познакомимся, когда будем изучать вопросы, с которыми эта тема связана; лишь тогда станет понятным то несоответствие, которое на первый взгляд может усматриваться между величиной победы и ее следствиями и которое слишком часто склонны приписывать недостатку энергии победителя. Здесь, когда мы имеем дело с генеральным сражением самим в себе, мы ограничимся указанием на то, что очерченные воздействия победы всегда имеются налицо, и они возрастают с интенсивностью победы, возрастают тем больше, чем больше сражение было сражением генеральным, т. е. чем больше в нем была сосредоточена вся вооруженная сила, а в вооруженной силе — вся сила государства.

Должна ли, однако, теория признавать это воздействие победы как нечто абсолютно необходимое? Не должна ли она, напротив, стремиться к тому, чтобы найти против него надлежащее средство и таким образом парализовать это действие? Казалось бы нет ничего естественнее, как дать утвердительный ответ на этот вопрос; но храни нас небо от этого свойственного большинству теорий заблуждения, на почве которого возникают взаимно уничтожающиеся pro и contra.

Во всяком случае это воздействие совершенно неизбежно, ибо оно заложено в самой природе дела и будет существовать и тогда, когда мы найдем средства ему противодействовать; так ядро, выстреленное из пушки, продолжает подчиняться вращательному движению земли, хотя бы оно было выпущено с востока на запад и вследствие этого противоположного движения утратило часть общей скорости. Война в целом исходит из предпосылки человеческой слабости, и против нее она и направлена.

Следовательно, когда мы в дальнейшем изложении по другому поводу будем представлять свои соображения от-

носительно того, что можно предпринять после проигранного сражения, когда мы будем рассматривать средства, которыми еще можно располагать в самом отчаянном положении, когда и при таких условиях мы еще будем верить в возможность все поправить, — то это не значит, что мы убеждены в возможности свести постепенно на-нет все следствия такого поражения, так как силы и средства, которые будут теперь употреблены на восстановление, могли бы быть использованы для достижения позитивных целей. Это в одинаковой степени относится к силам как моральным, так и материальным.

Другой вопрос — не пробуждает ли проигранное генеральное сражение такие силы, которые иначе никогда не появились бы в жизни. Такой случай, конечно, вполне мыслим, и у многих народов он действительно наблюдался. Но вызов такой усиленной реакции уже не входит в компетенцию военного искусства; последнее может считаться с нею лишь там, где для нее имеются все предпосылки.

Если, следовательно, бывают случаи, когда последствия победы, вследствие реакции пробужденных ею сил, могут оказаться скорее пагубными, — случаи, относящиеся, впрочем, к числу самых редких исключений, — то тем определеннее надо принимать во внимание ту разницу в следствиях, какую может вызвать одна и та же победа в зависимости от характера побежденного народа и государства.

Глава XI

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Продолжение

Применение сражения

Какое бы оформление война ни принимала в отдельных случаях и что бы нам в зависимости от него ни пришлось признать необходимым на войне, нам стоит только обратиться к понятию войны, чтобы высказать с полной убежденностью:

1) уничтожение неприятельских боевых сил составляет основной ее принцип и главный путь к цели во всей области позитивных действий;

2) это уничтожение сил достигается преимущественно только боем;

3) лишь крупные бои общего характера дают крупные результаты;

4) самые крупные результаты достигаются тогда, когда бои объединяются в одно большое сражение;

5) лишь в генеральном сражении полководец правит делом собственными руками, и естественно, что он охотнее всего доверяет его своим рукам.

Из этих истин вытекает двойной закон, части которого взаимно подкрепляют друг друга, а именно: 1) уничтожение боевых сил неприятеля надо преимущественно искать в больших сражениях и в их результатах и 2) главная цель больших сражений должна заключаться в уничтожении неприятельских вооруженных сил.

Правда, принцип уничтожения можно в большей или меньшей степени усмотреть и в других средствах. Встречаются случаи, когда благодаря особо благоприятным обстоятельствам в небольшом бою может быть уничтожено несоответственно большое количество неприятельских сил (Максен). С другой стороны, в генеральном сражении может иметь место преобладание захвата или удержания известного пункта как чрезвычайно важная цель, но в общем неоспоримой и преобладающей истиной остается та, что генеральные сражения даются лишь для уничтожения боевых сил противника и что эта цель достигается только генеральным сражением.

Поэтому на генеральное сражение следует смотреть, как на концентрированную войну, как на центр тяжести всей войны или кампании. Подобно тому как солнечные лучи собираются в фокусе вогнутого зеркала в полное изображение солнца и дают высшую степень жара, так силы и обстоятельства войны концентрируются в генеральном сражении и получают общую наивысшую эффективность.

Сосредоточение вооруженных сил в одно крупное целое, которое более или менее имеет место во всех войнах, уже указывает на цель — нанести этим целым главный удар или

добровольно, в роли атакующего, или под давлением противника, в роли обороняющегося. Там же, где такого главного решительного удара не происходит, там, следовательно, к первоначальному мотиву вражды примешались другие умеряющие и сдерживающие мотивы; действие оказывается ослабленным, измененным или даже совершенно приостановленным. Но и в этом состоянии обоюдного бездействия, которое составляло основной тон столь многих войн, идея возможного генерального сражения оставалась для обеих сторон направляющей точкой, далеким фокусом, по которому, однако, они строят свои орбиты. Чем более война становится действительной войной, чем больше она служит исходом накопившейся вражды и ненависти, чем больше она стремится ко взаимному одолению, — тем более вся деятельность сосредоточивается в акте кровопролитного боя и тем ярче выступает на первый план генеральное сражение.

Всюду, где смысл войны заключается в достижении позитивной цели, глубоко затрагивающей интересы противника, генеральное сражение является самым естественным средством; поэтому оно является и лучшим средством, что мы еще будем подробнее доказывать; обычно оно несет с собой возмездие для тех, кто его избегает из страха перед великим решением.

Позитивную цель преследует нападающая сторона, а потому генеральное сражение является по преимуществу ее средством. Однако, не входя здесь в более близкое определение понятия нападения и обороны, мы все же должны сказать, что даже обороняющаяся сторона в большинстве случаев обладает лишь этим действительным средством, чтобы рано или поздно удовлетворить при помощи его потребностям своего положения и разрешить свою задачу.

Генеральное сражение является самым кровопролитным путем разрешения задачи; хотя оно отнюдь не представляет простого взаимного убийства и его воздействие заключается преимущественно в том, чтобы убить мужество врага, а не его солдат, как мы подробнее рассмотрим в следующей главе; однако, кровь всегда является его оплатой, а бойня определяет его характер, имея общий филологический корень с боем; вот перед чем содрогается человеческое сердце полководца.

Но еще более смущается человеческий дух перед мыслью об окончательном решении одним ударом. В одной точке пространства и времени сосредоточено здесь все действие; и в такие минуты в нас закрадывается смутное чувство, будто в этом тесном пространстве наши силы не имеют возможности развернуться и проявить всю свою деятельность; словно, выигрывая время, мы уже много приобретаем, хотя это время вовсе не состоит нашим должником. Это одна только иллюзия, но и с иллюзией приходится считаться; именно эта слабость, которой подвержен человек при всяком ином великом решении, может с особенной силой заговорить в душе полководца, когда он должен поставить на лезвие ножа дело столь огромной важности.

Вот почему и правительства и полководцы во все времена искали пути, чтобы обойти генеральное сражение — или для того, чтобы достигнуть своих целей без него, или чтобы миновать его незаметным образом. Историки и теоретики изо всех сил старались потом найти в таких походах и войнах каким бы то ни было образом не только эквивалент упущенного генерального сражения, но даже проявление какого-то высшего искусства. Таким путем в наши времена мы приблизились было к тому, чтобы во имя экономии войны смотреть на генеральное сражение, как на зло, делающееся неизбежным из-за допущенных ошибок, как на болезненное явление, к которому правильно организованная осторожная война никогда не должна приводить; лишь те полководцы должны заслуживать лавров, которые умеют вести войну без кровопролития, а теория войны, подлинное учение браминов, как раз для того и существует, чтобы научить такому искусству.

История нашего времени разрушила эти фантазии, но ни один человек не может поручиться за то, что они снова не воскреснут на более или менее продолжительный срок и не увлекут руководителей судеб к подобным сумасбродствам, потворствующим человеческой слабости, а следовательно, близким сердцу человека. Может быть, еще настанет время, когда на походы Бонапарта и его сражения будут смотреть, как на проявление грубости и глупости, и снова благосклонным и доверчивым оком будут любоваться салонной шпагой устарелых заскорузлых порядков и приемов. Если

теория может от этого предостеречь, то она окажет ценную услугу тем, кто захочет внять ее предостережению. Да удастся нам протянуть руку помощи тем, кто в нашем дорогом отечестве призван высказывать решающее мнение по этим вопросам, послужить им проводником в этой области и побудить их к добросовестной оценке существа дела.

Не одно лишь понятие войны приводит нас к тому, чтобы мы искали великое решение только в великом сражении, но и данные опыта. Испокон века лишь великие победы вели к великим результатам, у нападающей стороны — безусловно, у обороняющейся — в большей или меньшей степени. Сам Бонапарт не достиг бы единственного в своем роде Ульма [1], если бы он боялся кровопролития; на этот эпизод надо смотреть именно, как на второй укос, собранный с побед его предшествующих походов. Не одни лишь отважные, отчаянные, дерзкие полководцы пытались выполнить свое дело при помощи великого риска решительных сражений; этого пути держались все наиболее удачливые полководцы, и мы должны предоставить им дать ответ на столь широкообъемлющий вопрос.

Мы и слышать не хотим о тех полководцах, которые будто бы побеждали без пролития человеческой крови. Если кровопролитное сражение представляет ужасное зрелище, то это должно служить основанием лишь к тому, чтобы смотреть на войну более серьезно, а не к тому, чтобы из чувства человеколюбия дать своим мечтам мало-по-малу притупиться, пока, наконец, не появится вновь кто-нибудь с отточенным мечом и не отрубит нам руки.

Мы смотрим на крупное сражение, как на главное решение, но, разумеется, не как на единственное, которое может потребоваться для данной войны или кампании. Лишь в новейшее время бывали нередко случаи, когда большое сражение решало судьбу целой кампании; те же случаи, когда решалась одним сражением целая война, принадлежат к самым редким исключениям.

Решение, являющееся результатом большого сражения,

[1] Клаузевиц говорит здесь об Ульме (1805 г.), так как это единственная операция Наполеона I, в которой он захватил в плен неприятельскую армию (Мака), не вступая в сколько-нибудь серьезные бои. — Ред.

конечно, зависит не исключительно от самого сражения, т. е. от массы сосредоточенных в нем сил и от интенсивности победы, но также и от множества других обстоятельств, касающихся вооруженных сил и государств, которым эти силы принадлежат. Однако, вывод имеющихся налицо главных сил на великое единоборство является в то же время приступом к основному решению, размеры которого можно наперед предвидеть во многих отношениях, но далеко не во всех. Это решение может оказаться не единственным, но в качестве **первого** оно как таковое окажет влияние и на все последующие решения. Поэтому задуманное генеральное сражение по своим отношениям к остальному может в большей или меньшей степени, а иногда и преимущественно рассматриваться временным центром тяжести, основным пунктом всей системы. Чем больше полководец будет преисполнен при выступлении истинным духом войны, который является и духом всякой борьбы, чем больше он будет проникнут чувством и мыслью, т. е. сознанием, что он должен разгромить и разгромит своего противника, — тем скорее он бросит все на чашу весов первого сражения, тем больше он будет надеяться и стремиться получить все в этом сражении. Едва ли Бонапарт когда-либо предпринимал какой-либо из своих походов без мысли, что он тотчас же, в первом же сражении, разгромит своего противника; то же думал и Фридрих Великий в более мелких условиях, при кризисе более ограниченного характера, когда он с небольшой армией стремился проложить себе путь в тылу русских или имперцев.

Решение, которое дает генеральное сражение, зависит отчасти, как мы сказали, от самого сражения, т. е. от численности вооруженных сил, принимающих в нем участие, и от размера достигнутого успеха.

Каким образом полководец может увеличить результаты сражения первым путем, ясно само собой. Мы ограничимся лишь замечанием, что с размерами генерального сражения увеличивается и число попутно решаемых им вопросов. Поэтому те полководцы, которые, веря в свои силы, любили эти крупные, решающие акты, всегда находили возможность применить в них большую часть своих боевых сил, не опуская ничего существенного в других пунктах.

Что же касается успеха или, говоря точнее, интенсивности победы, то последняя зависит преимущественно от четырех обстоятельств:

1) от тактической формы, в какой дается сражение;
2) от характера местности;
3) от соотношения родов войск;
4) от соотношения сил.

Сражение, разыгранное фронтально и без обхода, редко даст такой крупный результат, как сражение, в котором побежденный оказался обойденным или которое он вынужден был дать, имея более или менее перевернутый фронт. На пересеченной или гористой местности результат точно так же бывает меньше, ибо здесь сила удара вообще оказывается ослабленной.

Если побежденный имеет равную или превосходящую численностью, по сравнению с победителем, кавалерию, то воздействие преследования, а следовательно, и большая часть результатов победы отпадают.

Наконец, само собою понятно, что победа, одержанная при большом превосходстве сил, если этим превосходством воспользовались для обхода или охвата, даст большие результаты, чем если победитель был слабее побежденного. Сражение под Лейтеном как будто заставляет нас усомниться в практической верности этого положения; но да будет нам на этот раз дозволено сказать то, чего мы вообще говорить не любим: нет правила без исключений.

Все эти пути дают полководцу средства придать сражению решительный характер; правда, вместе с тем возрастают и опасности, которым он подвергается, но этому динамическому закону морального мира подчиняется вся деятельность полководца.

На войне, следовательно, ничто несравнимо по важности с генеральным сражением, и высшая мудрость стратегии проявляется в добывании необходимых для него средств, в правильной установке его по отношению к месту, времени и направлению сил и в использовании его результатов.

Из важности значения, какое имеют эти вопросы, однако, не следует, чтобы они отличались большой сложностью и

таинственностью; напротив, здесь все крайне просто, искусство комбинаций очень ограничено, но велика потребность в точной оценке явлений, в энергии, в твердой последовательности, в юношеской предприимчивости — в героических свойствах, к которым нам еще не раз придется возвращаться. Таким образом, здесь требуется мало такого, чему можно научиться из книг, и многое из того, чему если и можно научиться, то не путем грамоты, а иным путем.

Импульс к генеральному сражению, свободное, верное движение к нему должны исходить из ощущения собственной силы и ясного сознания его необходимости; другими словами, этот импульс должен исходить из прирожденного мужества и из изощренного широкими жизненными горизонтами взгляда.

Великие примеры — лучшие наставники; но, конечно, будет прискорбно, когда между ними и нами ляжет облако теоретических предрассудков, ибо даже солнечный свет, проникая через облака, преломляется и окрашивается. Разрушить такие предрассудки, которые в известные эпохи образуются и распространяются, как миазмы, — настоятельный долг теории. То ложное, что порождено человеческим рассудком, может уничтожить тот же рассудок.

Глава XII

СРЕДСТВА СТРАТЕГИИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОБЕДЫ

Самое трудное — возможно лучше подготовить победу; это — незаметная заслуга стратегии, за которую она редко получает похвалу. Во всем своем блеске и славе стратегия проявляется тогда, когда она использует уже одержанную победу.

Какую особую цель может преследовать сражение, как оно влияет на всю систему войны, где природа отношений ставит предел полету победы, где находится его кульминационный пункт — все это займет наше внимание лишь впоследствии. Но при всех мыслимых условиях остается неоспоримой истиной, что без преследования ни одна победа

не может иметь крупных результатов, и, как бы ни был короток полет победы, он всегда должен простираться дальше первых шагов преследования. Дабы не возвращаться постоянно к этому положению, мы коснемся в общих чертах этой необходимой придачи к преодолению неприятельского сопротивления.

Преследование разбитого противника начинается с того момента, когда он, отказавшись от боя, покидает свои позиции; сюда нельзя причислять всех предшествующих передвижений назад и вперед, ибо они являются частью развития самого сражения. Обычно победа в указанный момент хотя и представляется несомненной, но еще крайне мала и слаба по своему размеру и в ряду прочих событий не давала бы значительных позитивных преимуществ, если бы не дополнялась преследованием в первый же день. Тут только, как мы уже говорили, собирается первая жатва трофеев, материализующая победу. Об этом-то преследовании мы и поговорим прежде всего.

Обычно обе стороны вступают в бой с весьма ослабленными физическими силами, ибо движения, непосредственно предшествовавшие сражению, носят на себе отпечаток не терпящих отлагательства требований. Усилия, которых стоит завершение длительной борьбы, доводят истощение до крайнего предела; к этому присоединяется еще и то обстоятельство, что у победившей стороны, по сравнению с побежденной, части не менее перемешаны и не менее оказываются вышедшими из их первоначальных организационных рамок; они, следовательно, нуждаются в том, чтобы их привели в порядок, собрали рассеявшихся, пополнили патроны у тех, кто расстрелял свои запасы. Все эти обстоятельства повергают и самого победителя в состояние кризиса, о котором мы уже упоминали. Если разбитый противник представлял лишь второстепенную часть, которая может быть принята и прикрыта другими частями, или если он вообще ожидает получить значительные подкрепления, то победитель легко может подвергнуться явной опасности лишиться своей победы; такие соображения скоро ставят предел дальнейшему преследованию или, во всяком случае, налагают на него сильную узду. Но даже там, где нет основания опасаться прибытия серьезных подкреплений к побежденному,

в указанных выше обстоятельствах победитель встречает серьезный противовес своему порыву при преследовании. Правда, в последнем случае не приходится уже опасаться, чтобы победу вырвали из его рук, но все же возможность неудачных столкновений не исключена, и они могут значительно ослабить приобретенные уже выгоды. Кроме того, в этот момент на волю полководца тяжелым грузом ложится физическая природа человека с ее потребностями и слабостями. Все эти тысячи людей, находящихся под его начальством, нуждаются в покое и в подкреплении своих сил, имеют непреодолимую потребность в том, чтобы прежде всего был положен предел опасностям и усилиям. Лишь немногие, на которых можно смотреть, как на исключение, чувствуют и видят за пределами настоящего мгновения; лишь у этих немногих сохраняется такой простор их мужеству, что, когда самое необходимое уже выполнено, они еще в состоянии подумать о тех достижениях, которые в такие мгновения представляются лишь украшением победы, роскошью триумфа. Но все эти тысячи имеют свой голос на совете полководца, ибо во всей иерархической лестнице командования интересы физического человека находят верного проводника к сердцу полководца. Последний в свою очередь сам более или менее ослаблен в своей внутренней деятельности духовным и телесным напряжением, которому он подвергался, и вот по этим чисто человеческим причинам делается меньше, чем могло бы быть сделано, а то, что вообще делается, зависит уже только от жажды славы, энергии и, пожалуй, и от бессердечия главнокомандующего. Лишь этим можно объяснить тот робкий приступ к преследованию после победы, давшей им превосходство, который мы можем наблюдать у многих полководцев. Первое преследование мы ограничиваем первым днем и самое большее ночью, следующею за ним, ибо за пределами этого времени потребность дать отдохнуть собственным войскам заставит во всяком случае приостановить дальнейшие действия.

Это первое преследование бывает разных естественных степеней.

Первая степень — это когда преследование выполняется лишь одной кавалерией; в этом случае оно скорее является

средством устрашения и наблюдения, чем действительным натиском, ибо обычно достаточно малейшего местного рубежа, чтобы задержать преследующего. Хотя кавалерия может многого достигнуть против отдельных частей расстроенной и ослабленной армии, но против целого она опять-таки явится лишь вспомогательным родом войск, так как отступающий для прикрытия своего отступления введет в дело свои свежие резервы и таким образом с успехом может оказать сопротивление всеми родами войск на первом незначительном местном рубеже. Армия, обращенная в настоящее бегство и совершенно разложившаяся, конечно, представляет в данном случае исключение.

Вторая степень заключается в том, что преследование ведется сильным авангардом из всех родов войск, в составе которого, понятно, находится большая часть кавалерии. Такое преследование теснит противника до первой сильной позиции его арьергарда или до места ближайшей остановки его армии. Часто для того и другого не скоро представится возможность, и преследование продолжается дольше; но большей частью оно не идет за пределы одного-двух часов, ибо затем авангард не чувствует за собой достаточной поддержки.

Третья и самая сильная степень преследования бывает тогда, когда вся победоносная армия двигается вперед до тех пор, пока у нее хватает сил. В этом случае разбитая сторона покидает большинство позиций, предоставляемых ей местностью, при одном лишь приступе к подготовке атаки или обхода, а арьергард выказывает еще меньшую склонность к тому, чтобы ввязаться в упорное сопротивление.

Во всех трех случаях ночь обычно кладет предел преследованию, если наступит ранее его окончания; те немногие случаи, когда это не имеет места и преследование продолжается еще и ночью, должны рассматриваться как особо усиленная его степень.

Если мы вспомним, что в ночных боях все более или менее зависит от случая и что и без того к исходу сражения нормальная взаимозависимость и упорядоченный ход дела будут до крайности нарушены, мы легко поймем ужас, испытываемый обоими полководцами перед тем, чтобы про-

должать развивать действия в темноте ночи. Если успех не является обеспеченным чрезвычайной степенью разложения противника или особым превосходством военной доблести победоносной армии, то все в таком случае в значительной мере предоставляется воле рока, что не может входить в интересы даже самого дерзновенного полководца. Как общее правило, ночь кладет предел преследованию даже в тех случаях, когда сражение было решено незадолго до ее наступления. Она позволяет побежденному тут же передохнуть и приступить к сбору своих сил, а если он будет продолжать свое отступление во время ночи, то даст ему возможность выиграть пространство. После этого перерыва побежденный находится уже в заметно лучшем состоянии. Многое, что затерялось и перепуталось, снова отыскивается, огнестрельные припасы пополняются, целое сведено в новый порядок. То, что состоится между ним и победителем, будет уже новым боем, а не продолжением старого, и хотя этот новый бой далеко не предвещает абсолютно счастливого исхода, все же это будет новый бой, а не подбирание победителем рассыпавшихся обломков.

В тех же случаях, когда победитель может продолжать преследование и в течение всей ночи, хотя бы при помощи лишь сильного авангарда, составленного из всех родов войск, это в значительной мере усилит следствия победы, о чем свидетельствуют сражения под Лейтеном и Бель-Альянсом.

Вся деятельность подобного преследования относится в сущности к тактике, и мы останавливаемся на ней лишь для того, чтобы дать себе более ясный отчет в различии, которое оно вносит в результаты победы.

Это первое преследование до ближайшей остановки — неотъемлемое право победителя, и оно не находится почти ни в какой зависимости от обстановки и дальнейших его планов. Последние могут в значительной мере уменьшить позитивные результаты победы, одержанной главной массой сил, но помешать п е р в о м у использованию ее они не могут; по крайней мере такого рода случаи если и являются мыслимыми, то встречаются настолько редко, что не могут заметно повлиять на теорию. Во всяком случае надо заметить, что примеры последних войн раскрыли здесь для

энергии совершенно новую арену. В прежних войнах, имевших более узкий фундамент и поставленных в более тесные границы, как во многих других отношениях, так в особенности в вопросе о преследовании создалось какое-то не являвшееся необходимым, чисто условное ограничение. Понятие чести одержать победу казалось полководцу настолько самым главным, что он не обращал достаточно внимания на действительное уничтожение сил неприятеля. Последнее представлялось ему лишь одним из многих средств на войне, даже не главным средством, не говоря уже — единственным. Тем охотнее он влагал свою шпагу в ножны, раз только противник склонял свое оружие. Полководцам казалось вполне естественным прекращать сражение, раз оно являлось решенным, и на дальнейшее кровопролитие они уже смотрели, как на излишнюю жестокость. Если эта ложная философия и не охватывала всего объема решения, то все же она определяла тот уклон мысли, при котором представления об истощении всех сил и о физической невозможности продолжать бой получали легкий доступ и приобретали большой вес. Правда, мысль о сбережении своего инструмента победы легко приходит на ум, когда обладаешь только одним этим инструментом и предвидишь, что скоро наступит минута, когда он и без того окажется недостаточным для выполнения предстоящих задач, а к последнему обычно приводит всякое продолжение наступления. Однако, такой расчет неверен постольку, поскольку дальнейшие потери сил, которые могли быть понесены при преследовании, совершенно не соответствовали бы потерям неприятеля. Но такой подход к оценке обстановки также мог возникнуть и тогда, когда не рассматривали уничтожение боевых сил неприятеля как главнейшую задачу. Оттого мы и видим, что в прежних войнах лишь подлинные герои, как Карл XII, Мальборо, Евгений, Фридрих Великий, наращивали свои победы, когда последние были достаточно решительны, энергичным преследованием; остальные полководцы обычно довольствовались занятием поля сражения. В наши дни большая энергия, какую приобрело ведение войны благодаря расширению тех интересов, из которых она возникает, уничтожила эти искусственные барьеры; преследование стало одной из главных задач по-

бедителя, число трофеев значительно увеличилось, и если в современных боях мы порою встречаем случаи, где оно не наблюдается, то такие сражения составляют исключения и всегда обусловлены особыми обстоятельствами.

Под Гершеном[1] и Бауценом полному поражению воспрепятствовало лишь огромное численное превосходство кавалерии союзников, под Гроссбеереном и Денневицем — неблагожелательное отношение шведского наследного принца, под Ланом — слабое состояние здоровья старика Блюхера.

Но и Бородино представляет пример, который может сюда относиться, и мы не можем удержаться от того, чтобы не сказать по этому поводу несколько слов, отчасти потому, что мы не признаем, чтобы от этого вопроса можно было отделаться простым порицанием Бонапарта, отчасти потому, что может показаться, будто этот случай и большое число однородных случаев принадлежат к числу тех, которые мы отнесли к крайне редким исключениям, когда обстановка в целом уже в начале сражения захватывает и сковывает полководца. Дело в том, что именно французские писатели, большие поклонники Бонапарта (Воданкур, Шамбрэ, Сегюр), решительно порицают его за то, что он не прогнал окончательно с поля сражения русскую армию и не использовал для ее разгрома свои последние силы. Это позволило бы обратить то, что являлось лишь проигранным сражением, в полное поражение. Мы бы зашли слишком далеко, если бы вздумали обстоятельно описать положение обеих армий, но одно во всяком случае ясно, что Бонапарт имел при переправе через Неман в корпусах, впоследствии дравшихся под Бородином, 300 000 человек, а к этому моменту в них оставалось лишь 120 000. В этих условиях у Бонапарта могло, конечно, возникнуть опасение, что у него не останется достаточно сил, чтобы итти на Москву. А лишь последняя являлась пунктом, от которого, казалось, все зависело. Такая победа, которую он одержал, давала ему почти полную уверенность, что ему удастся занять эту столицу, ибо представлялось крайне

---

[1] Собственно Гросс-Гершен; в русской литературе больше известно как сражение при Люцене. Оба сражения относятся к весенней кампании 1813 г. — Ред.

невероятным, чтобы русские оказались в состоянии в течение ближайшей недели дать второе сражение. В Москве он надеялся найти мир. Правда, разгром русской армии в гораздо большей степени обеспечил бы ему этот мир, но первым условием все же было дойти до Москвы, т. е. дойти с такой силой, чтобы предстать перед столицей, а через нее и перед всем государством и правительством как повелитель. То, что он в действительности довел до Москвы, было для этого уже недостаточно. Как показал дальнейший ход событий, положение было бы еще менее удовлетворительным, если бы одновременно с разгромом русской армии он вконец расстроил бы и свою, а такой исход глубоко ощущался Наполеоном, что и оправдывает его полностью в наших глазах. Отсюда не следует, однако, причислять этот случай к тем, где обстановка в целом лишает полководца возможности осуществить даже первое преследование после одержанной победы. Победа была решена к 4 часам пополудни, но русские еще удерживали в своих руках большую часть поля сражения и еще не хотели его очистить; они оказали бы при возобновлении атаки упорное сопротивление, которое хотя и несомненно закончилось бы их полным поражением, но стоило бы и противнику еще много крови. Таким образом, Бородино надо причислить к тем сражениям, которые, подобно Бауцену, не получили полного развития. Под Бауценом побежденный предпочел заблаговременно покинуть поле сражения; под Бородином победитель предпочел удовлетвориться половинной победой не потому, что он сомневался в исходе, а потому, что был недостаточно богат, чтобы расплатиться за полную победу.

Возвратимся к нашей теме. В результате нашего рассмотрения вытекает, что энергия, с которой проводится первое преследование, по преимуществу и определяет ценность победы, что это преследование составляет как бы второй акт победы, во многих случаях даже более важный, чем первый, и что стратегия, приближаясь в данном случае к тактике, чтобы принять из ее рук завершенное дело, проявляет впервые свой авторитет в том, что требует этого завершения победы.

Но действие победы лишь в самых редких случаях оста-

навливается на этом первом преследовании; теперь впервые открывается подлинное ристалище, и победа дает нужную энергию. Открывающееся состязание, как мы отмечали, обусловливается многими обстоятельствами, о которых нам здесь говорить пока не приходится. Но мы должны здесь рассмотреть все то, касающееся преследования, что носит общий характер, дабы не повторяться всякий раз, когда оно будет встречаться.

При дальнейшем преследовании мы снова можем различать три степени его: простое продвижение вслед за неприятелем, настоящий нажим и параллельное преследование с целью отрезать пути отступления.

Простое продвижение вслед за неприятелем побуждает его к дальнейшему отступлению до тех пор, пока он не найдет возможным снова вступить с нами в бой; его, следовательно, достаточно для того, чтобы исчерпать воздействие достигнутого нами перевеса и передать в наши руки все то, что побежденный не в состоянии с собою унести: раненых, больных, отставших, кое-что из имущества и обоза. Но это простое следование за неприятелем не увеличивает в его войсках разложения; последнее достигается при двух следующих степенях.

Если мы, не довольствуясь тем, что занимаем оставленные неприятелем биваки и захватываем лишь ту территорию, которую он нам оставляет, примем меры, чтобы всякий раз требовать от него большего и атаковать его арьергард нашим соответственно организованным авангардом, как только он попытается остановиться на отдых, то это будет ускорять движение неприятеля и способствовать его разложению. Но последнее будет обусловлено преимущественно характером бегства без какой-либо передышки, который должно принять отступление противника. На солдата производит самое удручающее впечатление, когда он после утомительного перехода хочет предаться отдыху, а неприятельские орудия уже снова начинают греметь; если такое впечатление повторяется изо дня в день, то оно в конце концов может довести неприятеля до панического страха. В этом переживании заключается постоянное признание необходимости подчиняться воле противника и своей неспособности к сопротивлению, а такое со-

знание не может не ослабить в высшей степени моральные силы армии. Воздействие этого натиска еще более усугубится, если мы будем принуждать противника к ночным переходам. Когда победитель при заходе солнца спугивает побежденного с тех биваков, которые он выбрал или для всей армии, или хотя бы для своего арьергарда, то побежденный окажется вынужденным или делать ночной переход, или еще ночью переменить свою стоянку, отнеся ее дальше назад, что почти одно и то же; победитель же может провести ночь спокойно.

Впрочем, организация маршей и выбор остановок зависят в этом случае от стольких разнообразных обстоятельств, — особенно от продовольствия, от крупных местных рубежей, от больших городов и прочее, — что было бы нелепым педантизмом пытаться показать геометрическими построениями, каким способом преследующий, не отказывая себе в спокойном ночном отдыхе, может, навязывая свою волю отступающему, принуждать последнего всякий раз совершать ночные переходы. Однако, практически осуществимо и бесспорно, что организация маршей при преследовании может иметь указанную тенденцию, а это должно значительно усиливать действие преследования. Если на практике это редко принимается в соображение, то по той причине, что такой прием труднее и для преследующей армии по сравнению с нормальным распределением стоянок и времени дня. Выступать рано утром, в полдень располагаться биваком, остальную часть дня употреблять на удовлетворение своих потребностей, а ночь — на отдых — гораздо более удобный метод, чем точно сообразовывать свои движения с движениями неприятеля, притом определяя их в последнюю минуту, сниматься с места то утром, то вечером, постоянно проводить несколько часов перед лицом противника, обмениваясь с ним пушечными выстрелами, вести непрерывные схватки передовыми частями, организовывать обходы, словом, пользоваться всем изобилием нужных для этого тактических приемов. Все это, естественно, ложится значительным бременем на преследующую армию, а на войне, где трудностей и без того так много, люди всегда бывают склонны снимать с себя те тяготы, которые не рисуются им безусловно необходи-

мыми. Эти замечания сохраняют свою силу как по отношению ко всей армии, так и, что обычно имеет место, по отношению к сильному авангарду. По всем этим причинам нам приходится довольно редко наблюдать эту вторую степень преследования, т. е. непрерывный нажим на побежденного. Сам Бонапарт мало его практиковал во время своего русского похода 1812 г. по той бросающейся в глаза в данном случае причине, что трудности и лишения, сопряженные с ним, и без того грозили его армии полным уничтожением, прежде чем ей удалось бы достигнуть намеченной цели; напротив, во всех других кампаниях французы в этом отношении выделялись своей энергией.

Третья и наиболее действительная степень преследования — это параллельный марш к ближайшей цели отступления.

Каждая разбитая армия, естественно, имеет позади себя, ближе или дальше, такой пункт, достижение которого для нее имеет в этот момент существенное значение потому ли, что дальнейшее отступление ее подвергается опасности, как, например, при наличии теснины, или же потому, что крайне важно, чтобы отступающий дошел раньше победителя до этого пункта, например, столицы, магазина и пр., или же, наконец, потому, что в этом пункте отступающая армия может снова приобрести способность сопротивляться, как, например, на укрепленной позиции, в районе соединения с другими отрядами и пр.

Если победитель направит свое движение по боковой дороге, ведущей к тому же пункту, то само собой ясно, насколько оно должно пагубным образом ускорять отступление побежденного, делая его сначала поспешным, а под конец обращая его в бегство. У побежденного остается тогда лишь три способа реагировать на это. Первый мог бы заключаться в том, чтобы самому броситься наперерез неприятелю и неожиданным нападением достигнуть вероятности успеха, на который в общем в положении побежденного рассчитывать трудно; это, очевидно, предполагает предприимчивость и отвагу в полководце и превосходные качества армии, которая хотя и побеждена, но не понесла полного поражения. Отсюда следует, что этот прием лишь крайне редко будет применяться побежденным.

Второй способ — это ускорение отступления. Но этого-то именно и хочет добиться победитель; такой прием легко ведет к чрезмерному утомлению армии, которая будет нести неслыханные потери толпами отставших, поломанными орудиями и повозками всякого рода.

Третий способ — это уклонение в сторону для того, чтобы обойти ближайшие пункты, где путь отступающей армии может быть перерезан, и совершать марш с меньшим напряжением сил, на более далеком расстоянии от неприятеля; таким путем поспешность отступления делается менее зловредной. Последний способ — самый дурной. На него надо смотреть, как на новый заем, который делает неплатежеспособный должник и который ведет к еще большему расстройству его дел. Правда, бывают положения, когда этот прием можно рекомендовать, а в других случаях он представляется единственно возможным; имеются и примеры его успешности, но в общем несомненно, что на него наталкивает не столько ясное сознание, считающее, что этим путем можно вернее достигнуть своей цели, как другое, непозволительное, основание — страх перед столкновением с неприятелем. Горе тому полководцу, который поддается этому чувству. Как бы ни пострадали моральные силы армии и как бы основательны ни были опасения оказаться в убытке при всякой встрече с неприятелем, однако, это зло лишь усугубляется боязливым уклонением от всякой возможности такой встречи. Бонапарт в 1813 г. не перевел бы через Рейн и тех 30 000—40 000 человек, которые у него еще оставались после сражения под Ганау, если бы он уклонился от этого сражения и вздумал бы переправляться через Рейн у Маннгейма или Кобленца. Только при помощи небольших боев, подготовленных и проведенных с крайней тщательностью, при которых побежденный всегда в качестве обороняющегося может использовать выгоды местности, можно **впервые поднять моральные силы армии.**

Невероятным может показаться благодетельное влияние малейшего успеха. Но для такой попытки большинству полководцев приходится преодолеть самих себя; другой путь — путь уклонения — кажется на первый взгляд настолько легче, что большей частью его и предпочитают.

Но как раз такое уклонение более всего способствует задачам победителя и часто кончается полной гибелью побежденного. Однако, мы должны напомнить, что речь в данном случае идет о целой армии, а не об отдельном отряде, который, будучи отрезан, пытается путем обходного движения вновь присоединиться к остальным войскам. В последнем случае условия совсем иные, и удача достигается весьма часто. При этом беге наперегонки к намеченной цели важно, чтобы преследующая армия выделила отряд, который шел бы за преследуемыми по прямому пути, дабы подбирать все бросаемое ими и поддерживать в них то впечатление, которое всегда производит близость неприятеля. Последнего не было сделано Блюхером во время предпринятого им после сражения под Ватерлоо преследования, которое в других отношениях было образцовым.

Правда, такие марши ослабляют и преследующего, и их нельзя рекомендовать, если неприятельская армия отходит на новые крупные силы, если во главе ее стоит выдающийся полководец и если ее разгром еще не полностью подготовлен. Но там, где можно себе позволить применить этот способ, он действует, как мощная машина. Разбитая армия несет при этом несоразмерные потери больными и отставшими, вследствие постоянного страха перед гибелью дух ее падает и принижается; под конец не приходится и думать о каком-нибудь упорядоченном сопротивлении; каждый день теряются тысячи пленных, даже без какого бы то ни было боя. В такой момент полного благополучия победителю нечего бояться разброски своих сил для того, чтобы увлечь в общий водоворот все, находящееся в черте досягаемости его войск, — отрезать отдельные отряды, захватить неподготовленные к обороне крепости, овладеть большими городами и пр. Он может позволить себе все, пока не создастся новая обстановка, и, чем шире будет его размах, тем позднее наступит такая перемена.

Войны Бонапарта дают нам много примеров таких блестящих действий, вызванных большими, решающими победами и грандиозными преследованиями. Напомним хотя бы о сражениях под Иеной, Регенсбургом, Лейпцигом и Ватерлоо.

Глава XIII

ОТСТУПЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПРОИГРАННОГО СРАЖЕНИЯ

В проигранном сражении силы армии надламываются, — моральные еще больше, чем физические. Второе сражение, без введения в игру новых благоприятных обстоятельств, привело бы к полному поражению, а может быть, и к гибели. Это — военная аксиома. Естественно, отступление продолжается до того пункта, где равновесие сил снова восстановится или благодаря подкреплениям, или вследствие прикрытия, доставляемого значительной крепостью, или большим естественным рубежом, или, наконец, вследствие большой разброски неприятельской армии. Степень понесенных потерь и размер поражения будут удалять или приближать наступление этого момента равновесия; но еще в большей зависимости он находится от характера противника. Часто случается, что понесшая поражение армия вновь останавливается на близком расстоянии, хотя в ее положении и не произошло каких-либо перемен со времени сражения. Причина такого явления кроется или в моральной слабости противника или в том, что одержанный в сражении перевес оказался недостаточным для развития настойчивого натиска.

Чтобы использовать эти слабые стороны или промахи противника и не отступить ни на шаг дальше того, к чему вынуждает сила обстоятельств, главным же образом для того, чтобы поддержать моральные силы на возможно более благоприятном уровне, — необходимо медленное отступление с беспрерывным сопротивлением, смелый отпор всякий раз, как преследующий увлечется чрезмерным использованием своих преимуществ. Отступление великих полководцев и армий, закаленных в боях, всегда напоминает уход раненого льва, и это бесспорно лучшая теория.

Правда, очень часто в момент, когда хотелось выйти из трудного положения, начинали выполнять пустые формальности, вызывающие лишь бесполезную потерю времени и становившиеся опасными, так как в такие минуты все зависит от возможности быстро убраться. Опытные вожди придавали большое значение этому правилу. Но подобные

случаи не следует смешивать с общим отступлением после проигранного сражения. Кто воображает, что в последнем случае может выиграть пространство несколькими большими переходами и легко занять устойчивое положение, тот совершает крупную ошибку. Первые движения должны быть возможно незначительными; в основном надо держаться принципа неподчинения воле неприятеля. Этому правилу нельзя следовать, не вступая в кровопролитные бои с надвигающимся противником, но принцип стоит этих жертв. Если им пренебрегать, то движение становится поспешным и скоро обращается в бешеный поток, причем потери одними отставшими превышают те, которые пришлось бы понести в арьергардных боях; сверх того теряются последние остатки мужества.

Сильный арьергард, составленный из отборных частей, предводимый самым храбрым генералом и поддержанный в важные минуты всей армией, тщательное использование местности, оказание сильного отпора всякий раз, когда дерзость неприятельского авангарда или условия местности доставляют удобный случай, словом, подготовка и выполнение настоящих небольших сражений — вот средства к проведению указанного принципа.

Трудности отступления, естественно, бывают бо́льшими или меньшими в зависимости от более или менее благоприятных условий, при которых протекало сражение, и в зависимости от бо́льшей или меньшей степени доведения сражения до последней точки. Насколько утрачивается всякая возможность совершить упорядоченное отступление, когда побежденный борется до последней крайности против численно превосходящего его противника, показывают сражения под Иеной и Ватерлоо.

Время от времени раздавались голоса (Ллойд, Бюлов), рекомендовавшие разделяться при отступлении, т. е. отступать отдельными отрядами или даже в эксцентрических направлениях. Мы не будем говорить здесь о том разделении на колонны, которое производится лишь ради удобства движения, причем совместные боевые действия остаются возможными и имеются нами в виду. Всякое же другое разделение в высшей степени опасно, противоречит природе вещей и, следовательно, составляет крупную ошибку. Ка-

ждое проигранное сражение представляет собою ослабляющее и разлагающее начало; поэтому ближайшая потребность сводится к тому, чтобы собраться и в этом сборе вновь обрести порядок, мужество и уверенность. Идея беспокоить противника с обоих флангов отдельными отрядами, в то время как он победоносно наступает, являлась бы сущей аномалией; она еще могла бы импонировать трусливому педанту, и в этом случае, может быть, была бы применима; но в тех случаях, когда нет полной уверенности в такой слабости противника, лучше от нее отказаться. Если стратегическая обстановка, создавшаяся после сражения, требует, чтобы мы прикрыли себя справа и слева отдельными отрядами, то надо сделать лишь то, что по обстоятельствам представляется безусловно необходимым; на подобное разделение сил следует всегда смотреть, как на зло, причем редко будет возможно осуществить его в первый же день после сражения.

Когда Фридрих Великий после сражения под Коллином и снятия осады Праги отступал тремя колоннами, то произошло это не по его собственному выбору, но потому, что расположение его сил и прикрытие Саксонии не позволяли ничего другого. Бонапарт после сражения под Бриенном отослал Мармона на р. Об, а сам направился через Сену к Труа; если это не имело для него дурных последствий, то лишь потому, что союзники, вместо того чтобы предпринять преследование, сами также разделились; часть (Блюхер) направилась на Марну, а часть (Шварценберг), не считая себя достаточно сильной, продвигалась вперед крайне медленно.

Глава XIV

НОЧНОЙ БОЙ

Как ведется ночной бой и каковы особенности его течения, это предмет тактики; мы рассматриваем его лишь постольку, поскольку в целом он представляет собою своеобразное средство.

В сущности каждая ночная атака является лишь повышенной степенью нечаянного нападения. На первый взгляд

она рисуется нам как чрезвычайно действительный прием, ибо мы всегда мыслим себе обороняющегося застигнутым внезапностью, а атакующего вполне подготовленным к тому, что произойдет. Какое неравенство! Фантазия изображает на одной стороне картину полного смятения, а на другой представляет нападающего, занятого лишь тем, чтобы пожинать плоды успеха. Отсюда столь часто наблюдаемое влечение к идее ночной атаки у людей, которые ничем не командуют и ни за что не отвечают, в то время как в действительности она — чрезвычайно редкое явление.

Эти представления исходят из предпосылки, что нападающему известны все принятые обороняющимся меры, ибо эти меры приняты и осуществлены заранее и не могли ускользнуть от его рекогносцировок и разведочной работы; напротив, мероприятия атакующего, как принятые лишь в момент выполнения, должны оставаться неизвестными противнику. Но уже последнее предрасположение не всегда оказывается верным, а первое — еще менее. Если мы не находимся от противника в столь близком расстоянии, чтобы он был расположен непосредственно на наших глазах, как находились австрийцы перед Фридрихом Великим до сражения при Гохкирхе, то наши сведения об его расположении всегда окажутся крайне неполными; их источником явятся рекогносцировки, донесения разъездов, показания пленных и шпионов; все эти сведения уже потому никогда не будут определенными, что они явятся всегда более или менее устаревшими, и расположение неприятеля могло с того момента, которым они датированы, измениться. Впрочем, в прежние времена, при прежней тактике и системе устройства лагерей, было гораздо легче изучить расположение противника, чем теперь. Линию палаток гораздо легче различить, чем ряд землянок и шалашей или даже бивак, а лагерь в уставной развернутой линии фронта легче, чем лагерь по дивизиям, размещенным колоннами, какие часто встречаются в наше время. Можно полностью охватывать глазами местность, на которой таким образом бивакирует дивизия, и все же не составить себе правильного представления.

Но опять-таки расположение противника не составляет всего того, что нам надо знать. Меры, которые обороняю-

щийся предпримет во время боя, столь же важны; не станет же он просто стрелять перед собою. Эти меры также делают ночные атаки более затруднительными в современных войнах, чем в прежних, ибо они в настоящее время получают преобладание над мерами, принятыми заблаговременно. В наших боях размещение обороняющегося имеет скорее временный характер, чем окончательный, а потому в современных войнах обороняющийся может гораздо сильнее поразить противника внезапными ударами, чем это он мог сделать в прежних войнах.

Таким образом то, что атакующий знает во время ночного нападения об обороняющемся, редко или даже никогда не бывает достаточным для того, чтобы возместить непосредственное наблюдение.

Но обороняющийся со своей стороны имеет также небольшое преимущество; он чувствует себя более дома в той местности, которая образует его позицию, чем нападающий; так, жилец комнаты ориентируется в ней в темноте скорее, чем посторонний человек. Обороняющийся, по сравнению с атакующим, может быстрее разыскать каждую воинскую часть и легче до нее добраться.

Отсюда следует, что во время ночного боя атакующему нужны свои глаза не меньше, чем обороняющемуся; следовательно, лишь особые причины могут побудить к ночному нападению.

Такие причины преимущественно касаются второстепенных частей армии и лишь в редких случаях относятся ко всей армии, а отсюда следует, что ночная внезапная атака нормально может иметь место лишь в незначительных боях и только в редких случаях в больших сражениях.

Второстепенную часть неприятельской армии мы можем атаковать значительно превосходящими силами, следовательно, охватывая ее с целью или совершенно уничтожить или же нанести ей в неравной борьбе большие потери, если тому будут благоприятствовать прочие обстоятельства. Однако, такое предприятие может удаться лишь при большой неожиданности, ибо в столь невыгодный бой ни одна слабая часть не станет ввязываться, а предпочтет своевременно отступить. Но высокой степени неожиданности, за исключением немногих случаев, когда местность имеет

весьма закрытый характер, можно достигнуть лишь ночью. Отсюда следует, что если мы хотим извлечь выгоду из ошибочного расположения какой-нибудь второстепенной части неприятеля, то должны воспользоваться ночным временем, чтобы по крайней мере закончить нужную подготовку; самый же бой может начаться и под утро. Таким путем и возникают все мелкие предприятия против неприятельского сторожевого охранения и других малых отрядов; острие этих предприятий направлено на то, чтобы при помощи перевеса сил и обхода вовлечь неприятеля в столь невыгодный для него бой, из которого он не мог бы выйти без больших потерь.

Чем крупнее атакуемая часть, тем предприятие труднее, ибо крупная часть всегда обладает в своих собственных недрах большими средствами, чтобы затянуть бой, пока не подоспеет подмога.

По этой причине целая неприятельская армия в обычных случаях не может стать объектом подобной атаки, ибо, хотя она и не может ожидать помощи извне, но сама она обладает достаточными средствами для того, чтобы противостоять такой атаке с нескольких сторон, особенно в наше время, когда все части подготовлены к столь обычной форме нападения. Будет ли иметь успех атака противника, направленная на нас с разных сторон, — это обычно будет зависеть от совершенно иных условий, но не от внезапности. Не останавливаясь здесь более подробно на рассмотрении этих условий, мы ограничимся лишь указанием на то, что с обходом связана возможность больших успехов, но вместе с тем и больших опасностей, и что таким образом, помимо конкретных обстоятельств, право на это дает нам лишь большое численное превосходство, каким мы можем располагать против второстепенной части неприятельской армии.

Но окружение и обход небольшого неприятельского отряда и притом в темноте ночи уже потому более выполнимы, что те силы, которые мы на это употребляем, как бы они ни превосходили противника численностью, все же, по всей вероятности, будут составлять лишь второстепенную часть нашей армии, а потому ими можно скорее итти на большой риск, чем ставить на карту целое. Кроме того, значительная

часть, если не вся армия, будет служить для этой рискующей части опорой и будет готова ее принять, а это значительно уменьшает опасности предприятия.

Однако, не только рискованность, но и трудности выполнения ночных предприятий ограничивают их применение рамками небольших сил. Так как подлинный смысл их заключается во внезапности, то первым условием выполнения является возможность подкрасться, а это легче сделать небольшими частями, чем крупными, для колонн же целой армии это почти невыполнимо. Вот почему такие предприятия обычно бывают направлены на отдельные части сторожевого охранения, а в отношении более крупных частей они могут быть применены лишь в том случае, когда последние не выставили достаточного сторожевого охранения, как это было с Фридрихом Великим под Гохкирхом[1]. Такой случай реже может иметь место с целой армией, чем с небольшим отрядом.

В последнее время, когда война ведется гораздо быстрее и энергичнее, безусловно чаще могут иметь место случаи, когда враждующие армии располагаются друг от друга на близком расстоянии, не выставляя сильного сторожевого охранения, ибо то и другое наблюдается в моменты кризисов, незадолго предшествующих решению. Однако, в такие минуты и готовность к бою у обеих сторон бывает большей; напротив, в прежние времена был распространен обычай располагать враждующие армии лагерем на виду друг у друга и притом на долгое время; при этом у них не было других намерений, кроме стремления держать друг друга в узде. Как часто Фридрих Великий целыми неделями располагался так близко от австрийцев, что обе стороны могли обмениваться пушечными выстрелами!

Этот метод ведения войны, несомненно более благоприятный для ночных нападений, в современных войнах совершенно оставлен, и враждующие армии, которые в наши дни уже не представляют таких законченных в себе организмов в отношении их снабжения и обеспечения палатками, обычно

---

[1] Под Гохкирхом австрийцы (Даун), совершив ночью передвижения, атаковали на рассвете 14 октября 1758 г. Фридриха Великого и нанесли ему тяжелое поражение. — Ред.

находят необходимым располагаться на расстоянии дневного перехода друг от друга. Если мы теперь пристальнее подумаем о ночной атаке на армию, то убедимся, что для такого предприятия редко будут иметься достаточные мотивы; последними могут быть:

1) совершенно исключительная неосторожность или дерзость противника, которые редко встречаются, а там, где они имеют место, проявление их обычно оправдывается значительным моральным превосходством;

2) панический страх, охвативший неприятельскую армию, или вообще такое превосходство наших моральных сил, которого одного достаточно, чтобы заменить в бою управление;

3) необходимость прорыва сквозь численно превосходящую нас армию противника, которая нас окружила, ибо в этом случае все ставится на внезапность, а задача — лишь бы благополучно вырваться — допускает бо̀льшее сосредоточение сил;

4) наконец, безнадежное положение, когда наши силы находятся в таком несоответствии с силами противника, что лишь в крайнем риске можно усмотреть возможность успеха.

Но во всех этих случаях всегда останется в силе та предпосылка, что неприятельская армия находится у нас на глазах и не прикрыта авангардом.

Впрочем, большинство ночных боев организуется так, чтобы заканчиваться с наступлением дня; только подход и первое нападение выполняются под покровом темноты; таким образом атакующий лучше может использовать последствия того смятения, которое он вызовет у противника; бои же, которые начинаются лишь с рассветом, причем ночь была использована только для подхода, уже не должны относиться к числу ночных боев.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Глава I

ОБЩИЙ ОБЗОР

Мы рассмотрим вооруженные силы:

1) в отношении численности и состава;
2) по их состоянию вне боя;
3) с точки зрения их довольствия и, наконец,
4) в их общих отношениях к местности.

Следовательно, в этой части мы займемся теми отношениями вооруженных сил, которые надо рассматривать лишь как необходимые условия борьбы, но которые не являются самой борьбой. С последней они находятся в более или менее тесной связи и взаимодействии, а потому при применении боя о них часто будет заходить речь; однако, предварительно мы должны раз навсегда исследовать каждое из них само по себе как отдельное целое по его существу и особенностям.

Глава II

ТЕАТР ВОЙНЫ, АРМИЯ, ПОХОД

Природа предмета не дает возможности дать точное определение этих трех различных факторов в отношении пространства, массы и времени; но дабы порой не вызвать неправильного толкования наших слов, мы должны несколько уточнить те понятия, которые мы намерены в большинстве случаев вкладывать в эти термины.

1. Театр войны

Обычно под театром войны разумеют часть всего охваченного войной пространства, границы которого являются прикрытыми и которое потому обладает определенной самостоятельностью. Обеспечение границ театра военных действий может быть достигнуто крепостями, значительными местными рубежами, а также значительным удалением от остального пространства, охваченного войной. Такая часть представляет собой не только кусок целого, но и сама является небольшим целым, и благодаря этому перемены, происходящие на остальном захваченном войной пространстве, оказывают на нее не непосредственное, а лишь косвенное влияние. Если желательно установить точный признак, то таковым может быть только возможность представить себе на одном театре наступление, а на другом — в то же самое время — отступление; или оборонительные действия на одном, а наступательные — на другом. Но мы не всегда будем придерживаться такого строгого определения этого понятия; здесь мы желаем отметить лишь существенный его признак.

2. Армия

Пользуясь понятием театра войны, нетрудно установить, что такое армия: это та масса бойцов, которая находится на одном и том же театре войны. Однако, это определение не вполне обнимает обычное словоупотребление. Блюхер и Веллингтон в 1815 г. стояли во главе двух отдельных армий, хотя они действовали на одном театре войны. Таким образом, другим признаком армии является главное командование. Между тем этот признак очень близок к предыдущему, ибо при правильной организации на одном театре войны должен быть один главнокомандующий, и этот начальник на отдельном театре войны должен всегда обладать соответственной степенью самостоятельности.

Одна только абсолютная численность армии играет меньшую роль при ее наименовании, чем это может казаться на первый взгляд. Ибо там, где несколько армий действуют совместно *на одном и том же театре войны* и

притом под одним верховным командованием, они носят это название не по причине своей численности, но сохраняют его от прежних отношений (1813 г.: армия Силезская, Северная армия и пр.). Большую массу войск, которая предназначена действовать на одном театре войны, будут делить на корпуса, но отнюдь не на армии; по крайней мере это противоречило бы обычному способу наименования, которое, следовательно, имеет глубокие корни в существе дела. С другой стороны, было бы педантизмом высказывать притязание на название армии для всякого партизанского отряда, который самостоятельно хозяйничает в отдельной провинции; однако, надо заметить, что никого не поражает, когда говорят о Вандейской армии во время революционных войн, хотя последняя порою не была многим сильнее такого отряда.

Таким образом, понятия армии и театра войны являются, как правило, сопряженными и взаимно обусловливающими друг друга.

3. Поход

Хотя часто разумеют под походом те военные действия, которые в течение одного года происходят на всех театрах войны, тем не менее более обычно и более точно то словоупотребление, которое под походом разумеет действия, происходившие на одном театре войны. Однако, нехорошо, когда при этом ограничиваются понятием годичности, ибо войны уже не разделяются сами собою на годичные походы определенным и продолжительным занятием зимних квартир. Но так как вместе с тем события, происходящие на одном театре войны, сами распадаются на известные более крупные отдельные отрезки времени, а именно тогда, когда заканчиваются непосредственные следствия какой-либо — более или менее значительной — катастрофы и завязываются новые осложнения, то надо принимать во внимание эти естественные периоды, дабы отнести к известному году (походу) принадлежащие к нему события. Никто не оборвет кампанию 1812 г. на р. Немане, где находились армии к 1 января 1813 г., и не отнесет дальнейшего отступления французов до Эльбы к походу 1813 г.,

ибо очевидно, что оно составляет часть их общего отступления от Москвы.

Установление этих понятий не отличается большой отчетливостью, но не представляет особого неудобства, так как они не предназначаются, подобно философским определениям, быть источником дальнейших определений. Они должны служить лишь для того, чтобы придать изложению несколько большую ясность и определенность.

Глава III

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

В VIII главе 3-й части мы указали, какую ценность имеет в бою численное превосходство, а следовательно, и значение, которое имеет общий перевес сил для стратегии; отсюда вытекает важность соотношения сил; мы должны здесь высказаться о нем несколько подробнее.

Если мы рассмотрим без предубеждения историю современных войн, то будем вынуждены сознаться, что численное превосходство с каждым днем приобретает все более и более решающее значение; поэтому правило быть возможно сильным в момент решительного боя в настоящее время мы должны ценить несколько больше, чем когда бы то ни было раньше.

Храбрость и дух войска во все времена повышали физические силы, так будет и впредь. Но мы встречаем в истории также периоды, когда резкое превосходство в устройстве и вооружении войск давало значительный моральный перевес; в другие периоды такой же перевес давала большая подвижность войск; далее оказывали влияние вновь вводимые системы тактики, затем военное искусство увлеклось стремлением к искусному использованию местности, руководимому широкими и многообъемлющими принципами; на этой почве одному полководцу время от времени удавалось выиграть у другого значительные преимущества; однако, это стремление скоро исчезло и должно было уступить место более естественным и простым приемам. Если же мы без предвзятости взглянем на опыт последних войн, то будем вынуждены сказать, что

ни в целых походах, ни в решительных боях, т. е. генеральных сражениях, подобные явления уже почти не наблюдались; отсылаем читателя ко второй главе предыдущей части [1].

Армии в наши дни настолько стали схожи между собой и вооружением, и снаряжением, и обучением, что между лучшими из них и худшими особо заметного различия в этом отношении не существует. Степень подготовки научных сил, правда, еще, пожалуй, представляет существенные различия, но она, главным образом, приводит лишь к тому, что одни являются инициаторами и изобретателями тех или других усовершенствований, а другие — их быстрыми подражателями. Даже полководцы подчиненного порядка — командиры корпусов и дивизий — всюду держатся одних и тех же взглядов и методов в отношении своей профессии; таким образом, кроме таланта главнокомандующего, который едва ли можно мыслить состоящим в каком-либо постоянном соотношении с уровнем культурного развития народа и армии и который, напротив, является всецело делом случая, — одна лишь в т я н у т о с т ь в о й с к в войну может еще дать одной из сторон заметное преимущество перед другой. Чем больше будет равновесие во всем этом, тем более решительное влияние оказывает численное соотношение сил.

Характер, который носят современные сражения, является результатом этого равновесия. Стоит лишь прочитать без предубеждения описание Бородинского сражения, где первая армия в мире — французская — померилась с русской армией, которая, несомненно, по многим сторонам своей организации и по степени подготовки отдельных ее частей могла быть признана наиболее отсталой. Во всем ходе сражения не наблюдается ни малейшего проявления большого искусства или интеллигентности; это спокойная борьба между собою противостоявших сил, а так как последние были почти равными, то и не могло произойти ничего иного, как только медленное опускание чаши весов на ту

[1] Т. е. к характеристике сражения, данной по опыту при Бородино и вообще походов 1812 и 1813 гг. — Ред.

сторону, на которой была бо̀льшая энергия в руководстве и бо̀льший боевой опыт армии. Мы выбрали как пример именно это сражение потому, что в нем более, чем в каком-либо другом, стороны были численно равны.

Мы не утверждаем, что все сражения таковы, но таков основной тон большинства.

В таких сражениях, где стороны так медленно и методически меряются силами, излишек этих сил у одной из сторон должен дать очень надежный перевес. В действительности напрасно мы будем искать в истории современных войн таких сражений, в которых победа была бы одержана над вдвое сильнейшим противником, что в прежние времена все же случалось гораздо чаще. Бонапарт, величайший полководец нашего времени, во всех своих победоносных генеральных сражениях, за исключением сражения под Дрезденом в 1813 г., всегда умел сосредоточить более сильную или во всяком случае лишь немногим уступавшую противнику армию, а там, где это ему не удавалось, как под Лейпцигом, Бриенном, Ланом (Лаоном) и Ватерлоо, он терпел поражение.

Абсолютная численность является в стратегии большею частью такой данной, которую полководец не может уже изменить. Отсюда, однако, нельзя притти к заключению, что вести войну с значительно слабейшей армией невозможно. Война не всегда является свободным решением политики, и менее всего она бывает такою там, где силы крайне неравны; следовательно, на войне мыслимо всякое соотношение сил, и странной была бы теория войны, которая ретировалась бы как раз там, где в ней нужда будет наибольшая.

Как бы ни была желательна с точки зрения теории известная соразмерность сил, все же даже в случае крайнего их несоответствия теория не может умыть себе руки и заявить, что она в данном случае неприложима. Никаких границ здесь установить невозможно.

Чем слабее силы, тем меньше должны быть и цели и тем короче будет продолжительность (применения этих сил. — Ред.). В этих двух направлениях слабейшая сторона не может уступить в пространстве, если можно так выразиться.

Какие изменения вносит в процесс войны размер сил, мы будем иметь возможность выяснять лишь постепенно, по мере того, как будем встречаться с этим вопросом; здесь же мы довольствуемся указанием общей точки зрения; для большей ясности добавим еще следующее.

Чем больше нехватка сил у стороны, вовлеченной в неравную борьбу, тем сильнее под давлением опасности должны стать их внутреннее напряжение и энергия. Там же, где наблюдается обратное явление, где вместо героического отчаяния наступает отчаяние малодушия, там, конечно, военному искусству делать нечего.

Если с этой энергией сочетается мудрая умеренность в намеченных целях, тогда возникает игра блестящих ударов и осторожной сдержанности, чем мы столь восхищаемся в войнах Фридриха Великого [1].

Однако, чем меньше могут достигнуть умеренность и осторожность, тем более важным является напряжение и энергия всех сил. Там, где несоответствие сил настолько велико, что никакая степень ограничения собственных целей не может спасти от гибели, или когда вероятная продолжительность опасности настолько велика, что самое бережливое применение сил не может привести к цели, — напряжение всех сил будет или должно быть сосредоточено в одном единственном отчаянном ударе; теснимый, уже не рассчитывая на помощь со стороны, которой взяться неоткуда, будет видеть всю свою последнюю надежду в моральном превосходстве, которое придает каждому храброму человеку отчаяние; крайнюю смелость он будет рассматривать как высшую мудрость, в крайнем случае прибегнет к дерзкой хитрости и, если ему не суждено иметь удачи, он в гибели с честью обретет право на будущее воскресение [2].

---

[1] Этот абзац выписан на немецком языке Лениным. — Ред.

[2] От слов «теснимый» и до конца абзаца, за исключением фразы «уже не рассчитывая на помощь со стороны, которой взяться неоткуда», немецкий текст выписан Лениным и сопровожден следующей заметкой на полях: «право на воскресение (побежденного)». — Ред.

Глава IV

СООТНОШЕНИЕ РОДОВ ВОЙСК

Мы будем говорить лишь о трех главных родах войск: о пехоте, кавалерии и артиллерии.

Да будет мне дозволено привести нижеследующий анализ, относящийся преимущественно к области тактики, но необходимый для большей точности мышления.

Бой состоит из двух существенно отличных составных частей: уничтожения огнем и рукопашной схватки или индивидуального боя; последний в свою очередь является или нападением или обороной (нападение и оборона должны в данном случае, когда мы говорим об элементах, пониматься совершенно абсолютно). Артиллерия, очевидно, действует исключительно поражением огнем, кавалерия — лишь путем индивидуального боя, пехота — тем и другим способом.

Существо обороны в индивидуальном бою заключается в том, чтобы стоять твердо, будто пустив корни в почву; существо атаки — в движении. Кавалерия совершенно лишена первой способности, зато имеет преимущество в обладании второй. Таким образом, она пригодна лишь для атаки. Пехота в основном обладает способностью стойко держаться, но также в известной степени не лишена и способности к движению.

Из этого распределения элементарных сил между разными родами войск вытекают превосходство и универсальность пехоты по сравнению с двумя другими родами войск, так как только она объединяет в себе все три элементарные силы. Далее из этого ясно вытекает, что соединение всех трех родов войск приводит к более полному использованию сил на войне, ибо благодаря такому соединению мы приобретаем возможность по желанию усиливать то или другое начало, которое всегда в одной и той же пропорции представлено в пехоте.

Уничтожающее начало огневого действия в наших современных войнах имеет, очевидно, наибольшую действительность; тем не менее столь же очевидно, что на индивидуальный бой, лицом к лицу, надо смотреть как на подлинную основу боя. На войне армия, состоящая из одной

артиллерии, являлась бы полной нелепостью, армия же, состоящая из одной кавалерии, мыслима, но сила ее имела бы крайне ничтожную интенсивность. Армия, состоящая из одной пехоты, была бы не только мыслима, но и гораздо более сильна. Отсюда в отношении самостоятельности порядок, в котором располагаются три рода войск, следующий: пехота, кавалерия, артиллерия.

В ином отношении стоят они, однако, в смысле сравнительного значения каждого рода войск при соединении их вместе. Так как начало уничтожения (огнем. — Ред.) гораздо более действительно, чем начало движения, то полное отсутствие кавалерии гораздо менее ослабило бы армию, чем полное отсутствие артиллерии.

Армия, состоящая из одной артиллерии и пехоты, хотя и оказалась бы в неприятном положении при столкновении с армией, обладающей всеми тремя родами войск, но если бы недостающая у нее кавалерия была заменена соответственным количеством пехоты, то при несколько измененном способе действия она все же справилась бы со своим тактическим обиходом. Она, конечно, несколько затруднялась бы в сфере сторожевой службы; она никогда не могла бы с достаточной энергией преследовать разбитого неприятеля и могла бы отступить лишь с большим трудом и усилиями; но самих по себе этих затруднений не было бы достаточно для того, чтобы заставить ее окончательно отказаться от действий в поле. Напротив, она прекрасно выполнила бы свою роль против другой армии, которая состояла бы из одной пехоты и кавалерии; трудно даже представить себе, как эта последняя армия могла бы устоять против армии, составленной из всех родов войск.

Что эти соображения о сравнительном значении отдельных родов оружия представляют собою абстракцию, относящуюся только к нормальному большинству случаев, встречающихся на войне, разумеется само собою, и мы, конечно, не имеем в виду относить найденные положения к конкретной обстановке каждого частного боя. Батальон, несущий сторожевую службу или совершающий отступление, пожалуй, лучше предпочтет иметь при себе эскадрон, чем несколько пушек. Массе кавалерии и конной артиллерии,

быстро преследующей или обходящей бегущего неприятеля, вовсе не требуется пехота и т. д.

Сведя воедино вышеизложенные соображения, мы приходим к выводу, что:

1) пехота — самый самостоятельный род войск;

2) артиллерия не обладает никакой самостоятельностью

3) при соединении всех трех родов войск пехота является важнейшим;

4) легче всего можно обойтись без кавалерии;

5) соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу.

Раз соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу, то, естественно, возникает вопрос об абсолютно наивыгоднейшем их соотношении; но ответить на этот вопрос почти невозможно.

Если бы было возможно сравнить затрату средств, какую требует создание и содержание различных родов войск, а затем и пригодность каждого из них на войне, то тогда должен был бы получиться определенный результат, который в совершенно отвлеченной форме выразил бы наилучшее соотношение между ними. Но это лишь бесплодная игра воображения. Даже первый член этой пропорции трудно определяется; один фактор — денежные расходы — может быть определен, что же касается другого фактора — ценности человеческой жизни, то выразить его в цифрах никто не захочет.

То обстоятельство, что каждый из трех родов войск опирается по преимуществу на отдельную часть государственных средств: пехота — на численность населения, кавалерия — на количество лошадей, артиллерия — на денежные средства, вносит в расчет лишние данные, преобладание которых мы и можем довольно ясно усмотреть в крупных чертах истории различных народов и различных эпох.

Но не имея возможности по иным причинам совершенно обойтись без масштаба для сравнения, мы вынуждены вместо первого члена пропорции в его целом пользоваться лишь одним из его факторов, который мы действительно можем установить, а именно — размером денежных затрат. По этому поводу мы с достаточной для нас точностью можем в общем сказать, что по обычному опыту эскадрон в 150 ло-

шадей, батальон в 800 человек и батарея в 8 шестифунтовых орудий являются величинами приблизительно равными как по стоимости своего формирования, так и расходов по содержанию [1].

Что касается другого члена пропорции, а именно — сколько каждый род войск дает по сравнению с другим, то установить для него определенную величину еще труднее. До некоторой степени это еще было бы возможно, если бы дело сводилось к одному началу уничтожения; но каждый род войск имеет свое особенное назначение и, следовательно, свой особый круг деятельности; последний же в свою очередь является не настолько определенным, чтобы не мог быть большим или меньшим; это вызывает лишь видоизменения в ведении войны, но не причиняет решительного ущерба.

Часто ссылаются на то, что говорит об этом опыт, и думают найти в военной истории достаточные основания для определенных утверждений; но каждый должен сознаться, что все это — одни фразы, не опирающиеся на что-либо основное и неизбежное, а потому они для нашего исследования не имеют никакой цены.

Если бы даже можно было представить себе определенную величину, при которой образуется наилучшее соотношение разных родов войск, то таковая представит собою не искомое *X*, а простую игру воображения; однако, все же можно сказать, какие следствия явятся результатом большого численного перевеса одного из родов войск или же значительного его недостатка по сравнению с тем же родом войск в неприятельской армии.

Артиллерия усиливает разрушительное огневое начало; она самое страшное оружие, и, следовательно, недостаток в ней особенно понижает интенсивную силу армии. С другой стороны, она представляет собой наименее подвижный род войск, и, следовательно, она делает армию тяжеловесной; далее, она всегда нуждается в войсках для прикрытия, ибо совершенно неспособна к индивидуальному бою; если она

---

[1] Этот абзац от слов «по обычному опыту» до слов «по стоимости» включительно выписан Лениным и отмечен сбоку двумя чертами и вопросом: «а теперь?» — Ред.

излишне многочисленна, так что части прикрытия, которые могут быть для нее выделены, не всюду будут в состоянии выдержать напор атакующих масс неприятеля, то ее часто придется терять; при этом обнаруживается еще одна невыгода, а именно, что из всех трех родов войск она как раз тот, который в отношении своих главных частей — орудий и повозок — весьма скоро может быть использован против нас.

Кавалерия увеличивает начало подвижности в армии. Если она слишком малочисленна, то это ослабляет быстроту развития хода военных событий, так как все должно делаться гораздо медленнее (пешком) и все должно организовываться с большей осторожностью; богатая жатва победы уже не косится косой, а жнется серпом

Чрезмерное количество кавалерии никогда не может рассматриваться как непосредственный источник слабости вооруженных сил, как внутреннее неудобство; оно будет таковым лишь косвенно, в отношении трудности содержания ее, имея в виду, что вместо избыточных 10 000 кавалеристов можно было бы иметь 50 000 пехотинцев.

Эти особенности, вытекающие из преобладания какого-нибудь одного рода войск, тем важнее для военного искусства, понимаемого в более узком смысле слова, что последнее указывает нам методы использования имеющихся налицо вооруженных сил, состав же этих сил поступает в распоряжение главнокомандующего как готовая данная, при определении которой он играет сравнительно незначительную роль.

Итак, если мы захотим представить себе характер ведения войны, измененный вследствие преобладания какого-либо рода войск, то он будет рисоваться в следующем виде.

Избыток артиллерии приводит к преимущественно оборонительному, пассивному характеру действий; при этом будут искать спасения, главным образом, в укрепленных позициях, в значительных естественных рубежах, даже в горных позициях, дабы местные преграды принимали на себя оборону и защиту многочисленной артиллерии, а неприятельские силы сами шли бы под ее губительный огонь. Вся война будет вестись серьезным, формально размеренным темпом менуэта.

Напротив, недостаток артиллерии побудит нас отдавать предпочтение активному принципу подвижности. Переходы, труды и усилия станут нашим своеобразным оружием; война получит разнообразный, оживленный, замысловатый характер; крупные события будут разменены на мелкую монету.

При весьма многочисленной кавалерии мы будем искать широкого простора равнин и любить размах **крупных** движений. Находясь на значительном расстоянии от неприятеля, мы будем пользоваться большим покоем и удобствами, но не будем давать ему возможность пользоваться ими. Мы будем предпринимать отважные обходы и вообще смелые движения, ибо мы хозяева пространства. Поскольку диверсии и набеги могут быть действительными вспомогательными средствами войны, мы будем иметь возможность легко их применять.

Решительный недостаток в кавалерии уменьшает подвижность армии, не усиливая ее истребительного начала, как то делает избыток артиллерии. Тогда осторожность и методичность образуют основной характер войны. Постоянное нахождение вблизи от противника, чтобы не терять его из виду; отказ от быстрых, а тем более торопливых и опрометчивых движений; всегда медленное передвижение хорошо сосредоточенных масс; предпочтение, оказываемое пересеченной местности и обороне, а там, где должно быть произведено наступление, кратчайшее направление на центр тяжести неприятельской армии — таковы естественные тенденции в подобном случае.

Эти различные направления, принимаемые способом ведения войны в зависимости от преобладания того или другого рода войск, редко будут столь глубоко влиятельными и широко объемлющими, чтобы они одни — или по преимуществу одни — определяли ход всех операций. Если мы останавливаем свой выбор на стратегическом наступлении или на обороне, на действиях на том или другом театре войны, на генеральном сражении или на ином каком-либо средстве истребления, то мы руководимся другими существенными обстоятельствами; во всяком случае, если это будет не так, то надо опасаться, как бы мы не приняли второстепенное за главное. Но даже в тех случаях, когда главные вопросы

уже решены на основе других данных, все же остается известный простор для проявления влияния, оказываемого преобладанием того или другого рода войск, ибо в наступлении можно быть осторожным и методичным, а в обороне — смелым и предприимчивым и т. д. во всех стадиях и оттенках боевой жизни.

С другой стороны, природа войны может оказывать существенное влияние на соотношение различных родов войск.

Во-первых, народная война, опирающаяся на ландвер и ландштурм, естественно, приводит к организации значительного количества пехоты, ибо в такой войне ощущается больший недостаток в средствах для снаряжения, чем в людях, а так как в таких случаях снаряжение ограничивается самым необходимым, то легко можно допустить, что вместо одной восьмиорудийной батареи может быть выставлен не один батальон пехоты, а целых два или три.

Во-вторых, если слабая сторона в борьбе с сильной не может прибегнуть к вооружению широких масс или к какому-нибудь ополчению, приближающемуся к этой организации, то увеличение артиллерии представляет, конечно, кратчайший путь к тому, чтобы хотя бы до некоторой степени довести до равновесия свои слабые силы, ибо этим путем сберегаются люди и повышается самое существенное начало своих вооруженных сил — начало истребления. Кроме того, в этом случае театр войны по большей части будет ограничен тесными пределами, а тогда этот род войск окажется более всего подходящим. Фридрих Великий прибег к этому средству в последние годы Семилетней войны.

В-третьих, кавалерия есть оружие движения и крупных решительных действий; поэтому увеличение ее состава сверх обычной нормы важно при весьма обширных пространствах, широкой маневренности и при наличии намерения нанести решительные удары. Бонапарт являет тому яркий пример.

Что наступление и оборона, собственно говоря, сами по себе не могут в данном случае оказать влияния, станет для нас ясным лишь тогда, когда мы будем говорить об этих видах военной деятельности; сделаем лишь одно предварительное замечание, а именно, что обе стороны — как насту-

пающая, так и обороняющаяся — обыкновенно проходят по одной и той же местности, а также, по крайней мере во многих случаях, могут преследовать те же решительные цели. Вспомним поход 1812 г.

Согласно общераспространенному мнению, в средние века кавалерия своей численностью значительно превосходила пехоту, и это соотношение постепенно, вплоть до наших дней, складывалось к невыгоде кавалерии. Однако, это — по крайней мере отчасти — представляет собою недоразумение. Численность кавалерии по отношению к пехоте была немного больше, в чем нетрудно убедиться, проследив внимательно более точные цифровые данные о вооруженных силах средних веков. Вспомним хотя бы о тех пехотных массах, которые составляли войска крестоносцев или следовали за императорами в их итальянских походах. Но значение кавалерии в те времена было действительно гораздо большее. Она являлась более могучим родом войск; составлялась она из отборной части народа и притом так, что, значительно уступая в численности, она все же рассматривалась как самая главная; с пехотой мало считались и о ней почти не упоминали; отсюда сложилось мнение, будто в те времена ее было очень мало. Правда, при небольших междоусобных войнах, происходивших в Германии, Франции и Италии, чаще, чем теперь, могли быть случаи, когда вся немногочисленная армия состояла из одной конницы; так как она представляла самый главный род войск, то в этом не заключалось никакого противоречия; однако, такие случаи не могут считаться решающими для определения общей нормы, так как последняя определяется, главным образом, большими армиями. Лишь тогда, когда в деле ведения войны ленные отношения потеряли всякое значение, а войны стали вестись при помощи навербованных, наемных, оплачиваемых солдат, на базе вербовки и денег, т. е. в эпоху Тридцатилетней войны и Людовика XIV, окончательно прекратилось это пользование большими массами малополезной пехоты; пожалуй, тогда снова вернулись бы исключительно к коннице, если бы благодаря заметному усовершенствованию огнестрельного оружия пехота не приобрела большего значения; этим она сохранила свое численное преобладание над кавалерией; в этот период соотно-

шение между пехотой и кавалерией, когда пехоты было мало, выражалось в цифрах 1 : 1, а когда пехота была очень многочисленна, то она относилась к коннице, как 3 : 1.

С тех пор, по мере совершенствования огнестрельного оружия, кавалерия все более теряет свое значение. Это само собою понятно; однако, указанное совершенствование касается не только самого оружия и умения им пользоваться, но и умения употреблять в дело войска, по-новому вооруженные. В сражении при Мольвице пруссаки довели свое умение пользоваться огнем до высшей степени, превзойти которое не удалось и в позднейшие времена. Однако, пользование пехотой на пересеченной местности и применение огнестрельного оружия в стрелковом бою появились лишь позднее и должны рассматриваться как крупный шаг вперед в акте истребления.

Таким образом, наше мнение сводится к тому, что соотношение между кавалерией и пехотой с точки зрения численности мало изменилось, значение же того и другого рода войск изменилось чрезвычайно. Это на первый взгляд кажется противоречием, но в сущности не является таковым. Дело в том, что в средние века пехота достигла такого значительного численного перевеса над конницей не по своему внутреннему отношению к последней, а по той причине, что все то, что нельзя было поставить в виде значительно более дорогого рода войск, выставлялось в виде пехоты; следовательно, пехота являлась лишь возможным выходом из трудного положения, а конница, если бы численность ее определялась исключительно ее значением, никогда не могла бы быть слишком многочисленной. По этой-то причине становится понятным, почему, несмотря на потерю значительной доли своего значения, кавалерия все же достаточно сохранила его для того, чтобы удержаться в том же численном отношении к пехоте, какое она до сих пор так упорно сохраняет.

Действительно, нельзя не отметить, что, по крайней мере со времени войны за австрийское наследство, отношение кавалерии к пехоте не изменилось, колеблясь в пределах $^1/_4$, $^1/_5$ и $^1/_6$. Повидимому, это указывает на то, что именно такое соотношение удовлетворяет естественную по-

требность и что им выражаются как раз те величины, которые установить непосредственно не представляется возможным. Мы, однако, в этом сомневаемся и полагаем, что во многих случаях в пользу увеличения численности кавалерии действовали особые, исключительные основания.

Россия и Австрия представляют собою государства, которые наталкиваются на такое увеличение, ибо они еще располагают в составе своих владений обломками татарских организаций [1]. Бонапарт никогда не мог собрать достаточных сил для своих целей; использовав конскрипцию до крайнего предела, он имел возможность усилить свою армию лишь путем увеличения вспомогательных родов войск [2], для которых требуется больше денег, чем человеческого материала. Нельзя притом упускать из виду, что при огромных размерах его походов кавалерия должна была получать гораздо большую ценность, нежели в обыденных случаях.

Фридрих Великий, как известно, осмотрительно учитывал каждого рекрута, которого он мог сберечь для своей страны; главный его промысел заключался именно в том, чтобы поддерживать свою армию в сильном составе за счет иностранных государств. Что к этому у него было полное основание, станет понятным, если вспомнить, что из своих небольших владений он лишился еще прусских и вестфальских провинций [3]. А кавалерия, помимо того что она вообще требует меньше народа, гораздо легче пополняется при помощи вербовки; к этому присоединялась и его система ведения войны, основанная на превосходстве в подвижности; таким-то образом и произошло, что, в то время как пехота у него таяла, кавалерия до самого конца Семилетней войны численно непрерывно росла. Все же в конце этой войны кавалерия по численности едва достигала одной четверти выступавшей в поле пехоты.

Впрочем, в наполеоновскую эпоху мы можем встретить

---

[1] Намек на казаков, которые вообще пользуются вниманием Клаузевица и которых он лично наблюдал при Бородино, находясь в отряде Уварова. — Ред.

[2] Клаузевиц разумеет здесь под вспомогательными родами войск конницу и артиллерию. См. стр. 342. — Ред.

[3] Заняты были противником в Семилетнюю войну. — Ред.

достаточное число примеров, когда армии, обладавшие необычайно слабой кавалерией, все же одерживали победу. Самый яркий пример этого — сражение при Гросс-Гершене[1]. Силы Бонапарта, если считать те дивизии, которые принимали участие в бою, равнялись 100 000 человек, в том числе 5 000 кавалерии и 90 000 пехоты; у союзников же было 70 000 человек, из которых 25 000 кавалерии и 40 000 пехоты. Таким образом, у Бонапарта, имевшего на 20 000 человек кавалерии меньше, чем неприятель, было на 50 000 человек пехоты больше; а следовало бы иметь пехоты на 100 000 больше[2]. Если он все же выиграл сражение при таком перевесе пехоты, то спрашивается, мог ли бы он его проиграть при условии, что отношение сил было бы 140 000 к 40 000?

Правда, тотчас после окончания сражения сказалась огромная выгода нашего превосходства в кавалерии, ибо Бонапарт почти не захватил никаких трофеев. Таким образом, выиграть сражение — еще не все; однако, не является ли это все же самым существенным?

Ввиду таких соображений нам кажется сомнительным, чтобы установившееся и сохранившееся до нас в последние 80 лет численное соотношение между кавалерией и пехотой было естественным и вытекающим исключительно из их абсолютной ценности; напротив, мы того мнения, что после многих колебаний соотношение этих двух родов войск подвергнется новому изменению в том же направлении, причем относительная численность кавалерии в конце концов значительно сократится.

Что касается артиллерии, то число орудий естественно возрастало с момента их изобретения по мере их облегчения и усовершенствования; однако, со времен Фридриха Великого и до наших дней ее отношение к пехоте сохраняется довольно устойчиво — два или три орудия на каждую тысячу человек. Понятно, что эти цифры относятся к началу кампании, ибо в течение ее артиллерия тает не в такой прогрессии, как пехота; поэтому к концу кампа-

---

[1] Или Люцене в 1813 г. — Ред.

[2] Клаузевиц исходит из расчета пять пехотинцев на одного кавалериста, считая батальон за эскадрон. — Ред.

нии это соотношение значительно увеличивается и может быть оценено как 3, 4 и до 5 орудий на каждые 1 000 человек. Является ли такое соотношение естественным или же увеличение числа орудий может возрасти без ущерба для ведения войны в целом, — этот вопрос должен разрешить опыт [1].

Итак, если мы подведем окончательный итог всему вышесказанному, то получится следующая картина:

1) пехота является главным родом войск, по отношению к которому остальные два являются подчиненными;

2) недостаток в этих двух родах войск может быть до некоторой степени восполнен бо̀льшим искусством и энергичной деятельностью в ведении войны при предпосылке, что пехота соответственно сильнее и лучше;

3) без артиллерии труднее обойтись, чем без кавалерии, ибо она представляет главное начало истребления, и действия ее в бою более тесно слиты с действиями пехоты;

4) так как в деле истребления артиллерия представляет наиболее сильный род войск, а кавалерия — наиболее слабый, то в общем вопрос надо ставить так: до какого предела можно усиливать артиллерию без особого ущерба и каким минимальным количеством кавалерии можно обойтись?

Глава V

БОЕВОЙ ПОРЯДОК АРМИИ

Боевой порядок — это то подразделение и объединение родов войск в отдельные члены всего целого и та форма их построения, которые должны остаться нормой для всей кампании или войны [2].

---

[1] К началу мировой войны на 1 000 пехотинцев по нормальной германской организации приходилось уже свыше шести орудий. На ударных участках мировой войны в позиционный период сосредоточивалось свыше тридцати орудий на 1 000 бойцов. — Ред.

[2] Подразделение — это боевое расписание армии, которое и ныне сохраняет известную продолжительность действия, хотя современные переброски резервов и перегруппировки вносят в него много изменений; построение, т. е. группировка сил,

Таким образом, он заключает в себе до известной степени арифметический и геометрический элементы — **подразделение** и **построение**. Первое исходит из постоянной организации армии мирного времени, воспринимает известные части, как то: батальоны, эскадроны, полки и батареи, за единицы и образует из них более крупные члены вплоть до целого — сообразно с требованиями обстановки. Точно таким же способом и построение исходит из элементарной тактики, в соответствии с которой войска в мирное время обучаются и упражняются и на которую в основном во время войны приходится смотреть, как на мало подлежащую изменению данную [1]. Затем построение связывается с условиями применения войск на войне в крупных массах и, таким образом, в общем определяет тот нормальный порядок, в котором войска вступают в бой.

Так было во все времена, когда большие армии выступали в поход; была даже эпоха, когда форма построения войск признавалась самым существенным фактором боя.

Когда в XVII и XVIII столетиях усовершенствование огнестрельного оружия заставило сильно увеличить численность пехоты и растянуть ее в тонкие длинные линии, боевой порядок стал благодаря этому проще, но в то же время построение его стало трудным и искусственным. При этом уже решительно не знали, куда девать кавалерию, кроме размещения ее на флангах, где не было стрельбы и где у нее был простор для действий на коне; таким образом, боевой порядок всякий раз обращал армию в замкнутое неделимое целое. Стоило перерезать такую армию пополам, и она уподоблялась разрезанному надвое земляному червю; крылья продолжали еще жить и двигаться, но уже не могли выполнять свои органические функции. Армии как бы находились под известного рода заклятием единства, и всякий раз, когда требовалось выделить какую-

---

изменяется теперь с каждой новой задачей. Более соответствовало бы содержанию наименование этой главы: «Боевое расписание армии». — Ред.

[1] В настоящее время под влиянием быстрого развития техники тактика подвергается в самом ходе войны неоднократной капитальной ломке. — Ред.

либо часть, необходимо было провести небольшую реорганизацию и дезорганизацию. Армия в состоянии марша находилась в известной степени вне закона. Если неприятель находился поблизости, то марш должен был организовываться с крайним искусством; одну из линий или крыло приходилось вести через всякого рода естественные преграды на сносном интервале от других частей. Возможность совершать такие переходы приходилось точно воровать у противника, и единственное обстоятельство, которое делало это хроническое воровство безнаказанным, заключалось в том, что и противник находился под тем же самым заклятием.

Поэтому, когда во второй половине XVIII столетия напали на мысль о том, что кавалерия может с таким же успехом охранять фланги, размещаясь позади армии, как и составляя ее продолжение по фронту, и что в первом случае она может быть использована и для многих других целей, помимо простого состязания с кавалерией противника, то этим уже был сделан значительный шаг вперед; этим путем армия на всем своем фронте, представляющем всегда главнейшее ее протяжение, оказалась состоящей из однородных членов. Ее можно было разбить на любое число частей, причем так, что каждая часть походила на другую и на общее целое. Армия перестала быть неделимым единством и обратилась в многочленное целое, а отсюда стала гибкой и поворотливой. Части могли без особых затруднений отделяться от целого и снова к нему присоединяться, — боевой порядок не нарушался. Таким путем возникли соединения, составленные из всех родов войск, — точнее говоря, благодаря этому они стали возможными, ибо, конечно, потребность в них ощущалась гораздо раньше.

Вполне естественно, что вся эта эволюция определялась формами сражения. Когда-то сражение представляло собой всю войну, и оно всегда останется ее сущностью. Вообще боевой порядок в большей мере относится к тактике, чем к стратегии; этим указанием на источник мы хотим лишь подчеркнуть, как тактика подразделением целого на меньшие целые уже подготовила почву для стратегии.

Чем значительнее становятся армии, чем шире они рас-

пределяются на больших пространствах и чем многообразнее действия отдельных частей сплетаются одно с другим, тем больший простор открывается перед стратегией. Боевой порядок, как мы его понимаем[1], должен был вступить со стратегией в известное взаимодействие, которое проявляется, главным образом, в тех предельных точках, где тактика и стратегия соприкасаются между собою, а именно — в те моменты, когда общая группировка сил переходит в особый распорядок боя.

Теперь обратимся к трем пунктам: подразделение армии, объединение различных родов оружия и построение и рассмотрим их в стратегическом отношении.

1. Подразделение. С точки зрения стратегии никогда не следовало бы задавать вопрос о том, какой силы должны быть дивизия или корпус, а лишь о том, сколько корпусов или дивизий должно быть в армии. Нет ничего более неуклюжего, как армия, разделенная всего на три части, не говоря уже о делении ее на две части; такое деление почти нейтрализует главнокомандующего.

Определение численности крупных и мелких частей, как на основе положений элементарной тактики, так и на основе высших тактических соображений, открывает невероятно широкое поле для произвола, и одному богу известно все разнообразие рассуждений, развертывавшихся на этом просторе. Напротив, потребность в известном числе частей, входящих в состав самостоятельного целого, представляет нечто совершенно определенное и ясное, и эта мысль дает чисто стратегические основания для определения числа, а отсюда, конечно, и силы более крупных единиц; определение численности более мелких частей, как батальоны, роты и т. п., всецело остается в распоряжении тактики.

Нельзя себе представить самой мелкой изолированной единицы, в которой нельзя было бы различить трех частей, из которых одна часть может быть выдвинута вперед,

---

[1] Клаузевиц, относя вопрос о построении боевого порядка к тактике, рассматривает боевой порядок с стратегической точки зрения только как боевое расписание, т. е. в чисто организационном отношении. — Ред.

одна часть задержана позади; конечно, четыре части представляют еще больше удобств; это вытекает из того, что средняя часть в качестве главных сил должна быть крупнее двух других; рассуждая дальше, можно дойти до восьми частей, что представляется нам наиболее подходящим для армии, если принять за постоянную необходимость иметь одну часть в качестве авангарда, три — в качестве главных сил, а именно: правое крыло, центр и левое крыло, две части как резерв и, наконец, одну для выделения вправо и одну для выделения влево. Было бы педантизмом придавать этим цифрам и фигурам особое значение, но мы все же полагаем, что они отражают обычное, всегда повторяющееся стратегическое построение, благодаря чему и представляют собой весьма удобное подразделение.

Правда, руководство армией (да и руководство всяким целым) представляется чрезвычайно облегченным, когда главнокомандующему приходится иметь дело не более чем с тремя или четырьмя непосредственно ему подчиненными; но за это удобство полководец обыкновенно дорого расплачивается двояким образом. Во-первых, чем длиннее иерархическая лестница, по которой должно спускаться приказание, тем это последнее более теряет в своей быстроте, силе и точности: это имеет место, когда между главнокомандующим и начальниками дивизий имеются еще и корпусные командиры; во-вторых, главнокомандующий утрачивает тем большую часть своей власти и действенности, чем шире круг деятельности его непосредственных подчиненных. Полководец, распоряжающийся 100 000 человек, разделенных на восемь частей, обладает гораздо более интенсивной властью, чем в том случае, когда те же 100 000 человек разделены всего на три части. На это имеется много разных причин; важнейшая из них та, что командир каждой части полагает, будто бы он имеет какие-то собственнические права на все подчиненные ему войска, и потому упорствует почти всякий раз, когда какая-либо часть их отнимается у него на более или менее продолжительное время. Кто имеет хоть некоторый боевой опыт, тому это вполне ясно.

С другой стороны, нельзя доводить и числа отдельных частей до чрезмерно больших размеров во избежание бес-

порядка. Штабу армии, состоящей из восьми частей, управлять уже не легко, и выше десяти доводить это число не следует. В дивизии же, где средства для доведения приказов до осуществления гораздо ограниченнее, подходящими являются более мелкие цифры: 4, максимум 5.

Если бы эти факторы (5 и 10) оказались недостаточными, т. е. если бы при этом бригады получились слишком большими, пришлось бы вставить еще корпусную организацию; при этом, однако, надо иметь в виду, что тем самым создается новая в л а с т ь, которая сразу значительно снижает все прочие инстанции.

Что собственно надлежит разуметь под слишком крупной бригадой? Размер ее обыкновенно определяется числом от 2 000 до 5 000 человек, причем, повидимому, существуют два основания для оправдания последнего предела; первое заключается в том, что бригада представляется как такая часть, которой один человек может непосредственно управлять, т. е. командование которою лежит в пределах голоса [1], второе — что оставлять без артиллерии значительную массу пехоты нежелательно, а первичное объединение двух родов войск само собой создает особое подразделение.

Не будем углубляться в эти тактические тонкости и оставим в стороне спор о том, когда и в каком соотношении должно происходить объединение всех трех родов оружия: в дивизиях ли, состоящих из 8 000 или 12 000 человек, или в корпусах в 20 000—30 000 человек. Даже самые ярые противники подобного объединения [2] не будут возражать

---

[1] Клаузевиц считал бригаду той единицей, которой можно управлять голосом. Ген. Войде, переводчик Клаузевица в начале этого столетия, сомневался в возможности управлять так даже батальоном, видимо, допуская это для роты, а современный французский устав только боевую группу (в 10—12 человек) считает такой единицей, какою ее начальник будет «всегда» управлять непосредственно голосом. — Р е д.

[2] В первой половине XIX века артиллеристы возражали против включения в мирное время артиллерии в состав общевойсковых соединений; подчинение батарей неспециалистам, по их мнению, грозило тем, что артиллерия — ученый род войск — растеряет свою ученость. — Р е д.

против нашего утверждения, что лишь это объединение придает самостоятельность частям и что для тех частей, которым приходится во время войны оказываться часто изолированными, оно по меньшей мере представляется желательным.

В армии, состоящей из 200 000 человек и подразделенной на десять дивизий, из которых каждая в свою очередь подразделена на пять бригад, бригада равнялась бы 4 000 человек. В этом случае мы ни в чем не усматриваем какой-либо аномалии. Правда, такую армию можно подразделить и на пять корпусов, а каждый корпус на четыре дивизии и дивизию на четыре бригады, причем создадутся бригады по 2 500 человек; но, говоря теоретически, первое деление нам кажется предпочтительным, ибо при втором делении у нас уже получается на одну иерархическую ступень больше и сверх того пять частей для подразделения армии мало, так как это делает ее недостаточно гибкой; то же можно сказать и о четырехдивизионном корпусе, а бригада в 2 500 человек — бригада слабая; таких бригад у нас окажется 80, в то время как первое деление, имевшее их всего 50, было тем самым проще. Стоит ли отказываться от всех этих преимуществ лишь для того, чтобы главнокомандующему пришлось иметь дело с половинным числом генералов. Ясно само собою, что в не столь многочисленных армиях деление на корпуса представляется еще более неуместным.

Таковы отвлеченные соображения по этому предмету. Конкретный случай может, конечно, сопровождаться основаниями, которые приведут к иному решению. Прежде всего надо признать, что если еще можно управлять восемью или десятью дивизиями, объединенными в армию на равнине, то при растянутом расположении в горах, пожалуй, командование ими оказалось бы невозможным. Широкая река, разделяющая армию на две равные части, заставит назначить особого начальника над каждой половиной. Короче говоря, могут быть сотни местных конкретных обстоятельств, перед которыми должно отступить отвлеченное правило.

Однако, опыт учит нас, что эти отвлеченные основания все же применяются чаще всего и вытесняются частными

случаями гораздо реже, чем это можно было бы предполагать.

Мы позволим себе обрисовать в кратких чертах общий объем всех этих соображений, сопоставив при этом отдельные, более веские замечания.

Разумея под членами целого лишь те, которые получаются от первого подразделения, т. е. непосредственно подчиненные, мы говорим:

1) если у целого слишком мало членов, оно становится негибким;

2) если члены целого чересчур крупны, то это ослабляет силу высшего командования;

3) с каждой ступенью, по которой проходит приказание, сила его ослабляется по двум причинам: во-первых, вследствие утраты, происходящей от передачи через новую инстанцию; во-вторых, вследствие задержки во времени, которая вызывается этой передачей.

Все это служит основанием, чтобы число рядом стоящих единиц было возможно больше, а число инстанций — возможно меньше. Предел здесь ставится лишь тем, что армейское командование может с удобством управлять не более чем восемью или десятью членами, а низшие инстанции — только четырьмя или шестью.

2. Объединение родов войск. Для стратегии объединение различных родов войск в боевом порядке важно лишь в отношении тех частей, которые, согласно обычному ходу дела, часто располагаются отдельно, причем они могут быть вынуждены самостоятельно вступить в бой. Для этого, естественно, предназначаются члены первого порядка и, главным образом, только они, ибо, как мы в этом будем иметь случай убедиться, образование отдельных групп большей частью вытекает из самого понятия целого и его потребностей.

Поэтому, строго говоря, стратегия должна была бы требовать постоянного соединения разных родов войск лишь в составе корпусов, а если этой единицы не существует, то в составе дивизий, и допускать в членах низшего порядка лишь временное объединение, когда то оказывается необходимым.

Но легко усмотреть, что корпуса, когда они достигают

большой численности, от 30 000 до 40 000 человек, лишь в редких случаях будут занимать одно нераздельное расположение, следовательно, такие крупные корпуса нуждаются в объединении различных родов войск и в дивизиях. Тот, кто ставит ни во что задержку, происходящую при всяком спешном откомандировании, когда приходится придавать пехоте кавалерийскую часть, которая должна прибыть из довольно удаленного, может быть, пункта, — мы не говорим уже о путанице, которая может при этом произойти, — тот, очевидно, не обладает никаким военным опытом.

Вопросы, уточняющие условия объединения трех родов войск, определяющие, до каких пределов оно может спускаться, насколько тесным оно должно быть, какие при нем должны соблюдаться соотношения, какие резервы каждого рода оружия должны быть оставлены, относятся полностью к тактике.

3. Построение. Решение вопроса о том, в каких пространственных соотношениях между собою должны быть построены в боевом порядке отдельные части армии, точно так же принадлежит всецело тактике, так как определяется только сражением. Правда, существует и стратегическое построение, но оно зависит почти исключительно от задач и требований данной минуты, а то, что в нем имеется рационального, не содержится в значении, которое вкладывается в понятие боевого порядка [1], поэтому мы рассматриваем его в следующей главе под заглавием «Общее построение армии».

Боевой порядок армии есть, следовательно, подразделение ее и построение в упорядоченной для сражения массе. Части должны быть так сцеплены, чтобы как тактические, так и стратегические требования данной минуты могли быть легко удовлетворены любой отдельной частью, изъятой из общей массы. Как только минует потребность данного момента, части тотчас снова становятся на свои места; таким путем боевой порядок становится

---

[1] Стратегическое построение признается Клаузевицем лишь как внебоевой порядок, так как раз бой начался, построение представляет тактический порядок. — Ред.

первой ступенью и основой того благотворного методизма, который на войне, подобно качанию маятника, регулирует все дело и о котором мы уже говорили в IV главе 2-й части.

Глава VI

ОБЩЕЕ ПОСТРОЕНИЕ АРМИИ

Между моментом начального сосредоточения вооруженных сил и моментом созревшего решения, когда стратегия поведет армию на решительный пункт, а тактика укажет каждой части ее место и роль, в большинстве случаев имеет место значительный промежуток времени. Точно так же одна решающая катастрофа отделяется во времени от следующей [1].

Прежде такие промежутки до известной степени как бы не являлись войной. Вспомним хотя бы, как Люксембург [2] располагался лагерем и совершал переходы. Мы обращаемся к действиям этого маршала потому, что он прославился своими лагерями и маршами, а следовательно, может считаться представителем своей эпохи, к тому же мы о нем больше знаем, чем о каком-нибудь другом современном ему полководце, из «Histoire de la Flandre militaire» [3].

Лагери, как правило, упирались тылом вплотную к реке или болоту, или же к глубокому оврагу, что теперь сочли бы безумием. Фронт расположения отнюдь не определялся направлением, в котором находился неприятель, и часто бывали случаи, когда лагерь был обращен тылом к неприятелю, а фронтом к собственной стране. Такой неслыханный

---

[1] В настоящее время кризис первой крупной операции отделяется от момента окончания развертывания всего несколькими днями. Под катастрофой Клаузевиц разумеет, очевидно, крупное боевое столкновение. — Ред.

[2] Военная карьера Люксембурга продолжалась с 1643 г. по 1694 г. Расцвет ее относится к Нидерландским походам Людовика XIV в последней четверти XVII века. Мемуары Люксембурга были изданы в 1758 г. — Ред.

[3] Походы Люксембурга лучше всего освещены в мемуарах Фекьера — в наиболее распространенном в XVIII веке военно-научном труде. — Ред.

в наши дни образ действий может быть объяснен исключительно тем, что при выборе места под лагерь руководствовались главным образом и почти исключительно соображениями удобства, а на лагерное расположение смотрели как на состояние вне акта войны, так сказать, за кулисами сцены, где нет надобности стесняться. Что тылом всегда прислонялись вплотную к какой-нибудь естественной преграде, составляло, пожалуй, единственную меру предосторожности, которую при этом считали нужным принимать, правда, в духе тогдашнего способа вести войну. Ведь такая мера вовсе не подходила к случаю, если бы нас вынудили к бою в таком лагере. Впрочем, этого почти и не приходилось опасаться, ибо сражения происходили чуть ли не по обоюдному соглашению, — подобно дуэли, когда отправляются на удобное для обеих сторон rendez-vous (место встречи. — Ред.). Так как армии отчасти из-за своей кавалерии, — которая даже на закате своей славы рассматривалась, особенно у французов, еще как главный род войск, — отчасти же вследствие беспомощности боевого порядка не могли сражаться на всякой местности, то, расположившись на пересеченном пространстве, они оказывались как бы под охраной нейтральной территории; но так как и сами они не могли использовать пересеченную местность, то предпочитали выходить для сражения навстречу наступающему противнику. Правда, мы знаем, что сражения, данные Люксембургом под Флерюсом, Стеенкеркеном и Неервинденом, были проведены им как раз в другом духе, но этот дух являлся тогда новым творчеством этого великого полководца, отрывавшимся от прежних методов; на методе же размещения лагеря он еще не успел отразиться. Все изменения в военном искусстве всегда исходят из сферы решительных действий, а через их посредство постепенно видоизменяются и все прочие действия. Насколько мало смотрели на расположение лагерем как на настоящее состояние войны, доказывает выражение «il va à la guerre» (он идет на войну. — Ред.), которое применяли к партизану, отправлявшемуся из лагеря для наблюдения за неприятелем.

Немногим отличались от этого и марши, при которых артиллерия совершенно отделялась от армии, чтобы следо-

вать по более безопасным и удобным дорогам, а обе массы кавалерии менялись местами на крыльях, дабы честь быть на правом крыле выпадала на долю каждой поочередно.

Теперь же, т. е. преимущественно со времени Силезских войн, состояние вне боя настолько проникнуто отношением к бою, что оно находится с ним в самом тесном взаимодействии, и совершенно невозможно мыслить одно в его целом без другого. Прежде в течение кампании бой был оружием в собственном смысле слова, а состояние вне его — лишь рукояткой: первый — стальной клинок, второе — лишь прикрепленный к нему деревянный стержень, и, следовательно, целое состояло из разнородных частей, а теперь на бой надо смотреть, как на лезвие, а на состояние вне боя — как на тупую сторону оружия, целое же является хорошо выкованным металлом, в котором уже нельзя различить, где начинается сталь и где кончается железо.

Это бытие на войне вне боя определяется в наше время отчасти организацией и порядком службы, которые армия приносит из распорядка мирного времени, отчасти же тактическими и стратегическими требованиями данной минуты. Есть три состояния, в которых могут находиться вооруженные силы: квартирное расположение, марши, бивак. Все они одинаково принадлежат к тактике и стратегии. Последние, близко соприкасаясь в данном случае между собою, часто словно вторгаются в область одна другой; порою действительно это имеет место, и многие вопросы могут одновременно рассматриваться и как тактические и как стратегические.

Мы поговорим об этих трех формах бытия вне боя в общих чертах, пока не связывая их с особыми целями; поэтому мы должны прежде всего рассмотреть общую группировку боевых сил, ибо она представляет как для бивака, так и для расквартирования и для маршей распорядок высшей объемлющей категории.

Если рассматривать группировку вооруженных сил в общем, т. е. безотносительно к особым целям, то мы можем ее мыслить лишь как единство, т. е. как ц е л о е, п р е д н а з н а ч е н н о е д л я с о в м е с т н о г о у д а р а, ибо всякое отклонение от этой простейшей формы уже предпола-

гало бы какую-нибудь особую цель. Таким образом, возникает понятие армии, безразлично — крупной или малой.

Далее, там, где отсутствуют какие-либо особые цели, выступает на первый план задача сохранения, а следовательно, безопасности армии. Таким образом, армия должна иметь возможность существовать без особых невзгод, и она же должна иметь возможность вступить в бой, сосредоточившись и не попадая в особо невыгодное положение, — вот два необходимых условия. Отсюда вытекают дальнейшие условия, касающиеся существования и безопасности армии:

1) легкость снабжения продовольствием;
2) удобство размещения;
3) обеспеченность тыла;
4) свободная полоса местности впереди;
5) расположение самой группировки на пересеченной местности;
6) стратегические опорные пункты;
7) целесообразная группировка.

По отдельным пунктам мы можем дать следующие пояснения.

Первые два пункта побуждают к тому, чтобы отыскивать районы, населенные и культурные, большие города и проезжие дороги. Они важнее для общего решения, чем для частностей.

То, что мы разумеем под обеспеченностью тыла, вытекает из содержания главы о коммуникационных линиях[1]. Ближайшее и важнейшее условие в этом отношении — это занятие фронта, перпендикулярного к направлению, которое имеет главный путь отступления вблизи от нашего расположения.

Что касается четвертого пункта, то хотя армия и не может обозревать всю полосу лежащей перед ней местности, как она может обозревать пространство перед фронтом при расположении для сражения, но ее стратегическим оком служат авангард, высланные вперед разъезды, лазутчики и пр.; конечно, для этих органов наблюдение на открытой местности легче, чем на пересеченной. Пункт

[1] См. далее главу XVI части 5-й. — Ред.

пятый представляет лишь обратную сторону четвертого пункта.

Стратегические опорные пункты отличаются от тактических двумя свойствами: во-первых, тем, что нет необходимости, чтобы армия непосредственно с ними соприкасалась, и, во-вторых, тем, что они должны быть гораздо обширнее. Причина этого лежит в том, что по самой своей природе стратегия вообще вращается в более обширных условиях пространства и времени, чем тактика. Таким образом, если армия разместится на расстоянии одной мили от морского побережья или берега очень большой реки, то стратегически она будет опираться на эти предметы, ибо неприятель не имеет возможности использовать это пространство для стратегического обхода. Он не может углубиться в него на целые дни и недели, на расстояние милей и полных переходов. Напротив того, озеро в несколько миль окружности едва ли в стратегии можно рассматривать как препятствие; при способах действия, свойственных стратегии, несколько миль вправо или влево обыкновенно не составляют вопроса. Крепости могут служить стратегическими опорными пунктами постольку, поскольку они достаточно значительны и могут позволить предпринимать наступательные действия на значительное удаление.

Размещение армии отдельными группами обусловливается или особыми целями и потребностями, или же соображениями общего порядка; здесь речь может итти лишь о последних.

Первая общая потребность — это выдвижение вперед авангарда и других частей, предназначенных для наблюдения за противником.

Вторая заключается в том, что в очень крупных армиях и резервы отодвигаются обыкновенно на несколько миль назад, что ведет к размещению их отдельной группой.

Наконец, прикрытие обоих флангов армии требует обыкновенно отдельно расположенных корпусов.

Под этим прикрытием не следует разуметь, будто выделяется часть армии, чтобы защищать пространство, находящееся на фланге, дабы сделать этот так называемый слабый пункт недоступным для неприятеля. Кто же тогда будет охранять фланг фланга? Это столь распространенное

представление — совершеннейшая нелепость. В сущности фланги сами по себе вовсе не являются слабыми частями армии, ибо и у противника тоже есть фланги и он не может угрожать нашим флангам, не подвергая опасности свои. Лишь в том случае, когда условия неравны, когда неприятельская армия сильнее нашей или имеет лучшие сообщения (см. «Коммуникационные линии»), фланги становятся более слабыми частями армии; но здесь мы не имеем в виду этих особых случаев, а следовательно, не говорим и о том случае, когда фланговому отряду действительно будет поручено в связи с другими комбинациями защищать пространство, находящееся на нашем фланге, ибо это уже не входит в категорию общих распорядков.

Но если фланги и не являются особенно слабыми частями, они все же крайне важные части, ибо здесь, благодаря возможности обхода, сопротивление уже не так просто, как на фронте, мероприятия становятся сложнее и требуют больше времени и приготовлений. По этой причине в большинстве случаев является необходимость оградить фланги от непредвиденных предприятий со стороны противника; это достигается сосредоточением на флангах более крупных масс войск, чем это необходимо для простого наблюдения. Чем больше эти массы, тем оттеснение их, даже если они не будут оказывать особо упорного сопротивления, потребует большего времени, большего развертывания неприятельских сил и приведет к более ясному раскрытию его намерений; этим наша цель уже будет достигнута; то, что должно последовать, зависит уже от особых планов, намечающихся в данный момент. Поэтому на части, расположенные на флангах, можно смотреть как на боковые авангарды, задерживающие продвижение противника в пространстве, находящемся за пределами наших крыльев, и обеспечивающие нам время принять соответственные меры для противодействия.

Если этим частям предстоит отходить на главные силы, а последние не начнут одновременно отступать, то очевидно, что они должны быть расположены не на линии общего фронта, а несколько выдвинуты вперед, ибо отступление даже тогда, когда к нему приступают, еще не ввязавшись

в серьезный бой, не должно иметь характера резко бокового движения.

Из этих внутренних оснований для раздельного построения и возникает естественная система четырех или пяти отдельных групп; эти цифры разнятся в зависимости от того, держится ли резерв при главных силах или нет.

Вопросы довольствия и размещения войск, которые вообще приходится учитывать при разрешении вопроса построения, надлежит не упускать из виду и при принятии группового построения. Заботы о продовольствии и размещении должны уложиться в одно русло с рассмотренными выше требованиями; идя навстречу одним, надо не слишком много поступаться другими. В большинстве случаев разделением армии на пять отдельных частей устраняются затруднения, связанные с довольствием и размещением войск, а потому хозяйственные соображения не внесут больших изменений.

Теперь нам остается еще бросить взгляд на удаление, в котором могут располагаться эти отдельные части, сохраняя возможность взаимной поддержки, т. е. совместного вступления в бой. Здесь мы напомним то, что было сказано в главах о продолжительности и решении боя[1]; в этом отношении, как мы и говорили, абсолютных данных быть не может, ибо в данном вопросе абсолютная и относительная силы армии, родов войск и условия местности оказывают огромное влияние; надо ограничиться лишь общими соображениями и иметь в виду средние выводы.

Расстояние, на котором может находиться авангард, определить легче всего: так как при своем отступлении он отходит на главные силы, то это расстояние во всяком случае может доходить до большого перехода, причем авангард еще не подвергается риску быть вынужденным дать отдельное сражение. Но его не следует продвигать дальше, чем того требует безопасность армии, так как, чем больше ему придется отходить, тем большие потери он понесет.

Что касается частей, расположенных на флангах, то, как мы уже говорили, бой нормальной дивизии в 8 000—10 000 человек обычно длится несколько часов, даже полдня, пре-

[1] Главы VI и VII части 4-й. — Ред.

жде чем наступит решение; поэтому можно без опасения расположить такую дивизию на расстоянии нескольких часов ходьбы, т. е. на расстоянии до двух миль; по тем же основаниям корпус в три или четыре дивизии может быть удален на расстояние дневного перехода, т. е. 3—4 миль.

Из этого естественного построения главной массы, разделенной на четыре или пять групп, находящихся друг от друга на указанных расстояниях, возникает известный методизм, который будет автоматически развертывать армию, если только не скажутся решительным образом преследуемые армией особые цели.

Хотя мы и исходим из предпосылки, что каждая из этих отделенных друг от друга групп приспособлена к самостоятельному бою и что каждая из них может оказаться вынужденной принять таковой, но отсюда вовсе не следует, что и с т и н н а я з а д а ч а такого построения заключается именно в ведении боя порознь; обычно необходимость такого раздельного построения представляет лишь временное условие бытия. Как только противник приблизится к расположению армии, дабы добиться боем решения, период стратегии кончается, все сосредоточивается к моменту боя, и вместе с тем минуют и исчезают цели раздельной группировки. Когда начинается сражение, всякие соображения о продовольствии и расквартировании отпадают; наблюдение за неприятелем на фронте и флангах и ослабление его наскока умеренным отпором уже сыграли свою роль, и все теперь стремится к великому единству генерального сражения. И лучшим критерием для суждения о правильности группировки будет мысль, что разделение сил есть уступка требованиям, неизбежное зло и что конечной целью построения является совместный бой.

Глава VII

АВАНГАРД И СТОРОЖЕВОЕ ОХРАНЕНИЕ

Вопросы об авангарде и сторожевом охранении принадлежат к числу тех, в которых тактические и стратегические нити взаимно сплетаются. С одной стороны, их надо отнести к распорядку, придающему бою определенное оформ-

ление и обеспечивающему выполнение тактических предположений, с другой — они часто ведут к самостоятельным боям и вследствие большего или меньшего удаления от главных сил должны рассматриваться как звенья стратегической цепи; это отдельное их расположение и побуждает нас в дополнение к сказанному в прошлой главе несколько на них задержаться.

Войска, не вполне готовые к бою, всегда нуждаются в передовых частях, дабы заблаговременно быть осведомленными о приближении неприятеля и произвести разведку раньше, чем неприятель окажется в пределах кругозора главных сил, ибо последний простирается обычно немногим дальше досягаемости оружия. В каком положении оказался бы человек, глаза которого видели бы не дальше, чем хватают его руки! Сторожевое охранение — глаза армии; это было сказано уже давно. Но потребность в передовых частях не всегда бывает одинаковой; степени ее различны. Силы, расстояние, время, место, обстоятельства, характер войны, даже случайность — все это оказывает на них влияние, а потому не приходится удивляться, если в военной истории пользование авангардом и сторожевым охранением представляется нам не в простых определенных очертаниях, а как беспорядочный сонм разнообразнейших образцов.

Мы видим, что безопасность армии вверяется то определенному отряду — авангарду, то длинной цепи отдельных сторожевых постов; порой мы встречаем и то и другое одновременно, а порой ни о том, ни о другом нет и речи; то у продвигающихся колонн имеется один общий авангард, то каждая имеет свой, отдельный. Мы попытаемся отдать себе ясный отчет в этом вопросе и посмотреть, нельзя ли охватить практику несколькими основными правилами.

Если войска находятся в движении, то более или менее крупный отряд образует их передовую часть, т. е. авангард, а в случае, если совершается отступательное движение, — арьергард. Если армия расположена на квартирах или бивакирует, то передовая ее часть образуется длинной цепью слабых постов — **сторожевым охранением**. По самой природе вещей, стоя на месте, армия может и должна быть прикрыта на большем пространстве, чем когда она движется. Таким образом, в первом случае само собою воз-

никает понятие цепи постов, а во втором — сосредоточения отряда.

Авангард и сторожевое охранение бывают различной силы, начиная от значительного соединения из всех родов войск и кончая гусарским полком; начиная от укрепленной, занятой всеми родами войск оборонительной линии и кончая простыми, высланными за черту лагеря парными часовыми и пикетами [1]. Поэтому роль таких передовых частей колеблется от простого наблюдения до оказания сопротивления наступающему противнику; такое сопротивление служит не только для того, чтобы дать время главным силам изготовиться к бою, но и для того, чтобы заставить противника преждевременно развернуться, что в значительной мере увеличит ценность наблюдений над его мероприятиями и намерениями.

Сила авангарда и сторожевого охранения будет больше или меньше в зависимости от того, сколько времени требуется для изготовки войск, а также от того, в какой степени организация нашего сопротивления должна быть сообразована с особыми мероприятиями противника.

Фридрих Великий, которого можно назвать наиболее готовым к бою полководцем и который вел свою армию в сражении почти непосредственно по команде, не нуждался в сильном сторожевом охранении. Поэтому мы его часто видим располагающимся лагерем на глазах у неприятеля и обеспечивающим себя то гусарским полком, то батальоном легкой пехоты или парными часовыми и пикетами, которые наряжались из лагеря. Во время маршей несколько тысяч сабель кавалерии, большей частью с правого крыла первой линии, составляли авангард; по окончании перехода последний присоединялся к главным силам. Лишь изредка встречаются случаи образования постоянного авангардного отряда.

Если небольшая армия стремится действовать напористо, всей тяжестью своей массы, чтобы использовать превосходство своей выучки и решимости командования, то все должно совершаться почти «sous la barbe de l'ennemi» (под носом у неприятеля. — Р е д.) — так, как действовал Фри-

---

[1] Пикет — небольшая конная застава. — Р е д.

дрих Великий против Дауна. Отнесение центра тяжести главных сил назад и сложная система охранения совершенно парализовали бы его преимущества. Ошибки и увлечения в этом отношении могли однажды привести к поражению при Гохкирхе, но это вовсе не свидетельствует против такого способа действий; напротив, в том-то и приходится видеть мастерство короля, что за все Силезские войны было лишь одно сражение при Гохкирхе.

Между тем мы видим, что Бонапарт, у которого, конечно, имелись и прекрасная армия, и решимость, почти всегда двигался при наличии сильного авангарда. Это вызывалось двумя причинами.

Первая вытекала из изменений, происшедших в тактике. Теперь уже не ведут армию в бой как несложное целое, не управляют уже ею простой командой, и сражение не решается большей или меньшей храбростью и искусством, как большая дуэль; приходится ближе приспособлять свои боевые силы к особенностям местности и обстановки; боевой порядок, а следовательно, и сражение обратились в многочленное целое; отсюда даже простое решение разрастается в сложный план, а короткая команда — в более или менее длинную диспозицию; это требует времени и выбора надлежащего момента для отдачи распоряжений.

Вторая причина заключается в огромном размере современных армий. Фридрих вел в сражение 30 000—40 000 солдат, а Бонапарт 100 000—200 000.

Мы выбрали эти два примера потому, что от столь великих полководцев мы вправе ожидать, что они не изберут без всякого основания какой-либо постоянный метод действия. Вообще пользование авангардом и сторожевым охранением в новейшее время значительно развилось. Но и в эпоху Силезских войн не все поступали подобно Фридриху Великому; мы видим у австрийцев гораздо более сильную систему сторожевого охранения и более частое выдвижение крупного авангарда, на что они имели достаточные основания по своему положению и обстоятельствам. Точно так же наблюдается значительное разнообразие и в современных войнах. Даже французские маршалы Макдональд в Силезии, Удино и Ней в Бранденбурге маневрируют с армиями

в 60 000—70 000 человек, причем ни о каком авангарде мы не встречаем указаний.

До сих пор мы говорили об авангардах и сторожевом охранении с точки зрения степени их силы; существует, однако, и другая черта различия, в которой нам необходимо разобраться. Дело в том, что когда армия, занимающая известное пространство, продвигается общим фронтом вперед или назад, она может для всех своих колонн, двигающихся параллельно, иметь один общий авангард, или один общий арьергард, или же отдельные авангарды и арьергарды для каждой колонны. Чтобы уяснить себе этот вопрос, мы должны направить наши рассуждения следующим путем.

По существу, если имеется отдельный отряд, получивший название авангарда, то он предназначается лишь для охраны безопасности продвигающихся в центре главных сил. Если последние следуют по нескольким близким друг другу дорогам, которые могут без затруднения быть заняты авангардом и, следовательно, будут прикрыты им, то, разумеется, боковые колонны не нуждаются в особом прикрытии.

Те же колонны, которые в качестве действительно отдельных отрядов продвигаются на более значительном удалении, должны сами позаботиться о выдвижении своих передовых частей. Колонны, находящиеся в центре в составе главных сил, в связи со случайными уклонами дорог могут также оказаться на слишком большом удалении от центра и должны будут сами позаботиться о себе. Таким образом, возникает столько авангардов, сколько будет параллельно следующих колонн; если каждый из этих авангардов будет гораздо слабее, чем должен был бы быть один общий, то они отойдут в ряд других тактических мероприятий, а в стратегическом смысле авангарда вовсе не будет. Если же главная масса в центре будет иметь в качестве передовой части один более крупный отряд, то последний будет фигурировать как авангард целого и во многих отношениях выполнять его задачи.

Что же, однако, может служить поводом к тому, чтобы центру придать гораздо более крупную передовую часть, чем флангам?

Тому имеются следующие три причины:

1. В центре обычно продвигается более сильная масса войск.

2. Из всей полосы, занимаемой армией в ширину, центр как таковой всегда остается самой важной частью, ибо все планы имеют отношение преимущественно к нему, а потому и поле сражения обычно бывает ближе к нему, чем к флангам.

3. Выдвинутый в центре отряд, если и не может охранять фланги как подлинная их передовая часть, все же в значительной мере, хотя и косвенным образом, содействует их безопасности. Дело в том, что в обыкновенных случаях неприятель не может пройти мимо этого отряда на известном расстоянии, чтобы предпринять что-нибудь значительное против фланга, не подвергая при этом себя самого опасности атаки во фланг и тыл. Если влияние, оказываемое выдвинутым из центра отрядом на противника, и недостаточно, чтобы строить на нем полную уверенность в безопасности боковых колонн, то все же оно может устранить множество неприятностей, которые боковым колоннам уже не будут страшны.

Таким образом, если передовая часть средней колонны гораздо сильнее, чем передовые части боковых колонн, и, следовательно, представляет отдельный авангард, то задача ее уже не простое назначение передовой части — обеспечить от внезапного нападения войска, находящиеся за ней, — а выполнение стратегической роли выдвинутого вперед отряда.

Использование этого отряда можно свести к следующим заданиям, определяющим и его практическое применение:

1. В тех случаях, когда для принятия нами соответственного построения требуется много времени, оказать более сильное сопротивление и принудить противника наступать с большой осторожностью, — следовательно, выполнить в повышенной степени задачу нормальных передовых частей.

2. Если главная масса войск весьма многочисленна, то сделать возможным удерживать эту неуклюжую массу несколько позади, сохраняя вблизи неприятеля более подвижный отряд.

3. Когда иные причины вынуждают нас удерживать глав-

ную массу на значительном расстоянии от противника, все же надо иметь поблизости от него отряд для наблюдения.

Мысль, что для этой цели достаточно было бы слабого наблюдательного поста или одних партизан, опровергается тем, что их очень легко прогнать, да и средств наблюдения у них гораздо меньше, чем у крупного отряда.

4. При преследовании неприятеля одним лишь авангардным отрядом, в состав которого следует включить большую часть кавалерии, можно гораздо быстрее передвигаться, вечером позже становиться на ночлег и утром раньше изготовляться, чем при действии всей армией в целом.

5. Наконец, при отступлении — в качестве арьергарда для обороны главных естественных рубежей. И здесь опять-таки центр играет важнейшую роль. На первый взгляд, правда, может показаться, что такому арьергарду постоянно грозит опасность быть обойденным с флангов. Однако, не надо забывать, что если неприятель и продвинется несколько дальше на флангах, то ему все же остается еще пройти все то расстояние, которое отделяет его от центра, чтобы действительно угрожать общему арьергарду. Следовательно, арьергард центра всегда будет иметь возможность задержаться и оказать сопротивление. Однако, положение сейчас же становится гораздо серьезнее, если центр начинает отступать быстрее флангов: сразу создается впечатление прорыва; это впечатление само по себе представляет опасность. Никогда потребность сосредоточиваться и сплачиваться не бывает так сильна и никогда так живо она не ощущается каждым, как во время отступления. Назначение крыльев в последней инстанции все же заключается в том, чтобы примкнуть к центру. Когда условия снабжения и дорожная сеть вынуждают отступать широким фронтом, обычно это движение все же заканчивается занятием сосредоточенного к центру расположения. Если ко всему сказанному еще добавить, что неприятель в свою очередь обыкновенно продвигается своими главными силами в центре и развивает здесь главный нажим, то мы вынуждены будем признать, что арьергард центра имеет особую важность.

Итак, выдвижение вперед отдельного авангардного отряда окажется целесообразным во всех тех случаях, когда имеет место одно из перечисленных заданий. Но они почти ни-

когда не имеют места, если центр не сильнее флангов. Последнее наблюдалось у Макдональда, когда он в 1813 г. наступал в Силезию против Блюхера, и у последнего на его марше к Эльбе. У обоих было по три корпуса, которые обычно шли тремя параллельными колоннами по трем разным дорогам. Поэтому нигде и не упоминается об авангардах этих армий.

Но такое построение тремя равносильными колоннами отнюдь нельзя рекомендовать, равно как и подразделение армии на три части, что делает ее чрезвычайно неповоротливой; это нами было уже указано в V главе 3-й части [1].

При построении целого в виде центра и двух отдельных крыльев, которое мы признали в прошлой главе наиболее естественным, пока не возникают какие-либо особые задания, авангардный отряд согласно простейшей идее окажется впереди центра, следовательно, и впереди фронта обоих крыльев; но так как боковые колонны имеют в сущности такое же назначение по отношению к флангам главных сил, какое авангард имеет на их фронте, то очень часто может случиться, что боковые колонны будут находиться на одной линии с авангардом, а иногда, в зависимости от особых обстоятельств, могут оказаться даже выдвинутыми еще дальше вперед.

О силе авангарда говорить много не приходится. В настоящее время установился вполне правильный обычай назначать для этой цели одну или несколько высших единиц, на которые расчленяется целое, усиливая их частью кавалерии; следовательно, это будет корпус, если армия разделена на корпуса, одна или несколько дивизий, если она делится на дивизии.

Легко заметить, что и в этом отношении деление армии на большее число членов представляет известное преимущество.

Удаление, на которое следует выдвигать авангард, всецело зависит от обстоятельств; бывают случаи, когда он выдвигается перед главными силами дальше, чем на расстояние дневного перехода; порою же он располагается

[1] Описка автора; надо читать: «в V главе этой (т. е. пятой) части». — Ред.

вплотную перед ними. В огромном большинстве случаев мы видим его на расстоянии от 1 до 3 миль, и это, конечно, свидетельствует, что обстановка чаще всего требует такого удаления; но из этого нельзя делать общего правила для руководства.

До сих пор в наших рассуждениях мы совершенно не касались сторожевого охранения; вернемся к нему вновь.

Когда мы вначале сказали, что сторожевое охранение соответствует пребыванию войск на месте, а авангард — на марше, то мы этим преследовали цель отнести эти понятия к их источнику и предварительно провести между ними границу; но ясно, что, придерживаясь буквально этого определения, мы только впали бы в педантизм.

Когда армия на марше останавливается вечером на ночлег, чтобы утром снова выступить дальше, то, конечно, и авангард делает то же самое и всякий раз выставляет для охраны самого себя и всего целого сторожевое охранение, но это еще не обращает авангард в сторожевую часть. Рассматривая сторожевое охранение как нечто противопоставляемое понятию авангарда, мы усмотрим обращение авангарда в сторожевую часть лишь при условии, что главная масса войск, составляющих передовую часть, разбросается по отдельным пунктам и от нее в смысле сосредоточенного отряда останется или очень мало или даже ничего, и, таким образом, понятие длинной линии постов возобладает над понятием объединенного отряда.

Чем короче время покоя, тем менее совершенны могут быть меры охранения; при переходах изо дня в день противник не может даже иметь возможности разобраться, что прикрыто охранением и что нет. Но чем дольше остановка, тем совершеннее должны быть организованы и наблюдение, и прикрытие всех подступов. Таким образом, как общее правило, при более продолжительных стоянках авангард будет постепенно все более и более растягиваться в линию охранения. Обратится ли он совершенно в последнее или же понятие объединенного отряда останется преобладающим, зависит, главным образом, от двух обстоятельств. Первое — это близость противостоящих армий, второе — свойства местности.

Если армии по сравнению со своим протяжением по фронту находятся очень близко друг от друга, то авангард между ними часто явится уже неуместным; охранение будет достигаться лишь рядом мелких постов.

Вообще сосредоточенному отряду, менее непосредственно прикрывающему подступы, требуется более времени и пространства, чтобы оказать свое влияние, а потому в тех случаях, когда армия занимает пространство значительной ширины, как, например, при квартирном расположении, ей необходимо устраиваться на значительном расстоянии от неприятеля, чтобы подступы к ней могли охраняться сосредоточенным отрядом; отсюда зимние квартиры, например, прикрываются обычно кордоном охранения.

Второе обстоятельство — это свойства местности; там, где сильный местный рубеж предоставляет возможность небольшими силами организовать прочную линию охранения, это обстоятельство, конечно, не оставят неиспользованным.

Наконец, на зимних квартирах суровая погода может также послужить основанием обратить авангард в линию постов, чтобы облегчить его размещение по квартирам.

Применение сильной линии охранения было доведено до наибольшего совершенства в англо-голландской армии во время зимнего похода 1794—1795 гг.: сторожевая линия образовывалась отдельными позициями, которые занимали целые бригады из всех родов войск, поддержанные резервом. Шарнгорст, находившийся при этой армии, ввел этот прием в прусской армии в 1807 г. при занятии ею р. Пассарги в Восточной Пруссии. Но такой метод охранения редко встречается в новейшие времена, главным образом, потому, что войны стали чрезвычайно маневренными. Однако, даже там, где для его применения представлялся удобный случай, последний упускался, как, например, Мюратом под Тарутино. Если бы он больше растянул свою линию обороны, то не потерял бы в аванпостном бою трех десятков пушек.

Нельзя отрицать, что при соответственных условиях это средство может дать много выгод, о чем мы еще будем говорить по другому поводу.

Глава VIII

СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕДОВЫХ ЧАСТЕЙ

Безопасность армии зависит, как мы видели, от того воздействия, какое авангард и боковые отряды окажут на наступающего противника. На эти отряды в случае их борьбы с главными силами неприятеля надо всегда смотреть как на чрезвычайно слабые. Поэтому необходимо особо пояснить, как они могут выполнить свое назначение без особо крупных потерь из-за значительного неравенства сил.

Их назначение — наблюдение за противником и замедление его наступления.

Слабая часть неспособна удовлетворить даже первому требованию отчасти потому, что ее легко прогнать, отчасти же потому, что ее средства, т. е. глаза, не могут далеко видеть.

Но наблюдение должно достигать и более высокой степени: нужно, чтобы неприятель оказался вынужденным развернуть перед передовым отрядом свои войска и при этом раскрыл бы не только свои силы, но и планы.

Для этой цели достаточно одного наличия передовых частей; им надо лишь выждать окончания мероприятий противника для атаки, а затем приступить к отходу.

Но сверх этого они должны еще замедлить наступление противника, а для этого необходимо оказать уже действительное сопротивление.

Как же представить себе это выжидание до последней минуты и сопротивление при условии, что передовые части не будут всегда подвергаться опасности крупных потерь? Это возможно, главным образом, потому, что и неприятель подвигается с выдвинутым вперед авангардом, а не надвигается сразу всей охватывающей и подавляющей силой всей своей армии. Неприятельский авангард может сам по себе быть сильнее нашего передового отряда, и к этому противник, естественно, будет стремиться; и неприятельская армия может находиться от него в более близком расстоянии, чем мы от своего авангарда, а так как она уже наступает, то скорее прибудет на поле боя, чтобы всею своей мощью поддержать натиск своего авангарда. Однако,

уже первый этап, когда выдвинутый нами вперед отряд будет иметь дело только с неприятельским авангардом, более или менее равным по силе, дает известный выигрыш времени и позволяет некоторое время наблюдать за приближающимся противником, не подвергая пока опасности собственное отступление.

Но оказание передовым отрядом некоторого сопротивления на подходящей позиции не влечет за собой всех тех невыгод, которых можно было бы ожидать в другом случае при таком несоответствии сил. Главная опасность в борьбе с превосходящим силами противником заключается в том, что можно оказаться обойденным и подвергнуться всем последствиям охватывающей атаки. Но эта опасность в данном случае значительно уменьшается, так как наступающий никогда не знает в точности, насколько близка поддержка со стороны самой армии, а потому опасается, как бы не поставить свои посланные в обход колонны между двух огней. Вследствие этого наступающий всегда держит свои отдельные колонны приблизительно на одной высоте и лишь тогда, когда окончательно выяснит расположение противника, начинает осторожно и осмотрительно обходить один из флангов. Подобная осторожность и медленное нащупывание дают возможность выдвинутому вперед отряду отступить до назревания действительной опасности.

Продолжительность действительного сопротивления такого отряда фронтальной атаке и началу обхода зависит, главным образом, от характера местности и близости подкреплений. Если это сопротивление продолжится за пределы естественной меры, — или по неразумию, или из самоотвержения, чтобы выиграть армии нужное время, — то последствием всегда будут крупные потери.

Лишь в самых редких случаях, а именно когда крупный местный рубеж представляет для того удобства, подлинное боевое сопротивление может получить серьезное значение. Вообще же продолжительность небольшого сражения, какое может дать передовой отряд, сама по себе едва ли представляет достаточный выигрыш времени. Последний получается трояким путем, что вытекает из природы самого дела, а именно:

1) вследствие осторожного, а следовательно, медленного продвижения противника;

2) вследствие известной длительности действительного сопротивления;

3) при посредстве самого отступления.

Это отступление должно выполняться настолько медленно, насколько допускает безопасность. Там, где местность дает возможность вновь занять позицию, она должна быть использована, что вынудит противника вновь приступить к подготовке атаки и обхода, и, таким образом, даст новый выигрыш времени. На новой позиции, может быть, окажется возможным принять и настоящий бой.

Мы видим, что боевое сопротивление и отход тесно связаны между собою; длительность, которой недостает у этих боев, вознаграждается их повторностью.

Таков метод сопротивления выдвинутого вперед отряда. Результат его определяется прежде всего силой отряда и свойствами местности, затем расстоянием, на которое отряду приходится отходить назад, и той поддержкой, которую ему окажут главные силы.

Небольшая часть даже при равном соотношении сил не может оказать столь продолжительное сопротивление, как значительный отряд, ибо, чем массы больше, тем больше времени требуется им для выполнения своих задач, каковы бы последние ни были. В гористой местности уже само движение совершается медленнее, а сопротивление на отдельных позициях более длительно и безопасно; такие позиции встречаются на каждом шагу.

Удаление, на которое был выдвинут отряд, увеличивает продолжительность его отступления, а следовательно, увеличивает и абсолютный выигрыш времени от его сопротивления; но так как такой отряд по своему положению менее способен к сопротивлению и не опирается на достаточную поддержку, он пройдет это расстояние относительно скорее, чем при более близком расстоянии от главных сил.

Прием и поддержка, которые будут оказаны такому отряду, должны, естественно, оказывать влияние на длительность его сопротивления, ибо все то, что приходится делать при отходе из предосторожности и осмотрительности, идет в ущерб сопротивлению и представляет минус во времени.

Заметная разница во времени, выигрываемом благодаря сопротивлению выдвинутого вперед отряда, получается, если неприятель встречается с ним лишь во второй половине дня; так как ночью редко пользуются для дальнейшего продвижения, то выигрыш времени бывает соответственно больше. Например, в 1815 г. перед первым прусским корпусом генерала Цитена, силой около 30 000 человек, оказался Бонапарт во главе 120 000 человек; на коротком пути между Шарлеруа и Линьи, едва достигающем 2 миль, Цитен сумел выиграть для сосредоточения прусской армии свыше 24 часов. Первая атака на генерала Цитена последовала 15 июня около 9 часов утра, а сражение под Линьи началось 16-го в 2 часа пополудни. Правда, генерал Цитен понес очень чувствительный урон — от 5 000 до 6 000 человек убитыми, ранеными и пленными.

Если мы обратимся к опыту, то можно притти к следующему выводу, дающему точку опоры для суждений по этому поводу.

Дивизия в 10 000—12 000 человек, усиленная кавалерией, выдвинутая вперед на расстояние перехода в 3-4 мили, будеть иметь возможность задержать неприятеля, включая в задержку и время отступления, даже на обычной, не слишком содействующей обороне местности в течение времени в полтора раза большего, чем сколько потребовалось бы употребить на простое движение через полосу отступления; если же эта дивизия выдвинута лишь на расстояние 1 мили, то задержка неприятеля будет втрое или вчетверо больше того времени, которое потребовалось бы для простого марша.

Таким образом, при расстоянии в 4 мили, когда обычная длительность перехода равна 10 часам, можно рассчитывать на выигрыш приблизительно 15 часов с момента появления значительных сил неприятеля перед передовой позицией и до момента, когда они будут в состоянии напасть на наши главные силы. Если же авангард стоит на расстоянии всего 1 мили от нашего войска, то время, какое протечет до возможного нападения на нас, будет превышать 3-4 часа, возможно даже вдвое больше, ибо время, какое понадобится неприятелю для того, чтобы развернуть свои силы против нашего авангарда, будет обычной продолжительности; время же сопротивления, оказанного в данном

случае авангардом на его первой позиции, будет даже большим, чем на позиции, более удаленной от главных сил.

Отсюда вывод, находящий многочисленные подтверждения в боевом опыте: при первом варианте неприятелю нелегко будет предпринять атаку на нашу армию в тот самый день, в который он собьет наш авангард. Даже при втором варианте неприятель должен по меньшей мере потеснить наш авангард в первой половине дня, чтобы у него еще оставалось время для сражения.

Так как при первом варианте к нам приходит на помощь ночь, то мы видим, как много времени можно выиграть, продвинув авангард вперед на более далекое расстояние.

Мы отметили выше назначение отрядов, выставленных на флангах армии: их метод действия в большинстве случаев более или менее обусловлен обстоятельствами данного конкретного случая. Проще всего рассматривать их как выставленные в стороны авангарды, которые, будучи в то же время выдвинуты несколько вперед, отходят к главным силам в косом направлении.

Так как эти отряды находятся не прямо перед армией и потому не могут с таким удобством при отходе получить поддержку с обеих сторон, как настоящий авангард, то они подвергались бы большей опасности, если бы и сила удара противника в большинстве случаев не была слабее на оконечностях его фронта; на худой конец боковые отряды имеют простор для отхода и не подвергают армию при этом такой непосредственной опасности, какую может повлечь за собой обратившийся в бегство авангард.

Высылка кавалерии — излюбленный и самый лучший способ принять отходящий передовой отряд. При значительном удалении можно расположить резерв этого рода оружия между армией и выдвинутым вперед отрядом [1].

В конечном выводе мы можем сказать, что передовые отряды оказывают должное влияние не столько реальным напряжением сил, как простым своим присутствием, не столько теми боями, которые они действительно дают,

[1] Клаузевиц исходит из господствовавшего тогда в тактике взгляда на кавалерию как на род войск, особенно пригодный для использования в качестве резерва. — Ред.

сколько возможностью тех боев, которые они могли бы дать. Они нигде не могут фактически остановить продвижения неприятеля, но, как груз на маятнике, они могут его умерять и регулировать, в результате чего неприятельское наступление может быть подвергнуто более правильному учету.

Глава IX

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛАГЕРЕМ

Мы рассматриваем три состояния армии вне боя только в стратегическом отношении, т. е. постольку, поскольку они обусловливают место, время и количество вооруженных сил. Все те темы, которые касаются внутренней организации боя и перехода к состоянию боя, относятся к тактике.

Расположение лагерем, под которым мы разумеем всякое размещение войск, за исключением квартирного, будь то в палатках, землянках или под открытым небом, стратегически вполне тождественно с боем, обусловленным этой группировкой армии. Тактически же оно не всегда с ним тождественно, ибо по самым разнообразным причинам можно для лагерной стоянки избрать несколько иное место, чем то, которое намечено для поля сражения. После того как мы сказали все необходимое относительно построения армии, т. е. о месте, которое должны занять отдельные ее части, расположение лагерей дает нам повод привести здесь лишь несколько исторических соображений.

В прежние времена, т. е. раньше чем армии вновь возросли до значительных размеров, а войны сделались более длительными и связанными в своих отдельных частях в одно целое, и вплоть до французской революции, войска всегда располагались лагерем в палатках. Это было их нормальным состоянием. С наступлением тепла они покидали свои зимние квартиры и вновь занимали последние лишь с наступлением зимы. На зимние квартиры надо смотреть в известной степени, как на состояние вне войны, ибо в этот период силы были как бы нейтрализованы, и ход всего часового механизма словно приостанавливался. Расквартиро-

вание на отдых, предшествовавшее зимним квартирам в собственном смысле, и всякое другое размещение по обывательским квартирам на короткое время и на тесном пространстве являлись лишь переходными, исключительными состояниями.

Как такое повторное и добровольное нейтрализование сил могло мириться, — да еще и в наше время мирится, — с целями и существом войны, разбирать здесь не место; мы к этому вернемся впоследствии; сейчас нам достаточно установить, что так оно было.

Со времени французских революционных войн войска совершенно отказались от пользования палатками вследствие огромных обозов, которых последние требовали. С одной стороны, нашли более выгодным держать при армии в 100 000 человек, вместо 6 000 лошадей, предназначенных для перевозки палаток, 5 000 человек кавалерии или сотню-другую лишних орудий, с другой — при крупных и быстрых передвижениях такой обоз оказывался помехой и мало приносил пользы.

Но это в свою очередь вызвало два отрицательных явления: боевые силы стали скорее расходоваться, а страна больше разорялась.

Как ни слаб кров из простого холста, все же нельзя не признать, что, утратив его защиту, войска лишились на длительное время значительного удобства. В течение одного какого-нибудь дня разница в пользу палатки мало ощутительна, ибо от ветра и холода палатка почти не защищает, а от сырости — очень несовершенно; но эта ничтожная разница, когда она повторяется 200—300 раз в год, становится весьма существенной. Естественным последствием является убыль в войсках от болезней.

Нет надобности подробно объяснять, как отсутствие палаток отражается на росте разорения страны.

Поэтому можно было бы думать, что отмена палаток этими двумя своими отрицательными воздействиями будет способствовать ослаблению интенсивности войны; приходилось бы дольше и чаще останавливаться по квартирам, а за неимением средств для устройства лагеря — не раз отказываться от расположения, занятие которого было бы возможным при наличии палаток.

Таковы бы и были последствия, если бы в эту эпоху война не подверглась вообще коренным изменениям, поглотившим эти мелкие второстепенные влияния.

Ее стихийный огонь стал таким всепожирающим, а ее энергия столь чрезвычайной, что исчезли и имевшиеся регулярные периоды покоя; все силы в неудержимом порыве устремились теперь к решительному акту, о чем мы подробнее будем говорить в 9-й части[1]. При таких обстоятельствах ясно, что не могло быть и речи о какой-либо перемене в способах использования вооруженных сил, которую могло бы обусловить уничтожение палаток. Теперь располагаются в землянках или под открытым небом, нисколько не считаясь с погодой, временем года и местностью, как того требуют поставленные цели и общий план действий.

Сохранит ли война во все времена и при всяких обстоятельствах эту энергию, об этом мы еще поговорим в дальнейшем: там, где у войны нет энергии, отсутствие палаток несомненно может оказать влияние на ее ведение; но чтобы это обратное действие могло когда-либо стать достаточно сильным, чтобы вновь привести к восстановлению палаточных лагерей, представляется нам сомнительным. Для стихии войны открылись более широкие границы; она может возвращаться в прежние узкие рамки лишь периодически на известное время, при известных обстоятельствах, затем снова прорвется всей необузданностью своей природы за их пределы. А постоянная организация войск должна рассчитываться лишь на такие периоды.

Глава X

МАРШИ

Марши представляют собою лишь простой переход из одного расположения в другое и подчиняются двум основным условиям. Первое — это удобство войск, дабы понапрасну не расходовались их силы, могущие найти себе бо-

[1] Этой 9-й части не существует. Вероятно, надлежит читать «в 8-й части». — Ред.

лее полезное применение; второе — точность движений, дабы они отвечали нашим расчетам. Если бы захотели двинуть 100 000 человек одной колонной, т. е. по одной дороге без дистанций между частями, то хвост такой колонны никогда не прибыл бы в один и тот же день на место назначения вместе с ее головой; пришлось бы или продвигаться чрезвычайно медленно, или же вся масса, как низвергающаяся струя воды, разбилась бы на множество капель, а такое раздробление в связи с чрезмерным напряжением сил, которое выпало бы на долю частей, следующих в хвосте длинной колонны, скоро привело бы ее в состояние невообразимой сумятицы.

Уклоняясь от этой крайности, мы организуем переход тем легче и точнее, чем меньше будет масса войск, построенных в одну колонну. Отсюда возникает необходимость разделения сил, которое ничего не имеет общего с тем подразделением, которое вызывается раздельным построением армии. Таким образом, разделение на походные колонны хотя в общем и исходит из принятой группировки, но не следует за ней во всех частностях. Большую массу войск, какую желают сгруппировать сосредоточенно в одном пункте, придется разделить на части во время марша. Но даже тогда, когда раздельное построение обусловливает раздельный марш, могут преобладать или условия построения, или условия марша. Если, например, группировка имеет в виду лишь отдых и в ней ожидать боя не приходится, то преобладают соображения, связанные с маршем, а последние заключаются преимущественно в выборе хороших проезжих дорог. Имея в виду эти различные подходы, в одном случае будут выбирать дороги применительно к квартирному расположению и лагерям, а в другом будут выбирать квартиры и лагери применительно к дорогам. В тех случаях, когда ожидают сражения и дело сводится к сосредоточению массы в соответственном пункте, не придется задумываться над тем, чтобы по нужде повести войска по самым плохим проселкам. Если же находятся с армией, так сказать, еще на пути к театру войны, то для колонн выбирают ближайшие большие проезжие дороги, а места для расквартирования и лагерей отыскивают вблизи них, какие попадутся.

К какой бы из двух категорий ни принадлежал каждый данный переход, все же общим правилом современного военного искусства является, чтобы всюду, где бой возможен, т. е. на всей подлинной территории войны, колонны были организованы так, чтобы содержащаяся в них масса войск была способна вести самостоятельный бой. Это условие выполняется путем объединения трех родов войск, органическим разделением целого и соответственной организацией командования. Таким образом, новый боевой порядок больше всего вызван условиями маршей, и организация последних извлекла из него наибольшие выгоды.

Когда в середине прошлого столетия, особенно на театре войны Фридриха II, начали смотреть на передвижение войск как на своеобразное ударное начало и стали вырывать победу при помощи неожиданных передвижений, то недостаток органического боевого порядка делал необходимым самые искусственные и неуклюжие распорядки марша. Чтобы выполнить вблизи противника какое-либо передвижение, необходимо быть всегда готовым к бою; но этой готовности никогда не было, раз армия не была сосредоточена вместе, ибо лишь в последнем случае армия составляла боеспособное целое. Вторую линию при фланговых движениях, — дабы она всегда находилась на надлежащем расстоянии от первой, т. е. не дальше $^1/_4$ мили, — приходилось вести с большим трудом и усилиями «через пень и колоду», и то лишь при хорошем знании местности, — ибо где можно найти на расстоянии $^1/_4$ мили две проезжие дороги, параллельные одна другой? То же имело место и с колоннами кавалерии, следовавшими по сторонам, когда движение направлялось прямо на неприятеля. Другая беда была с артиллерией, которой требовалась отдельная, прикрытая пехотой дорога, ибо пехота должна была образовать непрерывную линию, а артиллерия сделала бы ее длинные, растянутые колонны еще более растянутыми и спутала бы все дистанции. Стоит лишь прочитать диспозиции для походного движения в истории Семилетней войны Темпельгофа, чтобы получить полное представление о всех этих обстоятельствах и тех путах, которыми война была тогда связана.

Но затем новейшее военное искусство ввело органическое подразделение армии на части; крупнейшие из них должны рассматриваться как целые меньшего порядка, способные в бою воспроизвести все действия крупного целого, с той единственной разницей, что таковые явятся относительно кратковременными; теперь даже в тех случаях, когда имеют в виду нанести совместный удар, уже не приходится держать колонны в близком друг от друга расстоянии так, чтобы все они могли сомкнуться перед началом боя; достаточно, если такое соединение произойдет во время боя.

Чем меньше войсковая масса, тем она подвижнее, тем менее она нуждается в том разделении, которое обусловливается не принятой группировкой, а необходимостью бороться с беспомощностью массы. Небольшая часть пойдет по одной дороге, а если ей надо продвигаться по нескольким направлениям, то всегда можно найти рядом достаточно хорошие для этого дороги. Чем больше становятся массы, тем сильнее потребность в разделении, в увеличении числа колонн и в проезжих и даже больших дорогах; это ведет и к увеличению расстояния между колоннами. В обратно пропорциональном отношении, выражаясь математически, к этой потребности разделения находится сопряженная с разделением опасность. Чем меньше части, тем скорее они должны поспевать друг другу на помощь; чем они больше, тем дольше они могут быть предоставлены собственным силам. Стоит лишь вспомнить то, что по этому поводу было сказано в предшествующей части этого труда, и учесть, что в культурной местности на удалении нескольких миль от главной дороги всегда можно найти параллельные проезжие дороги[1], чтобы уяснить себе, что в организации марша не предвидится особенно больших затруднений, которые сделали бы несовместимым быстрое продвижение и точное прибытие с надлежащим сосредоточением сил. В горах же, где параллельные дороги встречаются значительно реже, а связь между

[1] В современной Франции на каждые 6 километров фронта марша можно рассчитывать найти одну шоссированную дорогу. — Ред.

ними крайне затруднительна, способность к сопротивлению отдельных колонн будет гораздо больше.

Чтобы лучше уяснить этот вопрос, рассмотрим его в конкретном оформлении.

Дивизия в 8 000 человек обычно занимает вместе со своей артиллерией и некоторым обозом пространство, проходимое в течение одного часа[1]; таким образом, если по одной дороге следуют две дивизии, то вторая прибудет после первой через час; дивизия, как мы уже говорили в VI главе 4-й части, даже против превосходящего ее силами неприятеля может выдержать бой в течение нескольких часов; следовательно, вторая дивизия даже в худшем случае, т. е. если бы первой пришлось вступить в бой немедленно, прибыла бы не слишком поздно. Далее, на расстоянии часа ходьбы справа и слева от большой дороги, по которой следуют, можно будет всегда найти в культурных странах средней Европы п р о с е л о ч н ы е д о р о г и, которыми войскам будет легко воспользоваться, чтобы избежать движения целиною, как то часто имело место в Семилетнюю войну.

Кроме того, опытом установлено, что армия, состоящая из четырех дивизий и кавалерийского резерва, может даже по плохим дорогам совершить в восемь часов своей головной частью переход в 3 мили. Будем считать на глубину каждой дивизии по часу, столько же на кавалерийский и артиллерийский резервы; тогда весь переход будет совершен в течение тринадцати часов. Это не чрезмерный срок; в данном случае пройдет по одной дороге до 40 000 человек. Но при подобной массе войск можно найти и воспользоваться и более отдаленными проселками, а следовательно, еще больше сократить время перехода. Если бы масса войск, которая должна следовать по одной дороге, оказалась еще больше, чем предыдущая, то мы имели бы дело с тем случаем, когда прибытие ее полностью в один и тот же день уже не было бы столь необходимо, ибо такие массы войск в наше время не вступают в бой

[1] Клаузевиц указывает, что глубина походной колонны дивизии — 4 километра. — Р е д.

в первый же момент их сближения с противником, но обычно лишь на следующий день.

Мы привели эти конкретные случаи не для того, чтобы исчерпать ими все стороны вопроса, а для того, чтобы лучше пояснить нашу мысль и показать на опыте, что при современном способе ведения войны организация маршей уже не представляет особых трудностей, ибо самые быстрые и точные переходы уже не требуют особого искусства и подробного знакомства с местностью, как то имело место в Семилетнюю войну при быстрых и точных маршах Фридриха Великого; более того, можно сказать, что в настоящее время они совершаются почти сами собою благодаря органическому подразделению армии, во всяком случае для этого не требуется составления обширных диспозиций. В прежнее время сражениями руководили посредством простой словесной команды, а переходы требовали длинных диспозиций; в наши дни боевые порядки требуют диспозиций, а для марша почти достаточно одной команды.

Как известно, все марши распадаются на перпендикулярные (к фронту. — Ред.) и параллельные. Последние носят название также фланговых и изменяют геометрическое положение частей; то, что при построении на месте стояло рядом, то на марше окажется в затылок одно другому, и наоборот. Хотя направлением движения может служить любой угол в пределах прямого, однако, порядок марша должен непременно обусловливаться принадлежностью его к тому или другому типу.

Только в тактике оказалось бы возможным совершить в точности это геометрическое изменение, и то лишь в случае, если воспользоваться для этого так называемым движением в колоннах рядами [1], что для больших масс невозможно. Тем менее это выполнимо в стратегии. Частями, меняющими свои геометрические соотношения, являлись при прежнем боевом порядке крылья и линии, при новом же обычно высшие подразделения: корпуса и дивизии, пожалуй, и бригады, — в зависимости от того, на какие еди-

[1] Автор хочет сказать, что в тактике возможен фланговый марш без каких-либо перестроений, при простом повороте всех частей налево или направо и движении их в колоннах рядами. — Ред.

ницы подразделяется целое. Однако, и здесь сказываются отмеченные нами выше особые свойства нового боевого порядка: уже нет прежней необходимости, чтобы целое было в полном сборе до приступа к боевым действиям, и заботы направляются, главным образом, на то, чтобы уже сосредоточившиеся части образовали целое. Если две дивизии расположены так, что одна из них стоит позади другой в качестве резерва и им надлежит выступить против неприятеля по двум дорогам, то никому не придет в голову разделить каждую дивизию по обеим дорогам; не задумавшись, каждой дивизии отведут отдельную дорогу и заставят их следовать параллельно, поручив каждому из командиров дивизии самому озаботиться выделением своего резерва на случай боя. Единство командования гораздо важнее, чем первоначальное геометрическое соотношение; если дивизии прибудут без боя на назначенную им позицию, то они могут снова занять прежнее положение по отношению одна к другой. Когда две рядом стоящие дивизии должны совершить ф л а н г о в ы й марш по двум дорогам, то еще менее может притти в голову мысль указать позади стоящим частям или эшелонам каждой из этих дивизий итти по задней дороге; конечно, укажут каждой дивизии отдельную дорогу, и, таким образом, одна будет рассматриваться на время марша как резерв другой. Если армия, состоящая из четырех дивизий, из коих три расположены на фронте, а четвертая в резерве, должна двинуться против неприятеля в этом же порядке, то естественно будет указать каждой из трех дивизий, стоящих в первой линии, отдельную дорогу, а четвертую направить за той дивизией, которая идет в середине. Если бы эти три дороги оказались на слишком значительном удалении, то можно было бы без колебаний двинуться и по двум, не опасаясь, что от этого может произойти какой-либо существенный ущерб.

То же имеет место в обратном случае флангового марша.

Другой вопрос — это построение колонн справа или слева. При фланговом марше оно получается само собой. Никто не будет выполнять захождение направо, чтобы двигаться влево. При движениях вперед и назад порядок марша дол-

жен бы собственно приноравливаться к положению дороги относительно участка предстоящего развертывания. В тактике это действительно может иметь место во многих случаях, ибо расстояния в ней меньше и, следовательно, здесь легче обозреть геометрические соотношения. В стратегии же это совершенно невозможно, и если мы все-таки время от времени видим, как в ней проводят некоторую аналогию с тактикой, то это представляет собою чистый педантизм. Впрочем, раньше весь распорядок маршей являлся исключительно делом тактики, так как и на марше армия оставалась неделимым целым и имел значение только общий бой целого; поэтому, например, Шверин 5 мая, выступая из района Брандейса, не мог предусмотреть, находится ли его будущее поле сражения справа или слева от дороги, и ему пришлось произвести свой знаменитый контрмарш [1].

Когда армия старого боевого порядка двигалась к неприятелю четырьмя колоннами, то оба крыла кавалерии первой и второй боевых линий составляли обе внешние колонны, а пехотные крылья обеих линий — две средние колонны. Эти колонны могли начать движение или все справа, или все слева, или правое крыло справа, а левое — слева, или левое — справа, а правое — слева; в последнем случае построение называлось «из середины». Все эти формы находились в известном отношении к будущему развертыванию, но в сущности они именно в этом отношении были безразличны. Когда Фридрих Великий двинулся на поле сражения у Лейтена, он построился крыльями, в че-

[1] Клаузевиц имеет в виду контрмарш Шверина 6 мая 1757 г. перед сражением под Прагой; колонны Шверина были построены слева и, следовательно, приспособлены к развертыванию вправо, между тем 60 000 Шверина, при которых находился и Фридрих Великий, вышли на самый правый фланг участка развертывания. Состоялась консультация опытнейших строевиков, — как быть? Чтобы сохранить нормальное положение в боевом порядке — правый фланг направо, левый налево, на тех же соседей, прусская армия завернула правое плечо кругом; голова колонны ушла на то место, где был хвост, а хвост стал на место головы; тогда армия зашла повзводно кругом, оказалась перестроенной в колонну справа и приступила к нормальному развертыванию влево. — Ред.

тырех колоннах справа; он с легкостью, столь прославленной всеми историками, мог построить линейный боевой порядок только потому, что случайно ему захотелось атаковать левый фланг австрийцев, но если бы он захотел обойти правый фланг, то ему потребовалось бы, как под Прагой, произвести контрмарш.

Если даже тогда эти формы не соответствовали цели, то в наше время по отношению к ней они представляли бы в полном смысле слова детскую игру. Как раньше, так и теперь никто не знает положения поля сражения по отношению к тому пути, по которому приходится двигаться, и небольшая потеря времени, какая происходит от неправильного построения справа или слева, в наше время играет неизмеримо меньшую роль, чем прежде. И здесь новый боевой порядок оказывает свое благодетельное влияние: совершенно безразлично, какая дивизия прибудет первой и какую бригаду поведут первой в огонь.

При таких обстоятельствах движение колонн справа или слева имеет лишь то значение, что если его производят попеременно, то это выравнивает тяготы, выпадающие на долю войск. Последнее составляет хотя и единственное, но весьма существенное основание сохранять построение даже в крупных передвижениях [1].

При этих условиях построение «из середины» как определенный походный порядок само по себе отпадает и может возникать лишь случайно; марш «из середины» одной колонны в стратегии вообще представляет нелепость, так как он требовал бы двух дорог.

Впрочем, походный порядок относится скорее к тактике, чем к стратегии, ибо он представляет собою разложение целого на члены, которые после перехода снова должны обратиться в целое. Но так как в современном военном искусстве уже не обращают особого внимания на то, чтобы части непременно были вместе, а их, напротив, на марше удаляют друг от друга и предоставляют самим себе,

---

[1] Так как движение в голове колонны легче, чем в хвосте, то правильнее поочередно ставить в голову колонны то первые полки в дивизии (или первые батальоны в полку), то последние. — Ред.

то легко может случиться, что последствием этого будут бои, которые частям придется выдержать самим по себе и которые в сумме составят общее сражение. Вот почему мы и сочли нужным так долго остановиться на этом вопросе.

Но так как построение тремя рядом расположенными частями, как мы видели во II главе[1] этой части, оказывается самым естественным в тех случаях, когда не преобладает какая-либо специальная цель, то из него возникнет и походный порядок тремя большими колоннами, как самый естественный.

Теперь нам остается лишь отметить, что понятие колонны определяется не только особой дорогой, по которой следует известная масса войска, но что этим названием приходится обозначать в стратегии каждую из масс войск, следующих по одной и той же дороге одна за другой в течение нескольких дней, ибо деление на колонны[2] происходит, главным образом, для сокращения и облегчения переходов, так как небольшое число людей продвигается всегда легче и быстрее, чем большое. Этой цели можно, однако, достигать не только тем, что проводят войска разными дорогами, но и тем, что их ведут по той же дороге, но в разные дни.

Глава XI

МАРШИ

Продолжение

Относительно размера перехода и потребного для этого времени естественно придерживаться общих норм, которые дает нам опыт.

Для наших современных армий уже давно установлено, что результатом усилий одного дня является обычно переход в 3 мили. При продолжительном переходе приходится его в среднем сократить до 2 миль для того, чтобы включить дневки, предназначенные на приведение в порядок всяких неисправностей.

---

[1] Надо читать — в V главе. — Ред.

[2] По современной терминологии — на эшелоны. — Ред.

Для дивизии в 8 000 человек такой переход на ровной местности и по средним дорогам длится от 8 до 10 часов, на местности гористой — от 10 до 12 часов. Если в одну колонну соединено несколько дивизий, то переход длится двумя-тремя часами больше, если даже не считать того времени, на которое задерживается выступление последующих дивизий.

Из этого мы видим, что при таких переходах день уже достаточно занят и что напряжение сил солдата, обремененного своей ношей в течение 10—12 часов, нельзя сравнить с обычным путешествием пешком в 3 мили, которое одиночный путник может выполнить по сносной дороге в течение 5 часов.

Отдельные форсированные переходы не должны превышать 5, самое большее 6 миль, а при повторности таких переходов — 4 миль.

Переход в 5 миль требует уже привала в несколько часов, и дивизия в 8 000 человек даже на хорошей дороге выполнит его не менее чем в 16 часов. Если переход достигает 6 миль и в нем участвует несколько дивизий, то на него надо положить по меньшей мере 20 часов.

Здесь имеется в виду переход из одного лагеря в другой, совершаемый несколькими дивизиями, соединенными вместе, ибо это является обычной формой, встречающейся на театре войны. Если движется несколько дивизий в одной колонне, то сбор и выступление головных дивизий должны производиться несколько раньше, зато они и на ночлег прибудут скорее. Однако, эта разница никогда не будет равняться полностью всему времени, которое дивизии нужно для вытягивания в колонну и какое ей нужно для того, что французы так метко называют découlement (истечение). Следовательно, этим лишь немного сберегаются силы солдат, а каждый переход значительно удлиняется в смысле срока при увеличении количества участвующих в нем войск. Лишь в редких случаях бывает возможно для дивизии производить подобным образом сбор и выступление побригадно в разное время, поэтому мы и приняли дивизию за единицу [1].

[1] За последние шестьдесят лет техника организации поход-

Хотя, при продолжительных движениях войск вдали от противника, когда войска переходят из одного места расквартирования в другое небольшими эшелонами, без сборных пунктов, переходы сами по себе могут быть и длиннее, но путь уже и без того удлиняется теми крупными уклонениями от дороги, какие вызываются занятием квартир.

Переходы, при совершении которых войска должны ежедневно собираться в дивизии, а то и в корпуса, и всё же разводиться по квартирам, требуют больше всего времени; их можно рекомендовать лишь в богатой местности и при не слишком крупных массах войск; только при таких условиях пребывание под кровлей и облегчение довольствия окупят большую продолжительность усилий, делаемых солдатами. Прусская армия во время своего отступления в 1806 г., бесспорно, придерживалась ошибочной системы, располагая войска по продовольственным соображениям каждую ночь на квартирах. Продовольствие можно было с таким же успехом доставлять и на биваки, зато армии не пришлось бы при чрезмерной затрате сил употребить на преодоление каких-нибудь 50 миль целых четырнадцать дней.

Однако, все эти нормы пространства и времени подвергаются значительным изменениям при движении по плохим дорогам и в гористой местности [1]; тогда и в конкретном случае трудно с уверенностью определить время, требуемое для данного перехода; тем труднее установить какое-либо общее правило. Поэтому теория может лишь предостеречь от опасности тех ошибок, которые могут

ного движения сильно шагнула; момент выступления каждого полка точно исчисляется, длительность марша каждой части, если не происходит недоразумений, не зависит от состава колонны. Это обстоятельство, а также введение походных кухонь, позволило несколько увеличить размер переходов по сравнению с нормами начала XIX века. — Ред.

[1] Учет задержек от гористой местности вполне возможен, по крайней мере для движения пехоты, горной артиллерии и соответственного горным дорогам образца повозок. Приблизительно надо считать по лишнему часу на подъем на каждые 200 метров; кроме того, надо учитывать растяжку колонны после подъема и столпление перед подъемом. — Ред.

быть в этом деле. Во избежание их необходима крайняя осторожность в исчислениях, и надо всегда оставлять известный запас на непредвиденные случаи, которые могут внести замедление в движение. При этом надо принимать во внимание и погоду, и состояние войск.

Со времени упразднения палаток и введения для довольствия войск реквизиции продуктов питания на месте обоз значительно сократился; естественным следствием этого, казалось бы, должно было явиться ускорение движения армии, а следовательно, и удлинение дневных переходов. Однако, это имеет место лишь при определенных условиях.

Марши на театре войны фактически от этого мало выиграли, ибо известно, что во всех случаях, когда определенная задача требовала переходов, превосходящих своими размерами обычную норму, обоз или оставляли позади, или отсылали вперед и держали его вдали от войск, пока эти марши продолжались. Таким образом, обоз и раньше не оказывал никакого влияния на движение, и если он переставал быть неотложно необходимым, то с ним уже не считались, как бы он от этого ни страдал. Поэтому в Семилетнюю войну мы наблюдали такие переходы, какие и в наши дни не могли бы быть превзойдены; для примера укажем на марш Ласси в 1760 г., когда он должен был поддержать диверсию русских на Берлин. Он прошел путь от Швейдница через Лузацию до Берлина, равный 45 милям, в 14 дней и делал, следовательно, по $4^{1}/_{2}$ мили в день, что для корпуса в 15 000 человек представляло бы и в наше время нечто исключительное.

С другой стороны, как раз в измененной системе продовольствования марши современных войск получили тормозящее начало. Раз войска должны добывать себе часть продуктов сами, что часто имеет место, то это отнимает больше времени, чем простая приемка хлеба с хлебных фур. Кроме того, при более длительных походах нельзя уже располагать лагерем в одном пункте крупные массы войск; дивизии приходится, дабы легче было добывать для них все необходимое, размещать отдельно. Наконец, редко бывает, чтобы часть войск, а именно кавалерия, не располагалась по квартирам. Все это в целом вызывает значительную задержку. Поэтому мы видим, что

когда Бонапарт в 1806 г. преследовал прусскую армию и стремился ее отрезать, а Блюхер в 1815 г. намеревался сделать то же самое с французской, то оба они в 10 дней едва прошли каких-нибудь 30 миль, — скорость, которой даже Фридрих Великий умудрялся достигать при его переходах из Силезии в Саксонию и обратно, несмотря на весь обоз, который он вел за собой.

И все-таки на театре войны крупные и мелкие воинские части значительно выиграли в отношении подвижности и удобоуправляемости благодаря уменьшению обозов. Во-первых, при одинаковом количестве кавалерии и орудий в армии имеется теперь меньше лошадей, благодаря чему заботы о фураже сокращаются; во-вторых, при расположении на позиции нет прежней связанности, так как уже не приходится постоянно учитывать огромный хвост тянущихся обозов.

Марши, подобные тому, который выполнил Фридрих в 1758 г. после снятия осады Ольмюца при наличии 4 000 повозок, для прикрытия которых ему пришлось половину своей армии выделить в виде отдельных батальонов и взводов, в наши дни уже не удались бы даже перед лицом самого робкого неприятеля.

При длинных перемещениях армий, как, например, от Таго до Немана [1], облегчение армии от обозов ощущается сильнее, ибо если из-за оставшихся при войске перевозочных средств обычная норма дневных переходов и остается такою же, все же в крайних случаях от нее можно отступать с меньшими жертвами.

Вообще с сокращением обозов достигается скорее сбережение сил, чем ускорение движения.

Глава XII

МАРШИ

Продолжение

Теперь мы должны рассмотреть то разрушительное влияние, которое оказывают марши на вооруженные силы. Оно так велико, что мы готовы его выдвинуть как особое активное начало наряду с боями.

[1] В 1812 г. — Ред.

Единственный умеренный переход не вызовет изнашивания инструмента[1], ряд таких переходов непременно отзовется на его состоянии, а ряд тяжелых переходов, конечно, несравненно более.

На театре войны недостатки продовольствия, жилищные условия, плохие разъезжие дороги и необходимость находиться в постоянной боевой готовности служат причинами, вызывающими несоразмерное напряжение сил, вследствие которого люди, животные, перевозочные средства и обмундирование приходят в негодность.

Принято говорить, что продолжительный физический покой для войск не полезен, что он обусловливает бо̀льшее количество заболеваний, чем умеренная деятельность. Конечно, заболевания могут и будут иметь место, когда солдаты бывают скучены, при тесном размещении; однако, такие же неудачные ночлеги, вызывающие заболевания, встречаются и на походе. Но нельзя согласиться с тем, что недостаток воздуха и движений будет причиной таких заболеваний, ибо и то, и другое легко доставить путем упражнений на свежем воздухе.

Вспомните только, какую разницу составит для расшатанного и расстроенного организма человека, заболеет ли он на открытой дороге в грязи и слякоти, под дождем, обремененный своей ношей, или же в комнате; даже из лагеря его скоро отправят в ближайшее местечко, и он не останется вовсе без врачебной помощи, тогда как на походе он остается лежать на краю дороги целыми часами без всякой помощи и затем отставшим тащится на целые мили за войсками. Какое множество легких заболеваний обращается таким путем в тяжелые болезни, сколько тяжелых болезней становятся смертельными! Ведь в пыли и под палящими лучами летнего солнца даже умеренный переход страшно разгорячает и вызывает мучительную жажду: солдат с жадностью бросается к прохладному источнику и находит в нем заболевание и смерть.

Нашими замечаниями мы отнюдь не хотим ратовать за понижение активности на войне; инструмент для того и существует, чтобы им пользоваться, и если он от такого пользования изнашивается, то это в природе вещей. Мы

[1] Подразумевается армия — инструмент войны. — Ред.

хотим только указать всему надлежащее место и возразить против теоретического хвастовства, будто бы внезапные налеты, молниеносные передвижения, деятельность без отдыха и срока ничего не стоят; они отождествляются с богатейшими залежами, которые деятельность полководца оставляет неразработанными. С этими «залежами» дело обстоит точно так же, как с золотыми и серебряными рудниками: видят лишь продукт и не задаются вопросом, во что обошлась работа по его добыче.

Хотя при длительном походе вдали от неприятеля, вне пределов театра войны, условия марша бывают обычно более легкими и потери за день оказываются менее значительными, но зато заболевший самой легкой болезнью обычно надолго выбывает из строя, ибо выздоравливающие уже не могут догнать все более и более удаляющиеся войска.

В кавалерии число набивших спину и захромавших лошадей увеличивается в возрастающей прогрессии, а в обозе многое приходит в беспорядок и ломается. Поэтому после марша в 100 миль и больше армия прибывает значительно ослабевшей, особенно в отношении кавалерии и обоза.

Если такие переброски окажутся необходимыми на самом театре войны, т. е. на глазах у неприятеля, то оба неблагоприятных условия сливаются воедино, и потери при больших массах войск, а также при других неблагоприятных обстоятельствах, могут достигнуть совершенно невероятных размеров.

Приведем несколько примеров, дабы придать сказанному большую определенность.

Когда Бонапарт переправился 24 июня 1812 г. через Неман, его огромный центр, с которым он затем двинулся на Москву, заключал в себе 301 000 человек; под Смоленском из них находилось в отделе 13 500 человек; следовательно, всего должно было бы остаться 287 500 человек. Между тем налицо имелось всего 182 000 человек; таким образом потери достигали 105 500 человек[1]. Если мы при

[1] Все эти цифры заимствованы у Шамбрэ. Сравни «Посмертные сочинения» автора, т. VII, II изд., стр. 80 и след. — Прим. нем. издания.

этом вспомним, что до этого момента произошло лишь два сколько-нибудь значительных боя: один — между Даву и Багратионом, другой — между Мюратом и Остерманом-Толстым, то потери французов в боях едва ли можно будет счесть бо̀льшими, чем в 10 000 человек; следовательно, те потери, которые армия понесла больными и отставшими в течение 52 дней при передвижении на расстоянии приблизительно 70 миль, достигали 95 000 человек, т. е. $^1/_3$ всего состава.

Три недели спустя, к моменту Бородинского сражения, эти потери уже достигали 144 000 человек (включая сюда и потери в боях), а восемь дней спустя в Москве — 198 000. Вообще потери в этой армии в первый период наступления достигали ежедневно $^1/_{150}$, во второй период — $^1/_{120}$, а в третий — $^1/_{19}$ всего состава, бывшего к началу периода [1].

Правда, продвижение Бонапарта со времени переправы через Неман до самой Москвы можно назвать безостановочным; однако, не следует забывать, что оно длилось 82 дня, в течение которых были пройдены лишь какие-нибудь 120 миль, и что дважды французская армия формально останавливалась на месте: сначала в Вильно приблизительно на 14 дней, затем в Витебске приблизительно на 11 дней, и что в эти периоды многие отставшие имели время присоединиться к войскам. В течение этого четырнадцатинедельного похода ни время года, ни дороги не могли быть названы плохими, ибо еще было лето, а дороги, по которым шли, были по преимуществу песчаными. Но огромная масса войск, сосредоточенных на одной дороге, недостаток продовольствия и противник, находившийся в отступлении, но отнюдь не бежавший, создавали отягощавшие поход условия.

Мы не будем говорить об отступлении французской армии от Москвы до Немана, но все же мы должны отметить, что преследовавшая ее русская армия, выступавшая из-под Калуги в числе 120 000 человек, прибыла в Вильно

[1] В третий период входят потери французов под Бородином; кроме того, французская армия явно нуждалась в остановке для отдыха, но Наполеон стремился сначала достигнуть Москвы; при этом марш происходил в условиях наибольшего сосредоточения. — Ред.

в составе 30 000 человек. Всякому известно, как мало она понесла за это время потерь в боях.

Еще один пример из кампании, протекавшей на небольшом пространстве, но отличавшейся многочисленными передвижениями взад и вперед, а именно — из действий Блюхера в Силезии и Саксонии в 1813 г. Принадлежавший к этой армии корпус Иорка начал поход 16 августа в составе 40 000 человек, а прибыл под Лейпциг 19 октября с 12 000. Главные бои, которые этот корпус выдержал под Гольдбергом, Лёвенбергом, в сражении на Кацбахе, у Вартенбурга и в сражении у Мёкерна (Лейпциг), обошлись ему, по данным самых авторитетных писателей, в 12 000 человек, между тем остальные потери за восемь недель достигли 16 000 человек, т. е. $^2/_5$ всего состава [1].

Таким образом, надо быть готовым к большому разрушению своих сил, если имеется в виду ведение очень подвижной войны; это надо учитывать в плане действий и прежде всего позаботиться о пополнениях.

Глава XIII

РАЗМЕЩЕНИЕ ПО КВАРТИРАМ

В новейшей истории военного искусства размещение по квартирам стало вновь необходимым, ибо отпали и палатки, и законченная система обозов, которые давали армии независимость. Лагери из землянок и биваки под открытым небом, как их широко ни практиковать, все же не могут составлять неизменного способа размещения войск без того, чтобы рано или поздно, в зависимости от климатических условий, войска не подвергались заболеваниям и не истощали преждевременно свои силы. Поход в Россию в 1812 г. представляет собою один из немногих, в котором при крайне суровом климате войска в течение всех шести месяцев его длительности почти вовсе не занимали квартир. Но что же получилось в результате такого напряже-

[1] Большие потери корпуса Иорка объясняются молодым и несколоченным составом, а также плохим снабжением и обмундированием корпуса: не все солдаты в осеннюю кампанию были снабжены шинелями и суконной одеждой. — Ред.

ния сил, которое можно было бы назвать экстравагантным, если бы эта квалификация еще в большей мере не отвечала политической идее этого предприятия!

Два обстоятельства могут препятствовать расквартированию войск: близость неприятеля и быстрота передвижений. По этой причине квартиры обычно немедленно покидают, как только приближаются решительные действия, и не занимают их, пока это решение не завершится.

В новейших войнах, т. е. во всех тех походах, которые протекали перед нашими глазами за последние двадцать пять лет, стихия войны действовала со всей присущей ей энергией. В этих войнах в отношении активности и напряжения сил по большей части были проявлены все возможности; но все эти походы были непродолжительны, редко длились они полгода, чаще же было достаточно затратить всего несколько месяцев, чтобы добиться намеченной цели, т. е. положения, когда побежденный бывал вынужден заключить перемирие или даже мир, или же наступал момент, когда победный импульс победителя истощался в борьбе. В эти периоды крайнего напряжения не могло быть и речи о расквартировании войск, ибо даже во время победного натиска при преследовании, когда уже никакая опасность не грозила победителю, быстрота передвижения все же не допускала этого облегчения.

Но когда по той или другой причине ход событий бывает менее порывист и происходит преимущественно уравновешенное колебание и взвешивание сил, размещение войск под крышей, в удобных жилищах, должно составлять главный предмет заботливого внимания. Эта потребность оказывает даже некоторое влияние на ведение войны: во-первых, чтобы выиграть время и обеспечить безопасность, выставляют более сильную систему сторожевого охранения и более значительный и далее выдвинутый вперед авангард и, во-вторых, обращают преимущественное внимание на богатство и культурность местности, а не на предоставляемые ею тактические выгоды и геометрические соотношения линий и точек. Торговый город в 20 000—30 000 жителей или большая дорога, вдоль которой почти непрерывно тянется ряд значительных селений и цветущих местечек, предоставляют такие удобства для сосредоточен-

ного размещения больших масс, а это сосредоточение открывает такую возможность ими управлять и такой простор для действий, что эти преимущества с лихвою возмещают тактические выгоды, которые мог бы предоставить другой район.

Нам придется сделать лишь немногие замечания относительно порядка расквартирования, ибо этот предмет своей большей частью относится к тактике.

Размещение войск по квартирам бывает двух родов, в зависимости от того, является ли оно главной задачей или второстепенной. Если группировка войск в течение кампании подчиняется исключительно тактическим и стратегическим соображениям и если для облегчения войск отведены квартиры, оказавшиеся по соседству с пунктом их назначения, что чаще всего имеет место по отношению к кавалерии, то тем самым квартиры оказываются делом второстепенным; они замещают лагерь и, следовательно, должны находиться на такой площади, чтобы войска имели возможность во-время принять свою оперативную группировку. Если же войска расквартировываются на отдых для восстановления своих сил, то размещение по квартирам является главной задачей, а остальные мероприятия, следовательно и специальный выбор пунктов сосредоточения, должны лишь с ним сообразоваться.

Первый вопрос, который приходится рассматривать, касается формы всего района расквартирования. Обычно она представляет собою очень продолговатый прямоугольник, образуя как бы простое расширение тактического боевого порядка. Впереди его будет находиться сборный пункт, а штаб главного командования позади. Эти три условия в значительной мере препятствуют успешному сбору всех частей до прибытия неприятеля, более того — почти противоречат ему.

Чем больше район расквартирования приближается по своему очертанию к квадрату или даже к кругу, тем легче можно собрать войска к определенному пункту, а именно — к центру. Чем далее назад отнесен сборный пункт, тем позднее достигнет его неприятель и тем больше, следовательно, останется у нас времени для сбора. Сборный пункт, расположенный позади района расквартирования, ни-

когда не может подвергнуться опасности[1]. Наоборот, чем дальше вперед вынесена главная квартира, тем раньше до нее доходят донесения и тем лучше бывает обо всем осведомлен командующий. Однако, указанные выше условия не лишены оснований, с которыми в большей или меньшей мере придется считаться.

Растягивая районы расквартирования вширь, имеют в виду лучшее прикрытие страны, которую в противном случае неприятель мог бы обложить реквизициями. Однако, это основание не слишком важно и не вполне соответствует истине. Оно правильно лишь тогда, когда речь идет о крайних флангах, и неверно по отношению к промежутку между двумя частями армии, районы размещения которых группируются вокруг их сборных пунктов, ибо в такой промежуток не решится вторгнуться ни один неприятельский отряд. Оно и не слишком важно потому, что существуют более простые средства защитить ближайшие к нам районы от неприятельских реквизиций, не прибегая к разброске своей армии.

Выдвигая вперед сборный пункт, преследуют цель прикрыть район расквартирования от атаки противника. Это связано со следующими соображениями. Во-первых, спешно становящаяся под ружье часть всегда оставляет после себя на квартирах целый хвост отставших, больных, повозок, запасов и пр., которые легко попали бы в руки неприятеля, если бы сборный пункт располагался позади них. Во-вторых, надо иметь в виду, что неприятель, рассеяв авангард или обойдя его крупными кавалерийскими частями, может напасть на отдельные полки и батальоны. Построенный к бою отряд, на который наткнется кавалерия противника, как бы слаб он ни был и хотя бы он был под конец разбит, все же задержит ее продвижение, и, таким образом, время будет выиграно.

Что касается расположения главной квартиры, то в этом отношении господствовало мнение, что нет таких мер, которые достаточно обеспечили бы ее безопасность.

---

[1] Однако, сосредоточение войск с отходом назад представляется в тактическом отношении весьма угрожаемым, так как легко может перейти в бегство, и потому всегда избегалось ответственными начальниками. — Ред.

Руководствуясь этими различными соображениями, мы полагаем, что наилучшее устройство квартирного района заключается в том, чтобы он представлял собой род прямоугольника, приближающийся к квадрату или кругу, со сборным пунктом в центре и — при сколько-нибудь значительных силах — с главной квартирой, расположенной в передних рядах.

То, что было сказано по поводу прикрытия флангов построения войск вообще, применимо и в данном случае; поэтому отдельные отряды справа и слева должны иметь свои отдельные сборные пункты на одном уровне с главными силами, хотя бы и имелось в виду вступить в бой совместно.

Впрочем, если мы примем во внимание, что, с одной стороны, свойства местности каким-нибудь природным рубежом намечают естественный сборный пункт, а с другой — что они своими селениями и городами определяют расположение квартир, то мы убедимся, как редко геометрическая фигура играет в этом деле решающую роль; все же указать на нее мы считаем необходимым потому, что она, как всякий общий закон, то с большей, то с меньшей властностью проявляется в общей совокупности отдельных случаев.

Далее, относительно выгод, предоставляемых данной местностью для расквартирования, нам надлежит указать еще на желательность наличия прикрывающего местного рубежа, с тем чтобы избрать квартирный район позади него, а на стороне рубежа, обращенной к неприятелю, установить наблюдение при помощи большого числа мелких отрядов. Также выгодно расквартирование войск позади крепостей; численность гарнизона последних при подобных обстоятельствах не может быть установлена, и они внушают неприятелю гораздо больше уважения и осмотрительности.

Относительно укрепленных зимних квартир мы намерены поговорить особо в отдельной главе [1].

Расквартирование войск, стоящих на месте, отличается от расквартирования их на походе тем, что последнее во избежание излишних концов не распространяется вширь,

---

[1] Такая глава осталась ненаписанной. — Ред.

а тянется вдоль основного пути, что безусловно благоприятствует быстроте сбора, раз только такое расквартирование не растягивается больше чем на длину небольшого перехода.

Во всех тех случаях, когда мы, говоря техническим языком, находимся перед неприятелем, т. е. во всех тех случаях, когда оба авангарда отделены лишь незначительным пространством, протяжение района расквартирования и время, требуемое войсками для сбора, определяют силы и расположение авангарда и сторожевого охранения; в тех же случаях, когда силы и расположение их обусловлены положением неприятеля и обстоятельствами, то, наоборот, ширина расквартирования будет зависеть от времени, обеспеченного нам сопротивлением передовых частей.

Как мы должны мыслить такое сопротивление, оказываемое выдвинутыми вперед отрядами, мы уже говорили в III[1] главе этой части. Из срока сопротивления передовых частей надо исключить время на передачу ориентировки и на распоряжения по подъему войск, и лишь то, что остается после такого вычета, составит время, могущее быть употребленным на движения по сосредоточению.

Чтобы и здесь в конце изложения зафиксировать наши представления о том, как все это складывается при нормальных условиях, мы должны заметить, что если бы радиус квартирного района равнялся расстоянию района от авангарда, а сборный пункт был приблизительно в центре района, то выигранное задержкой неприятельского наступления время оставалось бы для передачи донесений и приказов; это оказалось бы вполне достаточным в большинстве случаев, даже если осведомление о неприятельском наступлении производится не при помощи световой сигнализации, сигнальных выстрелов и пр., а просто по летучей почте, представляющей единственный вполне надежный способ связи[2].

Таким образом, при авангарде, выдвинутом вперед на расстояние 3 миль, можно было бы занять под квартиры

---

[1] Надо читать: «в VIII». — Ред.

[2] В эпоху Клаузевица технические средства связи (оптический телеграф) находились еще в младенческом состоянии. — Ред.

пространство приблизительно в 30 квадратных миль. В местности со средней густотой населения на таком пространстве можно найти приблизительно около 10 000 дворов[1], что для армии в 50 000 человек, за вычетом авангарда, составит в среднем по четыре человека на двор. Такое квартирное расположение представляло бы большие удобства; при вдвое сильнейшей армии приходилось бы девять человек на двор, следовательно, все же квартиры оказались бы не слишком тесными. Когда же не представляется возможным выдвинуть авангард далее одной мили, мы имели бы площадь квартирного района всего в 4 квадратных мили, ибо хотя выигрыш времени уменьшается не вполне пропорционально уменьшению удаления авангарда от главных сил и при расстоянии в одну милю между авангардом и главными силами можно было бы рассчитывать на 6 часов, все же при такой близости неприятеля необходимо увеличить предосторожности. Конечно, на таком тесном пространстве армия в 50 000 человек могла бы как-нибудь разместиться на квартирах лишь в густо населенной местности.

Мы видим, какую решающую роль играют в этом случае большие или хотя бы значительные города, дающие возможность расквартировать от 10 000 до 20 000 человек в одном пункте.

Отсюда, казалось бы, следует, что если неприятель не слишком близок, а мы располагаем соответственным авангардом, то можно оставаться на квартирах, имея против себя и сосредоточенные неприятельские силы, что и было допущено Фридрихом Великим в начале 1762 г. под Бреславлем, а в 1812 г. Бонапартом под Витебском. Однако, имея перед собою сосредоточенного неприятеля, хотя бы и не приходилось опасаться за безопасность сбора войск при достаточном удалении от противника и надлежащих мероприятиях, все же не надо забывать, что армия, занятая спешным сбором, в это время не может делать ничего иного и что, следовательно, в этот период она не в состоянии использовать складывающуюся обстановку, а по-

---

[1] Клаузевиц исходит из расчета 7 дворов на 1 квадратный километр. — Ред.

тому лишается значительной доли своей оперативной способности. Отсюда следует, что лишь в следующих трех случаях можно полностью размещать армию на квартирах:

1) когда то же делает и противник;

2) когда этого обязательно требует состояние войск;

3) когда ближайшая деятельность армии ограничивается обороной укрепленной позиции и, следовательно, все дело сводится к тому, чтобы во-время собрать на ней войска.

Замечательный случай сбора расквартированной армии мы встречаем в кампании 1815 г. Генерал Цитен с 30 000 человек образовывал у Шарлеруа авангард армии Блюхера, которую предполагалось сосредоточить у Сомбрефа, всего в 2 милях позади. Самые же отдаленные от Сомбрефа квартиры находились на расстоянии 8 миль, а именно — с одной стороны за Синей, а с другой — по направлению к Льежу. Тем не менее войска, квартировавшие за Синей, уже собрались к Линьи за несколько часов до начала там сражения, а размещенные по направлению Льежа войска (корпус Бюлова) тоже оказались бы на месте, если бы не случайность и не ошибочная организация службы связи.

Бесспорно, о безопасности прусской армии позаботились недостаточно; впрочем, в оправдание надо сказать, что указанное расположение было занято тогда, когда французская армия сама стояла на еще более широко раскинутых квартирах. Таким образом, ошибка сводилась лишь к тому, что эти мероприятия не были изменены тотчас же по получении первого донесения о передвижениях французских войск и о прибытии к ним Бонапарта.

Все же заслуживает внимания то соображение, что прусская армия могла бы сосредоточиться под Сомбрефом еще до атаки неприятеля. Правда, Блюхер получил известие о наступлении неприятеля 14-го ночью, т. е. за двенадцать часов до того, как генерал Цитен подвергся действительному нападению, и тогда же было приступлено к сбору войск; но уже 15-го утром в 9 часов [1] генерал Цитен был в самом жарком огне, и лишь в этот момент генерал Тильман [2] получил в Синей приказ выступить в

[1] Фактически только в 13 часов. — Ред.

[2] Клаузевиц в эту кампанию являлся начальником штаба корпуса Тильмана. — Ред.

Намюр. Таким образом, ему пришлось сначала собрать свой корпус по дивизиям, а затем пройти $6^1/_2$ миль до Сомбрефа; на все это потребовалось 24 часа. К тому же времени мог прибыть и генерал Бюлов, если бы приказ о выступлении дошел до него своевременно.

Бонапарту же удалось начать свое нападение на Линьи лишь в 2 часа пополудни 16-го. Опасение иметь Веллингтона с одной стороны, а Блюхера — с другой, другими словами — несоответствие сил во многом объясняет эту медлительность; отсюда мы видим, насколько даже самый решительный полководец задерживается осторожным нащупыванием, которое всегда неизбежно при сколько-нибудь сложной обстановке.

Часть приведенных здесь соображений, очевидно, имеет скорее тактический, чем стратегический характер, но мы предпочли несколько выйти из пределов нашего предмета, чем рисковать высказаться недостаточно ясно.

Глава XIV

ДОВОЛЬСТВИЕ ВОЙСК

Довольствие войск приобрело в современной войне гораздо большее значение, чем оно имело раньше, по двум причинам. Прежде всего потому, что современные армии в общем гораздо больше, чем средневековые и даже чем они были в древности. Если и раньше время от времени бывали армии, равные по своей численности современным, а порою даже значительно их превосходившие, то это случалось лишь как редкое и преходящее явление[1]. В новейшей же военной истории, со времен Людовика XIV, армии всегда были чрезвычайно многочисленны. Вторая причина гораздо важнее и более специфически присуща новейшему времени. Она заключается в большей внутренней связи современных войн, в требовании постоянной боевой готовности, предъявляемом к ведущим их вооруженным силам.

---

[1] Современные исторические труды отрицают возможность сбора в древние и средние века тех огромных армий, о которых гласят явно преувеличенные данные первоисточников. — Ред.

Большинство прежних войн состояло из отдельных, не связанных между собою предприятий, которые разделялись периодами затишья, в течение которых война фактически или совершенно прекращалась, или по крайней мере вооруженные силы настолько далеко расходились друг от друга, что каждая из двух воюющих армий могла заниматься удовлетворением своих потребностей, не считаясь со своим противником.

Войны новейшего времени, т. е. войны после Вестфальского мира[1], стараниями правительств приобрели более правильную связную форму; цели войны повсюду господствуют, и в вопросах довольствия войск они обусловливают такую организацию, которая могла бы всегда удовлетворить их требованиям. Правда, в войнах XVII и XVIII веков точно так же наблюдались длительные промежутки бездействия, которые весьма приближались к полной приостановке хода войны, — разумеем регулярное занятие зимних квартир войсками. Однако, и занятие зимних квартир подчинялось требованиям цели войны; к этому побуждало суровое время года, а не вопросы довольствия войск, и так как с наступлением лета они регулярно покидались, то по крайней мере в теплый период года требовалась непрерывность военных действий.

И здесь, как и во всех остальных случаях, переход от одного состояния к другому и от одного способа действия к новому происходил постепенно. В войнах против Людовика XIV союзники обычно отправляли свои войска на зимние квартиры в отдаленные провинции, дабы их легче довольствовать; во время Силезских войн подобное явление уже не наблюдалось.

Это правильное и связное оформление военных действий стало возможным для государств, главным образом, лишь после того, как на место феодальных ополчений явились наемные войска. Ленные обязанности выродились в денежный налог, а личная служба или совершенно отпала с заменой ее вербовкой, или же сохранилась лишь по отношению к самым низшим классам населения, причем дворян-

---

[1] Которым в 1648 г. закончилась Тридцатилетняя война. — Ред.

ство (как это еще теперь практикуется в России и Венгрии) смотрело на поставку рекрут как на своего рода подать, уплачиваемую людьми. Во всяком случае армии, как мы на это уже указывали в другом месте, обратились в непосредственное орудие кабинетов, и главным базисом их явилась казна или денежные доходы правительства.

То самое, что произошло с устройством и постоянным пополнением вооруженных сил, должно было случиться и с их довольствием. Раз сословия были освобождены от первого с заменой денежной повинностью, то и последнее нельзя было на них возложить упрощенным приемом. Правительство, казна должны были взять на себя заботы по довольствию армии и не могли уже предоставить ей жить в пределах своей страны за счет последней. Таким образом, правительство было вынуждено смотреть на довольствие войск как на дело, всецело лежащее на его плечах. При этом довольствие войск стало труднее по двум причинам: во-первых, оно стало делом исключительно правительства, а во-вторых, вооруженные силы должны были все время оставаться на виду у неприятеля.

Пришлось не только создать особую военную касту (Kriegsvolk), но и особую организацию довольствия и развить ее по мере возможности.

Запасы продовольствия заготовлялись частью путем закупок, частью путем поставок из государственных доменов, и не только доставлялись из отдельных провинций и накоплялись в магазинах, но и перевозились из этих магазинов к войскам при помощи специально организованных обозов; поблизости от войск хлеб выпекался в собственных пекарнях, откуда уже сами войска забирали его при помощи других обозов, которые под конец были приданы самим войскам. Мы обратили внимание на эту систему[1] не только потому, что она объясняет своеобразный характер войн, в которых она действовала, но и потому, что

[1] Так называемая пятипереходная система; государственный обоз (мучной транспорт) доставлял муку к хлебопекарням на три перехода от магазинов, а армейский обоз (хлебный транспорт) доставлял хлеб от пекарен еще на два перехода к армии. — Ред.

она никогда не может окончательно исчезнуть, и ее существенные частности всегда будут вновь встречаться.

Таким образом, военная организация имела тенденцию постепенно становиться все более и более независимой от народа и страны.

Следствием этого было то, что война сделалась более правильной, связной и более выдержанной по отношению к цели войны, т. е. политической цели, но в то же самое время она стала гораздо более ограниченной к своих движениях, более связанной, а энергия ее значительно ослабела. Теперь армия была прикована к своим магазинам; круг ее действий был ограничен организацией обозов. Вполне естественно, что все приняло ориентировку на возможную бережливость в деле содержания армии. Солдат, довольствуемый скудным куском хлеба, порою шатался, как тень, от истощения, и среди переносимых им лишений его не утешала никакая надежда на улучшение своего положения.

Тот, кто не учитывает столь скудного содержания солдата, а имеет в виду лишь то, чего достиг Фридрих Великий с бойцами, которые так питались, смотрит на дело предвзято. Способность переносить лишения составляет одну из прекраснейших добродетелей солдата, без нее не бывает армии с истинно воинственным духом; но такие лишения должны быть преходящими, обусловленными силой внешних обстоятельств, а не являющимися следствием бедствия, возведенного в систему, или результатом скаредного отвлеченного подсчета минимальной потребности. В последнем случае лишения всегда будут вести к физическому и моральному ослаблению человека. То, что Фридриху Великому удалось выполнить со своей армией, не может служить для нас масштабом, ибо отчасти и противники его держались той же системы, а отчасти мы не знаем, что̀ бы он предпринял, если бы имел возможность предоставить своей армии те условия жизни, какие Бонапарт предоставлял своим солдатам всякий раз, как только обстоятельства ему это позволяли.

Но на содержание лошадей никогда не решались распространить эту искусственную систему продовольствования, ибо фураж, вследствие его объема, труднее перевозить.

Одна фуражная дача весит приблизительно в десять раз больше, чем один паек, а число лошадей в армии составляет не $^1/_{10}$ числа людей, а больше: в современных армиях — от $^1/_3$ до $^1/_4$, раньше — даже от $^1/_3$ до $^1/_2$. Таким образом, вес всех рационов для конского состава превышал бы вес всех солдатских пайков в три, четыре или даже пять раз; поэтому удовлетворить эту потребность старались самым непосредственным образом, а именно — путем фуражировок. Такие фуражировки представляли собою новый вид значительного стеснения, налагаемого на ведение войны. Во-первых, применение фуражировок выдвигало одним из важнейших условий требование, чтобы война велась на неприятельской территории, а во-вторых, фуражировки не дозволяли долгое время оставаться на одном и том же месте. Впрочем, уже ко времени Силезских войн фуражировки в значительной мере сократились в своем объеме; явилось убеждение, что они вызывают гораздо большее опустошение и тяготу для страны, чем удовлетворение потребностей посредством поставок и реквизиций.

Когда французская революция заставила вновь двинуть на театр войны народные массы, то средства правительства оказались недостаточными, а вся военная система, исходившая из ограниченности этих средств и в этой же ограниченности находившая свое обеспечение, оказалась разгромленною; с разгромом же целого пала и т а его часть, о которой мы сейчас говорим, а именно — система довольствия войск. Не очень заботясь о магазинах и еще менее думая об организации того искусного часового механизма, который приводил в движение, словно систему колесиков, отдельные части системы обозов, вожди революции высылали своих солдат на войну, гнали в бой своих генералов, питали, подкрепляли, оживляли и возбуждали всех при помощи реквизиций, грабежей и хищения всего того, в чем они нуждались [1].

Войны, которые вел Бонапарт и которые велись против него, заняли среднее место между этими двумя крайностями, т. е. он пользовался из всех средств теми, которые ему казались наиболее подходящими.

---

[1] В данной характеристике французской революции сказалось отношение к ней Клаузевица как убежденного монархиста.—Р е д.

При новейшей системе довольствия войск, заключающейся в том, чтобы пользоваться, не считаясь с правом собственности, всем тем, что может дать известная местность, возможны четыре различных пути, а именно: довольствие от квартирохозяина, сбор припасов непосредственно войсками, общая реквизиция и магазины. Все четыре способа обычно применяются одновременно, причем один из них является господствующим; но бывают случаи, когда применяют лишь один из них.

1. Довольствие от квартирохозяина или общины, что одно и то же. Если принять во внимание, что во всякой общине, — даже в больших городах, где она состоит исключительно из потребителей, — все же имеется всегда запас продовольствия на несколько дней, то станет ясно, что даже самый населенный город окажется в состоянии в течение одного дня прокормить расквартированные в нем войска, численностью равняющиеся количеству жителей, а когда число квартирующих войск значительно меньше населения, то и в течение нескольких дней, — для этого не требуется каких-либо особых предварительных мероприятий. В более или менее крупных городах это дает весьма удовлетворительный результат, ибо таким путем можно прокормить значительную массу войск, сосредоточенную в одном пункте. В небольших же городах и деревнях результат оказался бы недостаточным, ибо население в 3 000—4 000 человек на пространстве 1 квадратной мили, что представляет уже значительную плотность, обеспечило бы продовольствием всего лишь 3 000—4 000 солдат; при значительных массах войск это потребовало бы такой широкой разброски их, которая едва ли оказалась бы приемлемой в других отношениях. Однако, на равнинах и даже в небольших городах наличное количество нужных на войне продовольственных средств значительно больше; запас хлеба у крестьянина, считая в среднем, обычно бывает достаточным для прокормления его семьи в течение одной-двух недель; мясо можно добыть в любой день, запас овощей обычно рассчитан до следующего урожая. Поэтому не представляет особых трудностей прокормить в течение нескольких дней войска, превышающие втрое или вчетверо население, если в этой местности вой-

ска еще не квартировали, — а это опять-таки является вполне удовлетворительным. При таких условиях колонна в 30 000 человек потребовала бы для своего расквартирования пространства до 4 квадратных миль в местности с плотностью населения в 2 000—3 000 человек на 1 квадратную милю [1], если при этом нельзя использовать для постоя значительного города; это заставило бы растянуть расквартирование в ширину на 2 мили. Таким образом, армия в 90 000 человек, в которой насчитывается около 75 000 бойцов, если она будет двигаться при наличии трех дорог тремя параллельными колоннами, должна будет занять пространство по фронту всего лишь в 6 миль.

Если эти квартиры будут заниматься последовательно следующими позади колоннами, то местным властям придется принимать особые меры, что, впрочем, не вызовет осложнений, если речь будет итти о довольствии в течение одного-двух лишних дней. Таким образом, если бы за этими 90 000 человек в течение одного дня проследовало бы еще столько же, то и этим последним еще не пришлось бы терпеть недостатка в продовольствии, а при этом составляется уже внушительная масса в 150 000 бойцов.

Еще меньше затруднений представляет корм для лошадей, ибо он не требует ни помола, ни выпечки, а так как для местных лошадей запас фуража всегда имеется налицо до следующего урожая, то даже там, где кормление скота в стойлах мало распространено, трудно ожидать большого недостатка корма; однако, поставку фуража придется уже требовать не от хозяина квартиры, а от общины. Но, конечно, при организации марша следует принимать во внимание свойства местности и не назначать для расквартирования кавалерии торговых и фабричных местечек и не направлять кавалерию в такие местности, где ощущается недостаток в фураже.

Таким образом, общий вывод из этого беглого обзора сводится к тому, что в местности с средней плотностью населения, а именно — при 2 000—3 000 жителей на 1 квадратную милю, армия в 150 000 бойцов может найти пропитание в течение одного-двух дней у квартирохозяев и об-

[1] 40—60 человек на 1 квадратный километр. — Ред.

щин, несмотря на весьма ограниченную разброску сил, не исключающую возможности совместных боевых действий; следовательно, такую армию можно содержать в течение непрерывного похода без магазинов и какой-либо иной подготовки.

На этот вывод опирались все предприятия французских армий в течение революционных войн и при Бонапарте. Они продвинулись от Эча до нижнего Дуная и от Рейна до Вислы почти без каких-либо иных способов продовольствования, кроме содержания за счет квартирохозяев. Так как все их предприятия, опираясь на физическом и моральном превосходстве, сопровождались несомненным успехом и во всяком случае не замедлялись нерешительностью и осмотрительностью, то продвижение по их победному пути представляло собою в большинстве случаев ряд непрерывных переходов.

Если обстоятельства менее благоприятны, если местность не так плотно населена или если население состоит больше из ремесленников, чем из крестьян, если почва неплодородна, а местность подвергалась несколько раз нашествиям, то, естественно, результаты будут менее благоприятны. Но стоит вспомнить, что если увеличить поперечник района, занимаемого войсками, с 2 миль до 3, то сразу получается более чем двойная площадь, т. е. 9 квадратных миль вместо 4; при этой разброске в большинстве случаев совместные боевые действия остаются еще вполне возможными; отсюда ясно, что даже при неблагоприятных условиях, но при обязательном непрерывном движении вперед описываемый способ довольствия армии остается возможным.

Но как только явится остановка на несколько дней, тотчас должна наступить крайняя нужда, если не принять других мер. Существуют два таких мероприятия, без которых более или менее значительная армия и теперь обойтись не может. Первое — это придача войскам обоза, при помощи которого везется запас хлеба и муки, как самой необходимой части довольствия, на несколько — три-четыре — дней; если к этому присоединить еще трех-четырехдневный запас продовольствия, который солдат несет на себе, то получается запас хотя и скудного питания на восемь

дней. Второе — это организация хорошего интендантства, которое при остановке в любой момент подвезет из дальних мест продукты, так что можно будет легко перейти в нужную минуту от системы квартирного довольствия к другой системе.

Довольствие от квартирохозяев имеет то огромное преимущество, что оно не требует никаких перевозочных средств и добывается в кратчайший срок; но оно строится на предположении, что, как правило, все войска размещаются по квартирам.

2. Довольствие путем войсковых реквизиций. Когда отдельный батальон располагается лагерем вблизи нескольких деревень, то он может возложить на последние поставку ему продовольственных припасов; в таком случае между этим способом довольствия и предшествующим не было бы существенного различия. Но если, как это обыкновенно бывает, масса войск, располагающаяся на ночлег в одном каком-либо пункте, значительно больше, то для более крупной единицы, как, например, бригады или дивизии, не останется ничего иного, как реквизировать сообща все необходимое в определенном районе, а затем полученные таким образом продукты поделить.

Уже с первого взгляда видно, что таким способом добыть довольствие для значительной армии невозможно. Количество продовольствия, добытое этим приемом в известном районе, будет гораздо меньше по сравнению с тем, которое могут добыть войска при расквартировании от своих хозяев. Когда 30 или 40 солдат войдут в дом крестьянина, они сумеют в случае нужды вытащить у него и последнее; но офицер, которого отправили с несколькими солдатами раздобыть продовольствие, не имеет ни времени, ни средств доискаться всех запасов, часто нехватит и перевозочных средств; поэтому удастся раздобыть лишь малую долю имеющегося в наличности. С другой стороны, массы войск, сосредоточиваемые в одном лагере, обычно так велики, что районы, из которых можно было бы достаточно скоро доставить необходимые продукты, окажутся слишком малы для удовлетворения всей потребности. Что может получиться, когда 30 000 человек на 1 милю в окружности, т. е. на площади в 3—4 квадратных

мили, реквизируют продукты продовольствия? Да и это редко им удастся, ибо большинство ближайших деревень окажутся обложенными отдельными воинскими частями, и последние ничем не захотят поделиться. Наконец, при этой системе наблюдается наибольшая расточительность, ибо отдельные части берут сверх меры, много пропадает зря и пр.

Следовательно, конечный вывод заключается в том, что довольствие войсковой реквизицией может применяться с успехом лишь не слишком крупными частями, например, до дивизии в 8 000—10 000 человек, и что даже в этом случае к ней приходится прибегать как к неизбежному злу.

Обычно эта мера оказывается неизбежной при наступательном марше для всех тех частей, которые стоят непосредственно перед неприятелем, как, например, для авангарда, сторожевого охранения. Они доходят до таких пунктов, где никаких мер заранее не могло быть принято, а сами обычно слишком удаляются от запасов, собранных для остальных частей армии. Далее, эту меру будут применять партизанские отряды, предоставленные самим себе; наконец, к ней будут обращаться во всех тех случаях, когда не имеется ни времени, ни средств для применения других способов получения продовольствия.

Чем войска более приспособились к производству правильной реквизиции и чем больше дозволяют время и обстоятельства перейти к этому способу снабжения, тем лучше будут результаты. Но в большинстве случаев на это нехватает времени, ибо то, что войска непосредственно сами добудут для себя, доходит до них гораздо скорее.

3. Довольствие при помощи правильной реквизиции. Это есть бесспорно самое простое и действительное средство снабжения продовольствием, лежащее в основе всех современных войн.

От предшествующего способа эта мера отличается главным образом привлечением к реквизиции местных властей. Запасы в этом случае уже не отнимаются насильственным способом, где бы они ни находились, но получаются путем разумной разверстки. Такая разверстка может быть выполнена лишь местными властями.

Здесь все дело во времени. Чем больше имеется времени, тем полнее будет разверстка, тем она явится менее обременительной, тем правильнее будет поступление. Можно даже прибегнуть отчасти к закупкам на наличные деньги, что приблизит способ довольствия к магазинному. При сосредоточении вооруженных сил в собственной стране, а также при отступлении применение этого способа не представляет никаких затруднений. Напротив, при всяком продвижении в районе, коим мы еще не овладели, имеется очень мало времени, чтобы создать соответствующую организацию, — обычно лишь тот единственный день, на который авангард опережает армию. От авангарда и исходит обыкновенно предложение местным властям, с указанием количества пайков и рационов, какое они должны заготовить в том или другом пункте. Так как продовольствие и фураж могут быть доставлены лишь из ближайшего района, т. е. из округа, удаленного не свыше 2—3 миль от намеченного пункта, то при значительной армии эти наспех организованные ссыпки оказались бы далеко не достаточными, если бы войска не везли с собой продовольствия на несколько дней. Отсюда дело интендантства распорядиться добытыми таким способом продуктами, раздавая их лишь тем воинским частям, которые сами ничего не имеют. Но с каждым последующим днем затруднения будут уменьшаться, так как с увеличением числа дней и тех расстояний, на которых могут быть добываемы жизненные припасы, увеличивается в квадрате площадь реквизиции, а следовательно, и сумма продуктов. Если в первый день продукты могли доставляться лишь с площади в 4 квадратных мили, то на следующий день могут эксплоатироваться 16 квадратных миль, на третий — 36; таким образом, на второй день площадь реквизиции будет на 12 миль больше, чем в первый день, на третий — на 20 миль больше, чем на второй.

Само собою разумеется, что мы указываем лишь на общую тенденцию, ибо могут иметь место многие обстоятельства, ограничивающие данную прогрессию; важнейшее из них сводится к тому, что районы, уже пройденные войсками, не могут участвовать в поставках в той же мере, как другие. Но, с другой стороны, надо иметь в виду и то, что радиус поставок может увеличиваться с каждым

днем не только на 2 мили, а пожалуй, и на 3—4, а в некоторых местах и более.

Чтобы такие принудительные поставки действительно поступали, хотя бы в главной своей массе, об этом позаботится исполнительная власть отдельных воинских команд, приданных чиновникам, а еще больше влияет в этом направлении страх ответственности, наказаний и жестокостей, который в таких случаях обычно гнетет население.

Впрочем, нашей задачей не является изложение здесь подробностей организации всего часового механизма интендантства и продовольственной части; мы здесь имеем в виду лишь результат, который может быть получен этим способом.

Вывод, к которому мы приходим на основе здравого смысла по рассмотрении общих условий и который подтверждается опытом войн, начиная с революции, заключается в следующем: даже самая многочисленная армия, если она везет с собой запас продовольствия на несколько дней, несомненно может содержаться реквизиционным способом сбора продуктов, устанавливаемым с момента вступления армии в данную местность и захватывающим сначала лишь ближайшие районы, а затем постепенно распространяющимся на все более и более широкие пространства, причем в организации реквизиции будут принимать участие все более и более высокие административные инстанции.

Это средство не имеет никаких иных границ, кроме истощения, обнищания и разорения страны. Но при более продолжительном пребывании организация поставок постепенно восходит до высших учреждений страны, а эти последние, естественно, сделают все для того, чтобы распределить бремя обложения по возможности равномерно и облегчить тяжесть поставок путем закупок; да и само государство, ведущее на чужой территории войну, в том случае, когда его войска остаются во враждебной стране более продолжительное время, обычно уже не поступает грубо и беспощадно и не возлагает все бремя довольствия войск на оккупированную территорию. Таким образом, система реквизиций мало-по-малу, естественно, начнет приближаться к системе магазинов, не превращаясь, однако,

в последнюю окончательно и не прекращая оказывать свое влияние на движения воинских частей, ибо большая разница — остается ли страна действительным органом снабжения войск, хотя средства ее и восполняются запасами, привезенными издалека, или же армия, как то было в войнах XVIII столетия, организует свое совершенно самостоятельное хозяйство, а страна, как общее правило, в этом вовсе не участвует.

Наиболее существенное различие заключается в пользовании местными перевозочными средствами и местными хлебопекарнями. Благодаря этому отпадают огромные, почти всегда губительные для своего же дела армейские транспорты.

Хотя и теперь ни одна армия не будет в силах совершенно обойтись без продовольственного обоза, но последний ныне значительно меньше и служит до известной степени лишь для того, чтобы перебрасывать излишки одного дня на другой. Особые обстоятельства вроде тех, что имели место в России в 1812 г., могут принудить и в новейшие времена содержать огромный обоз, а также везти с собой походные хлебопекарни. Однако, подобные обстоятельства представляют исключение, так как не часто случается, чтобы 300 000 человек продвигались на 130 миль в глубь страны почти по одной дороге, и притом в таких странах, как Польша и Россия, да еще незадолго до снятия урожая. Но даже в подобных случаях войсковая организация продовольственного снабжения будет играть лишь вспомогательную роль, а реквизиция местных средств должна все же рассматриваться как основа всего снабжения армии продовольствием.

Со времен первых походов французской революционной войны реквизиции всегда были основой снабжения французской армии; к ним вынуждены были обратиться и сражавшиеся против нее войска союзников. Теперь трудно ожидать, чтобы от реквизиции когда-нибудь отказались. Никакая другая система не дает таких результатов в отношении энергии, легкости и несвязанности ведения войны. Обычно в течение первых трех-четырех недель действия в любом направлении не встречают никаких затруднений, а затем на помощь являются магазины; можно с полным пра-

вом утверждать, что этим путем война приобретает полнейшую свободу действий. Хотя и могут возникнуть затруднения — бо́льшие в одном направлении, меньшие в другом — и это при выборе решения будет, конечно, несколько ложиться на чашу весов, однако, нигде не придется встречаться с абсолютной невозможностью, и вопрос снабжения армии продовольствием никогда не будет иметь решающего значения. Лишь один случай явится исключением — это отступление в неприятельской стране. В подобном случае скучиваются многие неблагоприятные для довольствия условия. Движение получает непрерывный характер, обычно без остановок, а потому времени для образования запасов нехватает. Обстоятельства, при которых приступают к такому отходу, уже сами по себе большей частью являются крайне неблагоприятными. Таким образом, отступающим войскам приходится всегда держаться вместе, и не может быть и речи о размещении их по квартирам или о движении отходящих колонн на широком фронте; враждебное отношение страны не дозволяет собирать запасы одним лишь требованием реквизиций без участия воинских команд; наконец, момент сам по себе является особенно подходящим, чтобы вызывать противодействие, злую волю местного населения. Все это приводит к тому, что в таких случаях, как общее правило, приходится ограничиваться прежде устроенными коммуникационными линиями.

Когда Бонапарт в 1812 г. решил начать свое отступление, он безусловно мог его выполнить лишь по той дороге, по которой он пришел, и притом как раз по продовольственным соображениям, ибо на всякой другой дороге его ожидала бы еще более несомненная и скорая гибель; все те осуждения Бонапарта, которые были высказаны по этому поводу даже французскими писателями, лишены всякого смысла.

4. Довольствие из магазинов. Этот способ снабжения отличался бы от предыдущего принципиально разве только в том случае, если бы он получил тот же характер, какой имел в последнюю треть XVII и на всем протяжении XVIII столетия. Но появится ли вновь когда-либо такая организация?

Правда, трудно себе представить, каким другим способом может быть организовано довольствие, если мыслить ведение войны крупными армиями, прикованными к одному месту в течение 7, 10 и 12 лет, как это было в Нидерландах, на Рейне, в Ломбардии, Силезии и Саксонии; какая страна могла бы в течение столь долгого времени служить главным источником содержания войск обеих воюющих сторон без того, чтобы не быть окончательно разоренной и, следовательно, постепенно стать неспособной выполнить эту задачу?

Но здесь естественно возникает вопрос: война ли определяет систему снабжения, или же система снабжения определяет войну? На это мы ответим: сначала система снабжения определяет войну, поскольку это не противоречит остальным условиям, от которых война зависит; когда же последние начинают оказывать слишком сильное сопротивление, война начинает в свою очередь влиять на систему снабжения и, следовательно, определяет ее основы.

Война, построенная на основах снабжения реквизициями и довольствия войск местными средствами, имеет такое преимущество перед войной с довольствием лишь из магазинов, что последняя представляется совершенно другим инструментом. Поэтому ни одно государство не решится выступить с этим последним видом войны против первого; если бы и нашелся такой военный министр, у которого хватило бы ограниченности и невежества, чтобы не оценить безусловную обязательность новых методов, и армия выступила бы в начале войны со старой системой, то сила обстоятельств скоро подчинила бы себе полководца и навязала бы ему систему реквизиций. Если при этом иметь в виду, что крупные издержки, вызываемые магазинной системой, непременно отразятся на сокращении размеров вооружений и боевых сил, ибо ни у одного государства лишних денег не бывает, то станет ясно, что магазинной системы держаться невозможно, за исключением разве случая, когда обе воюющие страны захотели бы вступить по этому поводу в дипломатическое соглашение; конечно, этот случай представляет лишь простую игру фантазии.

Итак, по всей вероятности, войны отныне всегда будут начинаться при господстве реквизиционной системы; мно-

го ли то или другое правительство захочет сделать, чтобы дополнить ее искусственной организацией довольствия, с целью больше пощадить свою страну и т. д., об этом мы говорить не будем; во всяком случае слишком много сделано не будет, ибо в такие моменты все устремляется в первую очередь на удовлетворение самых настоятельных потребностей, а к последним искусственная организация довольствия теперь уже не относится.

Однако, в тех случаях, когда война по своим результатам не будет настолько решительной и настолько широко захватывающей по своим передвижениям, насколько это должно быть по существу ее природы, система реквизиций начнет до такой степени истощать страну, что придется или заключить мир, или принять меры к облегчению района военных действий и самостоятельному снабжению армии продовольствием. Последнее пришлось сделать французам при Бонапарте в Испании; но первое будет иметь место гораздо чаще. В большинстве войн истощение государства настолько возрастает, что вместо более дорого стоящего ведения войны склоняются к признанию необходимости заключить мир. Таким образом, новый способ войны и с этой стороны приводит к сокращению длительности войн.

Однако, мы вовсе не намерены отрицать возможность войн со старой организацией снабжения; под давлением сложившихся у обеих сторон отношений и при других благоприятных обстоятельствах она быть может вновь когда-нибудь выявится; но мы уже не признаем такую форму естественной, это будет ненормальное явление, которое обстоятельства могут допустить, но которое никоим образом не будет вытекать из подлинного значения войны. Еще менее мы можем смотреть на эту форму — якобы более гуманную — как на шаг вперед в развитии войны, ибо война отнюдь не человеколюбива.

Но какую бы систему снабжения мы ни избрали, ясно, что в богатой и густо населенной местности довольствовать будет легче, чем в местности бедной и малонаселенной. Здесь играет роль и плотность населения; это видно из двоякого отношения, какое она имеет к наличным запасам страны; во-первых, там, где много потребляют, долж-

но быть и много запасов; во-вторых, большей плотности населения, как общее правило, отвечает и большая урожайность. Хотя в этом отношении исключение представляют округа, населенные преимущественно фабричными рабочими, — особенно если эти округа, что бывает нередко, образуются горными долинами с неплодородной почвой в округе, — но в общем всегда гораздо легче обеспечить удовлетворение всех потребностей армии в стране густо населенной, чем в стране малонаселенной. Нет сомнения, что 400 квадратных миль, на которых живет 400 000 человек, как бы плодородна их почва ни была, не так легко прокормят стотысячную армию, как те же 400 квадратных миль, но с населением в 2 миллиона человек. К этому присоединяется и то обстоятельство, что в густонаселенных странах сеть дорог и водных путей гуще и находится в лучшем состоянии, а перевозочные средства обильнее и торговые сношения легче и надежнее. Словом, прокормить армию во Фландрии бесконечно легче, чем в Польше.

Вот почему война своими многочисленными ртами всегда охотнее присасывается к большим трактам, населенным городам, плодородным долинам больших рек и к часто посещаемым кораблями берегам морей.

Отсюда становится ясным общее воздействие, оказываемое довольствием войск на направление и форму операций, на выбор театра войны и на коммуникационные линии.

Предел, до которого распространяется это влияние, и значение, получаемое при общем подсчете трудности или легкости довольствия, конечно, зависят от того способа, каким война будет вестись. Если она ведется в присущем ей духе, т. е. со всей необузданной силой своей стихии, со свойственным ей тяготением к бою и решительным действиям, то довольствие армии окажется важным, но второстепенным делом; если же имеет место эквилибристика и армии в течение многих лет двигаются взад и вперед по территории одной и той же области, то продовольствие войск часто делается самым важным делом, интендант становится главнокомандующим, а ведение войны обращается в управление транспортом.

Можно указать множество походов, во время которых ничего не происходило, цели не достигались, силы напрасно

тратились, и все это находило оправдание в недостатке продовольствия; а Бонапарт часто говорил: «Qu'on ne me parle pas de vivres!» («Я не хочу слышать о продовольствии!» — Ред.).

Правда, этот полководец наглядно показал в своем русском походе, как, не считаясь с этим вопросом, можно дойти до крайности; ведь если и нельзя сказать, что весь его поход потерпел крушение лишь из-за продовольствия, что в конечном счете можно только подозревать, то все же несомненно, что именно недостатком внимания Бонапарта к делу довольствия своей армии объясняется неслыханное таяние ее во время наступления и полная гибель во время отступления.

Не отрицая в Бонапарте природы страстного игрока, который часто отваживается на безрассудные крайности, все же мы можем сказать, что он и предшествовавшие ему революционные генералы в отношении довольствия войск покончили с очень властным предрассудком и показали, что на довольствие надлежит смотреть лишь как на о д н о и з у с л о в и й войны, а отнюдь не как на ее цель.

Впрочем, с лишениями на войне дело обстоит так же, как с физическим напряжением сил и с опасностями: требования, которые полководец сможет предъявить к своей армии, не ограничены определенной чертой; человек с сильным характером потребует большего, чем человек мягкий и чувствительный; да и размеры того, что армия может дать, весьма различны в зависимости от того, поддерживают ли волю и силу солдат привычка, воинский дух, доверие и любовь к полководцу или воодушевленная преданность отечеству. Но мы можем установить как правило, что лишения и нужда, каких бы высоких пределов они ни достигали, должны всегда рассматриваться как временное состояние и непременно сменяться обильным довольствием, а порою даже избытком. Может ли быть что-либо трогательнее представления о многих тысячах солдат, которые плохо одеты, обременены ношей в 30—40 фунтов, с трудом тащатся целыми днями во всякую погоду по любым дорогам, постоянно рискуют жизнью и здоровьем и не могут даже насытиться черствым хлебом? Когда знаешь, как часто это случается на войне, то с трудом можешь понять, как такое положение не приводит к более частому отказу

сил и воли и как одно лишь устремление представлений человека своим постоянным воздействием может вызвать и поддерживать такое напряжение.

Таким образом, кто возлагает на солдат большие лишения во имя великих целей, тот должен иметь в виду, по человеколюбию ли или из разумного расчета, и вознаграждение, которым он впоследствии за них должен расплатиться.

Теперь нам надо еще коснуться того различия, какое существует в снабжении продовольствием при наступлении и при обороне.

Оборона может непрерывно пользоваться всем тем, что она заготовила для довольствия войск. Таким образом, по существу у обороняющегося не должно быть недостатка в необходимом, особенно при действиях в собственной стране; но это положение сохраняет свою силу также и при обороне в неприятельской стране. Напротив, наступающая сторона удаляется от своих источников снабжения и должна поэтому в течение всего времени продвижения вперед и в первые недели после остановки добывать себе все необходимое со дня на день, причем дело редко обходится без недостачи и затруднений.

В двух случаях эти затруднения достигают высшей точки: Во-первых, при наступлении — перед тем как наступит решение; тогда запасы противника находятся еще полностью в его руках, а наступающий вынужден оставить свои запасы позади; он должен держать свои войска сосредоточенными и поэтому не может использовать больших пространств; даже его транспорты не могут следовать за ним, раз только начались боевые передвижения. Если к этому моменту соответственно не подготовились, то легко может случиться, что войска за несколько дней до решительного сражения начнут испытывать лишения и нужду, что, конечно, не является подходящим средством для успешного введения их в бой. Во-вторых, недостаток продовольствия возникает преимущественно к концу шествия победы, когда коммуникационные линии становятся чересчур растянутыми, особенно если война протекала в бедной, малонаселенной, может быть, и враждебно настроенной местности. Какая огромная разница между сообщениями от Вильно до Москвы, где каждую подводу приходилось до-

бывать силой, и сообщениями от Кёльна — через Льеж, Лувен, Брюссель, Монс, Валансьен, Камбре — до Парижа, где достаточно коммерческого договора или векселя для того, чтобы достать миллионы рационов.

Часто от продовольственных затруднений тускнел блеск самых блестящих побед, чахли силы, и отступление, ставившееся необходимостью, приобретало постепенно все признаки подлинного поражения.

Фуража для лошадей, в котором вначале, как мы сказали, обычно ощущается меньше всего нужды, при истощении местности начнет недоставать раньше всего, ибо фураж, вследствие его объема, труднее всего доставлять издалека, а лошади гораздо скорее, чем люди, гибнут при недостатке питания. По этой-то причине многочисленная кавалерия и артиллерия могут обратиться в истинное бремя для армии и стать ослабляющим ее началом.

Глава XV

ОПЕРАЦИОННЫЙ БАЗИС

Когда армия приступает к какой-либо операции, — для того ли, чтобы напасть на неприятеля на его территории, или только для того, чтобы развернуться на границе собственной страны, — она сохраняет неизбежную зависимость от источников своего снабжения и пополнения и должна поддерживать с ними связь, так как они являются условиями ее существования и сохранения. Эта зависимость растет в интенсивности и экстенсивности[1] с ростом армии. Но сохранить связь армии со всей страной не всегда можно, да и не нужно; связь эта должна иметься лишь с той частью страны, которая находится непосредственно позади армии и, следовательно, прикрывается расположением армии. В этой-то части страны будут по мере надобности устраиваться склады продовольствия и создастся организация для регулярного направления пополнений. Эта часть страны будет, таким образом, служить основой армии и всех ее операций; на нее надлежит смотреть, как на нечто, составляющее с армией одно целое. Если за-

[1] Т. е. делается и более напряженной и распространяется на большем пространстве. — Ред.

пасы ради большей безопасности будут помещаться в укрепленных местах, то понятие базиса станет более рельефным, но оно не связано с этим условием, которое во многих случаях вовсе не имеет места.

Но и часть неприятельской страны может служить базисом для армии или, по крайней мере, являться частью базиса. Когда армия продвинется внутрь неприятельской страны, многие предметы для удовлетворения ее потребностей будут черпаться из занятой территории; однако, при этом обязательна предпосылка, чтобы мы действительно являлись в этом районе хозяевами, т. е. чтобы мы были твердо уверены в том, что там наши распоряжения будут исполнены. Между тем такая уверенность редко распространяется дальше того — по большей части довольно ограниченного — пространства, на котором расположены наши небольшие гарнизоны или подвижные отряды, внушающие населению страх. В итоге то пространство в неприятельской стране, из которого можно черпать средства, далеко не отвечает нуждам армии и по большей части оказывается недостаточным. Таким образом, многое должна доставлять собственная страна, и притом всегда тот самый ее участок, который находится непосредственно позади армии и который в этом случае должен рассматриваться как необходимая составная часть базиса.

Потребности армии делятся на две категории: те, которые может удовлетворить всякая культурная страна, и те, источники удовлетворения которых лежат лишь на той территории, где армия была создана. Первыми по преимуществу будут средства продовольствия, вторыми же средства пополнения. Первые, следовательно, может доставлять и неприятельская страна, вторые же обычно лишь собственная страна, например, людей, оружие, а по большей части и боевые припасы. В отдельных случаях бывают исключения в отношении этого различия, но они редки и довольно ничтожны, поэтому указанное различие очень важно и является новым доказательством необходимости связи с собственной страной.

Запасы продовольствия обычно складывают в неукрепленных местах как в неприятельской, так и в собственной стране, так как не может быть достаточного количе-

ства крепостей, чтобы хранить значительные массы этих быстро расходующихся, требуемых то там, то здесь, продуктов; к тому же потеря их относительно легко может быть возмещена. Запасы же, предназначенные для пополнения, каковы оружие, боевые припасы и предметы снаряжения, нежелательно складывать в незащищенных местах близ театра войны, лучше их доставлять из более далеких мест; в неприятельской стране их можно хранить не иначе, как в крепостях. Отсюда также видно, что значение базиса в большей мере обусловливается средствами пополнения, чем средствами продовольствия.

Чем в большем количестве эти средства обеих категорий до обращения их в дело будут сосредоточены в крупных складах, чем больше, следовательно, отдельные источники будут сливаться в большие резервуары, тем больше последние могут считаться заменяющими всю страну, и понятие базы будет относиться, главным образом, к этим крупным складочным местам; однако, этот процесс никогда не может дойти до того, чтобы одни только эти пункты представляли собой базис.

Если источники пополнения и продовольствия будут очень богаты, т. е. если ими явятся обширные и богатые полосы территории; если они окажутся сосредоточенными для быстрого функционирования в более крупные центры и так или иначе прикрытыми; если они будут находиться на близком удалении от армии, соединены с ней хорошими дорогами, широко растянуты позади армии или даже частью будут занимать охватывающее ее положение, то все это, с одной стороны, создаст для армии здоровую, сильную жизнь, а с другой — предоставит ее движениям большую свободу. Все эти выгоды положения армии пытались суммировать в одном понятии, а именно — в понятии протяжения базиса, а всю сумму преимуществ и недостатков, вытекающих для армии из положения и свойств продовольственного и пополняющего источника, пытались выразить при помощи отношения этого базиса к цели операции, при помощи угла, образуемого его конечными точками и целью (которую мыслили как точку). Но, конечно, бросается в глаза, что все эти геометрические тонкости — не более как праздная игра, так как они построены на

ряде подстановок, каждая из которых совершается за счет истины. Базис армии, как мы видели, по отношению к самой армии состоит из трех градаций: местных средств, складов, образованных в отдельных пунктах, и той территории, с которой собираются в них запасы. Эти три градации пространственно не совпадают, не могут быть сведены к одному началу и во всяком случае не могут быть заменены линией, которая должна представлять собою протяженность базиса в ширину и большей частью мыслится совершенно произвольно проходящею то от одной крепости к другой, то от одного главного областного города к другому, то вдоль политической границы страны. Невозможно установить и какого-либо определенного отношения между этими тремя градациями, ибо в действительности содержание их всегда более или менее перемешивается. В одном случае окрестности доставляют некоторые предметы пополнения, которые в другом случае приходится подвозить издалека; иногда бывают вынуждены подвозить с большого удаления даже продовольствие. Иногда ближайшие крепости представляют собою обширные плацдармы, гавани, торговые центры, сосредоточивают в себе вооруженные силы целого государства, а в другом случае крепость будет иметь только слабый земляной вал, недостаточный для ее собственной обороны.

В результате все заключения, выведенные из величины операционного базиса и операционных углов, и вся система ведения войны, построенная на них, поскольку она носила геометрический характер, никогда не имели никакого влияния на действительную войну, а в мире идей они вызывали одни лишь превратные устремления мысли. Но так как основа этого рода представлений истинна, а ошибочны лишь построенные на ней выводы, то подобная точка зрения может легко и часто встретиться также в будущем.

Таким образом, мы считаем, что следует остановиться на том, чтобы признать общее влияние базиса на операции, и подчеркиваем, что упростить понятие базиса, сведя его к двум-трем представлениям, образующим практически приложимые правила, нет никакой возможности, а необходимо в каждом отдельном случае иметь одновременно в виду все те градации, о которых мы говорили.

Раз приняты все меры для пополнения и снабжения продовольствием армии в известном районе и для известного направления, то даже в собственной стране только на этот район надо смотреть, как на базис армии, так как изменение его всегда потребует известной затраты времени и сил. Даже в своей собственной стране армия не может менять свой базис изо дня в день, а потому она всегда более или менее ограничена в выборе направлений своих операций. Если, таким образом, при операциях в неприятельской стране захотели бы смотреть на всю нашу границу с ней, как на базис армии, то в общем с этим можно было бы согласиться, поскольку всюду возможно организовать соответственное устройство; но для каждого данного момента это неверно, ибо не всюду это устройство уже оказалось бы оборудованным. Когда в начале кампании 1812 г. русская армия отступала перед французской, она могла смотреть на всю Россию, как на свой базис, тем более что огромные размеры этой страны предоставляли ей обширные пространства, куда бы она ни обратилась. И такое представление не было иллюзией, — оно оправдалось в действительности, когда позднее стали наступать на французов другие русские армии с разных сторон; однако, для каждого данного периода кампании базис русской армии не был столь беспредельным, а определялся, главным образом, теми дорогами, по которым происходило движение транспортов к армии и от нее обратно. Эта ограниченность базиса помешала, например, русской армии после того, как она в течение трех дней дралась под Смоленском, начать свой дальнейший отход не на Москву, а в другом направлении; предлагалось внезапно броситься на Калугу, дабы тем отвлечь неприятеля от столицы. Такое изменение направления отступления стало бы возможным лишь при условии, что оно было заранее предусмотрено.

Мы сказали, что зависимость от базиса растет и экстенсивно и интенсивно вместе с увеличением армии, что понятно само собой. Армия подобна дереву: она черпает свои силы из той почвы, из которой растет; когда дерево мало, его нетрудно пересадить на другое место, но это становится тем труднее, чем оно больше. И маленькая часть имеет свои жизненные каналы, но она легко пускает корни

там, где находится; с многочисленной армией дело обстоит не так. Отсюда всякий раз, когда речь идет о влиянии базиса на операции, в основу всех представлений должен ложиться масштаб, обусловленный величиною армии [1].

Кроме того, по самой природе вещей продовольствие имеет бо́льшее значение для удовлетворения потребностей текущего момента, пополнение же важнее для поддержания существования армии в течение более продолжительного времени. Причина этого заключается в том, что последнее может поступать только из определенных источников, тогда как первое может быть получаемо при помощи самых разнообразных способов. Это еще больше увеличивает влияние базиса на операции.

Как бы велико ни было влияние базиса, однако, никогда не следует забывать, что оно принадлежит к такого рода влияниям, которые решительно сказываются лишь по истечении длительного времени, причем всегда остается вопросом, что̀ за это время может произойти. Достоинства оперативного базиса редко с самого начала окажут решающее влияние на выбор той или другой операции. Непосредственные затруднения, которые могут возникнуть с этой стороны, могут быть изменены противопоставленными им действительными средствами; часто эти помехи рассеются перед мощью решительных побед.

Глава XVI
КОММУНИКАЦИОННЫЕ ЛИНИИ [2]

Дороги, которые ведут от расположения армии к тем пунктам, в которых, главным образом, сосредоточены источники ее пополнения и снабжения и которые в нор-

[1] Если мы сравниваем операции различных армий в различные эпохи, то, помимо величины армий, мы должны также учесть и напряженность снабжения и пополнения войск. Современная армия, в которой, по некоторым подсчетам, требуется на орудие 6 000 снарядов в год и на каждого бойца два заместителя, не может быть сравнима в отношении степени зависимости от базиса с армией эпохи Клаузевица, требовавшей всего 200—400 снарядов на орудие и 25—50% пополнений. — Ред.

[2] Термина «коммуникационная линия» Клаузевиц не употреблял; мы переводим этим термином, получившим в русском

мальных случаях избираются ею и для отступления, имеют двоякое значение: во-первых, они являются коммуникационными путями, предназначенными для постоянного питания армии, а во-вторых, они служат путями отступления[1].

В прошлой главе мы говорили, что хотя армия при современном способе снабжения довольствуется преимущественно местными средствами того района, в котором она расположена, все же она должна рассматриваться как единое целое со своим базисом. Коммуникационные линии принадлежат к этому целому: они образуют связь базиса с армией, и на них надо смотреть, как на ее жизненные артерии. Всякого рода поставки, транспорты боевых припасов, передвигающиеся туда и назад эшелоны, почта, курьеры, госпитали и склады, артиллерийские парки, административные учреждения — все это сплошь покрывает дороги и имеет в своей совокупной ценности решающее значение для армии.

Отсюда ясно, что эти жизненные артерии должны быть обеспечены от длительных перерывов; нехорошо, если они слишком длинны и труднопроходимы, ибо на длинном пути армия всегда теряет часть своей мощи, следствием чего будет ее хилое состояние.

Во втором смысле, т. е. как пути отступления, дороги составляют подлинный стратегический тыл армии.

В обоих значениях ценность дорог определяется их длиной, числом и положением, т. е. их общим направлением и направлением в ближайшем к армии районе, их устройством как дорог, трудностями рельефа, отношением и настроением населения и, наконец, их прикрытием крепостями или естественными преградами.

языке широкое распространение, выражение Клаузевица «Verbindungslinien», буквально — связывающие линии. — Ред.

[1] В настоящее время подвоз совершается по линиям железных дорог и коротким грунтовым ответвлениям от головных станций. Эти пути подвоза в настоящее время гораздо резче не совпадают с путями, по которым движутся сами войска, в частности — путями отступления. — Ред.

Однако, не все дороги и пути, ведущие от места расположения армии к источникам ее жизни и силы, являются подлинными коммуникационными линиями. Хотя порою ими могут пользоваться и потому их можно рассматривать как дополнение к системе коммуникационных линий, но самая система ограничивается лишь теми дорогами, которые для этого специально оборудованы. Могут рассматриваться как истинные линии коммуникаций лишь дороги, оборудованные особыми складами, госпиталями, этапами, почтовыми станциями; на эти дороги назначаются коменданты, и по ним распределяются полевые жандармы и гарнизоны. Но здесь выступает весьма существенное, иногда не замечаемое различие между армией в собственной стране и армией в стране неприятеля. Хотя армия, действующая в собственной стране, будет тоже иметь организованные линии коммуникаций, но она не явится вынужденной ограничиваться исключительно ими и сможет в случае нужды оторваться от них и избрать любую другую дорогу, могущую быть использованной, ибо она всюду у себя дома, всюду имеет свои власти, всюду встречает сочувствие и поддержку. Если даже другие дороги менее хороши и подходящи для нее, то все же выбор их не представляет непреодолимых трудностей; поэтому, когда армия обойдена и оказывается вынужденной изменить направление фронта, она не станет считать таковое невозможным. В неприятельской же стране, как общее правило, армия будет смотреть как на коммуникационные линии лишь на те дороги, по которым она уже сама раньше проходила; отсюда возникает огромная разница в последствиях, вызванная целым рядом мелких и незаметных условий. Наступающая в неприятельской стране армия по мере продвижения устраивает под своим прикрытием учреждения, образующие в совокупности коммуникационную линию. Благодаря тому, что внушаемые присутствием войск страх и ужас придают в глазах населения этим мероприятиям отпечаток неотвратимой необходимости, она может побудить население смотреть на эти мероприятия как на некоторое смягчение общей военной напасти. Небольшие гарнизоны, оставляемые кое-где позади, поддерживают и обеспечивают всю систему. Но если бы мы вздумали направить своих интендантов, этапных ко-

мендантов, жандармов, полевую почту и аппарат других учреждений на отдаленную дорогу, по которой войска еще не проходили, то местные жители смотрели бы на эти мероприятия, как на бремя, от которого они охотно освободились бы, и если только решительные поражения и бедствия не подвергли неприятельскую страну в панический ужас, то эти должностные лица встретят повсюду враждебный прием, понесут потери и будут прогнаны. Таким образом, для приведения в покорность нового пути требуются прежде всего гарнизоны и притом более значительные, чем обыкновенно; и все же остается опасность, что жители попытаются оказать сопротивление этим гарнизонам. Словом, у продвигающейся по неприятельской стране армии отсутствуют все орудия послушания: она еще должна установить свои административные органы и притом ввести их авторитетом оружия; последнее не может быть достигнуто повсюду в один миг, без жертв и трудностей. Из этого следует, что в неприятельской стране армия в еще меньшей степени может перебрасываться с одного базиса на другой посредством изменения системы сообщений, чем в собственной стране, где это все же выполнимо; отсюда, в общем, вытекает большая ограниченность армии в движениях и большая чувствительность ее сообщений.

Но также самый выбор и устройство коммуникационных линий сразу оказываются связанными многими ограничивающими их условиями. Они должны являться не только проезжими дорогами вообще, но должны быть тем полезнее, чем они будут значительнее и чем более богаты и населены обслуживаемые ими города, а также чем большее число укрепленных пунктов их защищает. При этом в значительной мере решающее значение имеют реки как водные пути и мосты как пункты переправ. Отсюда положение коммуникационных линий, а следовательно, и пути, избираемые армией для наступления, лишь до известной степени зависят от свободного выбора; положение их связано географическими условиями.

Указанные выше условия, взятые совокупно, определяют, является ли связь армии с ее базисом сильною или слабою; этот вывод, сопоставленный с оценкой сообщений неприятельской армии, решает, какой из двух противников имеет

больше возможности отрезать другому его коммуникационные линии или даже путь отступления, т. е., по общепринятому техническому выражению, его обойти. Помимо морального или материального превосходства той или другой стороны, успех обхода обеспечивается лишь превосходством коммуникационных линий; при отсутствии такого превосходства противная сторона легко отпарирует тем же.

Такой обход, ввиду двоякого значения дорог, может преследовать две цели. Первая цель заключается в том, чтобы внести помеху или вовсе прервать подвоз к неприятелю, дабы вызвать увядание и угасание его армии и тем принудить ее к отступлению. Вторая цель — лишить неприятельскую армию самой возможности отступления.

Относительно первой цели надлежит заметить, что кратковременный перерыв коммуникационной линии при современной системе снабжения редко явится ощутимым; требуется некоторый срок, в течение которого накапливались бы ежедневные небольшие потери; тогда сумма их возместит то, чего недостает в смысле значения каждой из них. Отдельная операция, направленная в обход фланга противника, могла нанести решающий удар в известную эпоху, когда существовала искусственная система продовольствия и по дорогам разъезжали взад и вперед тысячи повозок с мукой[1], но в наши дни она не окажет ровно никакого действия, как бы удачно она ни была выполнена; в лучшем случае при помощи нее удастся захватить какой-нибудь транспорт и вызвать этим частичное ослабление, но отнюдь не обусловить необходимость отступления.

В результате этого операции, направленные в обход фланга противника, которые и раньше-то были в моде больше в книгах, чем в действительной жизни, представляются в настоящее время еще более оторванными от реальной жизни; можно утверждать, что лишь очень длинные коммуникационные линии при наличии неблагоприятных обстоятельств, особенно же если они повсюду и каж-

[1] Так, в Семилетнюю войну австрийцы, отбив большой транспорт, везший запасы изголодавшейся армии Фридриха Великого, заставили последнюю снять осаду Ольмюца и отступить. — Ред.

дую минуту могут подвергнуться нападению **вооруженных масс народа**, могут сделать эти предприятия в обход фланга опасными.

Что касается преграждения пути отступления, то в этом отношении не следует переоценивать опасности стесненных и угрожаемых путей отступления; опыт последнего времени указывает нам, что при наличии хороших войск и смелых вождей поймать их **труднее**, чем им пробиться.

Средства для сокращения и обеспечения длинных коммуникаций крайне ограничены. Овладение несколькими крепостями в районе расположения армии и ее тыловых путей, а при отсутствии таковых — укрепление подходящих пунктов, хорошее обращение с населением, установление на тыловых путях строгой дисциплины, организация в занятой области хорошей полиции, настойчивая работа по улучшению дорог — вот немногие средства ослабить зло; конечно, устранить его полностью они не смогут.

В остальном сказанное нами в главе о продовольствии по поводу дорог, преимущественно избираемых армией, еще в большей степени приложимо и к коммуникационным линиям. Лучшими коммуникационными линиями являются самые большие дороги, проходящие через богатейшие города и наиболее культурные провинции; они заслуживают предпочтения, даже если являются очень кружными, и в большинстве случаев ближайшим образом определяют группировку армии.

Глава XVII

МЕСТНОСТЬ[1]

Совершенно независимо от продовольственных средств, которые составляют одну сторону этой темы, местность находится в тесной и всегда сказывающейся связи с воен-

---

[1] В подлиннике «Gegend und Boden», т. е. страна и рельеф (дословно — почва). Это двойное заглавие вызвано тем, что в эпоху Клаузевица слово «Gegend» еще не выражало полностью понятия местности. Клаузевиц поэтому ссылается на французское понятие «terrain», точно означающее «местность». — Ред.

ной деятельностью; она оказывает решительное влияние на бой как в отношении его течения, так и его подготовки и использования. С этой точки зрения во всем объеме значения, заключенного во французском выражении «terrain», мы и рассмотрим здесь местность.

Влияние этого фактора проявляется по преимуществу в области тактики, но его результаты сказываются и в стратегии; бой в горах и по своим последствиям представляет совершенно другое явление, чем бой на равнине.

Но пока мы не пришли к рассмотрению отдельно наступления и обороны и еще не приступили к их ближайшему исследованию, мы не можем начать рассмотрение вопросов о влиянии основных видов местности и должны здесь ограничиться лишь общей характеристикой. Местность оказывает влияние на военную деятельность трояко: в качестве препятствий, преграждающих доступ; в качестве препятствий, мешающих обзору, и в качестве укрытий от огня; к ним могут быть сведены все остальные.

Бесспорно, что это троякое воздействие местности имеет тенденцию придать военной деятельности большее разнообразие, большую сложность и большую искусность, ибо это, несомненно, три лишние величины, входящие в комбинации.

Понятие абсолютно открытой равнины, т. е. местности, лишенной какого-либо влияния, существует в действительности только для очень мелких частей, да и для последних лишь на определенный данный момент. При более крупных частях и более длительном промежутке времени свойства местности скажутся на действиях; в отношении целых армий даже для отдельного момента, например, сражения, едва ли мыслим такой случай, чтобы местность не оказывала никакого влияния.

Итак, влияние местности всегда имеется налицо, но оно конечно, может быть более сильным или более слабым, в зависимости от природы страны.

Если мы охватим одним взглядом всю массу явлений, то найдем, что местность удаляется от понятия ровного, открытого поля трояким образом: во-первых, формами рельефа, т. е. возвышенностями и углублениями, во-вторых, лесами, болотами и озерами как естественными явлениями

и, наконец, всем тем, что вносит культура. Влияние местности на военные действия обусловливается каждым из этих трех направлений. Если мы их несколько проследим, то получим: гористую местность, местность малообработанную, покрытую лесами и болотами, и, наконец, местность интенсивной культуры. Во всех трех случаях война усложняется и требует большого искусства.

Что касается культуры, то не все виды ее оказывают одинаковое воздействие; всего сильнее сказывается обработка почвы, имеющая место во Фландрии, в Гольштинии и других странах, где местность пересечена множеством канав, заборов, изгородей и валов, множеством рассеянных отдельных жилых построек и небольших групп порослей.

Самый легкий вид войны будет, следовательно, складываться в стране, ровно и умеренно обработанной. Но последнее справедливо только в очень общих чертах и при условии, что мы совершенно устраним из рассмотрения ту пользу, которую оборона извлекает из местных препятствий.

Каждый из этих трех видов местности сказывается посвоему на доступности, обзоре и укрытии.

В лесистой местности затруднен, главным образом, обзор, в гористой — доступ, а в интенсивно обработанных районах оба затруднения сказываются одинаково.

В местности, богатой лесами, большая часть пространства оказывается в известной степени недоступной для движения, потому что помимо трудности последнего полная невозможность обозрения не дозволяет использовать и существующие тропинки и проходы; это отчасти упрощает действия, в общем столь затрудненные в этой обстановке. Поэтому, хотя на лесистой местности нелегко полностью сосредоточить для боя свои силы, но все же здесь не происходит такого дробления сил, какое обыкновенно имеет место в горах и в сильно пересеченной местности; иными словами, здесь дробление неизбежно, но не так значительно.

В горах преобладает затруднительность доступа, оказывающая воздействие в двух отношениях: во-первых, не всюду можно пробраться, а во-вторых, там, где это возможно, приходится продвигаться медленнее и с большими усилия-

ми. Поэтому в горах скорость всех движений в значительной степени сокращается, и процесс действий растягивается во времени. Но местность, имеющая горный рельеф, отличается, по сравнению с другими, еще и той особенностью, что один пункт ее всегда командует над другим. Мы будем особо говорить в следующей главе о командовании вообще, здесь же лишь отметим, что именно эта особенность вызывает значительное дробление сил в гористой местности, ибо пункты получают значение не только сами по себе, но и по тому влиянию, какое они оказывают на другие пункты.

Все три характера местности в их крайнем проявлении производят, как мы это уже говорили в другом месте, действие, ослабляющее влияние главнокомандующего на исход дела как раз в той мере, в какой значение подчиненных, вплоть до рядового, выступает сильнее. Само собой понятно, что чем дальше идет дробление и чем стесненнее становится обзор, тем больше каждое действующее лицо оказывается предоставленным самому себе. Правда, при большем расчленении, многообразии и многосторонности военной деятельности влияние умственного развития должно возрасти; в этом случае и главнокомандующий получит возможность полностью проявить свою проницательность; но нам приходится здесь повторить, что на войне сумма отдельных результатов имеет более решающее значение, чем та форма, в которой они связываются между собою. Таким образом, если мы, продолжая нашу мысль до ее крайних пределов, представим себе большую армию рассыпанной в огромную стрелковую цепь, в которой каждый солдат дает свое собственное маленькое сражение, то гораздо важнее будет сумма отдельных побед, чем форма их взаимной связи, ибо успех удачных комбинаций может вытекать лишь из положительных результатов, а отнюдь не из отрицательных. Таким образом, все решат в данном случае храбрость, искусство и дух отдельного бойца. Лишь в тех случаях, когда обе армии равноценны или же когда специфические качества каждой стороны взаимно уравновешивают друг друга, талант и проницательность полководца снова могут приобрести свое решающее значение. Отсюда вытекает, что в национальных войнах, — где

если нет превосходства в искусстве и храбрости, то, по крайней мере, воинственный дух отдельных бойцов обычно сильно приподнят, — народное ополчение при большом раздроблении сил и на сильно пересеченной местности может показать свое превосходство и сохранить его на продолжительное время, хотя обычно у вооруженных сил такого рода недостает всех тех качеств и добродетелей, которые необходимы при сосредоточении даже неособенно сильных отрядов.

Вооруженные силы по своему характеру также представляют ряд постепенных оттенков между двумя крайностями; уже самая обстановка защиты своей страны придает постоянной армии народный оттенок и делает ее более способной к раздробленным действиям.

Но если у армии недостает этих свойств и способностей, а последние ярко выступают у противника, то она должна опасаться раздробления и избегать пересеченной местности. Однако, уклонение от пересеченной местности редко будет зависеть от нашей свободной воли. Нельзя выбирать для себя театра войны, как выбирается по многим образчикам товар; мы по большей части видим, что армии, которым по их природе выгодно сосредоточение в массу, напрягают все свое искусство на то, чтобы как-нибудь осуществить свою систему ведения войны вопреки свойствам местности. При этом они будут подвергаться другим невыгодам, например, скудному и затруднительному довольствию, плохому расквартированию, а во время боя — частым нападениям со всех сторон; однако, невыгода, которая последовала бы при полном отказе от своих особых преимуществ, была бы гораздо больше.

Обе противоположные тенденции — к сосредоточению и дроблению вооруженных сил — проявляются в той мере, в какой особые свойства этих вооруженных сил тяготеют в ту или другую сторону; но и в самых крайних случаях одна сторона не может оставаться все время сосредоточенною, а другая не может ожидать успеха от одной лишь распыленной деятельности. Так, французы бывали вынуждены в Испании дробить свои силы, а испанцы при защите своей земли путем народного восстания должны были испытать часть своих сил в больших сражениях.

Наряду с тем отношением, какое местность имеет к общим и в особенности к политическим свойствам вооруженных сил, играет важнейшую роль отношение местности к составу родов войск.

В каждой малодоступной местности, — по причине ли гор или лесов, или большой культуры, — многочисленная кавалерия оказывается бесполезной; это ясно само собою. Так же в очень лесистой местности обстоит дело и с артиллерией; здесь часто будет недоставать простора для использования ее — дорог, чтобы ее провезти, и фуража для лошадей. Менее невыгодными для этого рода войск являются районы интенсивной культуры, а всего менее — горы. Правда, в обоих случаях местность доставляет укрытие от огня, что неблагоприятно для рода войск, который действует преимущественно огнем, а всюду проникающая пехота получает возможность часто ставить в затруднительное положение неуклюжие орудия. Однако, и там, и здесь не бывает недостатка в просторе для применения многочисленной артиллерии, а в горах у нее бывает то крупное преимущество, что большая медленность движений противника усиливает действительность ее огня.

Неоспоримо, однако, решительное превосходство, получаемое пехотой над другими родами войск в условиях, затрудняющих движение по местности, и в этом случае количество ее может значительно превосходить обычные соотношения.

Глава XVIII

КОМАНДОВАНИЕ МЕСТНОСТИ[1]

Слово командовать (в оригинале «доминировать». — Ред.) обладает в военном искусстве особой волшебной силой, и действительно этому началу принадлежит крупная доля — пожалуй, большая половина — влияния, оказываемого местностью на действия вооруженных сил. Сюда протягивают свои корни многие святыни военной учености, как-то: командующие позиции, ключи, стратегическое маневрирование и т. д. Мы постараемся на-

[1] В оригинале «превышение». — Ред.

столько пристально взглянуть на этот предмет, насколько это возможно вне объемистого трактата, и пересмотреть имеющиеся здесь истину и фальшь, действительность и преувеличения.

Всякое проявление силы снизу вверх труднее, чем такое же проявление ее в обратном направлении. Этому условию подчиняется и бой по трем следующим основным причинам: во-первых, всякая возвышенность должна рассматриваться как препятствие доступу; во-вторых, сверху вниз стреляют хотя и не на заметно бо̀льшее расстояние, но попадают, учитывая все геометрические отношения, заметно л у ч ш е, чем когда стреляют в обратном направлении; в-третьих, в этом случае обладают преимуществом более широкого кругозора. Как все эти данные объединяются в бою, нас здесь не касается; мы берем в целом сумму всех тех выгод, которые тактика извлекает из командования местности, и это целое рассматриваем как первую стратегическую выгоду.

Но̀ первое и последнее из перечисленных преимуществ должны вновь сказаться и в стратегии, ибо в последней так же, как и в тактике, совершают передвижения и производят наблюдения; таким образом, если возвышенная позиция представляет затруднения доступа для того, кто стоит ниже, то это является второй выгодой, а большая широта кругозора — третьей, которую стратегия из нее может извлечь.

Из этих элементов и состоит сила командующего, более высокого, господствующего положения; из этих источников и исходит чувство превосходства и уверенности у того, кто находится на окраине возвышенности и смотрит на своего противника, находящегося внизу, и чувство слабости и беспокойства у того, кто стоит внизу. Возможно, что это общее впечатление даже сильнее имеющихся для него реальных оснований, ибо выгоды от командующего положения более совпадают с чувственными представлениями, чем умеряющие их обстоятельства; тогда это воздействие воображения надо рассматривать как новый элемент, усиливающий значение командования.

Во всяком случае выгода от облегчения движений не абсолютна и не всегда бывает на стороне того, кто зани-

мает более возвышенное положение; она скажется лишь в том случае, когда противник пойдет на него; этой выгоды нет, если обе стороны отделены друг от друга долиной; выгода даже оказывается на стороне того, кто стоит относительно ниже, если противники хотят встретиться на равнине (сражение под Гогенфридбергом)[1]. Точно так же преимущества более широкого кругозора имеют свои значительные ограничения: лесистая местность внизу и даже самая масса горы, на которой стоят, очень часто мешают обзору. Бывают бесчисленные случаи, когда на самой местности напрасно стали бы искать выгод командующей позиции, избранной по карте; порою даже будет представляться, что позиция связана со всеми противоположными недостатками. Однако, эти ограничения и оговорки не уничтожают тех преимуществ, которые имеет стоящий выше и при наступлении, и при обороне. Теперь в нескольких словах скажем, в чем эти выгоды заключаются в обоих случаях.

Из трех стратегических преимуществ командования местности: б о л ь ш е й т а к т и ч е с к о й с и л ы, з а т р у д н е н н о с т и д о с т у п а и б о л е е ш и р о к о г о к р у г о з о р а — первые два такого рода, что они по существу могут быть использованы только обороняющимся, ибо лишь тот, кто стоит на месте, может получить от них выгоду — при движении он их с собою не унесет; третье же преимущество может быть использовано в одинаковой мере как нападающей стороной, так и обороняющейся.

Отсюда вытекает, насколько важно для обороняющегося командование местности, а так как оно достигается решительным образом лишь на горных позициях, то из этого следовало бы заключить о важности преимущества, доставляемого обороняющемуся горной позицией. Однако, значение этого преимущества видоизменяется другими обстоятельствами, о которых мы будем говорить в главе об обороне в горах.

Нужно проводить различие, идет ли речь о командовании единичного пункта, например, позиции; тогда все стратегические преимущества приблизительно сводятся к од-

---

[1] Австрийцы наступали через пограничные горные перевалы в Силезию; Фридрих оставил проходы незанятыми, расположился за горами в долине и 4 июня 1745 г. разбил поочередно спускавшиеся с гор австрийские колонны. — Р е д.

ному тактическому — единичному бою в выгодных условиях; но вопрос может итти и о значительном районе: можно представить себе, например, целую провинцию как наклонную плоскость, представляющую скат с общего водораздела; в этом случае можно сделать несколько переходов и все же сохранить командование над впереди лежащей местностью; здесь стратегические преимущества расширяются, так как выгоды командования не ограничиваются комбинацией сил в отдельном бою, но охватывают и комбинирование нескольких боев[1]. Так обстоит дело при обороне.

При наступлении пользуются приблизительно теми же преимуществами командования, какие из него извлекает оборона; ведь стратегическое наступление состоит не из одного отдельного акта, как наступление тактическое. Наступление в стратегии не представляет непрерывного движения часового механизма. Оно распадается на отдельные переходы, между которыми имеются более или менее продолжительные паузы; в течение последних наступающая сторона находится в положении обороняющегося в такой же мере, как и ее противник.

Из выгод, доставляемых более широким кругозором, возникает как для наступления, так и для обороны до известной степени активное воздействие командующего положения; оно заключается в облегчении действия отдельными отрядами. Ибо те самые выгоды, которые целое извлекает из командующей позиции, извлекает и каждая отдельная его часть; благодаря им каждый отдельный — малый или большой — отряд оказывается сильнее, чем в том случае, если бы он не имел этих выгод, и выделение его связано с меньшим риском. Выгоды, которые можно извлечь из подобных отрядов, подлежат рассмотрению в другом месте.

Если командующее положение связывается с другими географическими преимуществами в наших отношениях к противнику, если последний оказывается стесненным в своих движениях еще по другим причинам, например, благодаря бли-

---

[1] Клаузевиц имеет в виду участившиеся с 1814 г. рассуждения о том, что Лангрское плоскогорие представляет ключ Франции, так как все ее важнейшие реки имеют истоки на этом плоскогории; путь с Лангрского плоскогория к Парижу — постепенный, почти непрерывный спуск. — Ред.

зости большой реки, то невыгоды его положения могут иметь решающий характер, и ему останется лишь одно — возможно поспешнее выбраться из этой обстановки. Никакая армия не в состоянии удержаться в долине большой реки, если она не обладает гребнем возвышенностей, образующих эту долину.

Таким образом, командующее положение может обратиться в действительное господство, и реальность этого представления неоспорима. Однако, выражения: господствующий район, прикрывающая позиция, ключ страны и пр., поскольку они основаны только на природе командования и спуска вниз, по большей части представляют пустую скорлупу без здорового зерна. Дабы придать известную пикантность кажущейся обыденности военных комбинаций, по преимуществу применяют эти выспренные элементы теории; они составляют излюбленную тему ученых солдат, магическую палочку стратегических шарлатанов. Всей пустоты этого жонглирования мыслями, всех противоречий с опытом оказалось недостаточно, дабы убедить авторов и читателей, что в данном случае они лишь льют воду в дырявую бочку Данаид. Условия дела принимали за самое дело, инструмент — за направляющую его руку. На занятие такого района или позиции смотрели, как на проявление силы в роде толчка или удара; сама местность и позиция расценивались как реальные величины; между тем, первое представляет собой лишь поднятие руки, а второе — лишь мертвый инструмент, лишь свойство, которое должно еще воплотиться в какой-то предмет, простой знак плюс или минус, к которому еще не приставлена величина. Этим толчком и ударом, этим предметом, этой величиной будет победоносный бой; лишь он действительно пойдет в счет, лишь с ним можно считаться, и его всегда надо иметь в виду как в книжных рассуждениях, так и при действиях в поле.

Только число и значительность победоносных боев дают окончательное решение; следовательно, мы должны всегда иметь в виду на первом плане достоинства обеих армий и их вождей, а местность может играть только второстепенную роль.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 5
Из предисловия к I-му изданию Марии фон-Клаузевиц 19
Пояснение Клаузевица 23
От автора 28

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИРОДА ВОЙНЫ

Глава I. Что такое война? 33
Глава II. Цель и средства в войне 58
Глава III. Военный гений 76
Глава IV. Об опасности на войне 98
Глава V. О физическом напряжении на войне 100
Глава VI. Сведения, получаемые на войне 102
Глава VII. Трение на войне 104
Глава VIII. Заключительные замечания к первой части 107

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ТЕОРИИ ВОЙНЫ

Глава I. Подразделения военного искусства 109
Глава II. Теория войны 119
Глава III. Военное искусство или военная наука 142
Глава IV. Методизм 145
Глава V. Критика 152
Глава VI. О примерах 176

ЧАСТЬ ТРЁТЬЯ

О СТРАТЕГИИ ВООБЩЕ

Глава I. Стратегия 185
Глава II. Элементы стратегии 191

Глава III. Моральные величины 195
Глава IV. Основные моральные потенции 198
Глава V. Воинская добродетель (доблесть) армии 199
Глава VI. Смелость 204
Глава VII. Твердость 209
Глава VIII. Численное превосходство 210
Глава IX. Внезапность 216
Глава X. Хитрость 222
Глава XI. Сосредоточение сил в пространстве 225
Глава XII. Сосредоточение сил во времени . . . . —
Глава XIII. Стратегический резерв 233
Глава XIV. Экономия сил 237
Глава XV. Геометрический элемент 238
Глава XVI. О паузах в военных действиях 240
Глава XVII. О характере современной войны 245
Глава XVIII. Напряжение и покой 247

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БОЙ

Глава I. Обзор 251
Глава II. Характер современного сражения 252
Глава III. Бой вообще 253
Глава IV. Бой вообще. Продолжение 258
Глава V. О значении боя 267
Глава VI. Продолжительность боя 270
Глава VII. Решение боя 271
Глава VIII. Обоюдное согласие на бой 279
Глава IX. Генеральное сражение 283
Глава X. Генеральное сражение. Продолжение 290
Глава XI. Генеральное сражение. Продолжение 296
Глава XII. Средства стратегии для использования победы . . 303
Глава XIII. Отступление после проигранного сражения 316
Глава XIV. Ночной бой 318

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

Глава I. Общий обзор 321
Глава II. Театр войны, армия, поход . . . . —

Глава III. Соотношение сил 327
Глава IV. Соотношение родов войск 331
Глава V. Боевой порядок армии 342
Глава VI. Общее построение армии 351
Глава VII. Авангард и сторожевое охранение 358
Глава VIII. Способ действия передовых частей 368
Глава IX. Расположение лагерем 373
Глава X. Марши 375
Глава XI. Марши. Продолжение 384
Глава XII. Марши. Продолжение 388
Глава XIII. Размещение по квартирам 392
Глава XIV. Довольствие войск 400
Глава XV. Операционный базис 419
Глава XVI. Коммуникационные линии 424
Глава XVII. Местность 429
Глава XVIII. Командование местности 434

[illegible]

☆

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор комбриг *Н. М. Потапов*
Технический редактор *Д. Моисеенко*
Корректор *Р. Лишина*
Выпускающий *Ф. Виноградов*

Сдано в производство 5.10.1936 г.
Подписано к печати 26.11.1936 г.
Формат бумаги 82×110/32
Объем 27,75 печ. л., 29,86 авт. л.
В бумажном листе 96.000 знаков.
Издательский № 297. Заказ № 1012
№ Г—35218

Текст отпечатан на бумаге ф-ки Вишхимза
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано во 2-й тип. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграф-книга“ „Печатный двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

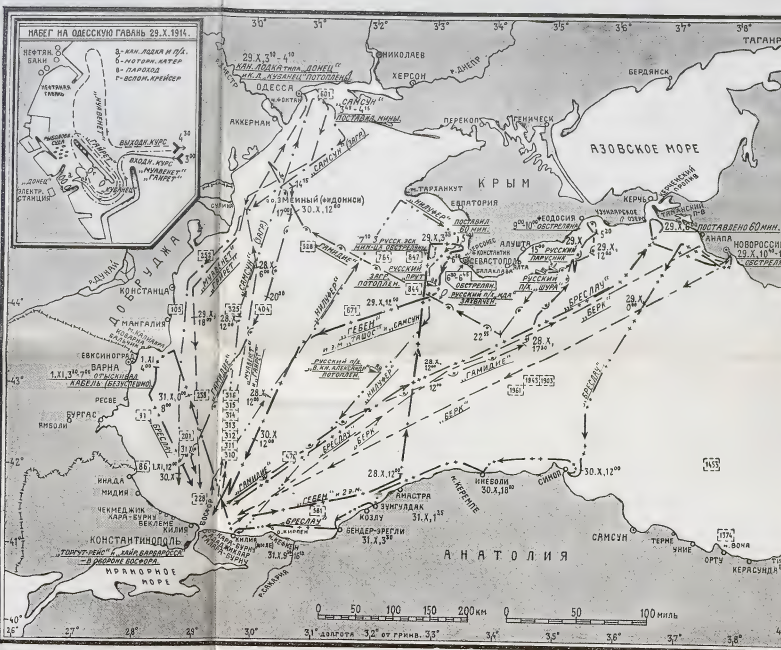
☆

[illegible]

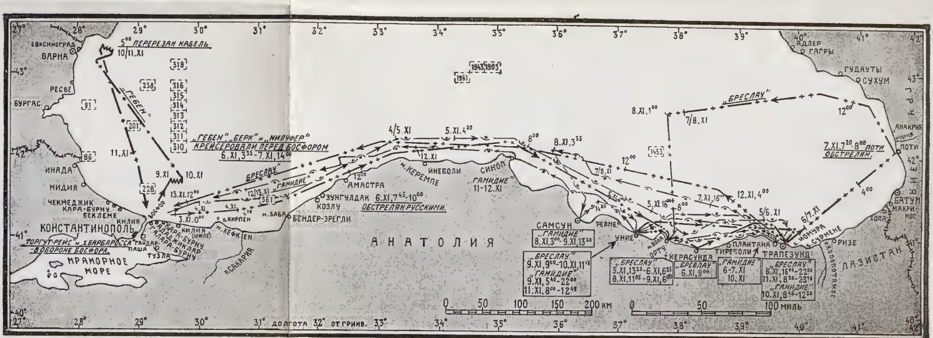
15pw

II
Б297

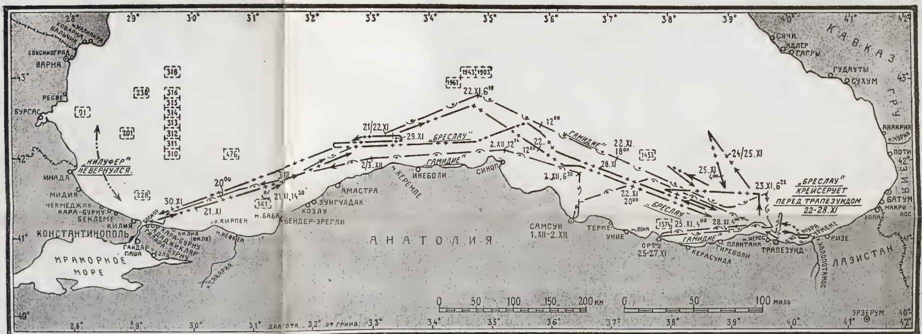
Карта 1. Прорыв *Гебена* и *Бреслау* в Дарданеллы с 3 по 10 августа 1914 г.



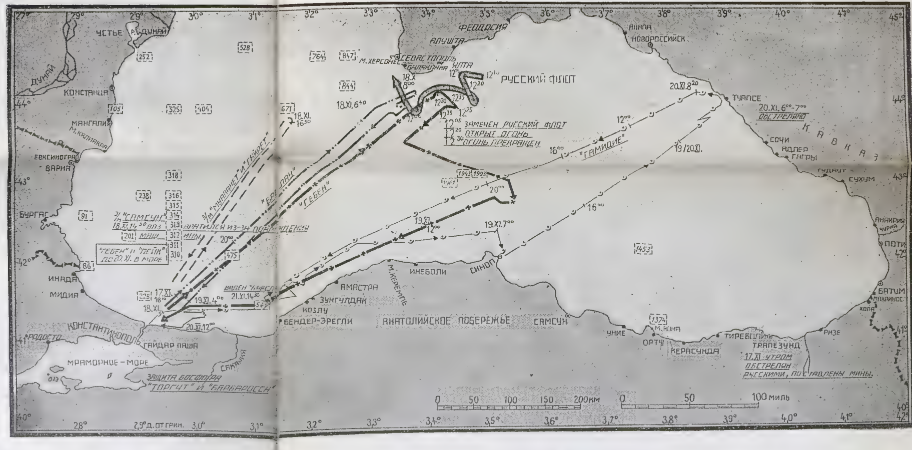
Карта 2. Операции турецкого флота с 27 октября по 1 ноября 1914 г.



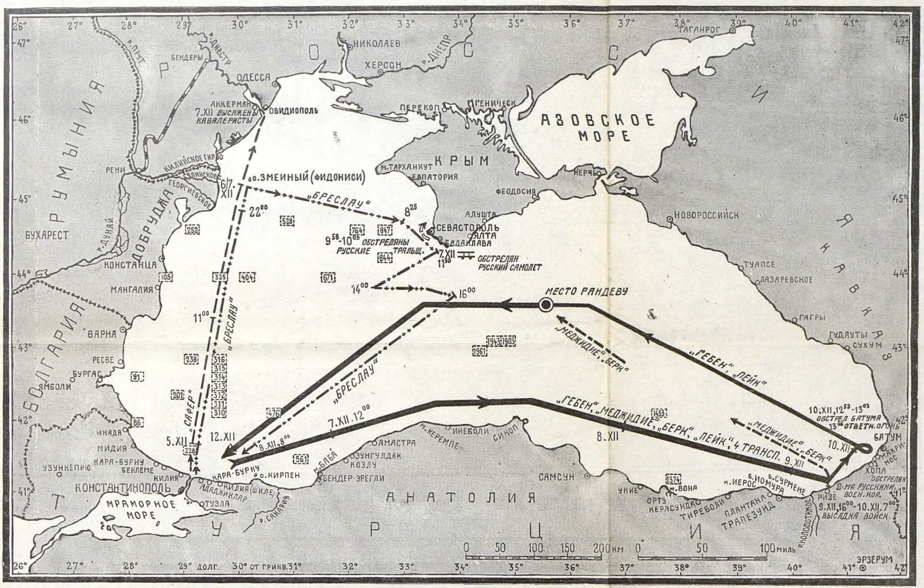
Карта 3. Операции турецкого флота с 3 по 13 ноября 1914 г.



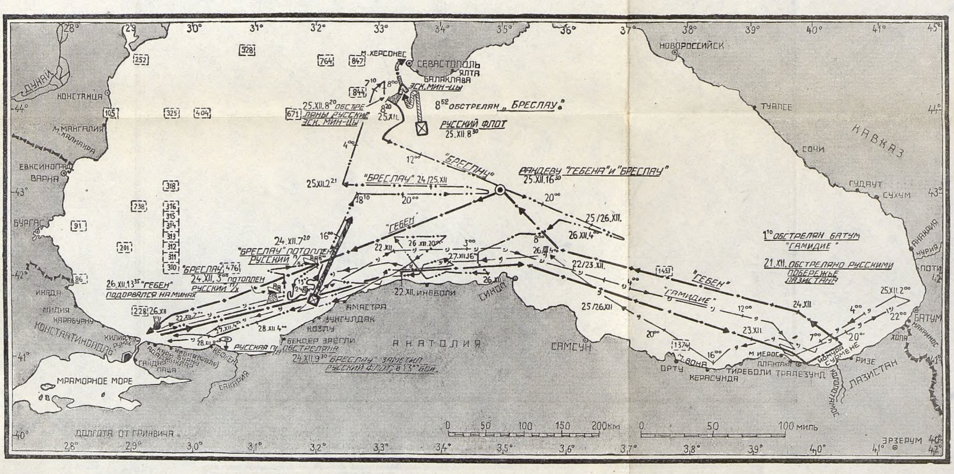
Карта 4. Операции турецкого флота с 17 по 20 ноября 1914 г.



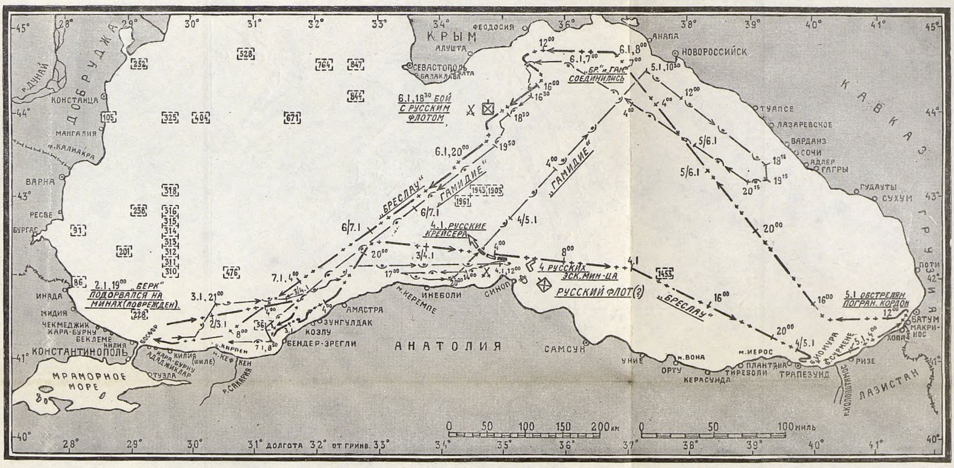
Карта 5. Обеспечение крейсерами *Бреслау* и *Гамидие* транспортов с войсками с 21 ноября по 3 декабря 1914 г.



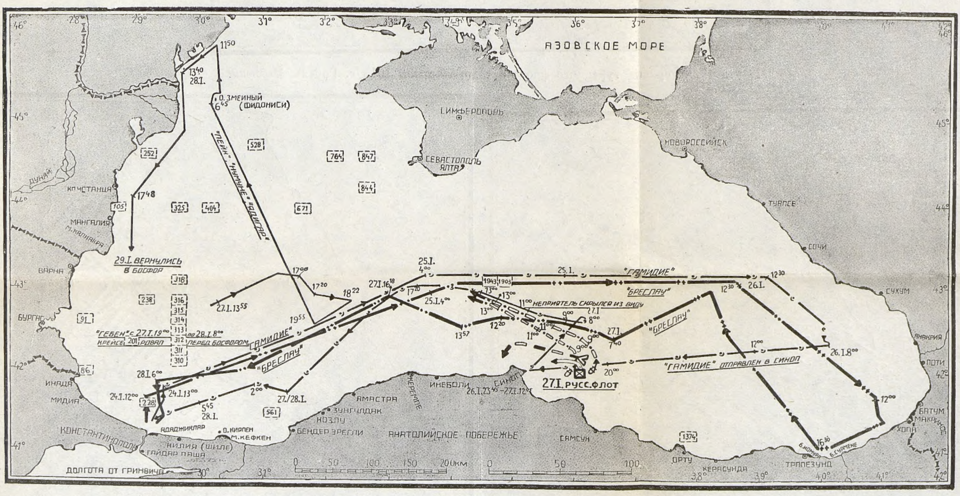
Карта 6. Операции *Гебена* и *Бреслау* с 5 по 12 декабря 1914 г.



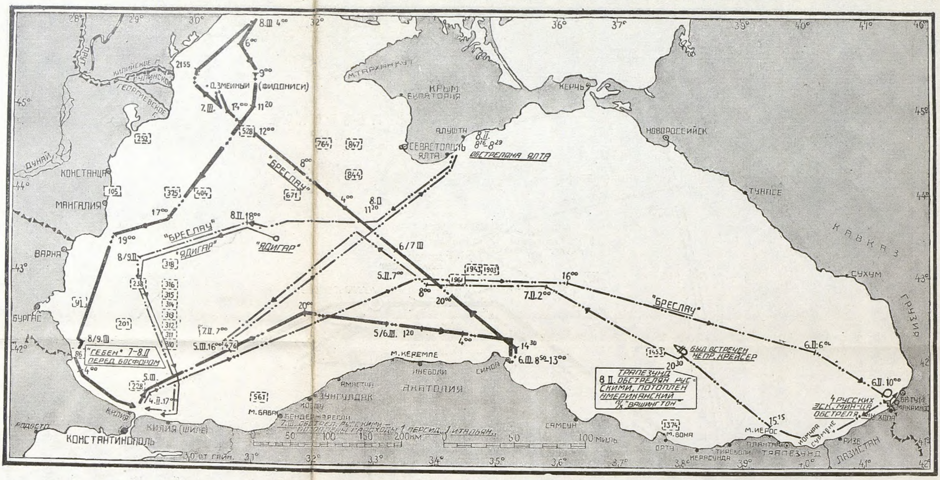
Карта 7. Операции *Гебена*, *Бреслау* и *Гамидие* по обеспечению транспортов с войсками с 21 по 28 декабря 1914 г.



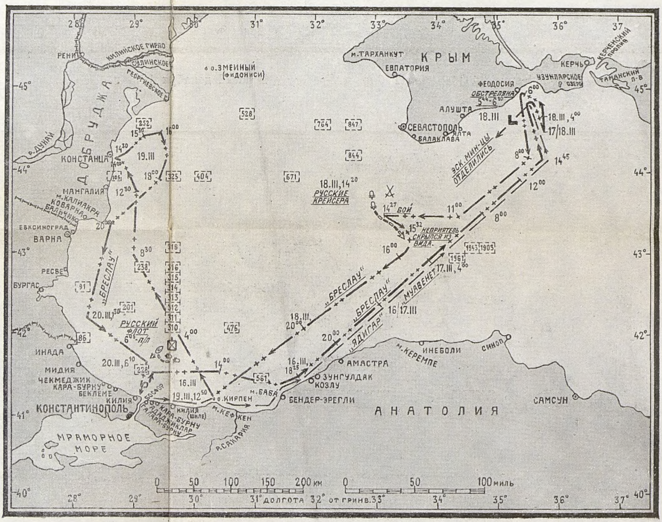
Карта 8. Операции *Бреслау* и *Гамидие* со 2 по 7 января 1915 г.



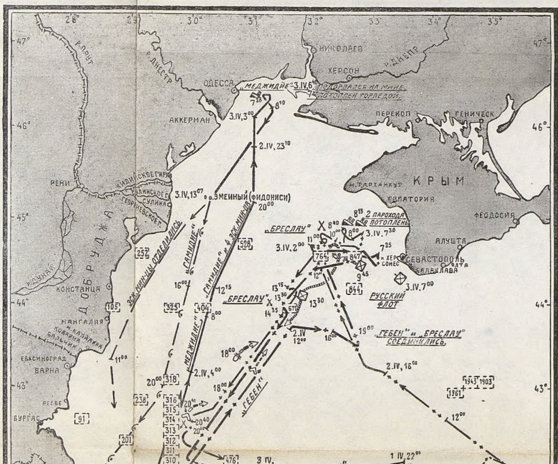
Карта 9. Операции турецкого флота с 24 по 28 января 1915 г.



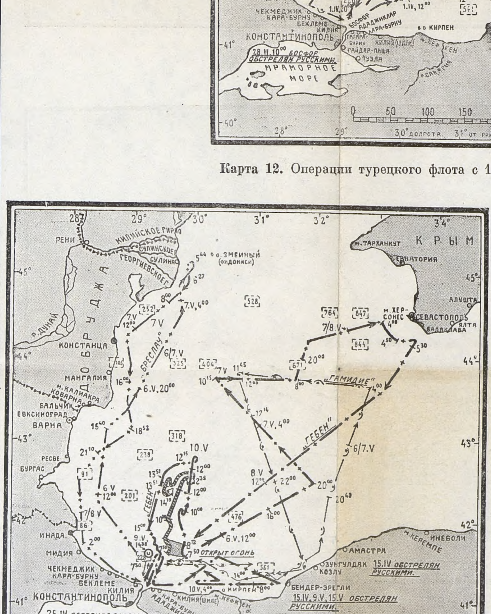
Карта 10. Операции турецкого флота с 4 по 9 февраля и с 5 по 9 марта 1915 г.



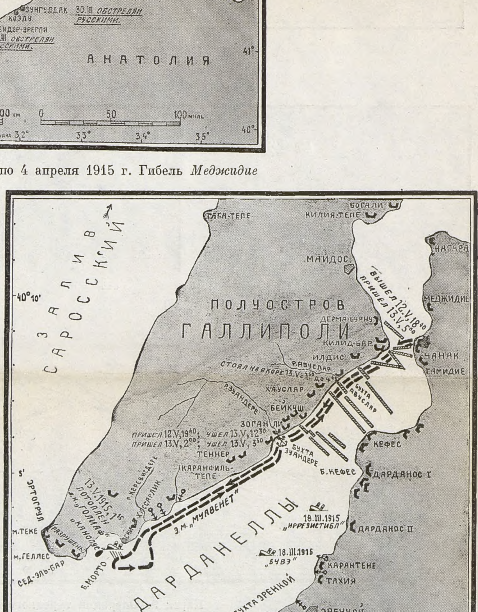
Карта 11. Операции *Бреслау* и двух эскадренных миноносцев с 16 по 20 марта 1915 г.



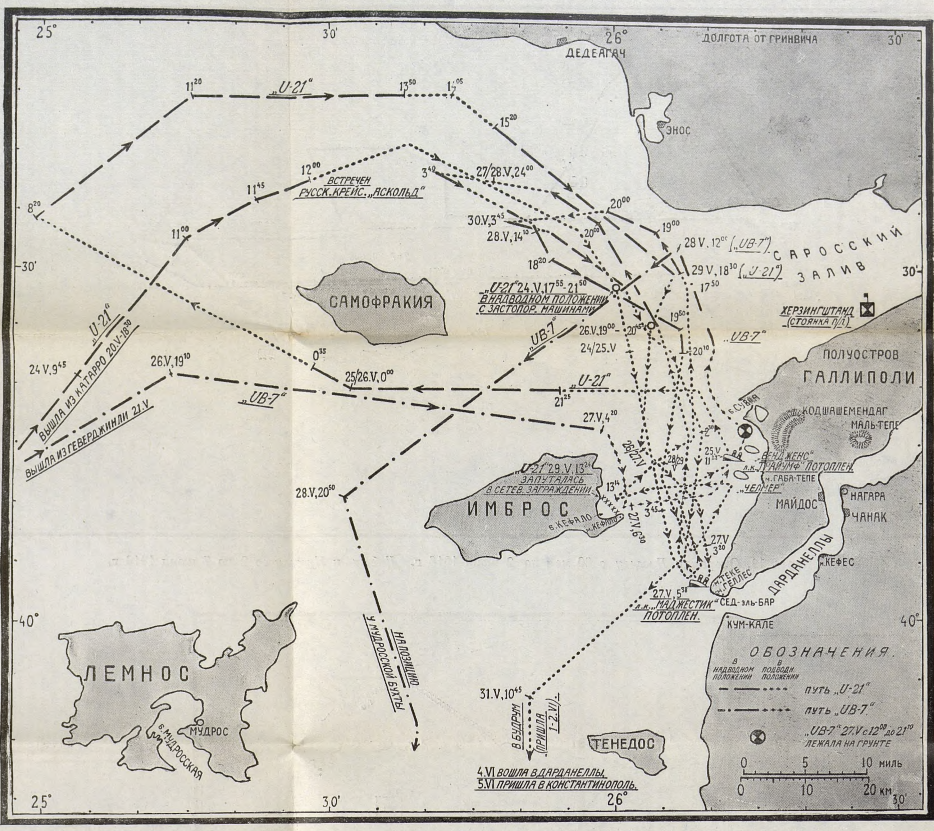
Карта 12. Операции турецкого флота с 1 по 4 апреля 1915 г. Гибель *Меджидие*



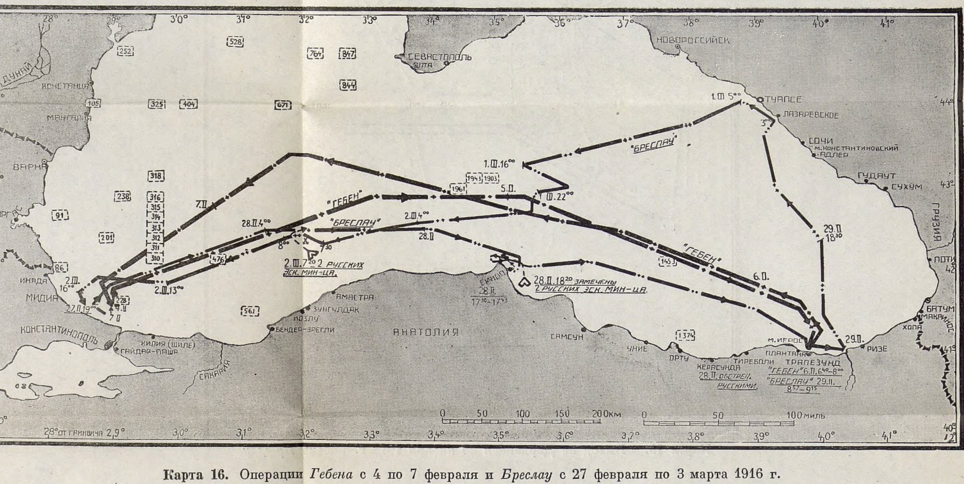
Карта 13. Операции турецкого флота с 6 по 10 мая 1915 г.



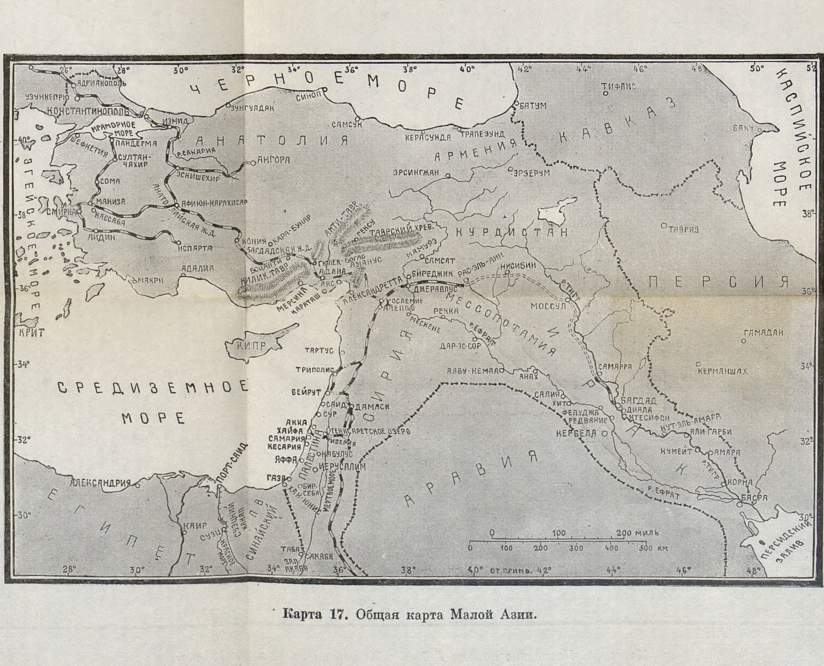
Карта 14. Потопление английского линейного корабля *Голиаф* эскадренным миноносцем *Муавенет* 13 мая 1915 г.



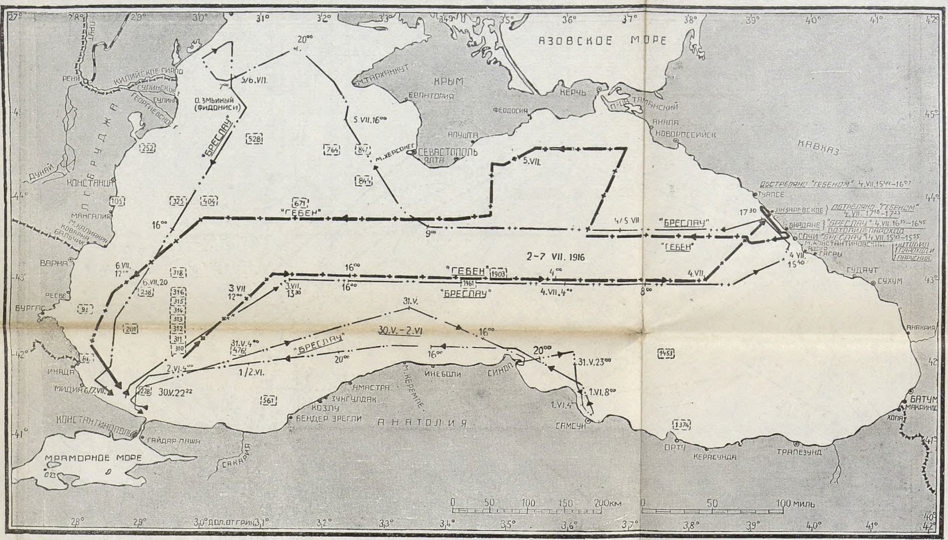
Карта 15. Операции *UB-7* и *U-21* у западного входа в Дарданеллы. Потопление английских линейных кораблей *Трайумф* (25 мая) и *Маджестик* (27 мая 1915 г.)



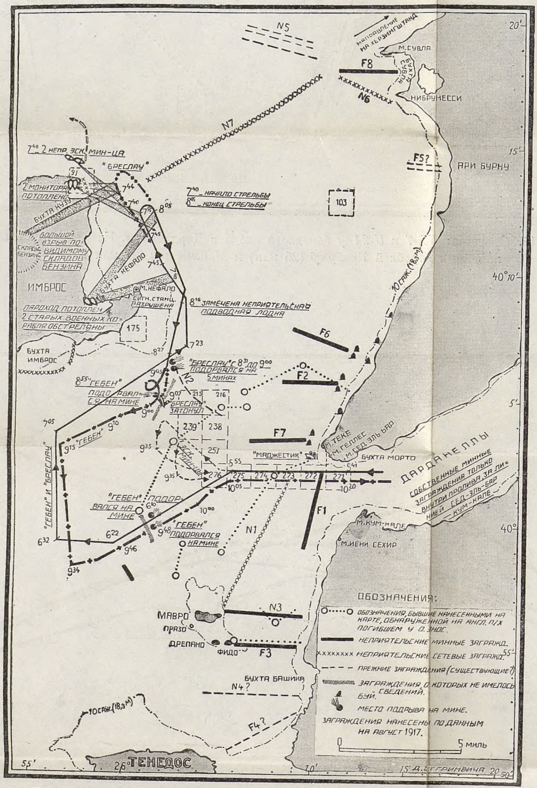
Карта 16. Операции *Гебена* с 4 по 7 февраля и *Бреслау* с 27 февраля по 3 марта 1916 г.



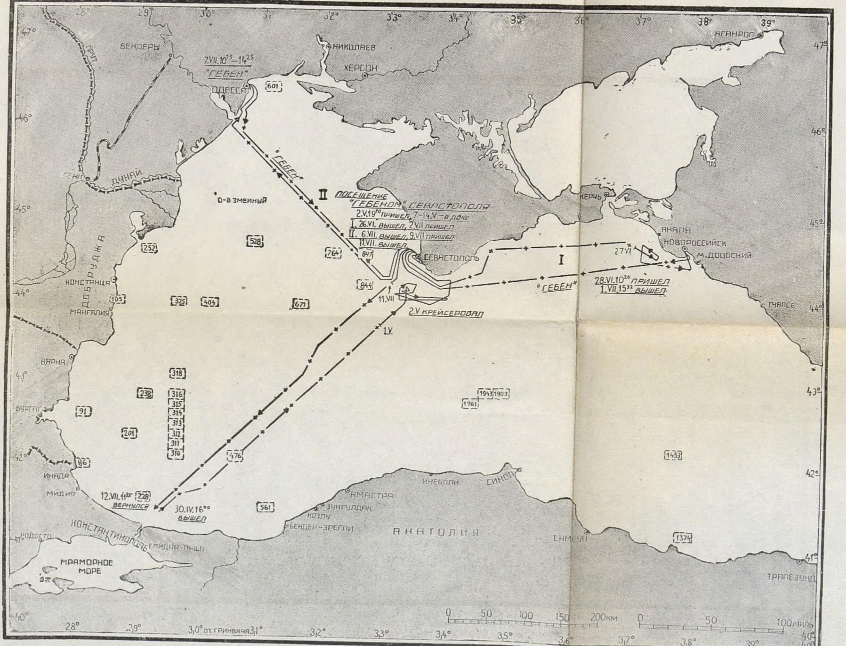
Карта 17. Общая карта Малой Азии.



Карта 18. Операции *Бреслау* с 30 мая по 2 июня 1916 г., *Гебена* и *Бреслау* со 2 по 7 июня 1916 г.



Карта 19. Выход из Дарданелл 20 января 1918 г. Гибель *Бреслау*



Карта 20. Последние походы *Гебена* с 30 апреля по 12 июня 1914 г.